

П. Н. Столянский.

ГОРОДЪ ОРЕНБУРГЪ.

МАТЕРІАЛЫ
КЪ ИСТОРІИ И ТОПОГРАФІИ ГОРОДА.

ИЗДАНИЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

ОРЕНБУРГЪ.
ГЛОС ПОЛІФОН

1908

Дорогому отцу

Автору.

Нѣсколько словъ отъ составителя.

Предлагаемая вниманію читателя монографія является плодомъ четырехлѣтней работы автора въ мѣстныхъ архивахъ. Часть этой работы въ небольшихъ отрывкахъ, эпизодически, появлялась на столбцахъ мѣстной прессы и въ частныхъ изданіяхъ. Здѣсь же эти отрывки подверглись переработкѣ и дополненіямъ.

Работа эта не является вполне законченной — авторъ ее считаетъ лишь матеріаломъ, и смотритъ на какъ на *опытъ историческаго описанія*. Нѣкоторыя части ея обработаны почти закончено, такъ напримѣръ заботы городской думы о народномъ образованіи, исторія городского освѣщенія, исторія городского провода; исторія территориальнаго роста города — впервые рассмотрѣна, на основаніи въ первый разъ публикуемыхъ документовъ. Менѣе закончено рассмотрѣны тѣ части работы, въ которыхъ недостаточно было однихъ мѣстныхъ архивныхъ данныхъ, а необходимо было пользоваться хотя бы и частными источниками; бѣдность послѣднихъ въ Оренбургѣ болѣе чѣмъ поразительна. Въ работѣ много статистическихъ данныхъ, но и тѣ, которые получены, добыты съ громадными усиліями.

Предлагая свою работу большому кругу читателей, авторъ конечно, не могъ удовлетворить *всѣмъ* требованіямъ, которые предъявляются къ *чистонаучнымъ* изысканіямъ. Прежде всего планъ работы

какъ бы искусственный: авторъ излагаетъ свой трудъ, путешествуя по городу Оренбургу, причемъ начальнымъ пунктомъ взятъ желѣзно-дорожный вокзалъ, а конечнымъ берегъ рѣки Урала. Но такой планъ изложенія, какъ казалось автору, болѣе подходитъ и болѣе можетъ заинтересовать читателя. Принимая это во вниманіе, авторъ старался излагать свою работу, какъ можно болѣе популярно, почему цитаты изъ документовъ и архивныхъ дѣлъ допускались лишь въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ онѣ или являлись документальными или же ярко характеризовали описываемую эпоху. Но въ то же время авторъ считалъ своимъ первымъ долгомъ указать въ примѣчаніяхъ всѣ источники, которыми онъ пользовался.

Судить о работѣ не можетъ быть дѣломъ автора, но онъ считаетъ необходимымъ указать, что первую своею обязанностью онъ считаетъ объективное изложеніе фактовъ и фактовъ строго проверенныхъ на основаніи документальныхъ данныхъ.

Въ заключеніе авторъ считаетъ для себя пріятнымъ долгомъ принести глубокую благодарность Оренбургскому Губернатору и Наказному Атаману Оренбургскаго казачьяго войска барону Оедору Оедоровичу Таубе, благодаря просвѣщеннаго вниманія котораго трудъ автора не остался лежать въ портфель, а увидѣлъ печатный станокъ председателю архивной комиссіи врачу А. В. Попову, любезно содѣйствовавшему въ пользованіи авторомъ архивомъ комиссіи, городской библіотекаршѣ Наталіи Ивановнѣ Обоховской, всегда съ готовностью удовлетворявшей многочисленныя требованія автора на книги городской библіотеки и архивариусу управы Ивану Николаевичу Фроловскому за помощь въ пользованіи архивомъ думы.

П. Столянскій.

Сакмарский мост
1906 г.

I.

Когда поѣздъ желѣзной дороги съ грохотомъ пройдетъ черезъ Сакмарскій мостъ и, тяжело пыхтя, станетъ медленно подниматься на послѣднюю перель г. Оренбургомъ гору—влѣво отъ полотна желѣзной дороги промелькнетъ небольшая деревушка—неказистъ ся видъ: маленькія хибарки ютятся одна на другой, на площади сиротливо возвышается ѳдная церковь. Но эта деревушка заслуживаетъ большаго вниманія.

Когда то давнымъ давно подъ именемъ Бердскъ существовала она на мѣстѣ нынѣшняго Оренбурга и только послѣ заложения послѣдняго Генераломъ Штокманомъ 19 апрѣля 1743 года была перенесена на рѣку Сакмару и стала величаться Бердскою крѣпостью.*)

Въ тяжелую годину, въ эпоху ужаса и крови, во время террора Пугачева она была резиденціей мнимаго Петра III. Отсюда онъ руководилъ осадою Оренбурга, здѣсь подкараулилъ Чернышева, разбилъ его, взялъ въ плѣнъ и повѣсилъ вмѣстѣ съ 32 другими офицерами, отсюда Пугачевъ дѣлалъ свои поѣздки въ Уральскъ или какъ тогда его звали Яицкъ, къ своей женѣ Устинѣ, первой красавицѣ Уральского войска; здѣсь наконецъ Пугачевъ стремился найти забвеніе въ разгулѣ, въ безумныхъ оргіяхъ. Здѣсь погибла несчастная Харламова, взятая Пугачевымъ при осадѣ одной изъ крѣпостей и съумѣвшая настолько покорить самозванца, что его сообщники стали бояться

*) Вятковскіи, И. И. Пещлюевъ и Оренбургскій край въ прошломъ составѣ до 1758 г. т. 1 стр. 186 слѣд.

ся вліянія и потребовали смерти несчастной женщины. Она здѣсь же, въ этой Беріской крѣпости, была застрѣлена вмѣстѣ съ своимъ малолѣтнимъ братомъ и трупы несчастныхъ жертвъ долгое время валялись необрабными. Отсюда наконецъ Пугачевъ бѣжалъ въ свои родныя степи, послѣ пораженія подъ Татищевымъ бѣжалъ для того, чтобы собравшись съ силами, снова поразить Цоволжье ужасомъ и кровью.

Такимъ образомъ, при первой же встрѣчѣ съ г. Оренбургомъ, на васъ пахнетъ исторической стариной, предъ вами встанутъ картины, полныя мрачнаго драматизма!

Но вотъ поѣздъ поднялся въ гору и если день ясенъ если вѣтра — панорама Оренбурга не скроется за облакомъ пыли, а развернется передъ взоромъ путника, направо покажется маячная гора съ бѣлыми лагерными постройками: дутой дымъ укажетъ на присутствіе кирпичныхъ заводовъ: блеснетъ на солнцѣ своей стеклянной крышей паровозное зданіе стоящее внутри цѣлаго городка — главныхъ мастерскихъ Оренбургъ-Ташкентской желѣзной дороги; налѣво отъ полотна заперстрѣютъ маленькіе домики предмѣстья «Новый планъ», на огромной площади встанетъ Михайло-Архангельская церковь, и за нею полукругомъ женскій монастырь, чудовищные богатыри Доны Кихота — вѣтряныя мельницы. Въ центрѣ картины фундаментально высится грандіозный и вмѣстѣ съ тѣмъ изящный по архитектурѣ кафедральный соборный храмъ.

Пока поѣздъ подойдетъ къ вокзалу, позволимъ себѣ сдѣлать маленькую историческую справку.

II.

„Имѣя мы всемілостивѣйшее призрѣніе и всегдашнее поощреніе о нашихъ подданныхъ прежняго башкирскаго народа и вновь въ подданство пришедшихъ киргизъ — кайсацкихъ, также каракалпакской орды, заблагоразсудили для лучшаго ихъ отъ всякаго нападенія и охраненія и защищенія сдѣлать вновь городъ

при устьѣ рѣки Орь, впадающей въ Яикъ рѣку“— такъ начиналась инструкция данная 18 мая 1734 г. тайному совѣтнику Кириллову отъ Императрицы Анны Іоанновны*). Этимъ актомъ было положено начало присоединенія подъ русскую державу обширнѣйшаго Оренбургскаго края, сѣверная граница котораго соприкасалась съ Уфимской провинціей, а южная терялась въ глубинѣ прикаспійскихъ степей, уходя далеко, далеко на югъ... 10 ноября 1734 года тайный совѣтникъ Кирилловъ прибылъ въ Уфу, весною слѣдующаго года выступилъ въ походъ и, преодолевая различныя трудности, выдерживая рядъ столкновеній съ башкирами, достигъ береговъ рѣки Ори, 15 августа 1735 года заложилъ крѣпость «Оренбургъ», въ которую 30 и 31 августа были введены гарнизонъ и крѣпостная артиллерія... Глубоко ошибется тотъ, кто подумаетъ, что была заложена настоящая крѣпость, съ высокими стѣнами, грозными башнями, бастионами—словомъ, настоящая твердыня и оплотъ новыхъ повелителей степи русскихъ. Нѣтъ, въ реляціяхъ того времени хотя и значилось, что «по надлежащемъ всемогущему Богу молебствіи первая Оренбургская крѣпость о четырехъ бастионахъ, купно съ цитаделью малою съ землянною работою при пушечной пальбѣ заложена»—но на самомъ дѣлѣ, какъ свидѣтельствуется тоже современникъ: «по прибытіи моемъ здѣшнюю крѣпость нашелъ я въ ужаснѣйшемъ состояніи, оплетена была хворостомъ и ровъ въ полтора аршина шириною, а сажень на 50 и рва не было, такъ что зимою волки въ городѣ лошадей поѣли! Очевидно, что эта была крѣпость вродѣ той, которую такъ поэтично описалъ Пушкинъ въ своей повѣсти «Капитанская дочка»: «Далече ли до крѣпости? спросилъ я у своего ямщика.—Недалече, отвѣчалъ онъ: вонъ, ужъ видна. Я глядѣлъ во всѣ стороны, ожидая увидѣть грозные бастионы, башни и валъ; но ничего

) Матеріалы по исторіи Россіи. Сборникъ указовъ и другихъ документовъ, касающихся до управленія и устройства Оренб. края т. 1 ст. 63 и слѣд.

не видалъ, кромѣ деревушки, окруженной бревенча-
тымъ заборомъ. Съ одной стороны стояли три или че-
тыре скирды сѣна, полузанесенныя снѣгомъ, съ дру-
гой—скривившаяся мельница съ лубочными крыль-
ями, лѣнливо опущенными. Гдѣ же крѣпость? спросилъ я
съ удивленіемъ. Да вотъ она, отвѣчалъ ямщикъ, ука-
зывая на деревушку и съ этими словами мы въ нее
въѣхали. У воротъ увидѣлъ я старую чугунную пуш-
ку; улицы были тѣсны и кривы*)

Такимъ образомъ городъ Оренбургъ первоначаль-
но былъ заложенъ при устьѣ рѣки Ори, впадающей
въ рѣку Уралъ. Но слѣдующій начальникъ только
что возражающагося Оренбургскаго края, русскій
историкъ Татищевъ нашелъ мѣстоположеніе Орен-
бурга неудобнымъ и несоотвѣтствующимъ видамъ
правительства, главнымъ образомъ по затруднитель-
ности сообщенія (первый гарнизонъ, оставленный въ
г. Оренбургѣ на зиму, чуть не умеръ голодной
смерью, такъ какъ невозможно было доставить про-
віантъ) и предложилъ перенести Оренбургъ на новое
мѣсто, выше къ сѣверу, по р. Уралу, при урочищѣ,
«Красная Гора». Предложеніе Татищева было при-
нято, но не приведено въ исполненіе—работы хоти
и начались—такъ какъ Татищевъ былъ скоро смѣ-
ненъ съ поста главнаго начальника, а слѣдующій
начальникъ И. И. Неплюевъ не одобрилъ предположе-
нія Татищева и 15 октября 1742 года появился се-
натскій указъ «о нестроеніи Оренбурга при урочищѣ
Красная Гора и о переносѣ его на мѣсто, именуемое
Бердскъ» и 19 апрѣля 1743 года Оренбургъ былъ
снова заложенъ на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ гене-
ралъ инженеромъ Штокманомъ.

Вотъ почему Оренбургъ, хотя онъ находится при
впаденіи Сакмары въ Уралъ зовется не Сакмарбургъ,
а Оренбургъ,—и на новомъ своемъ мѣстѣ, третьемъ
по счету, онъ сохранилъ свое первоначальное имено-
ваніе.

Итакъ, три раза выбирали для города Орен-

*) А. С. Пушкинъ. Полное собраніе сочиненій стр. 946.

бурга мѣсто, сразу найти не могли. Это обстоятельство имѣетъ важное значеніе въ исторіи Оренбурга. Мы знаемъ исторію городовъ западной Европы, знаемъ, что они возникали и развивались вслѣдствіе естественныхъ причинъ и исторія города въ западной Европѣ знаменуетъ собою исторію «бюргерства» — третьяго элемента въ государствѣ. Исторія же г. Оренбурга никакъ не можетъ разсматриваться съ этой точки зрѣнія—городъ Оренбургъ былъ административнымъ центромъ, онъ возникъ искусственно и все дальнѣйшее развитіе его носило тотъ же искусственный характеръ.

Но зловлеченія Оренбурга съ троекратнымъ переносомъ его на различныя мѣста не окончились. До 15 марта 1744 года Оренбургскій край носилъ названіе «Оренбургской комисіи», въ этомъ году онъ былъ переименованъ въ губернію и Оренбургъ сталъ губернскимъ городомъ. Прошло сравнительно немного времени, Россія подверглась новому административному дѣленію и Оренбургъ сталъ провинціальнымъ, т. е. уѣзднымъ городомъ Уфимскаго вѣдѣнія, оставаясь въ то же время резиденціей главнаго начальника Оренбургскаго края, который именовался различно: или генераль-губернаторомъ или военнымъ губернаторомъ.

Въ короткое время царствованія Императора Павла I, который какъ бы поставилъ себѣ цѣлью передѣлать всю начинанія великой матери Екатерины II Оренбургъ сталъ губернскимъ городомъ, но не надолго. Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра I губернскія учрежденія снова были переведены въ Уфу и Оренбургъ сталъ опять уѣзднымъ городомъ. Переводъ губернскихъ учреждений изъ Уфы въ Оренбургъ и обратно доставилъ большія хлопоты мѣстнымъ губернскимъ учрежденіямъ, стоилъ, какъ и слѣдовало ожидать, громаднхъ денегъ и вызвалъ безконечную переписку, которая закончилась чуть ли не къ концу царствованія Александра I.

Уѣзднымъ городомъ Оренбургъ оставался вплоть до нашихъ дней, т. е. до образованія нынѣшней

Оренбургской губерніи. Такимъ образомъ, за свое почти 165 лѣтнее существованіе, Оренбургъ былъ трижды губернскимъ и два раза уѣзднымъ городомъ.

Оренбургскій край имѣлъ только двѣ вполне опредѣленныя границы: сѣверную и западную. На сѣверѣ лежала Уфимская провинція, на западѣ Волга и Астраханская губернія. На югѣ и востокѣ границъ не существовало и она чуть ли не съ каждымъ годомъ отодвигалась все южнѣе и восточнѣе.

Почти каждый годъ русскіе выдвигали въ степь свои носящее характерное названіе линіи—крѣпости. Линіями онѣ назывались потому, что располагались въ линію, находясь другъ отъ друга на извѣстномъ разстояніи. Такимъ образомъ Оренбургскій край возросъ до громаднѣйшихъ размѣровъ и долженъ былъ подвергнуться естественному раздѣленію, которое и началось въ прошломъ столѣтіи: въ 1822 году была отрѣзана отъ Оренбургскаго края Омская область, въ 1824 году подверглась раздѣленію Оренбургская таможенная линія—на Оренбургскую и Сибирскую, а въ 1838 году произошло разграниченіе киргизъ Оренбургскаго и Сибирскаго вѣдомства; въ 1850 году часть края отошла въ открываемую Самарскую губернію, въ 1865 году край былъ разбитъ на Туркестанскую область (12 февраля 1865 года) и на двѣ губерніи Уфимскую и Оренбургскую (5 мая 1865 года); затѣмъ въ 1869 году выдѣлились еще двѣ новыя области: Уральская (6 марта 1869 года) и Тургайская (5 февраля 1869 г.) и наконецъ, 11 іюня 1881 года, состоялось упраздненіе Оренбургскаго генераль-губернаторства.

«Оренбургскій край» пересталъ фактически существовать, онъ сталъ лишь историческимъ терминомъ.

III.

Вотъ та справка, которую полезно имѣть въ виду, ~~подъѣзжая~~ къ Оренбургу.—Но поѣздъ подошелъ къ вокзалу. Неуклюжее трехъэтажное зданіе вокзала,

совмѣщающее въ себѣ и пассажирское зданіе и квартиры служащихъ, ясно говорить, что при постройкѣ Оренбургъ-Самарской желѣзной дороги руководились ни изяществомъ, ни вкусомъ, а экономіей—однако, когда-то и это неуклюжее зданіе желѣзной дороги—казалось «свѣтлымъ, помѣстительнымъ, съ высокими потолками, поддерживаемыми при помощи очень нарядныхъ и прочныхъ чугунныхъ пилястровъ».—Такъ описывали это зданіе въ 1876 году.

Дѣло постройки Оренбургъ-Самарской желѣзной дороги началось 18 ноября 1873 года, когда былъ утвержденъ уставъ общества, которое собиралось построить эту дорогу.

Правда, въ началѣ 60 хъ годовъ, когда Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ былъ Безакъ, появился проектъ соединить Оренбургъ съ Самарою помощью конно-желѣзной дороги*) Проектъ былъ детально разработанъ, напечатанъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, и не смотря на то, что сулилъ громадныя выгоды,—конечно, на бумагѣ—не былъ приведенъ въ исполненіе, не нашлось акціонеровъ. Но сама по себѣ попытка устроить на такое значительное разстояніе, какъ Оренбургъ и Самара, конно-желѣзную дорогу, любопытна и напоминаетъ собою одинъ изъ извѣстнѣйшихъ проектовъ—мечтаній Гоголевскаго героя Манилова.

Почти черезъ годъ послѣ утвержденія устава общества, правленіе общества обратилось къ Оренбургской думѣ, чтобы послѣдняя отвела мѣсто подъ вокзалъ «у Дрейерской дороги за мостомъ, близъ старой мельницы».

Можно было бы предполагать, что Оренбургская дума тотчасъ же, безпрекословно исполнить требованіе желѣзной дороги**). Но оказывается, дума нашла просимое мѣсто подъ вокзалъ неудобнымъ. Прежде всего черезъ эту мѣстность протекаетъ главный путь, соединяющій городъ и Маякъ—по этому пути лѣтомъ

*) Оренб. Губ. Вѣд. 1868. № 9.

*) Архив. Оренб. город. думы дѣло 16784

— по словамъ думы — существуетъ обширное движеніе, ходять воспитанники кадетскихъ корпусовъ, солдаты въ лагерь — и желѣзная дорога помѣшаетъ этому движенію. Далѣе, депутатъ отъ духовнаго вѣдомства указывалъ, что на выбранномъ мѣстѣ вокзалъ окажется по сосѣдству съ архіерейскимъ домомъ и „поѣзда своими грохотомъ, своими свистками будутъ нарушать тишину архіерейскаго дома“.

Дума и постановила: просить желѣзную дорогу устроить вокзалъ въ концѣ Телеграфной улицы. Но, пріѣхавшій въ февралѣ 1875 года строитель дороги указалъ, что проектируемое думою для вокзала мѣсто неудобно, такъ какъ въ такомъ случаѣ пришлось бы относить въ другое мѣсто Самарскій мостъ. Дума, конечно, должна была согласиться на требованіе желѣзно-дорожныхъ строителей и 12 марта 1875 года дала разрѣшеніе складывать матеріалъ на мѣстѣ, выбранномъ желѣзною дорогою.

Заключила работа и 22 октября 1876 г. пробный поѣздъ прошелъ черезъ Самарскій мостъ. Позволимъ себѣ привести нѣсколько строчекъ изъ описанія того времени:*)

«Скоро былъ поданъ поѣздъ по ту сторону моста. Приглашенныя лица усѣлись въ инспекторскомъ отдѣленіи поѣзда, а генераль губернаторъ (Н. А. Крыжановскій) изъявилъ желаніе ѣхать на паровозѣ, чтобы лучше видѣть дорогу. Ввали, по луку, плелись обратно въ городъ экипажи отъ прибывшихъ гостей, а у моста толпились любопытные. Мы смотрѣли на удаляющіеся экипажи, покачивающіеся отъ кочекъ и рытвинъ и какъ жалка показалась намъ эта кочковатая, изрытая ухабами, промоинами дорога, по которой мы только что пріѣхали къ мосту и по которой до сей поры плетутся обозы изъ Самары, ломая свои возы и калѣча животныхъ.. Въ 12 часовъ поѣздъ тронулся.. На пути встрѣчались группы любопытныхъ всѣхъ любопытнѣе оказались татары, бѣжавшіе за поѣздомъ вмѣстѣ съ мальчишками... Чѣмъ ближе подѣзжали

*) Оренб. Лист. 1876. 44.

мы къ городу, тѣмъ больше и чаще попадалось любопытныхъ и какъ подѣхали къ платформѣ вокзала, публики уже было столько, что это походило на встрѣчу формальнаго поѣзда.. Черезъ полчаса прибытіе съ поѣздомъ стали раздѣжаться, но толпа любопытныхъ все росла и росла.. Маневрирующіе у вокзала два паровоза долго приковывали къ себѣ вниманіе собравшейся публики, особенно локомотивъ, ушедшій обратно со скоростью ста верстъ въ часъ «птица, братъ, право птица, гляди», слышались возгласы и отъ уѣхавшаго локомотива толпа не могла оторвать глазъ пока онъ не скрылся изъ вида».

Конечно, въ настоящее время приведенныя строчки производить впечатлѣніе наивности²—но нельзя забывать, что ихъ отдѣляетъ отъ насъ цѣлые тридцать лѣтъ. А вотъ какъ современники описывали значеніе открытія желѣзной дороги—значеніе не только для Оренбурга, но и для всей Россіи.

«Моментъ не только въ исторіи нашего края, полтора ста лѣтъ тому назадъ безмолвнаго и пустыннаго, но и въ исторіи нашего общаго общественнаго развитія безусловно великій! Отнынѣ не мечта уже, но блага европейской цивилизаціи пойдутъ въ данную часть азиатскаго материка. При посредствѣ Оренбургской дороги Европа подаетъ теперь руку Азій—и это величайшее событіе! Отнынѣ кладется залогъ прочнаго экономическаго развитія въ нашихъ степяхъ, коснѣвшихъ доселѣ въ мертвомъ застоѣ! Отнынѣ единеніе инородцевъ нашихъ будетъ происходить не силою оружія, а помощью просвѣщенія, промышленности, торговли и неизбежнаго сближенія!».

Такъ говорилъ публицистъ того времени, а вотъ какой приговоръ составила и Оренбургская дума въ экстренномъ засѣданіи своемъ 15 ноября 1876 года. *).

«Оконченная нынѣ постройкою Самара-Оренбургская желѣзная дорога составляетъ величайшее событіе въ исторіи Оренбургскаго края, особенно же въ

*) Арх. Орен. Город. думы Журналы засѣданія за 1876

торгово-промышленномъ отношеніи. Перевозъ къ азіатскимъ рынкамъ русскихъ товаровъ, вывозъ сырья изъ Азіи во внутръ Россіи сдѣлались нынѣ болѣе удобными, такъ какъ подавляющее размѣрами своими протяженіе караваннаго пути изъ Азіи въ Россію сократилось нынѣ въ значительной степени. Дорога Оренбургъ-Самарская привела нынѣ наше колонизаціонное движеніе къ тѣмъ вратамъ Азіи, отворить когорые задумалъ еще блаженной памяти императоръ Петръ Великій. Ворота эти нынѣ открываются и даютъ культурному и политическому движенію Россіи полную возможность идти далѣе, вглубь Азіи, съ услугами европейской цивилизаціи и экономическаго развитія. Продолженіе желѣзнодорожнаго пути въ Азію, по направленію къ предѣламъ Индіи, дѣлаясь національной задачею нашею, становится въ то же время, дѣломъ обще-европейскимъ, какъ какъ желѣзная дорога Оренбургская, будучи продолжена въ Туркестанъ и далѣе, открываетъ Европѣ новые рынки сбыта и обмѣна товаровъ. Кромѣ того Оренбургъ-Самарская дорога, давно опережая собою все другія европейскія дороги по направленію къ центральной Азіи есть явленіе величайшей важности, такъ какъ обѣщаетъ торгово-промышленному развитію Россіи блестящую будущность. Въ виду такого значенія открытой нынѣ Оренбурго-Самарской желѣзной дороги и въ виду важнаго значенія города Оренбурга, всегласлужившаго опорнымъ пунктомъ въ исторіи покоренія средне-азіатскихъ степей нашихъ и нынѣ служащаго главнымъ пунктомъ дальнѣйшаго пути въ Азію, мы, нижеподписавшіеся гласные Оренбургской думы, въ ознаменованіе величайшаго событія въ исторіи развитія восточной окраины, заключающагося въ проведеніи первой степной, нынѣ открытой уже, желѣзной дороги и въ благодарность къ отеческимъ заботамъ о благосостояніи и развитіи Оренбургскаго края, постоянно являемомъ отъ щедротъ благосерднѣйшаго отца отечества нашего, августѣйшаго монарха Императора Александра Николаевича опредѣлили, постановить въ Оренбургѣ памятникъ на сумму, которая будетъ собрана по подпискѣ.

14 Января 1877 года подписка была разрѣшена г. Оренбургу, губерніямъ Уфимской, Оренбургской и областямъ Тургайской и Уральской. Какіе результаты этой подписки—не извѣстно; но, конечно, никакого памятника въ г. Оренбургѣ не существуетъ...

Выше мы указали, что экономія играла громадную роль при постройкѣ Оренбургской желѣзной дороги. Вслѣдствіе этой экономіи задержалось и окончаніе постройки моста черезъ Волгу и только 30 августа 1880 года этотъ мостъ былъ открытъ и сталъ возможнымъ сквозной путь изъ Россіи въ Оренбургъ*) Въ томъ же 1880 году, на цѣлые два мѣсяца г. Оренбургъ, не смотря на то, что существовала желѣзная дорога, былъ отрѣзанъ отъ Россіи—и обозы съ товарами по прежнему плелись вдоль полотна желѣзной дороги по почтовому тракту. Дѣло было въ томъ, что желѣзно-дорожное начальство не могло справиться съ заносами, которые въ этотъ годъ, дѣйствительно, приняли ужасающіе размѣры. Тщетно Оренбургская дума посылала телеграмму за телеграммой и къ начальнику дороги и къ министрамъ путей сообщенія и финансовъ указывая, что прекращеніе движенія слишкомъ пагубно отзывается на городѣ Оренбургѣ. Желѣзно-дорожное начальство въ свою очередь успокаивало думу, что приняты всѣ мѣры, чтобы очистить дорогу, что черезъ двѣ недѣли, черезъ недѣлю, черезъ нѣсколько дней—движеніе будетъ открыто, но проходили дни недѣли мѣсяца и снѣгъ также спокойно и плотно лежалъ на полотнѣ, пока не растаялъ самъ подъ благотворными лучами весенняго солнца.

Въ 1884 году, во имя той же экономіи, желѣзная дорога сократила число товаро-пассажирскихъ поѣздовъ, и думѣ было отказано въ ея ходатайствѣ о возобновленіи товаро-пассажирскаго движенія.

Но, если желѣзная дорога игнорировала интересы города, если только послѣ настоятельныхъ ходатайствъ Оренбург кон ~~дѣлалъ~~ и ~~въ~~ силу простого

приказа со стороны министерства въ 1883 году были устранены крытыя платформы для хлѣбнаго груза, до сего времени мокнувшаго подъ дождемъ и снѣгомъ и даже проросшаго, то желѣзная дорога не упускала случая воспользоваться на счетъ города. Такъ, когда въ 1891 году возникъ вопросъ о томъ, чтобы четверть копѣечный пошудный сборъ собирався управленіемъ Оренбургской желѣзной дороги, то послѣднее давало свое согласіе на веденіе этого сбора лишь при условіи безвозмездной уступки городомъ земли подъ водопроводъ.

Вообще, если собрать всѣ тѣ жалобы и ходатайства, которыя посылали и возбуждали, какъ Оренбургская дума, такъ купеческое общество, группы коммерсантовъ и частныя лица, то составитъ томъ очень значительной толщины -- желѣзная дорога слишкомъ бюрократически относилась къ нуждамъ города (залежи на дорогѣ были хроническимъ явленіемъ*).

IV.

Желѣзнодорожный вопросъ въ Оренбургской думѣ возникалъ нѣсколько разъ и отношеніе думы было, конечно, не одинаковое.

5 марта 1881 года дума заслушала записку о проведеніи Сибирской желѣзной дороги черезъ городъ Оренбургъ. Дорога по запискѣ должна была проходить черезъ Оренбургъ, Орскъ, Троицкъ и Тюмень. Оренбургская дума отнеслась къ вопросу очень серьезно: не признавая себя компетентною въ рѣшеніи возбужденнаго кяхтинскимъ купцомъ Орловымъ вопроса о направленіи Сибирской желѣзной дороги на г. Оренбургъ, дума опредѣлила: передать записку г. Орлова при письмѣ городского головы въ Оренбургскій отдѣлъ Императорскаго географическаго общества и только тогда, когда послѣднее дало свое заключеніе, дума возбудила свое ходатайство

Вообще вопросъ о Сибирской желѣзной дорогѣ очень интересовалъ г. Оренбургъ. Онъ дебатировался очень подробно въ Оренбургской печати, цѣлые номера мѣстной газеты «Оренбургскій Листокъ» были посвящены ему, печатались различные записки о вариантахъ дороги: Оренбургскій отдѣлъ географическаго общества съ своей стороны 17 января 1883 года назначилъ премію за указаніе наивыгоднѣйшаго направленія означенной дороги*)

Слѣдующимъ затѣмъ вопросомъ былъ вопросъ о Илецкой солевозной дорогѣ**). Въ этомъ вопросѣ отношеніе думы было совершенно иное. Дѣло въ томъ, что рядъ коммерсантовъ г. Оренбурга составилъ компанію для устройства дороги отъ г. Оренбурга до г. Илецкой Защиты, былъ выработанъ и утвержденъ уставъ этой дороги—правленіе и обратилось въ Оренбургскую думу съ просьбою отчужденія земли. Но дума нашла, что проведеніе Илецкой желѣзной дороги отзовется вредно на торговыхъ интересахъ г. Оренбурга и не только не отчуждила земли подъ желѣзную дорогу, но и постановила возбудить ходатайство о неразрѣшеніи проводить желѣзную дорогу. Въ то время, когда состоялось означенное опредѣленіе думы—какъ и это опредѣленіе, такъ и сама Оренбургская дума подверглась значительнымъ насмѣшкамъ со стороны прессы. Но Оренбургская дума поступила вполне правильно, дѣлая подобное постановленіе: она сознавала и защищала интересы города. Дѣло въ томъ, что съ проведеніемъ Илецкой солевозной дороги центръ ссыпки былъ бы перенесенъ изъ Оренбурга въ Илецкую Защиту, — оттуда отправлять по желѣзной дорогѣ было бы и удобнѣе и дешевле, чѣмъ вести караваномъ въ Оренбургъ.

Товарищество означенной дороги не получило

*) См. Оренб. Лист. 1882 17, 21, 22, 25, 30 1883 4, 1887 8. Записка Орен. Отдѣла Геогр. Общ. за 1882 Жур. Оренб. гор. думы за 1882.

**) См. Оренб. Лист. 1880 7, 18, 25. 1889 10. 1890 11 13. Арх. Оренб. Гор. Думы. Журн. думы 30 марта 1884 4 апр. 1889. 28 апр. 10 мая 1889. 21 янв. 1890 22 фев. 1890. Арх. Оренб. гор. думы № 19 189.

гарантіи отъ правительства и дѣло Илецкой селевозной дороги само собою умерло.

Составляя постановленіе о памятникѣ въ честь открытія Оренбургъ-Самарской желѣзной дороги Оренбургская дума между прочимъ отмѣтила, что продолженіе желѣзной дороги въ Туркестанъ является «исторической миссіей для Россіи—но для проведенія этой миссіи въ жизнь потребовалось болѣе четверти вѣка»^{*)}).

Начиная съ 14 октября 1895 года Оренбургская дума чуть ли не ежегодно поднимала вопросъ о Ташкентской желѣзной дорогѣ. Въ указанномъ выше году думѣ была доложена спеціальная записка о Ташкентской дорогѣ, составленная М. Юдинымъ. Въ этой запискѣ рядомъ цифръ, статистическихъ данныхъ доказывалось, что наивыгоднѣйшее направленіе Ташкентской дороги черезъ Оренбургъ и что проведеніе дороги является насущно-необходимымъ. Дума постановила возбудить ходатайство о проведеніи дороги и послать даже особую депутацію въ Петербургъ. Но Петербургъ взглянулъ на ходатайство съ чисто бюрократической точки зрѣнія—посылка депутаціи была признана «преждевременной», такъ какъ въ министерствѣ путей сообщенія еще не возбуждалось вопроса о проведеніи этой дороги. Но дума не успокоилась—22 февраля 1896 года ходатайство повторяется, причѣмъ назначается депутація отъ думы губернатору, 24 сентября 1897 года по тому же самому вопросу командировается въ Петербургъ заступающій мѣсто городского головы, 9 іюля 1898 года новое ходатайство, наконецъ 26 марта 1900 года, вслѣдствіе телеграммы Юрова и Савинкова изъ Петербурга, дума посылаетъ ходатайство по телеграфу и уполномо-

^{*)} См. Оренб. Лист. 1876 11. 26 27—38, 41. 42. 1878 8—9, 39, 41, 51. 1879 6, 43, 46. 1880 7, 52. 1882 10. 13, 17. 1883 22, 32, 24. 26, 36. 1889 3. 1890 3. 1891 8. 9. М. Юдинъ. Записка о наивыгоднѣйшемъ направленіи Ташкентской желѣзной дороги. Журналы Оренб. Гор. Думы 24 окт. 1895. 22 фев. 1896. 24 сев. 1897. 9 іюля 1898. 26 марта 1900. 31 авг. 5 сеп. 24 сеп. 1900. 13 янв., 15 фев., 8 апр., 36 мая, 21 іюня, 27 іюля, 30 іюля, 18 сеп., 20 сеп., 25 окт. 6 нояб. и 15 нояб. 1901 г. 7 фев. 2 мая 19 нояб. 1902 г.

чиваетъ означенныхъ лицъ личнымъ предстательствомъ указать на невыгодность предполагаемаго на-
правления на Александровскъ-Гай. Такой проектъ возникъ въ то время въ министерствѣ. И благодаря такимъ настойчивымъ ходатайствамъ Ташкентская доро-
да прошла черезъ Оренбургъ. Нельзя не отмѣтить въ этомъ случаѣ ошибки, допущенной Оренбургскою
думою. При проведеніи Ташкентской дороги, при по-
стройкѣ желѣзнодорожнаго моста черезъ Уралъ выс-
казывалось предположеніе, чтобы съ означеннымъ мос-
томъ соединить и постоянный мостъ для ѣзды. Дума
не обратила должнаго вниманія на этотъ вопросъ---и
осталось такимъ образомъ при прежнемъ «паромномъ»
способѣ перевоза во время весенняго половодія.

Наконецъ въ настоящее время происходятъ изы-
сканія желѣзной дороги отъ Уральска до Сибирской
желѣзной дороги. Если и означенная дорога прой-
детъ черезъ Оренбургъ, то послѣдній сдѣлается зна-
чительнымъ желѣзнодорожнымъ узломъ Мѣновой
дворъ будетъ завознымъ пунктомъ - громадныя скла-
дочныя помѣщенія, пустующія въ настоящее время,
будутъ сдаваться и будутъ всегда заполнены и благо-
состояніе Оренбурга бесспорно возрастетъ -- для Орен-
бурга наступитъ былая, золотая пора, когда въ Орен-
бургѣ сосредоточивалась чуть ли не вся торговля съ
средней Азіей.

V.

Выйдя на подъѣздъ желѣзно-дорожнаго вокзала--
вашему взору предстанетъ большая площадь, посре-
ди которой *протекаетъ* *какая то канавка*. Но эта пло-
щадь жалкіе останки прежняго величія

Когда то давнымъ давно городъ Оренбургъ начи-
нался на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ со-
боръ. Все же пространство, занимаемое въ настоя-
щее время «новой слободкой, Извощичьей и Грищ-
ковской улицами, караванъ сараемъ, архіерейскимъ
домомъ, словомъ, все пространство отъ собора до вок-
зала было обширною площадью, слегка заросшей ку-

старникомъ, по которой свободно разгуливалъ вѣтеръ, поднимая лѣтомъ смѣрчи пыли, а зимою нагоняя свирѣпый буранъ. Вотъ какъ описывать эти бураны въ своихъ запискахъ одинъ изъ сторожиловъ г. Оренбурга:*)

«Снѣга и бураны были на столько обильны и свирѣпы, что во время послѣднихъ крѣпостныя ворота запирались, въ нихъ пускали только прѣзжающихъ въ городъ, но изъ города даже въ слободу не пускали. Обиліе снѣговъ было такъ значительно, что нѣкоторыя улицы были совершенно занесены, торчали только концы трубъ и жители выходили черезъ прорытыя галлерей. Домъ моего отца и дяди—пишетъ старожиль—находились одинъ противъ другого. Разъ дядя засидѣлся у насъ поздно вечеромъ и собрался идти домой; буранъ свирѣпо завывалъ: не успѣлъ дядя хорошенько растворить наружную дверь, какъ былъ сбитъ съ ногъ порывомъ вѣтра, онъ вернулся и взялъ длинный кусокъ бичевы, привязалъ одинъ конецъ къ двери, а съ другимъ пошелъ домой, около 15 минутъ онъ падалъ и вставалъ, карабкался и проваливаясь, лазилъ по сугробамъ и только благодаря бичевѣ, вернулся къ намъ».

Застроеніе указанной площади, происходило, какъ и должно ожидать не сразу, а постепенно. Первымъ появился на этой площади госпиталь, занимающій нынѣшнее мѣсто,—повелѣніе устроить госпиталь относится къ 1770 году.

Затѣмъ слѣдующею постройкою былъ нынѣшній архіерейскій домъ—прежде загородная дача военныхъ губернаторовъ. Возникла она по всей вѣроятности въ концѣ XVIII вѣка—точныхъ данныхъ не сохранилось; земля находящаяся подъ нею, въ количествѣ 9 десятинъ, считалась городской и за нее канцелярія военнаго губернатора платила арендную плату по 1 руб. за десятину. Съ этой платою произошелъ довольно любопытный инцидентъ, отчасти характеризующій графа В. А. Перовскаго Дѣло въ томъ, что

въ первые годы прїѣзда графа — начало 30 хъ годовъ прошлаго столѣтія — канцелярія его не уплачивала арендной платы, а Оренбургская шестигласная дума, конечно, не осмѣливалась беспокоить графа. Но послѣдній какимъ то образомъ узналъ, что дума не требовала съ него денегъ — дума получила строжайшій выговоръ отъ графа и съ этого времени ежегодно въ одно изъ весеннихъ засѣданій заносила въ свой журналъ: «такъ какъ подходит срокъ аренды за городскую землю, занимаемую дачею военнаго губернатора, то приказали, занести въ журналъ и извѣститъ канцелярію*)»

Отъ означенной дачи шла дорога къ Сакмарскимъ воротамъ, которыя были на мѣстѣ нынѣшняго собора; дорога была обсажена деревьями — ивой. Проѣзжавшій въ 1842 году ученый иностранецъ докторъ Базинеръ восхищался означенной аллею и такъ какъ деревья были достаточно велики, то высказывалъ увѣренность, что эта аллея надолго сохранить память о лицѣ, посадившемъ ее — о графѣ Эссенѣ. Но ученый иностранецъ оказался плохимъ пророкомъ -- неизвѣстно, по какой причинѣ, но аллея исчезла**).

Долгое время означенныя двѣ постройки госпиталя и архіерейскій домъ были единственными постройками на данномъ пустырьѣ. Чтобы не возвращаться къ архіерейскому дому напомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ исторію даннаго дома.

Въ срединѣ и концѣ тридцатыхъ годовъ въ Оренбургѣ былъ полиціймейстеромъ, нѣкто Щербачевъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ героев крѣпостнаго права, олицетворявшій извѣстный типъ Гоголевскаго полиціймейстера. Щербачевъ умѣлъ войти въ довѣріе къ Перовскому и послѣдній подарилъ ему постройки на своей загородной дачѣ. Произошелъ этотъ подарокъ, очевидно потому, что Перовскій не нуждался въ эгой загородной дачѣ — на лѣто Перовскій обыкновенно уѣзжалъ въ Башкирію и кромѣ того у него была дача въ Зауральной роцѣ. Отъ Щербачева оз-

*) Арх. Оренб. гор. думы. Журналъ засѣд. ор. думы

**) Зап. Орен. Учен. Арх. Ком.,

наченная дача путемъ продажи перешла къ супругѣ начальника таможи, которая заплатила за нее всего три тысячи рублей. Генераль губернаторъ Катенинъ приобрѣлъ эту дачу уже за 11 429 руб 80 коп.—такъ что г-жа Роде, супруга начальника таможи, въ сравнительно короткій срокъ нажила большія деньги. Усадьба состояла изъ дома, двухъ флигелей, оранжерей и сада. Но такъ какъ земля подъ усадьбою была городская, то пришлось обратиться къ городу, который 14 іюня 1860 года «съ душевнымъ желаніемъ опредѣлилъ передать въ вѣчное и потомственное владѣніе архіерейскаго дома усадьбную подъ нимъ землю, въ количествѣ 9 десятинъ, безъ полученія въ доходъ города акциза».

Постройки приобрѣтенныя у г жи Роде, были древнія, требовавшія не только постоянного ремонта, но и капитальнаго переустройства,—однако, не смотря на дѣйствительную нужту, переустройство было разрѣшено лишь въ 1865 году, когда былъ заложенъ нынѣшній архіерейскій домъ по проекту инженера Шлейфера. Въ 1868 году постройка закончилась и была освящена церковь во имя св Митрофанія Воронежскаго. Дальнѣйшую перестройку архіерейскій домъ испыталъ уже въ 1899 году, когда была пристроена деревянная церковь*).

Нынѣшнее зданіе архіерейскаго дома обращаетъ на себя вниманіе своею своеобразною въ русско-византійскомъ стилѣ архитектурою; окруженное по улицѣ каменною стѣною, имѣя позади себя обширный садъ, находясь на окраинѣ города, оно, дѣйствительно, можетъ служить пріютомъ для духовно созерцательной жизни. .

VI.

Дальнѣйшій ростъ города Оренбурга былъ въ зависимости отъ того обстоятельства, что городъ вплоть до 1862 года былъ крѣпостью. Приводимъ описаніе,

сдѣланное П. И. Рычковымъ, однимъ изъ первыхъ работниковъ на пользу Оренбурга, сподвижникомъ и помощникомъ основателя города Н. И. Неплюева. (Описание заимствовано изъ извѣстной книги Рычкова: Оренбургская топографія:*)

Крѣпостное строеніе города Оренбурга состоитъ все на ровномъ мѣстѣ, но по ситуациіи онаго расположено прррегулярно, овалъною фигуροю о одиннадцати полигонахъ. Имѣеть въ себѣ десять цѣлыхъ бастіоновъ и два полубастіона, которые, начинаясь отъ большой соборной церкви Преображенія Господня называются Успенскій, Преображенскій, Неплюевскій, Никольскій (отъ церкви Николая Чудотворца (близъ его имѣющагося) потомъ, Штокманскій Галафѣевскій. Губернскій, Петронавловскій Бердскій (отъ мѣста гдѣ бывала Бердская крѣпость), Торговый и Воскресенскій, при томъ на поверхности той горы, коя къ рѣкѣ Яику, лежитъ, между полубастіоновъ отъ Воскресенскаго до Успенскаго по длинѣ на 275 саженьхъ, по прямой линіи положено быть брустверному укрѣпленію». Высота крѣпостнаго вала 12 футовъ, ширина по верху 6 сажень, глубина рва 12, а ширина 35 футовъ».

Такимъ образомъ крѣпость—Оренбургъ представлялъ изъ себя одиннадцати-угольникъ причеиъ бастіоны имѣли видъ треугольниковъ.

Крѣпостной валь шелъ по нынѣшней Инженерной улицѣ, затѣиъ поварачиваль приблизительно на мѣстѣ пересѣченія нынѣшнихъ Троицкой и Петронавловской улицъ, здѣсь находился Петронавловскій бастіонъ, далѣе валь выходиль на Чернорѣченскую площадь, захватываль въ себя существующіе и теперь прспіантскіе магазины и шелъ по Безаковской улицѣ; послѣдній цѣлый бастіонъ крѣпости былъ на мѣстѣ нынѣшняго духовнаго училища, въ другую сторону, къ форштадту валь направлялся также по Инженерной улицѣ, образуя на пересеченіи этой улицы съ Перовскою Галафѣевскій бастіонъ, затѣиъ на мѣстѣ нынѣшнихъ Константиновскихъ казармъ нахо-

дился Никольскій бастионъ. между юнкерскимъ и епархiальнымъ училищами былъ бастионъ Неплюевскій, далѣе валъ подходилъ къ вынѣшнимъ Александровскимъ казармамъ—остатки его въ этомъ мѣстѣ видны и въ настоящее время—и оканчивался на крутомъ берегу рѣки Уралъ позади Преображенскаго собора.

Вслѣдствіе положенія о крѣпостяхъ—постройки ближе 130 сажень отъ классисса крѣпости не разрѣшались вовсе, а разрѣшаемыя на дальнѣйшемъ разстояніи постройки должны были носить временный характеръ. Весьма понятно, что при такомъ законѣ городъ не могъ развиваться, пространство занимаемое имъ въ стѣнахъ было слишкомъ незначительно: ширина въ самомъ широкомъ мѣстѣ 570 сажень, длина по Николаевской улицѣ 677 сажень, окружность по валу 5 верстъ 192 сажени.

Но на помощь какъ бы явилась русская пословица: не было бы счастья да несчастье помогло. Въ 1786 году въ Оренбургѣ весною были три громадныя пожара, истребившіе чуть ли не весь городъ. Екатерина II оказала щедрую поддержку городу, она три раза послала по 10 т. р. на имя генераль-губернатора барона Ингельстрома*). Въ посылаемыхъ Екатериной II рескриптахъ указывалось, что деньги должны выдаваться не болѣе 20 рублей на дворъ и такъ чтобы получали, первоначально вдовы, сироты и военно служащіе, а затѣмъ и прочіе жители тамошніе могли скорѣе устроить себѣ жилище и пріятное получить подкрѣпленіе»; кромѣ того на Ингельстрома возлагалось попеченіе, чтобы строеніе города «производимо было по плану, съ наблюденіемъ всѣхъ возможныхъ осторожностей, отъ пожара быть могущихъ».

На основаніи послѣдней фразы Ингельстромъ сталъ вырабатывать планъ и обратилъ вниманіе на составъ жителей и возникъ новый непредусмотрѣнный вопросъ**). Оказалось, что въ Оренбургѣ есть много жи

*) Ор. Губ. Вѣд. 1868 № 1.

**) Арх Орен Город. Думы. Отдѣленіе гостин. двора № 5749 Подлиннаго дѣла не сохранилось, находятся лишь копій всѣхъ бумагъ носящая названіе: Положеніе о застроеніи города Оренбурга послѣ бывшаго въ 1786 году пожара. Документы опубликовываются впервые.

телей — «подъ права городского положенія не подходящихъ», а потому не имѣющихъ права жить въ городѣ. Нельзя забывать, что въ рассматриваемое нами время дѣленіе на сословіе достигло своего апогея и каждое сословіе, кромѣ дворянства только что получившаго грамоту на свою вольность, обязывалось не только занятіями, но и мѣстомъ жительства. Въ городѣ изъ податныхъ сословій имѣли право жить тѣ, кто прежде всего былъ записанъ въ обывательскую книгу, а затѣмъ платилъ городскія повинности. Между тѣмъ Ингельстромъ замѣтилъ, что въ городѣ Оренбургѣ жили и имѣли дома, которые, положимъ, успѣли сгорѣть въ пожаръ «служащіе и не служащіе казаки, отставные солдаты съ малолѣтними ихъ дѣтьми, вдовы оныхъ своекошныя, словомъ всѣ такого рода люди, которые не входятъ въ число дворянства и классныхъ чиновъ, купцовъ и мѣщанъ, яко люди подъ право городского положенія не подходящіе и не могущіе имѣть позволеніе на заведеніе въ городѣ ихъ домовъ

Такимъ образомъ на сцену въ первый разъ выдвинулся вопросъ о взаимоотношеніи жителей города и казаковъ. По инструкціи данной Императрицею Анной Іоанновной тайному совѣтнику Кириллову послѣдній долженъ былъ для заселенія города Оренбурга взять часть уфимскихъ казаковъ. Послѣдніе и были поселены въ Оренбургъ и въ Форштадтъ. Но при осадѣ Оренбурга Форштадтъ былъ весь уничтоженъ, по свидѣтельству Пушкина осталось всего лишь одна изба и Георгіевская церковь. Весьма понятно, что въ это время казаки размѣстились въ городѣ, Никольская церковь, бывшая около нынѣшняго костела и сгорѣвшая въ 1786 году, по нѣкоторымъ даннымъ была специально казачья, по всѣмъ вѣроятіямъ около этой церкви и жили казаки.

Послѣ пугачевского бунта прошло сравнительно немного времени, какихъ нибудь 12 лѣтъ, очевидно, въ это время казаки не успѣли устроиться въ Форштадтъ и жили въ городѣ. Не будь пожара 1786 года, на это обстоятельство, пожалуй, и не обратили

вниманія — теперь же рѣшили принять строгіе мѣры. Оберъ комендантъ долженъ былъ объявить казакамъ и солдатамъ, у которыхъ уцѣлѣли дома, чтобы они «тѣ свои дома сломавъ перенесли въ предмѣстіе и сію ломку начать имъ непременно съ 1 числа будущаго сентября, дабы принужденіемъ къ скорѣйшей ихъ домовъ въ предмѣстья переноскѣ, не препятствовать имъ въ разсужденіи нынѣшняго лѣтняго времени въ ихъ домостроительствѣ, кои же изъ лишившихся въ пожарѣ домовъ и слѣдующихъ къ переселенію въ предмѣстіе городъ построили нынѣ на погорѣлыхъ мѣстахъ шалаши, тѣмъ велѣтъ безъ малѣйшаго отлагательства, шалаши тѣ сломавъ, выходить изъ города на ново отведенныя имъ въ томъ предмѣстьѣ мѣста».

Для построенія новаго предмѣстья былъ составленъ планъ, причемъ по этому плану предполагалось «отставнымъ солдатамъ, свосканнымъ и сего сорта людямъ». кромѣ казаковъ отвести для застроенія три квартала противъ рѣки Урала и вала лежащіе, кои бы потому, какъ особую часть занимали, такъ и особую между ними полицію учредить.

Такимъ образомъ главное начальство края считало, что земля Форштадта есть не частная собственность казаковъ, а принадлежитъ городу, составляетъ его предмѣстіе, въ которомъ должны жить не только казаки, но вообще всѣ тѣ, которые не имѣютъ права жительства въ самомъ городѣ. На это есть прямое указаніе въ томъ же ордерѣ генераль-поручика Ингельттрома оберъ-коменданту города. А именно гу-бернаторъ поручаетъ оберъ-коменданту Закбулатову «а ваше превосходительство наблюдайте, какъ возможно чаще личное имѣть обозрѣніе, ежедневно же употребляя къ тому городскую полицію, ибо оное предмѣстіе застраивается на городскомъ выгонѣ».

Но предположеніе Ингельстрома было приведено въ исполненіе неполностью. Надо полагать, что отставные солдаты, служилые, вдовы, своекошныя стали обращаться съ просьбами, прося разрѣшеніе селиться не вмѣстѣ съ казаками, а отдѣльною слободою. Къ этому, конечно, побуждалъ страхъ возможности сдѣ-

латься казаками, такъ какъ правительство въ то время обыкновенно переселяло въ Оренбургскую губернію крестьянъ и затѣмъ обращало ихъ въ казаковъ.

Нѣтъ сомнѣній, что и казаки также съ своей стороны приняли мѣры избавиться отъ непріятнаго соседства и отъ занятія мѣстъ въ Форштадтѣ не казаками.

На основаніи этихъ соображеній мы позволяемъ себѣ высказать догадку—къ сожалѣнію мы не нашли въ мѣстныхъ архивахъ документальныхъ подтвержденій—что старая слободка возникла именно въ эту пору и что казаковъ стали выселять вверхъ по р. Уралу, а для солдатъ, своекоштныхъ и прочаго сорта людей, не подходящихъ подъ права городского положенія» отвели мѣста по берегу Бавнаго озера и такимъ образомъ произошло первое расширеніе территоріи города, который съ этихъ поръ сталъ состоять изъ собственно города—крѣпости и двухъ предмѣстій: одно изъ нихъ Форштадтъ скоро совершенно отдѣлилось отъ города, стало самостоятельной станицею, а другое старая слободка, получившая и другое названіе «Голубиная».

VII.

Вопросъ о жительствѣ казаковъ въ чертѣ города крѣпости поднимался еще нѣсколько разъ *) Весьма понятно что, несмотря на строгое предписаніе генерала Ингельстрема о выселеніи казаковъ изъ города, причемъ въ городѣ оставались лишь «казачья войсковая канцелярія и присутствующіе ея члены, ибо они не только начальствуютъ надъ здѣшними казаками, но и надъ всѣми въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ числящимися»--казаки не хотѣли сходить съ насиженныхъ мѣстъ, тѣмъ болѣе, что жизнь въ городѣ была удобнѣе, чѣмъ въ новой только что заводиной станицѣ.

Въ положеніи о застроеніи Форштадта былъ указанъ рядъ стѣсненій при постройкахъ—эти стѣснені-

Арх. Оренб. гор. думы. Дѣло о заведеніи новыхъ кварталовъ при Оренбургской крѣпости въ казачьемъ Форштадтѣ съ 16 мая 1825 по 12 июля 1833. Архивъ № 5749.

нія съ одной стороны вызывались мѣрами предосторожности отъ пожаровъ, а съ другой стороны особенностями самого предмѣстья—которое было не только городскимъ, но и крѣпостнымъ предмѣстіемъ и какъ таковое должно было подчиняться не только общимъ строительнымъ правиламъ, но и специальнымъ крѣпостнымъ.

Главныя стѣсненія были слѣдующіе: лѣтнія кухни разрѣшались имѣть лишь въ срединѣ двора, кухни же для печенія хлѣба только «совсѣмъ въ отдаленности отъ строенія», точно также не разрѣшалось строить при домахъ бани, причемъ это неразрѣшеніе мотивировалась тѣмъ обстоятельствомъ, что «поелику въ Высочайше изданномъ отъ Ея Императорскаго Величества узаконеніяхъ позволено въ городѣ содержать въ пользу мѣщанства публичныя и торговыя бани, въ коихъ жители и могутъ париться безнужно». Слѣдовательно и въ этомъ пунктѣ мы имѣемъ еще лишнее подтвержденіе, что на Форштадтѣ первоначально смотрѣли какъ на часть города, но вовсе не какъ на самостоятельную территоріальную единицу.

Далѣе пунктъ 8 положенія о застроеніи Форштадта гласитъ: «при строеніи онаго предмѣстія край не наблюдать, чтобы отнюдь никому не дозволено было дома основывать на каменныхъ фундаментахъ и погреба имѣть каменные, ибо инженерное узаконеніе таковое строеніе въ Форштадтахъ весьма запрощаетъ.

Наконецъ жители Форштадта могли опасаться, что въ случаѣ, если бы Оренбургъ подвергся осадѣ; то форштадтъ былъ бы уничтоженъ и жители лишились своихъ домовъ. Все это вмѣстѣ взятое—приводило, конечно, къ тому, что казаки стремились обойти узаконенія и строиться въ самомъ городѣ.

И вотъ въ 1825 году военный губернаторъ Эссенъ дѣлаетъ подтвержденіе управляющему оренбургскимъ казачьимъ войскомъ полковнику Тимашеву, чтобы казаки не селились въ городѣ, а такъ какъ, до свѣдѣнія графа Эссена дошло, что» большая часть казаковъ, имѣющихъ дома въ городѣ, желаютъ построить себѣ дома близъ Георгіевской церкви, т. е. между городомъ

и существующими кварталами форштадта» — то генералъ Эссенъ распорядился, чтобы инженерное начальство провѣрило, возможно ли разрѣшить заселеніе просимыхъ казаками кварталовъ. Оказалось, что кварталы могутъ быть заселены и графъ Эссенъ приказалъ, чтобы казаки немедленно и «неупустительно» переселялись, былъ назначенъ срокъ переселенія 1 октября 1825 года.

Но и предписаніе Эссена и опредѣленіе мѣстъ для выселенія казаковъ, конечно, не достигали цѣли. Были выселены тѣ, кто побѣднѣе, кто не имѣлъ покровителей или не могъ дать взятки и число казаковъ, владѣвшихъ домами въ городѣ, все же дѣло значительно.

На это явленіе обратилъ вниманіе и слѣдующій военный губернаторъ В. А. Перовскій, впоследствии графъ, въ 1833 году онъ указываетъ, что нижніе чины казаковъ, а также ихъ вдовы желая обойти распоряженія двухъ губернаторовъ Ингельстрема и Эссена покупаютъ въ городѣ дома «съ совершениемъ незаконныхъ актовъ на имена казачьихъ чиновниковъ, подъ защитою коихъ они свободно проживая разсѣянно въ городѣ имѣютъ случай уклониться отъ надзора своего начальства, а иногда и отъ общественныхъ обязанностей.» Конечно, Перовскій распорядился чтобы такихъ нарушеній и обходовъ распоряженій не было бы, но его распоряженіе тоже не достигло цѣли, онъ его долженъ былъ повторить черезъ два года, въ 1835 г.— и понятно, также безрезультатно.

Не можемъ не отмѣтить одной довольно любопытной подробности: въ 1786 году баронъ Ингельстромъ выселялъ казаковъ изъ города, потому что они не имѣли права жительства въ городѣ: въ 1825 году графъ Эссенъ мотивируетъ свою мѣру выселенія казаковъ тѣмъ же обстоятельствомъ; въ 1833 году т. е. почти черезъ 50 лѣтъ, графъ Перовскій уже не упоминаетъ о правѣ казаковъ жить или не жить въ городѣ, не заботится о возстановленіи поправнаго закона жить, мотивы являются иные съ разрѣшеніемъ казакамъ жить въ городѣ уменьшится надъ ними надзоръ и они

могутъ уклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей. Эволюція во взглядахъ произошла довольно таки значительная.

Вопросъ о правѣ казакамъ жить въ городѣ былъ началомъ многихъ вопросовъ, возникнувшихъ по поводу взаимоотношенія казаковъ и горожанъ. приведемъ главнѣйшіе изъ нихъ, такъ какъ, на нашъ взглядъ, они могутъ служить яркой характеристикой нашихъ порядковъ.

VIII.

14 мая 1875 года Оренбургская дума постановила выразить благодарность городскому головѣ Н. А. Середѣ за выигрышъ спорнаго дѣла города съ казаками Форштадта о второмъ выгонѣ въ 8558 десятинъ *)

6 октября того же года таже самая дума опредѣлила выдать Н. А. Середѣ довѣренность на веденіе дѣла о выгодной землѣ въ сенатѣ, 2) назначить ему же суточные въ размѣрѣ 20 рублей, приблизительно на два мѣсяца, на проѣздъ назначить 300 рублей, на веденіе дѣла отпустить авансомъ 2 т. р., а всего отпустить авансомъ 3500 руб.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ городской голова докладывалъ думѣ печальное извѣстіе — сенатъ кассировалъ дѣло и второй выгонъ въ размѣрѣ 8558 десятинъ былъ признанъ собственностью казаковъ. Городъ лишился громаднаго земельного запаса, почти 9 тысячъ десятинъ -- и лишился исключительно по халатности городскихъ заправиль.

Второй выгонъ, окружающій форштадтъ, былъ Высочайше пожалованъ городу въ незапамятныя времена, когда въ городѣ существовала шестиглавленная дума, когда населеніе города было слишкомъ незначительно, а земельныхъ угодій у города было, какъ тогда казалось, слишкомъ много. Получилъ городъ Высочайшій подарокъ и забылъ о немъ. А онъ ле-

*) См. Оренб. Лист. 1881. 33. 1882. 39. Жур. гор. думы 14 мая 6 окт. 1875 г.

жалъ бокъ о бокъ съ казачьей Оренбургской станицею и являлся для нея именнo тѣмъ кускомъ земли, о которомъ говорить графъ Л. Н. Толстой въ своей трамѣ «Плоды просвѣщенія» — безъ этого выгона ка закамъ некуда было выгнать курицу.

Выгонъ былъ городскимъ, такимъ онъ обозначается въ всеподданиѣйшихъ реляціяхъ о состояніи города Оренбурга такимъ онъ именовался и на планахъ; снимасмыхъ въ различное время различными землѣмерами, — *de fero*, стало быть онъ былъ городскимъ. *a de jacto* имъ владѣли казаки. Они пользовались имъ такъ какъ этотъ выгонъ былъ для нихъ существенно — необходимъ.

Но городъ Оренбургъ росъ и росъ, какъ увидитъ читатель, значительно, слѣдовало подумать и о будущемъ времени и новая дума, выбранная по положенію о городскомъ самоуправленіи 1870 года, спохватилась — да уже было поздно.

Казаки сумѣли доказать свое фактическое владѣніе и оно было признано за ними. Почесали граждане города Оренбурга затылки, вздохнули и успокоились.

А на носу у гражданъ былъ другой земельный споръ, споръ имѣющій громадное значеніе для города. Въ 1864 году состоялось Высочайшее повеленіе о передачи въ вѣдѣніе города изъ финансоваго вѣдомства «мѣноваго двора» за сравнительную крупную сумму*). Когда предварительно запросили гражданъ г. Оренбурга желаютъ ли они пріобрѣсти въ свою собственность мѣновой дворъ, то граждане выразили согласіе, составили приговоръ, но въ приговорѣ подчеркнули, что мѣновой дворъ они хотятъ пріобрѣсти лишь вмѣстѣ съ доступомъ къ нему. Доступомъ зовется нѣскольکو тысячъ десятинъ земли, представляющихъ караванную дорогу и выгонъ для пастьбы скота.

И несмотря на опредѣленное и категорически высказанное гражданами Оренбурга желаніе, подтвержденное ими въ обязательномъ приговорѣ — въ Высо

чайшемъ поселѣннн нѣтъ ни слова о доступѣ. Сказано глухо: мѣновой дворъ. Сдѣлана ли означенная редакція съ умысломъ, есть ли она обычная канцелярская ошибка—трудно рѣшить, такія данныя сохраняются въ памяти народной, но ихъ не найдешь въ архивныхъ дѣлахъ. Но это недомолвка имѣла громадное существенное значеніе: на доступъ къ мѣновому двору предъявили свои права казаки Оренбургской станицы.

И началось дѣло, которое не окончено и по сію пору. Однихъ думскихъ постановленій по этому вопросу состоялось цѣлая гьма: 20 іюля 1876, 20 сент. 20 окт. того же года, 26 мая 1877 года, 26 октяб. 1878 г и т д и т. д. вплоть до нашихъ дней.

Суть этихъ всѣхъ постановленій очень простая: городъ просить, чтобы сдѣлано было формальное вымежеваніе и чтобы городъ получилъ фактическія данныя на владѣніе. Межеваніе назначалось неоднократно — но къ благополучному концу не приходило—заявляли проіессы или Оренбургскіе депутаты или казаки и снова начиналась та же самая, хорошо известная русскому обывателю сказка про бѣлаго бычка.

Доступы были отрѣзаны изъ запаса Государственной земли цѣлью ни на минутѣ забывать, что вся земля Оренбургской губерніи была захвачена когда то у киргизъ, считалась Государственной и какъ таковая безпрепятственно раздавалась и городамъ и крестьянамъ и казакамъ, все это дѣлалось, конечно, въ ущербъ интересамъ дѣйствительныхъ владѣльцевъ земли—киргизъ и башкиръ. Въ этомъ случаѣ принципъ экспроприаціи признавался.

Значеніе доступа было то, чтобы гурты скота кочевниковъ могли при своемъ передвиженіи находиться на подножномъ кормѣ

Весьма естественно, что въ настоящее время указанное значеніе доступа не существуетъ: прогонъ скота на мѣновой дворъ съ каждымъ годомъ уменьшается—съ открытіемъ же боенъ въ Илецкой Защитѣ, Актюбинскѣ и другихъ наиболѣе значительныхъ пунктахъ Ташкентской дороги, съ заведеніемъ послѣднихъ

вагоновъ-ледниковъ пригонъ скота будетъ еще меньше, но это обстоятельство не можетъ имѣть значенія въ томъ смыслѣ, чтобы доступъ былъ отмежеванъ ка закамъ. При этомъ случаѣ было бы нарушены основныя принципы—города приобрьталь мѣновъй дворъ только при одномъ условіи и не вина города, что условіе игнорировали, а нужда города въ землѣ очень велика и съ каждымъ годомъ растетъ.

Эти два земельныхъ спора, какъ и должно было ожидать обострили до извѣстной степени отношеніе казаковъ Оренбургской станицы и жителей города, дали толчекъ для развитія мѣснаго «сепаратизма».

Онѣ существовали чуть ли не все время и нзрѣдка принимали курьезныя формы: такъ въ 30 хъ годахъ Оренбургская шестигласная дума возбуждала рядъ ходатайствъ о воспрещеніи казачкамъ торговать на городскомъ базарѣ. въ 1887 году Оренбургская дума постановила сдать участки городской земли по границамъ съ казачьей землею частнымъ арендаторамъ исключительно съ тою цѣлью, чтобы воспретить казачкамъ самовольную распашку земли и самовольную пастьбу скота. По анногся своего данный вопросъ достигъ въ 1899 году думѣ обратна вниманіе на позованіе Форштадомъ воззю нзъ городского водопровода нзъ построенной на форштадской площади будки. Прежде за воду брали только 500 р., а въ этомъ году поставили водомѣръ и оказалось, что съ форштадта надо брать болѣе 2 т р. Дума и постановила брать ту сумму, какую покажетъ водомѣръ. Но казачкамъ показалоь платитъ тяжело и въ огьѣтъ на думское постановленіе они составили свой сходъ и сдѣлали приговоръ, открыть на форштадской площади рядомъ съ городскимъ мяснымъ базаромъ, свой собственный, для чего и построили даже лавки. Открытіе базара грозило городу значительнымъ убыткомъ, такъ какъ весьма понятно уменьшался сборъ за мясные продукты. Дума собралась въ экстренное засѣданіе 14 декабря 1899 г.

Въ этомъ засѣданіи гласный думы, онъ же и членъ управы Е. И. Ивановъ сдѣлалъ свое истори-

ческое предложеніе - отгородиться отъ форштадта деревяннымъ заборомъ, чтобъ никто изъ Форштадта не могъ и понаѣсть въ городъ*)

Понятно, это, «историческое» предложеніе не было принято, но оно очень характерно. оно показывать до какой остроты дошли отношенія у города съ Оренбургскою станицею.

Въ концѣ концовъ обѣ стороны пошли на компромисъ дума уменьшила плату, форштадтъ не открылъ базара и взволнованное обывательское море успокоилось, покрылось тиной поверхности, страсти успокоилось, хотя этотъ покой надо было признавать лишь «видимымъ».

На остроту отношеній много вліяло и то обстоятельство, что будучи отдѣленъ отъ города всего лишь площадью, пользуясь всѣми удобствами городской жизни, форштадтъ ни копѣйкою не участвовалъ въ городскихъ расходахъ, на оборотъ, не смотря на обиліе земли, Форштадтъ не заводилъ собственнаго кладбища и тѣсно Оренбургская дума возбуждала ходатайство за ходатайствомъ о воспрещеніи казакамъ хоронить своихъ покойниковъ на городскомъ кладбищѣ, которое чуть не ежедневно приходилось расширять. Ходатайства усылались, но не смотря на многократныя повторенія, на громадную переписку — результата ни какого не могли добиться.

Далѣе форштадтъ даже пользовался отъ города субсидіей, такъ 8 марта 1879 г. городская дума ассигновала тысячу рублей на устройство пожарной части въ форштадтъ: казацкіе дѣти обучаются безплатно въ городскихъ школахъ — все это, весьма естественное и понятное, должно было вызывать неудовольствіе у горожанъ.

IX.

Вопросъ о Форштадтѣ не входилъ въ планъ нашей бесѣды, Форштадтъ — станица, находится въ Орен-

*) Жур. Оренб. гор. думы 14 дек. 1899 г.

бургскомъ уѣздѣ, но, какъ читатель могъ замѣтить изъ вышеприведеннаго изложенія, — мы не могли не коснуться этого вопроса, безъ него характеристика города, городской жизни была бы не полна. Возвращаемся къ темѣ нашего изложенія — къ территоріальному росту города.

Итакъ, приблизительно около 1786 года возникла старая слободка. Нѣтъ сомнѣнія, что первое время слободка росла незначительно, селиться въ ней было и небезопасно — такъ какъ киргизы не дремали и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ напасть на беззащитнаго русскаго. Русскій плѣнникъ цѣнился дорого въ Хивѣ и Бухарѣ и Оренбургское преданіе говоритъ, что этимъ способомъ, т. е. продажей русскихъ плѣнниковъ въ Хиву, занимались не только киргизы, но и нѣкоторые изъ Оренбургскихъ купцовъ сторожилъ, чѣмъ и составили себѣ состояніе. Насколько справедлива означенная легенда, конечно, трудно сказать, но память о ней упорно живетъ и даже до сихъ поръ показываютъ на Орской дорогѣ мѣсто, гдѣ будто бы стояла кузница въ которой заковывались русскіе плѣнные.

Значительно увеличилась старая слободка послѣ 1819 года. Въ этомъ году графъ Эссенъ, желая нѣсколько облагородить городъ Оренбургъ, выселилъ изъ него отставныхъ солдатъ, вдовъ ихъ, а также и тѣхъ изъ обывателей города Оренбурга, которые имѣли плохія развалившіяся строенія. По плану 1829 года старая слободка имѣетъ уже значительные размѣры, хотя она все расположена на возвышенномъ берегу и не спускается къ банному озеру. Кварталы слободки расположены болѣе или менѣе правильно и существуетъ осплонадная площадь въ 130 сажень длины. Только къ рѣкѣ Уралу, за водяными воротами находящимися на нынѣшней водяной улицѣ при пересѣченіи ея съ Безаковской, строенія подшли почти вплотную къ стѣнѣ. Здѣсь ютились кузницы.

На близкое разстояніе ихъ отъ крѣпостной стѣны было обращено вниманіе и 5 іюня 1837 года губернаторъ Перовскій обратился съ предложеніемъ къ

полиціймейстеру доставить ему списокъ о всѣхъ домахъ и кузницахъ, состоящихъ внѣ Оренбургской крѣпости около банъ торговой и батаіона военныхъ кантонистовъ съ указаніемъ владѣльцевъ домовъ и года ихъ построенія. Этимъ вопросомъ особенно заинтересовались и потому, что частныя строенія ютились около торговаго бастиона, въ которомъ была похованъ погребъ и слѣдовательно, была большая опасность отъ пожара*)

Полиціймейстеръ доставилъ списокъ кузницъ лишь черезъ пять мѣсяцевъ (5 ноября того же года); изъ этого списка видно, что на берегу расположилось 15 кузницъ, самая ранняя изъ нихъ построена въ 1812 году отставнымъ солдатомъ Дмитріевымъ, затѣмъ кузницы строились чуть ли не каждый годъ, большее ихъ количество выстроено въ 1820 году—три и въ 1830 году—четыре; владѣли ими и отставные солдаты и мѣщане, и крестьяне, и купцы (Иванъ Кривцевъ и Дмитрій Ковалевъ—видные дѣятели того времени).

Когда же стали доискиваться, кто разрѣшилъ, постройку этихъ кузницъ, то владѣльцы ихъ отзывались, что строеніе кузницъ было съ «словеснаго дозволенія бывшаго полиціймейстера Трофимова» между тѣмъ полиція донесла, что «по дѣламъ полиціи ничего не видно, съ чьего дозволенія оныя ~~вы~~строены».

Графъ Перовскій, случайно проѣзжалъ мимо кузницъ, обратилъ вниманіе на одну изъ нихъ, слышавъ близко стоящую къ крѣпостному валу и велѣлъ ее сломать. Приказаніе военнаго губернатора въ то время было закономъ. Кузница сломана,—но подобными мѣрами, конечно, нельзя было рѣшить вопроса.

Кузницы стояли на томъ мѣстѣ, гдѣ въ ~~нихъ~~ дѣйствительно была нужда. Черезъ водяныя ~~ворота~~ шла караванная дорога на мѣновой дворъ, ~~солонч~~озный трактъ—словомъ, здѣсь было большое движеніе

и понятно, что проѣзжающіе нуждались въ кузницахъ и пользовались ихъ услугами.

Владѣлецъ сломанной кузницы подалъ графу Перовскому прошеніе, въ которомъ, указывая, что «по старости лѣтъ и обширности семейства», онъ находится въ бѣдственномъ состояніи, а потому и «прибѣгаетъ, подѣ защиту и покровительство Перовскаго» и надѣется, что ему разрѣшатъ возобновить кузницу. Перовскій разрѣшилъ построить кузницу нѣсколько подалѣе отъ крѣпостнаго вала, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ инженерному начальству «заняться отысканіемъ мѣста для переноса всѣхъ кузницъ».

Началась переписка, дѣлу былъ данъ законный ходъ, что по старому доброму времени означало «закончить дѣло.» Стали собирать справки, допущено даже возникъ и принципиальный вопросъ: да кто разрѣшилъ вообще построеніе старой слободки?—На этотъ вопросъ и въ то время не могли дать отвѣта, по крайней мѣрѣ сохранилось докладная записка Перовскому слѣдующаго содержанія:

«о застроеніи предмѣстія, т. е. старой слободки называемой Голубиною, въ предложеніяхъ генерала Ингельстрема объ устройствѣ г. Оренбурга нигдѣ ничего не упоминается, о предмѣстьѣ же вверхъ по рѣкѣ Уралу (нынѣ казачій форштадтъ именуемомъ) говорится, что расположеніе и застроеніе онаго должно быть основано на инженерныхъ узаконеніяхъ»

Справки наводились, время шло, перемѣнилось начальство и о кузницахъ позабыли.

Къ этому же времени, т. е. къ тридцатымъ годамъ прошлаго столѣтія, относится и возникновеніе и знаменитыхъ чебенъковъ.*) Дѣло въ томъ, что «построеніе въ городѣ публичныхъ и партикулярныхъ банъ «послѣ пожара 1786 года «отнюдь» не дозволялось и городскія бани разрѣшено было построить на самомъ берегу Урала приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится электрическая станція. Затѣмъ тутъ же было разрѣшено устроить бани и для

*) Орен. Лист 1881. № 24 Оренб. Газ.

баталіона военныхъ кантонистовъ. Самый баталіонъ помѣщался, гдѣ теперь второй кадетскій корпусъ. Весьма понятно, что около банъ въ скоромъ времени появились палатки и хибарки, въ которыхъ поставители банъ могли найти себѣ нужные предметы; затѣмъ около банъ стали селиться солдаты — извѣстно, что составляло главный промыселъ солдатокъ въ прежнее время. Солдаты, конечно, не спрашивали разрѣшенія, а прямо строили свои незатѣйливыя избышки.

На эти постройки изрѣдко обращало вниманіе начальство, запрашивалось полиція, по какому разрѣшенію появилась такая то и такая то постройка: разрѣшенія, конечно не оказывалось и въ худшемъ случаѣ, постройки ломались, но лишь для того чтобы на ихъ мѣстѣ возникали новыя.

Наконецъ, здѣсь появился и «солдатскій трактиръ». Въ трактиръ находилась и билліардная, а самое мѣсто служило излюбленнымъ уголкомъ для разнаго рода гулякъ изъ бѣдности. Бывало, пропадетъ, солдатъ, гдѣ искать? — Въ солдатскомъ трактирѣ — передать старожилъ.

И самое названіе этой мѣстностию было дано характерное: «Чебенъки», по всеѣмъ вѣроятіямъ отъ турецко-татарскаго слова «чебенъ», что значитъ муха. И дѣйствительно, точно мухи на солнышкѣ, по кособогу ютились плохо устроенныя лачужки, поддерживаемыя своими, подпорками. Репутація Чебенъковъ была незавидная — тутъ ютились развратъ, воровство — здѣсь же жили знаменитыя оренбургскія гадалыщницы.

Какъ кузнецы, такъ и чебенъки пріеблагополучно просуществовали все то время, когда по существовавшимъ законодательствамъ они не могли существовать.

Новая по положенію 1870 года городская дума обратила вниманіе сначала на кузницы, а затѣмъ и на чебенъки. Понятно, что для возбужденія, такого вниманія нуженъ былъ какой нибудь особенный поводъ. Таковымъ для кузницъ былъ роковой пожаръ 1879. году.

Въ засѣданіи 22 мая 1879 года дума постановила*) перевести всѣ имѣющіяся въ городѣ кузницы на одно изъ слѣдующихъ мѣстъ: «1) на яръ баннаго озера, 2) близъ мошкова оврага, 3) возлѣ первой плотины за мостомъ, по дорогѣ на мѣновой дворъ» За одно же дума постановила не разрѣшать открытія питейныхъ домовъ около кузницъ, а существующіе закрыть.

Постановленіе сдѣлано, кузницы остались на старыхъ мѣстахъ и черезъ два года (11 іюня 1881 года) вопросъ о кузницахъ снова поднимается въ думѣ. Оказывается, управа принимала всевозможныя мѣры, чтобы добиться выполненія думскаго опредѣленія, вызывала кузнецовъ въ управу, предлагала имъ перенести кузницы, писала въ полицію, просила, требовала,—по тщетно: всетаки кузницы стояли на старыхъ мѣстахъ. Положимъ часть переселилась за Уралъ, но за то не платила арендныхъ денегъ

Дума разсердилась и категорически подтвердила управѣ: снять планъ мѣстности, на которую предполагалось перенести кузницы, сдѣлать расчетъ, сколько можно построить кузницъ которыя должны строиться каменные съ желѣзными крышами и сдать мѣста въ аренду на 24 года, а недоимку съ кузнецовъ «неукоснительно» взыскать.

Кузнечный вопросъ былъ отчасти разрѣшенъ; съ нимъ мы еще встрѣтимся, когда рассказъ пойдетъ о новой слободѣ. Въ это же засѣданіе дума порѣшила «уничтожить и Чебеньки», переселивъ жителей на другія мѣста, —но исполненіе этого рѣшенія думы послѣдовало только черезъ 12 лѣтъ, въ 1893 г Въ этомъ году городское управленіе, признавъ видъ Чебеньковъ непривлекательнымъ, порѣшила снести свайныя постройки, и жителей перевести съ пособіемъ отъ города на мѣста позади ипподрома.

И на новомъ мѣстѣ—«Чебеньки» сохранили свое, пресловутое названіе

Въ вопросѣ о кузницахъ и Чебенькахъ мы занимались съ общимъ вопросомъ, имѣющимъ громад-

*) Жур. Гор. думы за 1879 г.

ное значеніе для города Оренбурга, а именно,—съ вопросомъ о захватѣ «городскихъ» земель. Едва ли въ Россіи есть другой городъ, въ которомъ этотъ захватъ такъ практиковался и принималъ такіе прямо хищническіе размѣры. Въ дальнѣйшемъ изложеніи читатель увидитъ много примѣровъ захвата и до настоящей поры есть нѣсколько земельныхъ цѣль которыхъ городъ могъ бы выиграть, —но земля, могущая приносить хорошій доходъ и безспорно принадлежащая городу, все еще составляетъ частную собственность.

Х.

И такъ, постройка кузницъ на неуказанномъ мѣстѣ заставила администрацію обратить вниманіе на старую голубиную слободку.

Но пока издавались различныя распоряженія о томъ, чтобы въ слободкѣ никто не строился безъ разрѣшенія, чтобы не заводились новые кварталы, слободка росла и росла и, такъ какъ строиться по направленію къ городу мѣшала эспланадная площадь, то слободка пошла ~~на~~ низъ, къ банному озеру, не смотря на то, что мѣстность была заливаема.

Сравнивая планы старой слободки 1829 и 1848 года, мы видимъ значительное увеличеніе слободки. Съ одной стороны она пододвинулась къ нынѣшнему архіерейскому дому, съ другой рядъ кварталовъ образовался и по банному озеру. Кварталы устраивались, конечно, безъ всякаго соблюденія строительнаго устава—построилъ человекъ домъ, рядомъ съ нимъ строился другой,—возникалъ переулокъ, улица, носящая названіе перваго владѣльца, и появились въ старой слободѣ Овсянниковскіе, Власовскіе, Киникѣевскіе переулки, сохранившіе и до нашихъ дней память о первыхъ аборигенахъ той мѣстности.

Нѣсколько урегулировать старую слободку возду-

мали, когда возникъ вопросъ о построеніи кунцомъ Дѣвѣвымъ Покровской церкви*).

Въ первое время жители слободки, конечно не могли и думать о построеніи церкви:—вся слободка была временной. При каждой опасности, грозящей городу Оренбургу, она могла быть снесена съ лица земли, чтобы непріятель не воспользовался ею для своихъ цѣлей. Весьма понятно, что вопросъ о церкви, какъ зданіи постоянномъ, не могъ и возникнуть. И приходилось жителямъ слободки ходить молиться въ городъ, а эти путешествія особенно зимою при страшныхъ буранахъ были не изъ легкихъ—надо было перейти обширную, въ 130 сажень ширины площадь

Между тѣмъ городъ Оренбургъ изъ пограничнаго сталъ внутреннимъ городомъ; существованіе крѣпости являлось анахронизмомъ; бояться нападеній врага было смѣшно; и хотя Оренбургъ официально и считался крѣпостью, но крѣпостные законы не соблюдались уже такъ строго, какъ прежде и въ старой слободкѣ стали возникать каменные постройки. Такъ въ 1853 году купецъ Дѣвѣвъ получить разрѣшеніе построить двухъ этажный каменный домъ

Но прежде чѣмъ построить себѣ палаты. Дѣвѣвъ обратился съ просьбою разрѣшить ему построить церковь. Архіерей благословилъ это намѣреніе Дѣва и дѣлу былъ данъ законный ходъ. Стали искать мѣсто—искали долго и не могли найти;—въ старой слободкѣ не было ни одной площади. Тогда обратили вниманіе на скученность построекъ, на неправильность улицъ и рѣшили хоть нѣсколько распланировать слободку.

6 января 1852 года было Высочайше разрѣшено мѣсто подъ Покровскую церковь, для чего рѣшено было перенести нѣкоторыя постройки частныхъ обывателей, образовавъ существующую нынѣ площадку. Церковь была заложена 30 апрѣля 1852 г., освящена 22 ноября 1853 года

Но эта попытка распланировать слободку такъ и

*) Дѣло Арх. Ком.

осталось попыткой и слободка сохранила бы свой прежній видъ до нашихъ дней, если бы не пожаръ 1 іюля 1864 года. Пожаръ былъ страшный, дуть сильный вѣтеръ—и въ нѣсколько часовъ было уничтожено 660 домовъ*).

Была составлена особая комиссія для распланировки: представителемъ отъ города былъ гласный шестигласной думы Савинковъ. Комиссія выработала слѣдующія основанія постройки домовъ въ старой слободкѣ:

1) Часть правой (ближе къ Уралу) стороны старой слободки можно было оставить безъ перемѣны, такъ какъ она распланирована болѣе или менѣе правильно и отъ пожара не пострадала.

2) Вся лѣвая сторона сгорѣвшей слободки затопляется и потому для жителей этой части необходимо избрать мѣста въ новой слободкѣ.

3) Весьма многіе изъ жителей старой слободки занимаются разными промыслами, многіе изъ нихъ имѣютъ заведенія, дѣйствующія огнемъ и вредныя для чистоты воздуха:—кожевенные, красильные, мыловарные и прочіе заводы,—имъ необходимо отвести мѣсто около гончарныхъ заводовъ.

4) Около церкви Покрова необходимо снести 17 домовъ, чтобы образовать церковную площадку.

Весьма понятно, что основанія—основаніями, а жизнь остается жизнью и предъявляетъ свои требованія. И прежде всего жители лѣвой стороны старой слободки не пожелали всѣ выселяться; ихъ и оставили на мѣстахъ, но взяли съ нихъ слѣдующую подписку:

«Какъ нижняя часть слободки весною во время разлива рѣки Урала особенно въ 1854 году, затопляется водою, въ настоящее время жители этой части слободы ходатайствовали дозволить имъ остаться на старыхъ мѣстахъ, утверждая, что разливъ воды не мо

*) Ар. Оренб. гор. думы дѣлю № 9443. Дѣло особой комиссіи, составленной для распланированія старой слободки послѣ бывшаго 1 сего іюля 1864 г. пожара.

жетъ быть вреденъ, какъ это было прежде, а ежели и случилось, что Уралъ разольется и загопитъ слободку, то поселившіеся въ ней ни въ какомъ случаѣ отъ причиняемаго имъ вреда водою, какъ бы разливъ ни былъ великъ, не будутъ просить отъ правительства никакого вознагражденія за причиненные имъ убытки».

Распоряженіе было прямо не законное, такъ какъ жилия постройки на затопляемыхъ мѣстахъ не дозволялись, но генералъ губернагоръ былъ сильнѣе закона: въ лѣвой сторонѣ слободки разрѣшено было селиться и Оренбургская дума, избранная по положенію 1870 года, должна была вносить въ свою смѣту расходовъ по 1000 р. на помощь жителямъ отъ наводненій вплоть до устройства желѣзно-дорожной дамбы, отдѣлившей банное озеро отъ рѣки Урала.

Такимъ образомъ, старая слободка была возстановлена въ своихъ размѣрахъ; — выселялись лишь только тѣ, у кого были маломѣрные мѣста, или чьи мѣста отходили подъ улицы и площади. Оставшіеся жить должны были отведенныя имъ мѣста не раздроблять и не продавать по частямъ; на возводимыя постройки надо было брать планъ отъ городского архитектора, строится съ точнымъ соблюденіемъ означеннаго плана; кромѣ того не разрѣшалось устраивать «заведеній, дѣйствующихъ огнемъ или вредныхъ чистотѣ воздуха».

Какъ соблюдались эти правила, видимъ въ настоящее время, такъ какъ распланировка старой слободки, особенно внизу, отличается тѣмъ же хаосомъ, какъ прежде.

XI.

Кромѣ общихъ нарушеній означенныхъ правилъ, нарушеній, которыя проходили безслѣдно, обыватель иногда обращался за разрѣшеніемъ отступить отъ правилъ, но по большей части съ жалобами на новыя правила, въ которыхъ обыватель видѣлъ одинъ начальническій капризъ, да новую тяготу, накладыва-

смую и на безъ того обездоленного обывателя. Одна изъ подобныхъ жалобъ заслуживаетъ вниманія.

Мы уже сказали выше, что около Покровской церкви рѣшено было образовать площадь снесеніемъ нѣкоторыхъ обывательскихъ зданій. Первоначально спуска отъ Покровской церкви къ арендованнымъ мѣстамъ не существовало, по этому косогору тоже ютились избушки, здѣсь жили даже въ ямахъ

И вотъ владѣтельница одной изъ подобныхъ построекъ, титулярная совѣтница, вдова Остафьева подаетъ оригинальное прошеніе къ генералъ-губернатору:*)

«Въ началѣ этого мѣсяца, т. е. іюля —нишетъ титулярная совѣтница —я просила Ваше Высокопревосходительство дозволить мнѣ исправить мой домъ, поврежденный во время пожара, бывшаго въ старой слободкѣ Въ настоящее время, когда по распоряженію Вашего Высокопревосходительства готовится проектъ новаго распланированія старой слободки, до слуха моего дошло, что полицейскій приставъ третьей части, для того, чтобы лучше былъ видъ изъ оконъ его дома, а купецъ Дѣевъ для того, чтобы лучше люди видѣли построенный имъ Богу храмъ, настаиваютъ, что бы домъ мой былъ назначенъ къ сломкѣ и мѣсто отведено подъ площадку передъ церковью, подъ площадку, по соображенію ширины улицы къ церкви совершенно ненужную и по величинѣ своей несоотвѣтствующую церковному фасаду»

Въ этихъ строчкахъ обыватель встаетъ, какъ живой.—Всякое мѣропріятіе онъ объясняетъ только съ личной точки зрѣнія, онъ совершенно не доросъ до того, чтобы понять, что дѣло касается вовсе не его обывателя, интересовъ а общихъ.

Площадь понадобилась вовсе не потому, что такъ требовалъ и уставъ церковный и благообразіе города и мѣры противопожарныя,—вовсе нѣтъ: площадь, по увѣренію титулярной совѣтницы, нужна приставу 3-ей

*) Тамъ же.

части, чтобы видъ изъ его оконъ былъ лучше, и купцу Дѣву, чтобы похвастаться своею церковью.

И эти доводы обыватель приводитъ совершенно серьезно, не подозрѣвая, сколько въ нихъ ироніи, если не сказать больше. Что обыватель смотритъ серьезно, видно изъ послѣдующаго объясненія:—улица широка, церковь совершенно не нуждается въ площади, и размѣры площади будутъ даже не соответствовать церковному фасаду,—значитъ обыватель и о церкви Божіей заботиться, а не свои только интересы блюдетъ.

Конечно, обыватель правъ; его устами говорить въ своемъ прошеніи титулярная совѣтница:

„Въ настояннн своемъ они, т. е. приставъ и Дѣевъ, опираются на томъ, что у меня плана нѣтъ, но во первыхъ, въ то время, когда строился мой домъ, въ слободѣ ни у кого нѣтъ плановъ, а только впоследствии стали выдавать планы“.—Обыватель по обыкновенію своему сказалъ неправду; начальство заставляло, предписывало брать планы, даже цѣну назначило: по 10 р. за планъ, но обыватель уклонился отъ исполненія этого предписанія «За мною мѣсто въ натурѣ» говоритъ она далѣе.

Эти слова очень характерны: я владѣлица мѣста и, слѣдовательно, оно мое; ни о какихъ правахъ, ни о какихъ доказательствахъ обыватель не хочетъ думать, у него все еще старый афоризмъ: «кто палку взялъ, тотъ и капралъ».

Выставивъ свои доводы, почему она обывательница, права, а ея «злোকпѣнные враги» виноваты, титулярная совѣтница какъ бы вскользь замѣчаетъ: «говорятъ, что мой домъ старъ»—но, конечно, этотъ говоръ—не правда и вотъ почему: «когда ломали крышу, онъ выдерживалъ тяжесть можетъ быть 20 человѣкъ». Особенно хорошо по наивности это выраженіе: «можетъ быть двадцати человѣкъ»—но и это доказательство крѣпости своего дома обыватель привелъ такъ для полноты доказательства, потому что, какъ онъ говоритъ далѣе: «домъ для меня хорошъ и я надѣюсь въ немъ имѣть сухой и теплый пріютъ до конца мо-

ей жизни.» Говорятъ, онъ некрасивъ, но...—обыватель вспоминаетъ Ювенала и раздражается слѣдующей тирадою: «но некрасивые дома никому не дѣлаютъ бѣлыя на глаза, а слезы раззоренныхъ доводятъ до слѣпоты.»

Пусть домъ старъ, некрасивъ, пусть онъ безобразитъ городъ, не соответствуетъ требованіямъ строительнаго устава, все это пустяки: «домъ для меня хорошъ, говоритъ обыватель, и вы меня не троньте. Мнѣ дѣла нѣтъ что я живу не на не обитаемомъ островѣ, что я гражданинъ города, что я долженъ подчиниться правиламъ, при исполненіи которыхъ только и возможно совмѣстное жительство». Все это не укладывается въ мозгъ обывателя, онъ помнитъ лишь одно «домъ его», хотя кромѣ голословнаго утвержденія онъ никакихъ доказательствъ не можетъ привести, и, какъ онъ завладѣлъ этимъ домомъ, обыватель не хочетъ и вспоминать, и что лишитъ этого дома его хотятъ по злобѣ враговъ.. Въдѣ для обывателя врагъ — каждый, кто его окружаетъ, съ кѣмъ онъ живетъ, съ кѣмъ онъ видится ежедневно. Лучшей характеристики психологіи обывателя, чѣмъ данное прошеніе, трудно найти. Докончимъ это цитированіе: «купецъ Дѣвѣ вызвался наградить меня. Но ему ли сдѣлать это? Конечно, онъ будетъ цѣнить мой домъ по купечески. Когда его собственный великолѣпный домъ составляетъ незначительную часть его состоянія, то признаетъ ли онъ настоящую стоимость моего бѣднаго дома. А между тѣмъ мой домъ доставляетъ мнѣ при томъ безъ всякаго стѣсненія доходу 7 рублей серебромъ въ мѣсяцъ; если капитализировать этотъ доходъ, то выходитъ сумма, которую никогда не назначать присяжные оцѣнщики и которую купецъ Дѣвѣ не захочетъ дать».

Опять мѣсто исполнѣ обывательскаго сужденія; оно характеризуется: мое мнѣ дорого, ну а другимъ оно дешево и, конечно, не можетъ быть правильной оцѣнки. Въдѣ купецъ Дѣвѣ богатъ и сможетъ повліять на оцѣнщиковъ. Самъ обыватель такъ бы поступилъ, если бы могъ, весьма понятно, что и другіе должны поступать такъ же.

Заканчивается прошеніе слѣдующей тирадою: «Можетъ быть, господа, принимающіе прямое и косвенное участіе въ проектированіи одумаются и не осмѣлятся представить Вашему Высокопревосходительству такой пристрастный проектъ, но моя совершенная безпомощность и безсиліе доводятъ мои опасенія почти до отчаянія и совершенно противъ воли представляютъ безпокоить Ваше Превосходительство просьбою обратить вниманіе на всѣ вышеизложенныя мною обстоятельства, Вашимъ сильнымъ покровительствомъ оградить меня отъ удара, который намѣреваются нанести моей жизни и всему моему состоянію, такъ что я останусь совершенно нищею, наконецъ, дозволить мнѣ поправить мой домъ, оказавъ достаточное къ тому вспоможеніе».

Послѣднія строки прошенія есть именно, тотъ послѣдній ударъ кисти который придастъ картинѣ законченность и полноту. И жаловалась титулярная совѣтница, и доказывала свою правоту и клеветала на кого могла, и свела рѣчь на обычную просьбу обывателя—окажите пособіе. Почему, зачѣмъ пособіе? Развѣ кто либо виноватъ въ случившемся бѣдствіи? Виноватъ исключительно обыватель:—онъ не соблюдалъ мѣры предосторожности отъ пожаровъ, онъ пренебрегалъ правилами строительнаго устава, словомъ, онъ дѣлалъ все, чтобы вызвать бѣду,—но разъ наступило несчастіе, обыватель противится всѣми способами, до клеветы включительно, принять тѣ мѣры, которыми онъ хотя на будущее время застрахуется отъ возможности повторенія несчастія, и въ тоже время не только просить, но даже требуетъ отъ кого-то помощи. Обыкновенно роль «кого то» въ глазахъ обывателя исполняетъ городъ. Обыватель не понимаетъ, что городъ и городской капиталъ, есть тотъ-же обыватель и обывательскій капиталъ, сложенный изъ налоговъ на обывателя. Для него городъ является какой то фикціей. Странно подобное непониманіе, но оно было и говорить о томъ низкомъ умственномъ уровнѣ, на которомъ сгоялъ обыватель, о томъ убожествѣ, за которое становится и больно и обидно.

Но попробуйте отказать обывателю въ его незаконной просьбѣ; обыватель сейчасъ-же начнетъ отыскивать свои мнимыя права и здѣсь нѣтъ границъ стремленію обывателя. Онъ идетъ съ своими просьбами все выше и выше, чувства приличія, чувства мѣры нѣтъ у оскорбленнаго обывателя. Онъ— какъ оренбургская вдова унтеръ офицерша Романова и солдатка Трофилова, которыя думали, что ихъ обидѣли послѣ пожара и посылали прошенія «къ особамъ Императорскаго дома», не указывая къ кому именно, но ко всѣмъ огульно.

Съ урегулированіемъ площади у церкви Покрова произошла еще одна исторія. Эпизодъ ея разыгрался много позже, именно въ 1879 году. Позволимъ себѣ напомнить читателю и эту исторію, такъ какъ въ ней характеризуется тотъ же обыватель, но болѣе высокой пробы.

Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ*). 22 марта 1879 года было доложено оренбургской думѣ, что послѣ пожара 1864 г. для урегулированія площади около церкви Покрова у нѣкоего мѣщанина Волжскаго было приобретено городомъ его дворовое мѣсто за 1440 р. или по 8 р. 50 к. за квадрат сажень. Черезъ три года послѣ этой покупки, именно въ 1872 г. оренбургскій купецъ Дмитрій Дегтяревъ домъ котораго находился въ сосѣдствѣ съ мѣстомъ Волжскаго, ходатайствовалъ уступить ему часть этого двороваго мѣста, въ количествѣ 42½ кв. с. по цѣнѣ 75 к за кв сажень.

Управа составила докладъ, внесла его въ думу, а дума, конечно, забывъ, что это же самое мѣсто куплено городомъ по 8 р 50 к., уступила Дегтяреву по 75 к., т. е. съ убыткомъ на каждую сажень по 7 р. 85 к. Сдѣлка могла быть названа вполнѣ выгодною. Но выяснился курьезъ еще болѣе болѣе. На мѣстѣ Волжскаго съ 1863 по 1869 годъ была недоимка государственнаго налога 15 р. 46 к. и однопроцентнаго сбора 11 р. 60 к., а всего 27 р 06 к. Конечно, на недоимку росла и пеня Управа, совершая акты сначала съ Волжскимъ, а потомъ съ Дегтяревымъ забыла

*) Арх. Оренб. гор. думы. Журналы городск. думы за 1876 годъ.

про эту недоимку,—но въ 1879 году о ней вспомнилъ приставъ 3-ей части и обратился въ управу—какъ быть? съ кого получать недоимку государственнаго сбора?

Однопроцентный сборъ дума, конечно, могла сложить, ну а государственный налогъ надо было платить.

Но и всего этого мало. Г. Дегтяревъ началъ строиться и по обыкновенію російскаго обывателя съ нарушеніемъ строительнаго устава; на это обратила вниманіе, паче чаянія, полиція и воспретила постройку. Дегтяревъ обращается въ управу (новаго состава, а не того, которая ему продала мѣсто) и дѣло объ убыткахъ города, убыткахъ, конечно, незначительныхъ, всего въ размѣрѣ до 300 рублей, всплыло изъ архивной пыли.

Конечно, въ этомъ случаѣ интересны не убытки, а тѣ обстоятельства, которыя показываютъ, какъ велись въ старину и какія обдѣльвались дѣла

Что-же оставалось дѣлать новой думѣ? Съ кого искать убытки? Дегтяревъ владѣлъ землею, имѣлъ даннаы, оспаривать ихъ нельзя,—пропущенъ законный срокъ; управа выбрана новая,—слѣдовательно, по русскому обыкновенію, вина хотя и есть, но виноватыхъ не найдешь. И дума порѣшила покончить дѣло миромъ: объ убыткахъ забыть, а государственный налогъ и пеню за 10 лѣтъ уплатить изъ экстраординарныхъ суммъ. Такъ и сдѣлали.

XII.

Въ пожаръ 1864 года имущественные убытки выразились въ суммѣ 692894 р. 85 к. и выдано было пособій изъ государственнаго казначейства, городскихъ суммъ и частныхъ пожертвованій на сумму 28328 р., кромѣ того выдавался лѣсъ; размѣръ пособія опредѣлялся въ суммѣ отъ 50 до 200 р. и выдавался особымъ комитетомъ.

13 августа 1864 года комиссія по распланировкѣ города окончила свои занятія. Улицы и площади въ слободкѣ, насколько было можно, были выпрямлены, дворо-

выя мѣста были разбиты и отданы владѣльцамъ и кромѣ того комиссія постановила отвести 16 кварталовъ на сѣнной площади и прирѣзать къ новой слободкѣ со стороны магометанскаго кладбища—всего 320 мѣстъ.

Казалось, старая слободка должна была уменьшиться въ размѣрѣ но были обстоятельства, которые наоборотъ содѣйствовали ея росту. Объ этихъ обстоятельствахъ мы и поведемъ нашъ рассказъ.

Въ 6 омъ пунктѣ условій построения домовъ въ старой слободкѣ воспрещалось въ ней устройство какихъ либо заводовъ; для нихъ должно было отводить мѣста на ново-арендованныхъ мѣстахъ. Это правило, какъ и всякое правило, требовало исключеній. Такое и было дано въ 1852 году оренбургскому второй гильдіи купцу Абдуллѣ Киникѣву:—ему разрѣшили устройство въ старой слободкѣ завода, на которомъ долженъ былъ вырабатываться «хотя и не настоящій стеаринъ, но хорошій полустеаринъ».

Но если для старой слободки давалось формальное разрѣшеніе, то для ново-арендованныхъ мѣстъ исключеніе или вѣрнѣе полное игнорированіе составленныхъ правилъ создала сама жизнь. Была проведена желѣзная дорога, въ Оренбургъ нахлынула масса переселенцевъ, они стали подавать въ управу прошенія о разрѣшеніи имъ устроить тотъ или иной заводъ. Мѣста отводились на ново-арендованныхъ мѣстахъ и послѣднія росли, росли, точно грибы послѣ дождя.

Большинство изъ лицъ, подававшихъ просьбы объ устройствѣ заводовъ, вовсе и не думали строить заводы, хотя бы по той простой причинѣ, что они не знали никакого производства. Дѣло обстоило гораздо проще. Взявшій въ аренду мѣсто, строилъ себѣ домъ и принималъ къ себѣ «припущенниковъ», такихъ же бѣдняковъ, какъ и онъ самъ, и на заарендованномъ, примѣрно, подъ кожевенный заводъ участкѣ земли возникали двѣ—три лачужки различныхъ хозяевъ, которые были арендаторами у первоначальнаго арендатора отъ города. Весьма понятно, что всѣ эти постройки возникали безъ какого либо разрѣшенія и строились безъ соблюденія какихъ либо правилъ.

Позволимъ себѣ привести одинъ примѣръ. Крестьянинъ Вороновъ взялъ въ аренду съ 1 января 1866 года по 1 января 1891 года, т. е. на 25 лѣтъ участокъ городской земли въ 450 кв. саж. для устройства фабрики или гончарнаго заведенія съ платою по 10 руб. въ годъ *)

Но что же оказалось въ 1877 году, т. е. черезъ 11 лѣтъ? У Воронова вмѣсто фабрики или гончарнаго заведенія на означенномъ участкѣ выстроены небольшой флигель на три окна, къ нему прирѣзанъ дворъ въ 75 кв. саж., а весь остальной участокъ Вороновъ раздѣлилъ пополамъ и сдалъ двумъ лицамъ: Мельникову и купцу Климову. Мельниковъ на половинѣ своего участка устраиваетъ гончарное заведеніе, а остальную часть, т. е. $\frac{1}{4}$ первоначально снятаго участка сдать нѣкому Фишеру. Климовъ на своемъ участкѣ устраиваетъ спичечную фабрику, гончарное заведеніе и строить домъ о пяти окнахъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ на участкѣ, сланномъ Воронову, оказываются четыре владѣльца и три промышленныхъ заведенія, а самъ участокъ вмѣсто 450 кв. саж. оказался въ 668 $\frac{1}{2}$ кв. саж. Всѣ означенныя лица платили аренду уже не городу, а Воронову.

Такихъ примѣровъ можно привести много. Въ указанномъ случаѣ все-таки были три промышленныхъ заведенія, обыкновенно же жили простые арендаторы, не занимавшіеся никакимъ промысломъ.

Вопросъ о ново-арендованныхъ мѣстахъ возникъ въ оренбургской думѣ неоднократно и не рѣшенъ до сихъ поръ. Дѣло осложняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что съ проведеніемъ струе-направляющей дамбы прекратились заливы этой мѣстности весеннею водою и мѣстность стала пригодна для житья.

Санитарное состояніе означенной мѣстности, какъ самой окраины города, не выдерживаетъ самой снисходительной критики. На ней все-таки существуетъ

*) Журн. Оренб. гор. думы 27 окт. 1888 г.

рядъ заводовъ, по преимуществу кожевенныхъ; канализации нѣтъ, почва загрязнялась въ теченіе многихъ лѣтъ и городскому самоуправленію предстоитъ въ недалекомъ будущемъ рѣшить очень серьезную задачу, какъ оздоровить эту мѣстность. Пока мы сдѣлаемъ лишь историческую справку, какъ дебатировался означенный вопросъ въ думѣ.

Въ 1884 году была избрана особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ гласнаго Ерыгина, чтобы покончить съ злополучнымъ и въ то время вопросомъ.

Коммиссія осмотрѣла мѣста и нашла, что изъ 242 мѣстъ—45 заняты промышленными заведеніями, а остальные 197—простыми домами для жилья. Это изслѣдованіе было доложено думѣ, но такъ какъ гласнымъ истекъ срокъ полномочій, то дума постановила сождать и передать разрѣшеніе этого вопроса вновь избранной думѣ.

Новая дума и не подумала заниматься такимъ непріятнымъ дѣломъ -- и о немъ вспомнили только черезъ 6 лѣтъ въ 1890 г

Тогда на справку было доложено изслѣдованіе вышеуказанной коммиссіи и дума постановила: 45 лицъ, имѣющихъ промышленныя заведенія, оставить на арендованныхъ мѣстахъ, а 197 предложить выселиться въ теченіе года

Означенныя лица, конечно, не выселились и въ 1891 году дума избираетъ новую коммиссію. Коммиссія подтверждаетъ выводы первой, дума дѣлаетъ аналогичное постановленіе, — жители его не исполняютъ. Годъ 1892 былъ тяжелый холера, неурожай — дума оставляетъ еще на годъ жителей, черезъ годъ снова постановленіе о выселеніи — и сказка о бѣломъ бычкѣ продолжается и поднесъ

Резюмируемъ территоріальный ростъ города по направленію старой слободки.

Основалась она въ концѣ XVIII вѣка и предназначалась специально для заселенія отставными солдатами. Затѣмъ съ 1819 года въ нее стали выселять и тѣхъ лицъ, у которыхъ городскія постройки разрушались и которые были настолько бѣдны, что не

могли ихъ исправить сами на свои средства. Кромѣ того въ слободкѣ селились самовольно выходцы изъ Россіи.

Освобожденіе крестьянъ и проводъ желѣзной дороги были могучими факторами; колонизаціонная волна нахлынула и на Оренбургъ и усиленно способствовала этому росту.

Въ началѣ наблюденій за постройками не было никакихъ, слобода заселялась такъ, какъ Господь на душу положить, и въ результатъ пожаръ 1864 года.

Съ этого времени начался хоть относительный надзоръ и результатомъ его явилось то обстоятельство, что обыватель изобрѣлъ способъ обходить этотъ надзоръ: снимались участки для специальной цѣли—устройства промышленныхъ заведеній, раздроблялись по частямъ и отдавались въ аренду отъ себя, пуская припущенниковъ

Это послѣднее явленіе, продолжающееся и до нашихъ дней, указываетъ, что колонизація въ Оренбургъ не прекратилась.

XIII.

Непосредственнымъ продолженіемъ старой слободки служить мѣстность, расположенная по правую сторону желѣзной дороги и по направленію къ горѣ Маякъ.

Съ послѣднею горою связано небезынтересное поэтическое преданіе киргизъ. Когда-то, въ незапамятныя времена она носила названіе Акгюбай, т. е. бѣлый столъ и здѣсь была зимовка ногайскаго хана Басмана, который перекочевалъ отсюда изъ Крыма со своею ордою, спасаясь отъ моровой язвы. вмѣстѣ съ ханомъ ушли и два его мурзы: Алтакаръ и Битюркъ и, какъ это обыкновенно бываетъ, у мурзъ возникла вражда; ханъ Басманъ принялъ сторону Битюрка и мурза Алтакаръ, озлобленный, откочевалъ отъ хана Басмана со своими приверженцами. Началось междоусобіе. Алтакаръ оказался сильнѣе своего недавняго повелителя Басмана, разбилъ его въ жесто-

комъ бою. Ханъ былъ убитъ и вмѣстѣ съ другими, павшими въ томъ бою, похороненъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь Николаевская улица. Во времена Рычкова еще сохранились развалины этого кладбища на берегу р. Урала *)

Такимъ образомъ, Оренбургъ основанъ на кладбищѣ бывшихъ владѣльцевъ края. Въ этомъ фактѣ можно видѣть извѣстную аллегорію: — Оренбургъ, центръ русскаго владычества былъ основанъ на кладбищѣ прежнихъ владѣльцевъ, тѣмъ самымъ какъ бы указывая, что прежнему, старому пришелъ конецъ: царство башкиръ и киргизъ смѣнилось русскимъ владычествомъ.

Какое значеніе имѣлъ Маякъ для русскихъ въ первое время покоренія края, — неизвѣстно, въ архивахъ не сохранилось указаній на пользованіе Маякомъ, хотя самое названіе позволяетъ высказать догадку, не было ли здѣсь, какъ на наиболѣе возвышенномъ мѣстѣ, сторожевого наблюдательнаго поста.

Во времена Пугачева послѣдній поставилъ здѣсь батарею, которою бомбардировалъ Оренбургъ; остатки этой батареи, незначительный валъ, видны и въ настоящее время.

Въ началѣ прошлаго столѣтія по дорогѣ на Маякъ были казенные кирпичные заводы. На эти заводы возлагались большія упованія, отъ нихъ думали имѣть громадныя барыши; частные заводы запрещались, а на казенныхъ работали даровой башкирской рабочею силою. Но понятно, что только предположенія, только проектъ на бумагѣ сулилъ кучи золота на самомъ дѣлѣ заводы, быть можетъ, и обогащали управляющихъ ими, но казна несла убытокъ, а обыватель терпѣлъ громадныя неудобства отъ казеннаго кирпича. Затѣя была оставлена и на мѣстѣ казенныхъ заводовъ стали возникать частные. До тѣхъ поръ, пока городъ былъ крѣпостью, разрѣшеніе на

*) Рычковъ. Исторія Оренбургская.

частные заводы давалось инженерною дистанціей и городъ не имѣлъ никакой выгоды отъ заводовъ. Съ введеніемъ городского самоуправленія земля подъ кирпичные заводы стала облагаться сборомъ, кромѣ того владѣльцы заводовъ платятъ за тысячу обожженного кирпича

Съ однимъ изъ заводовъ случилась исторія, возможная лишь въ русской дѣйствительности. Когда Оренбургъ задумалъ построить новый соборный храмъ, то для постройки его, конечно, потребовалось значительное количество кирпича. Этимъ обстоятельствомъ воспользовалась цыганская компанія оренбургскихъ купцовъ: они предложили соборному комитету, заведующему постройкою храма, устроить заводъ съ дѣйствующею круглой годъ Гофманскою обжигательною печью, поставить нужное количество кирпича по обыкновенной цѣнѣ, но за все это просили, чтобы комитетъ выпросилъ у города безплатно на 10 лѣтъ участокъ городской земли подъ заводъ. Комитетъ возбудилъ ходатайство; гласные думы резнуя о душе патетномъ дѣлѣ — постройкѣ храма Божія, отдели участокъ земли и предприимчивая компанія оренбургскихъ коммерсантовъ устроила заводъ и, поставляя кирпичъ для собора, одновременно изготовляла его и на оренбургскій рынокъ, и такъ какъ она не платила городскихъ сборовъ, то, конечно, получала на своемъ кирпичѣ приличный дивидендъ *).

На самомъ Маякѣ долгое время, начиная съ 30-хъ годовъ, существовала лишь дача графа Цукато, бывшаго наказнымъ атаманомъ оренбургскаго казачья войска, да казенныя каменоломни, которыя работали, конечно, въ убытокъ.

Загнѣмъ гора Маякъ стала частнымъ владѣніемъ. Какъ совершилась эта метаморфоза — намъ не удалось розыскать въ архивныхъ данныхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, тѣмъ же путемъ какъ и загородный домъ гене

*) Журналы гор. думы 1886 и 1897 гг.

раль-губернатора сталъ дачею бывшаго полицеймейстера Трофимова; тѣмъ болѣе это предположеніе вѣроятно, что владѣльцемъ Маяка сдѣлался Кузьминъ Караваевъ, чиновникъ особыхъ порученій при графѣ Перовскомъ, одинъ изъ официальныхъ изслѣдователей раскола, посѣтившій переодѣгымъ многіе скиты.

Частнымъ владѣніемъ гора Маякъ пребыла до 1897 года когда постановленіемъ думы на 12 іюня, она была приобрѣтена у владѣльца за 60 тыс. руб., изъ коихъ 30 тыс. руб. были уплочены со дня совершенія купчей крѣпости въ три мѣсяца, а остальные 21400 руб. были уплочены въ теченіе десяти лѣтъ съ начисленіемъ 5⁰/₀; недостающіе до 60 тыс. 8600 руб. были долгомъ владѣльца нижегородскому банку;— уплату ихъ городъ принялъ также на себя.

Съ этихъ поръ гора Маякъ стала эксплуатироваться городомъ — отдачею мѣстъ подъ дачи. Кромѣ того городъ отводилъ здѣсь мѣста для лагерей кадетскихъ корпусовъ.

За послѣднее время на Маякѣ устроены даже водопроводъ. Устройство водопровода въ дачной мѣстности, когда городской водопроводъ находится чуть ли не въ хаотическомъ состояніи, конечно, вызываетъ совершенно особыми, специфическими условіями.— Большинство дачниковъ—гласные думы и отчего же за городской счетъ, т. е. за счетъ бѣдности не попользоваться удобствами. При разсмотрѣніи вопроса о городскомъ водопроводѣ въ засѣданіи думы можно было наблюдать интересную подробность: тѣ гласные, которые имѣли дачи въ зауральной рошѣ, высказывались противъ устройства водопровода, гласные-дачники Маяка безмолвовали, но ихъ оказалось большинство, а вопросъ, какъ и обыкновенно щекотливые вопросы, рѣшался закрытой баллотировкою и расходъ свыше 5 тыс руб былъ произведенъ хотя за послѣднее время городъ сводить свою смѣту съ большимъ дефицитомъ.

По дорогѣ на Маякъ, а также по правую сторону полотна желѣзной дороги расположены промышленныя

заведенія и различные склады. Тутъ находятся лѣсопилки Оренбургскаго Лѣснаго Промышленнаго Товарищества (земля отведена 9 марта 1895 г.), Оберлендера (открыта 3 іюля 1879 г.), мельница Дружинина. Первый ея основатель, Борисовъ, *) получилъ разрѣшеніе на постройку 17 іюля 1880 года и обѣщалъ выстроить чуть ли не восьмое чудо: предполагалось соединить мельницу подъѣзднымъ путемъ съ желѣзною дорогою, чтобы мука, безъ излишней перевозки на лошадяхъ, прямо отправлялась въ поѣзда; но по нашему обыкновению гора родила мышь. Въ концѣ концовъ появилась самая обыкновенная мельница, отличающаяся лишь тѣмъ, что она слишкомъ часто мѣняла владѣльцевъ и за все свое болѣе чѣмъ 25-ти лѣтнее существованіе едва ли не больше бездѣйствовала, чѣмъ работала. Тутъ же находятся склады нефти и керосина Савинкова (разрѣшенъ 8 января 1885 г.), общества Мазутъ и братьевъ Нобель, наконецъ спичечная фабрика Савинича (6 іюня 1896 г.).

Здѣсь же находятся три учрежденія, на которыя необходимо обратить болѣе серьезное вниманіе: заводъ Грена, казачій арсеналь и скотобойня. Начнемъ нашъ разсказъ хронологически—съ казачьяго арсенала.

XIV.

Читатель, можетъ быть, будетъ въ недоумѣніи, какой интересъ представляетъ изъ себя казачій арсеналь, а житель города Оренбурга, хорошо знакомый съ городомъ, и зная, что арсеналь представляетъ изъ себя нѣсколько сараевъ, колодезь, группу деревьевъ,—мѣсто подъ арсеналомъ даже не окружено заборомъ, а обрыто небольшой канавой — весьма понятно, можетъ даже утверждать, что интереса нѣтъ никакого *).

Конечно, самъ по себѣ арсеналь не интересенъ, интересны тѣ метаморфозы, которыя испытало то мѣ-

*) «Оренб. Листъ» 1878 г. № 33, 1881 г. № 23, 1883 г. № 35

**) Означенная глава основана на рядѣ дѣлъ Оренб. Арх. Учен. Комиссіи за годы 1892—1897.

сто, гдѣ нынѣ хранится аммуниція для мобилизаціи чуть ли не всѣхъ полковъ Оренбургскаго казачества.

Означенное мѣсто у обывателя до сихъ поръ извѣстно подъ названіемъ «англиканскій домъ». Здѣсь во времена царствованія Александра I было отдѣленіе библейскаго общества. Почему послѣднее открыло отдѣленіе въ Оренбургѣ, какія цѣли преслѣдовались, кого хотѣли миссіонировать—башкирь или киргизъ—къ сожалѣнію на эти вопросы и рядъ имъ подобныхъ отвѣта нельзя найти въ мѣстныхъ архивахъ. Быть можетъ, когда будутъ раскрыты центральные архивы, въ нихъ найдутся данныя и про Оренбургское отдѣленіе библейскаго общества. Обыватель видагъ въ открытіи общества злыя козни англичанъ, которые, открывая библейское общество, преслѣдовали тайныя цѣли—уменьшить вліяніе Россіи на киргизъ. Но извѣстно, это сказалъ безсмертный Гоголь, что обыватель во всемъ видитъ «гонкую, политическую цѣль».

По раззореніи библейскаго общества — и ~~мѣсто~~ это пустовало много лѣтъ, пока оно не понадобилось для совершенно иныхъ цѣлей военному губернатору Перовскому.

Въ 1833 г. Перовскій издалъ слѣдующій циркуляръ комендантамъ крѣпостей Оренбургской линіи: «При проѣздѣ моемъ по линіи я съ прискорбіемъ замѣтилъ худое состояніе лѣсовъ по Уралу—большая часть изъ нихъ совершенно вырублена или быстро клонится къ истребленію; съ истребленіемъ лѣсовъ, сихъ хранилищъ влаги и снѣга, освѣжительная рога исчезла или едва замѣтна; весеннія разливія уменьшились, Уралъ мелѣетъ и во многихъ мѣстахъ представляетъ уже непрерывный рядъ бродовъ; бурные вѣтры дробятъ и разносятъ дождь и снѣгъ по необозримому пространству голыхъ степей; лѣтомъ палящій зной сожигаетъ хлѣба, сѣно, томитъ людей, животныхъ и легкую болѣзнь превращаетъ въ псальную; зимою буранъ и непомерный морозъ, усиленный восточнымъ вѣтромъ побиваетъ самыя даже обыкновенныя огородныя и садовыя растенія; пушной звѣрь и дичь покидаетъ край, въ которомъ нѣтъ лѣсовъ для ихъ пищи

и жилища. Словомъ: благораствореніе воздуха, плодородіе и дѣволство всякаго рода почва зають съ примѣрною и степенн стью, а цѣны первыхъ потребностей жизни непрерывно возвышаются»

Описавъ такими мрачными красками всѣ пагубныя послѣдствія истребленія лѣсовъ, Перовскій предлагаетъ комендантамъ къ 1 февраля 1834 года доставить вѣрный счетъ всѣхъ жителей мужского пола не ниже 12 лѣтъ, осмотрѣть оставшіяся лѣса, выдѣлить заповѣданные участки, къ 21 мая 1834 года доставить образцы земель, и, наконецъ, къ 1 июня 1834 года доставить свѣдѣнія, какихъ породъ растутъ лѣса и кустарники, а также по одной вѣтви съ листьями. Кроме этого Перовскій распорядился, чтобы всѣхъ жителей простолюдиновъ или поселенныхъ солдатъ, которые за ослушаніе, пьянство, грубость, буйство или драку, подлежатъ легкому наказанію, не наказывать, а заставлятъ вспахать $\frac{1}{4}$ десятины земли у опушки лѣса.

Надо полагать, сильно изумились коменданты крѣпостей, получивъ подобный циркуляръ. Особенно изумили ихъ по всей вѣроятности требованія земли и вѣтвей. Не понимая, зачѣмъ понадобились означенные предметы, коменданты, конечно, безпрекословно исполнили это требованіе и канцелярія губернагора весною и лѣтомъ 1834 года была полна мѣшками съ землею и различными вѣтвями.

Для чего же понадобились Перовскому такія свѣдѣнія? Въ его головѣ зрѣлъ очень интересный и любопытный планъ для осуществленія котораго графъ и нуждался въ означенныхъ данныхъ. Такимъ образомъ, Перовскій къ 1834 году зналъ число жителей въ крѣпостяхъ, породы деревьевъ, растущихъ въ краѣ, а также и почвы въ краѣ. На основаніи этихъ данныхъ 14 марта 1835 года Перовскій выпускаетъ особое титовграфированное «Наставленіе, какъ производить посадку».

По этому наставленію коменданты должны были выбрать «надежныхъ людей съ лошадьми, телѣгами, топорами и, какъ скоро земля освободится отъ снѣга,

отправить въ ближайшіе башкирскіе лѣса, но не далѣе 60 верстъ отъ линіи находящіяся, для вырубкѣ осокоревыхъ, осиновыхъ и ивовыхъ кольевъ. По прибытіи въ лѣсъ — гласило наставленіе, люди немедленно приступаютъ къ рубкѣ кольевъ вышеказанныхъ породъ, выбирая для кольевъ преимущественно нижнія прямыя вѣтви здоровыхъ деревьевъ, которыя вѣтви рубятъ отступя на полъ аршина отъ ствола дерева, не портя сего послѣдняго. Вѣтвь должна составить колъ четыре аршина длины, а толщины в. руку человѣка; по вырубкѣ кольевъ наложить ихъ вдоль телѣга и немедленно отправиться назадъ въ крѣпости.

По прибытіи отобрать годныя вѣтви и разослать по селеніямъ, гдѣ и положить въ воду на 8 дней близъ мѣсть, гдѣ ихъ потомъ и садить.

Въ то время, какъ часть людей отправится за кольями, остальная часть должна вырыть ямы для посаженія въ нихъ кольевъ. «Сіи ямы—читаемъ въ наставленіи—копать въ оврагахъ, пересѣкающихъ линейную дорогу, но не ближе 120 сажень отъ сей дороги. Расстояніе между ямами 5—6 аршинъ, глубина ямы $1\frac{1}{4}$ аршина, поперечникъ $\frac{3}{4}$ аршина. Послѣ 8 дней по доставленіи кольевъ нужно было приступить къ ихъ посадкѣ».

Далѣе давалось указаніе, какъ надо садить колья, а въ заключеніе говорилось: «опытами доказано, что при вырубкѣ кольевъ весною, до распусканія листьевъ и при соблюденіи вышеозначенныхъ правилъ посадки изъ 30 кольевъ — 25 должны приняться непременно, а потому при проѣздѣ моемъ по линіи я по сему расчисленію буду судить о исправности надзора за произведенными работами и буду особенно благодаренъ тѣмъ, у коихъ найду означенное отношеніе.»

Итакъ Перовскій разсуждалъ очень просто:—лѣса въ Оренбургской губерніи истреблены, надо устроить лѣсоразведеніе, для этого узнать число людей и заставить каждого жителя мужского пола насадить опредѣленное число кольевъ и наблюдать за ихъ произрастаніемъ. Такимъ образомъ, должны возвытися

искусственно разведенные лѣса по оврагамъ, вдоль линейной дороги.

Проектъ, какъ видимъ, чрезвычайно простой и на первый планъ удобоисполнимый. Результаты его слѣдующіе: въ пять лѣтъ посажено 192887 кольевъ; изъ нихъ пошло 118600, т. е. почти $\frac{3}{4}$ всей посадки — Результатъ неутѣшительный, но онъ не заставилъ Перовскаго отказаться отъ дальнѣйшихъ заботъ.

Отрицательный результатъ Перовскій приписалъ не самому проекту, не тому обстоятельству, что мѣстныя условія и изъ нихъ главнѣйшее — отсутствіе влаги препятствовали успѣшному произрастанію; нѣтъ, ему казалось, что весь неуспѣхъ объясняется отсутствіемъ людей, умѣющихъ наблюдать за посадкою и слѣдить за насажденіями.

Отсюда естествененъ выводъ: надо создать такихъ людей, а для этого необходимо учрежденіе, воспитывающее ихъ, т. е. училище лѣсоводства.

Перовскій принадлежалъ къ числу лицъ, которые отъ мысли и слова тотчасъ переходятъ къ дѣлу, и 8 октября 1835 года онъ посылаетъ отношеніе къ графу Канкрину, въ которомъ, указывая, что лѣса въ Оренбургскомъ краѣ истреблены, что послѣдствія этого истребленія сказываются, проситъ графа Канкрина посодѣйствовать въ открытіи въ Оренбургѣ училища лѣсоводства.

Основанія для открытія этого училища были слѣдующія: 1) учрежденіе въ Оренбургѣ на 12 лѣтъ училища лѣсоводства для образованія лѣсничихъ изъ 12 малолѣтокъ Оренбургскаго казачьяго войска; 2) расходъ на первоначальное обзаведеніе училища до 11 т. р., ежегодное содержаніе 12500 р.; 3) устройство на 12 лѣтъ особой рабочей команды для лѣсоразведенія изъ 200 башкиръ, расходъ на нихъ до 3270 р.

Графъ Канкринъ не согласился съ проектомъ Перовскаго, а предложилъ высылать шесть казачьихъ малолѣтокъ въ Егорьевское Лисинское училище (Петербургской губерніи, открытое по инициативѣ Канкрина), а остальныхъ шесть малолѣтокъ направлять къ главному лѣсничему казенныхъ горныхъ заводовъ

уральскаго хребта, который т. е. лѣсничій, по добровольному соглашенію въ цѣль за содержаніе и обученіе, принимаетъ учениковъ изъ всѣхъ состояній для образованія къ службѣ по лѣсной части.

На это предложеніе Перовскій съ своей стороны отвѣтилъ отрицательно. Высылать учениковъ въ Петербургскую губернію было, по его мнѣнію, совершенно бесполезно, такъ какъ «край здѣшній въ отношеніи недостатка вообще лѣсовъ и управленія тѣми, кои еще въ частности сохранились, находится въ такомъ положеніи, что, дѣйствительно, необходимо дожить каждымъ годомъ. По открытіи училища ученики съ командою подъ руководствомъ учителя занялись бы съ перваго года лѣсоразведеніемъ. Учитель приобрѣлъ бы при помощи подобныхъ работъ знаніе мѣстнаго климата, почвы и оныяность. Если воспитанники будутъ отправляемы въ Петербургъ, гдѣ мѣсто положеніе, климатъ и почва составляютъ совершенно противоположность съ Оренбургской пограничной линіей, то четыре года ученія пропадутъ вполне безвозвратно для здѣшняго края; далѣе пройдетъ годъ, пока ученики устроятся на мѣстахъ и 4—5 лѣтъ пока они ознакомятся съ условіями, т. е. работать они смогутъ не ранѣе 10—12 лѣтъ, но въ это время училище выпустило бы до 36 лѣсничихъ.

Но графъ Канкринъ стоялъ на своемъ и не хотѣлъ ассигновать необходимыя средства. Тогда Перовскій, вспомнивъ, что онъ былъ личнымъ адъютантомъ Императора Николая I, въ бытность его великимъ княземъ, обратился прямо къ Государю и получилъ желаемое разрѣшеніе на открытіе училища, цѣль котораго Перовскій пояснялъ такъ: «цѣль училища состоитъ въ образованіи для Оренбургскаго казачьяго войска смотрителей общественной запашки и лѣсничихъ. Въ воспитанники училища поступаютъ преимущественно малолѣтки Оренбургскаго казачьяго войска, впрочемъ буде кто изъ чиновниковъ сего войска пожелаетъ помѣститься въ это заведеніе своихъ дѣтей, то таковыя будутъ приняты. Содержаніе равно и степень образованія для всѣхъ воспитанниковъ

одинаковы. Курсъ наукъ продолжается четыре года, въ теченіи коихъ воспитанниковъ учатъ, кормятъ и одѣваютъ на казенный счетъ, по прошествіи сихъ четырехъ лѣтъ воспитанники опредѣляются на службу по экзамену въ урядники и размѣщаются въ войско по тѣмъ частямъ, для коихъ они образовались. Смотритель записекъ его помощникъ и лѣсничій, выпущенные изъ сего училища, не паряжаются ни на какую службу, дальнѣйшее ихъ производство въ чины зависитъ отъ ихъ усердія. Поступающіе ученики должны быть не моложе 15 и не старше 18 лѣтъ и умѣть хорошо читать и писать».

Изъ этого опредѣленія цѣли и назначенія училища мы видимъ, что къ первоначальному своему проекту—училищу лѣсоводства Перовскій присоединилъ еще и училище земледѣлія. Основаніемъ этого присоединенія послужили слѣдующія обстоятельства: голодовки и неурожаи посѣщали и въ то время Оренбургскій край; правительство было озабочено изысканіемъ средствъ уничтожить эти неурожаи. Въ поискахъ за средствами пришли къ той мысли, что общественными запасками можно урегулировать количество хлѣба, пополняя недостатокъ его въ случаѣ неурожая изъ общественныхъ магазиновъ. Но и для общественной запашки нужны руководители, съумѣвшіе убѣдить населеніе въ пользѣ этой запашки;—на селеніе относилось къ ней очень враждебно—нужно было приучить жителей; далѣе для общественныхъ магазиновъ необходимы были смотрителя. Ихъ и могло дать училище земледѣлія.

Такимъ образомъ училище было открыто 18 февраля 1836 года. Но результаты его дѣятельности были, какъ и должно было ожидать, отрицательные и вина въ этомъ падаетъ, конечно, на Перовскаго и дальнѣйшихъ руководителей дѣла.

Дѣйствительно въ училище принимались малолѣтки 15—18 лѣтъ, т. е. особенно принимая во вниманіе, что дѣло было 70 лѣтъ тому назадъ, люди взрослые,—уже женихи, но умѣвшіе только читать и писать, а имъ предлагались слѣдующіе предметы:

1) «Лѣсознаніе собственное», состоящее изъ 1) климатологіи, 2) почвовѣдовѣнія, 3) частной лѣсной ботаники, 4) лѣсоразведенія, 5) лѣсоохраненія, 6) лѣсоупотребленія, 7) лѣсовычисленія, и какъ вспомогательныя науки: 8) лѣсная ботаника, 9) исторія природы, 10) сельское хозяйство, 11) ариѳметика и геометрія, 12) исторія, 13) географія и 14) черченіе. Такимъ образомъ, въ училищѣ лѣсоводства проходило 14 предметовъ.

А вотъ на что раздѣлялось «умозрительное и дѣлопроизводительное земледѣліе :

1) опредѣленіе земледѣлія, 2) опредѣленіе земли, 3) опредѣленіе и свойство почвы, 4) главнѣйшіе способы обрабатывать почву, 5) исправленіе почвы, 6) воздѣлываніе различныхъ растений, злаковъ, корнеплодовъ.

Программа, какъ видимъ, черезчуръ обширная. Гѣ этому надо прибавить, что и учителя были немцы, плохо понимавшіе по русски, воспитанники Дерпта—кандидатъ философіи Элертъ, учитель земледѣлія Рейхенбахъ, смотритель училища Гернь...

Весьма понятно, что при такомъ обширномъ курсѣ и при такихъ учителяхъ, быть можетъ и знавшихъ свои предметы, но во всякомъ случаѣ не могущихъ передать свои познанія—училище земледѣлія и лѣсоводства не оправдало возлагаемыхъ на него надеждъ.

Первое время при Перовскомъ оканчивающіе курсъ наукъ направлялись на линію, на дорогу и снабжали, правда, запасомъ сѣмянъ, но на самой линіи не давали никакихъ средствъ для лѣсоразведенія и ученикъ стремился всѣми силами поступить куда либо на службу, а сдѣлать это было тѣмъ легче, что въ Оренбургѣ сильно нуждались въ мало-мальски грамотномъ человѣкѣ.

Училище было закрыто 7 февраля 1867 года.

Просуществовало училище 30 лѣтъ, выпустило рядъ лѣсничихъ и смотрителей хлѣбныхъ магазиновъ, которые тотчасъ дѣлались чиновниками, а лѣсъ въ Оренбургскомъ краѣ уменьшался съ каждымъ годомъ, а неурожай дѣлались все чаще и грознѣе...

Это училище интересно лишь съ точки зрѣнія изобрѣтательности бюрократизма. Вѣдь, дѣйствительно, какъ просто и логично положеніе Перовскаго: лѣса истреблены, надо заняться лѣсоразведеніемъ, для этого пужны знающіе люди, *ergo*, слѣдуетъ открыть училище лѣсоводства. Силлогизмъ построенъ правильно, только забыто одно маленькое обстоятельство: условія времени мѣста, позабыты условія жизни. Эти условія вполнѣ не подходили къ вышеприведенному силлогизму. Вѣдь лѣсоразведеніе означаетъ высокую культуру народности,—а какова была культура жителей Оренбургскаго края 70 лѣтъ тому назадъ? Культуры не было никакой и весьма понятно, что начинаніе, какъ бы ни просто, ни логично являлось оно въ теоріи, не могло осуществиться въ жизни.

Для означеннаго училища Перовскій и выбралъ то мѣсто, гдѣ теперь находится арсеналь. Закинула работа,—одно за другимъ появлялись званія, развился паркъ—денегъ ушло очень много и наркъ, какъ говорятъ старожилы былъ, дѣйствительно, разведенъ.

Отъ него теперь остались воспоминанія въ видѣ нѣсколькихъ деревнень. Было построено даже особое помѣщеніе для историко—археологически—естественнаго музея. Отводились десятки десятинъ для полей, для огородовъ копались колодцы,—словомъ, деньги уходили, какъ въ бездонную бочку.

А въ результатѣ, сохранившіеся отъ разрушенія зданій черезъ тридцать лѣтъ были обращены въ цѣпные.

ХV.

Не менѣе поучительной является и исторія завода Грена, завода, расположеннаго почти напротивъ училища лѣсоводства. Но заводъ Грена—мѣропріятіе болѣе поздняго времени—конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Если при помощи училища земледѣлія и лѣсоводства свѣтъ культуры долженъ былъ вноситься въ казачьи головы, Оренбургскій край долженъ былъ

покрыться густыми лѣсами, и представить изъ себя богатѣйшую житницу, которая кормила бы чуть ли не всю остальную Россію, то и заводъ Грена имѣлъ высоко культурное значеніе, но онъ долженъ былъ дѣйствовать среди башкиръ.

Заводъ Грена былъ устроенъ въ 1856 году, но извѣстность приобрѣлъ и извѣстность не только Оренбургскую, но и всероссійскую въ 1864 году.

Общеизвѣстно, что значительною частью населенія Оренбургскаго края являются башкиры, которые до появленія русскихъ считали себя господами края. Номинально Башкирія считалась въ русскомъ подданствѣ еще со временъ Іоанна Грознаго, со дня покоренія Казанскаго царства, Уже въ XVII столѣтіи въ Башкиріи было нѣсколько русскихъ городовъ, какъ то Уфа, Бирскъ, Мензелинскъ,—но зависимость башкиръ отъ Россіи выражалась лишь въ незначительной дани, которую собирали русскіе воеводы; право собственности башкиръ на ихъ землю было подтверждаемо рядомъ указовъ, никакого вліянія на башкиръ въ смыслѣ сліянія ихъ съ русской народностью, конечно, не оказывалось и башкиры, предоставленные самимъ себѣ, находясь подъ вліяніемъ проповѣди ислама, шедшей изъ средней Азіи —Самарканда, Туркестана и другихъ центровъ магометанской учености, конечно, не имѣли ни малѣйшаго желанія потерять свою самобытность.

И только русскіе, начиная съ Петра Великаго, стали обращать болѣе серьезное вниманіе на башкиръ, вспыхнули башкирскіе бунты, происходящіе чуть ли не ежегодно съ 1804 года вплоть до конца этого столѣтія. Бунты принимали иногда грандіозные размѣры, какъ напримѣръ, возстаніе Каракасала. Про этого послѣдняго среди башкиръ охранилось слѣдующее поэтическое сказаніе:

Каракасаль —батырь,
Какихъ мало на свѣтѣ.
Въ бѣлой чалмѣ,
На черномъ конѣ,

Быстръ онъ, какъ вѣтеръ,
Грозенъ, какъ Божья гроза.

Одинъ идетъ на сто человѣкъ,
Одинъ побиваетъ сто человѣкъ,
Онъ батырь, батырь,
Божья гроза, пагуба невѣрныхъ,
Онъ Богомъ хранимъ!

Каракасаль и до сихъ поръ является одною изъ загадочныхъ личностей въ исторіи. Происхожденіе его темно, но нѣтъ сомнѣнія, что это былъ выдающійся человѣкъ, обладавшій громадной энергіей, сумѣвшій пробудить среди башкиръ религіозный фанатизмъ въ высшей степени. — Но, конечно, Каракасаль не могъ побѣдить русскихъ, не могъ возстановить «вольную Башкирію». Русскіе были черезъ чуръ сильны, а башкиры принадлежали къ тѣмъ націямъ, которымъ все-сильной судьбою предназначено вымирать *).

Политика русскихъ по отношенію башкиръ въ началѣ отличалась невѣроятною жестокостію. Вотъ что, напримѣръ, писалъ оренбургскій историкъ Петръ Рычковъ о усмиреніи бунта Каракасала (1735 - 1740 г.): убито и казнено 9438 человѣкъ, сослано въ каторгу 3101, роздано помѣщикамъ 6309, — а всего 18848 человѣкъ, сожжено 395 деревень — и, прибавляеъ историкъ края, цифры эти врядъ ли вѣрны, онѣ слишкомъ малы.

А самыя казни совершались слѣдующимъ образомъ: «25 августа 1740 года по прочтеніи указа была совершена «экскуція»: главные сообщники Каракасала (самъ онъ успѣлъ скрыться), въ числѣ пяти человѣкъ, были посажены на желѣзные колья, укрѣпленные на высокихъ каменныхъ столбахъ, 11 человѣкъ повѣшены на желѣзные крючья за ребра, 80 человѣкъ просто повѣшены, двадцать одному человѣку были отрублены головы, въ томъ числѣ былъ обезглавленъ и мертвецъ, какъ выдумавшій Каракасалу; при дру-

*) Смотри монографіи Вятковского, статьи Игнатьева, Исторію Оренб. Рычкова.

гой экспедиціи — 50 человекъ повѣшено, 301 человекъ отрубаны уши и носы — и наказанные были опущены въ свои деревни.

Загѣмъ кромѣ устраниенія казнями воспользовались національною враждою между киргизами и башкирами. Составлялись подложные указы, разрѣшающіе киргизамъ нападать на башкиръ и обратно, — возникающія междоусобія ослабляли національности и этимъ ослабленіемъ пользовался особенно Неплюевъ.

Далѣе Башкирія точно желѣзнымъ кольцомъ опоясывалась линіей русскихъ крѣпостей и вмѣсто окраины становилась, дѣйствительно, центральною провинціею.

Словъ нѣтъ, для современнаго человека эти картины прямо ужасны, нельзя понять этой жестокости, болѣе того безирравственности, — но надо помнить, что эти мѣры принимались 160 лѣтъ тому назадъ, когда «жестокое было время и грубые были нравы...»

Потоками крови, рядомъ административныхъ мѣръ, башкиры были усюкоены, усмирены; — возникъ другой вопросъ, — какъ же поступать съ этою побѣжденною національностью, что предпринять для дальнѣйшаго развитія ея?

Вопросъ, конечно, очень сложный, углубляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что башкиры были мусульмане, а на «поклонниковъ пророка» у насъ привыкли сморгать съ подозрѣніемъ.

И вотъ начался рядъ административныхъ проектовъ, должностствующихъ устроить для башкиръ ~~зачинное~~ эльдорадо. Тема нашей работы и ся разбѣры не позволяютъ намъ коснуться здѣсь во всей подробности означенныхъ проектовъ, укажемъ только на нѣкоторые изъ нихъ, прежде чѣмъ перейти къ заводу Грена.

Читатель, можетъ быть, недоумѣваетъ, какое отношеніе заводъ Грена имѣлъ къ башкирамъ. — Оказывается, довольно большое.

Однимъ изъ первыхъ проектовъ устройства была башкиръ былъ проектъ графа Сухтелона. Сущность

этого проекта въ слѣдующемъ: *) управленіе башкиръ было ввѣрено особымъ кантоннымъ начальникамъ, которые, по мнѣнію графа Сухтелена, «большею частію, безъ надлежащихъ познаній съ дурною нравственностью, не только не облегчаютъ заботы правительства о благосостояніи башкирскаго народа, неустроеннаго еще въ гражданской жизни, но имѣя главною цѣлью корыстолюбіе, порождаютъ только распри и укореняютъ злоупотребленіе и безпорядки».

По мнѣнію графа Сухтелена надо было въ каждомъ кантонѣ учредить особую должность кантоннаго попечителя, поставивъ на этотъ постъ опытнаго, честнаго и дѣльнаго офицера, снабдивъ этихъ попечителей особыми инструкціями.

Инструкція была довольно таки обширна, она состояла изъ 22 пунктовъ. Изъ этой инструкціи виденъ прежде всего общій взглядъ на башкиръ: «башкирцы, наклонные къ воровству лошадей, особенно у сосѣднихъ поселянъ изъ христіанъ, привели ремесло сіе нѣкоторымъ образомъ въ систему. Скорая передача лошадей изъ руки въ руки, употребленіе ихъ въ нищу, проживаніе воровъ въ отдѣльныхъ хуторахъ, фанатизмъ религіи, толкуемой муллами, что магометанинъ не долженъ выдавать магометанина за преступленія противъ христіанина, корыстная наклонность старшинъ и кантонныхъ начальниковъ скрывать слѣды воровства много способствуютъ поддержанію сего зла».

Итакъ, башкиры прежде всего — конокрады, далѣе муллы башкиръ «по наклонности къ корыстолюбію и защитѣ единовѣрцевъ, не желая, чтобы открылась истина, читаютъ имъ при присягѣ не тѣ молитвы, кои по закону слѣдуетъ, и тѣмъ увѣряютъ отвѣтчиковъ, что присяги тѣ не сильны и не требуютъ сознанія. Такимъ образомъ, башкиры допускаютъ ложь во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ религіи.

*) Арх. Оренб. Учен. Ком. Отд. Граж. дѣло 21 Іюля 1830 г. на 32 л.

Взглядъ на башкиръ, какъ видимъ, былъ непривлекательный, а отсюда понятенъ выводъ: взять башкиръ подъ опеку, опекуномъ долженъ былъ сдѣлаться вновь учреждаемый попечитель.

Онъ долженъ былъ составить списки всѣхъ башкиръ, подозрѣваемыхъ въ воровствѣ, и стремиться къ исключенію этого элемента, т. е. ссылка въ Сибирь и другія губерніи Россіи; далѣе - необходимо было воспретить башкирамъ селиться хуторами и по оди ночкѣ, наблюдать за начальствующими лицами изъ башкиръ, словомъ, нужно было слѣдить за каждымъ шагомъ, каждымъ поступкомъ башкиръ.

Таковъ былъ взглядъ графа Сухтелена, а графъ былъ гуманѣйшею личностью своего времени; весьма понятно, каковъ былъ взглядъ на башкиръ у большинства.

Башкиръ признавался годнымъ лишь для одного: сорвать съ башкира, какъ можно больше и всѣми средствами. — Этотъ взглядъ дожилъ чуть ли не до нашего времени, вспомнимъ лишь знаменитую эпопею расхищенія башкирскихъ земель.

Башкиры цѣнились какъ даровая казенная рабочая сила: команды башкиръ угонялись въ башкирскіе лѣса, тамъ рубили казенный лѣсъ, который и сплавляли по Сакмарѣ къ Оренбургу; команды башкиръ посылались въ Оренбургъ и здѣсь работали на казенныхъ кирпичныхъ заводахъ, жгли кирпичъ, строили казенныя постройки; наконецъ, на башкирахъ же лежала обязанность вести летучку; — такъ назывался своеобразный родъ почты, введенный въ практику Перовскимъ. Черезъ каждыя двадцать пять верстъ стояло нѣсколько конныхъ башкиръ. Гонецъ башкиръ подлеталъ съ почтовой сумкой, бросалъ ее слѣдующему очередному башкиру, тотъ схватывалъ ее на лету и мчался во весь духъ, сломя голову, свои двадцать пять верстъ для того, чтобы перебросить сумку слѣдующему и т. д. Весьма понятно, что скорость такой доставки чуть ли не равнялась скорости курьерскаго поѣзда...

Официально башкиры набирали отъ себя конные полки и этими полками иногда щеголяли.

Такъ при проѣздѣ черезъ Оренбургъ Императора Александра II, въ бытность наслѣдникомъ престола, Перовскій на парадѣ, данномъ въ честь пріѣзда высокаго гостя, вывелъ на смотръ двѣ сотни башкиръ *).

Одна сотня на рыжихъ коняхъ, въ красныхъ суконныхъ кафтанахъ, обшитахъ галуномъ, въ такихъ же малахаяхъ съ галунами, подбитыхъ красною лисою, за спинами колчанъ со стрѣлами и лукъ. Другая сотня на сѣрыхъ лошадяхъ была одѣгаб въ кольчугу, сквозь которую просвѣчивалъ красный ешметъ, въ стальныхъ наручникахъ и набедренникахъ, на головѣ стальной шишакъ, на поясѣ кривая турецкая сабля. Пущенныя въ атаку, эги двѣ сотни лихъ пронеслись мимо Цесаревича, который остался ими очень доволенъ

Конечно, это была декорація, но въ то время декорація очень цѣнилась.

Наконецъ, налъ башкирами производился рядъ экспериментовъ, цѣль которыхъ — «улучшить» положеніе башкиръ, а результаты — еще большее «разорѣніе»

Такъ хотѣли обучить башкиръ ремесламъ; для этой цѣли построили караванъ-сарай, въ которомъ должны были помѣщаться командующій башкиро-менцеракскимъ войскомъ, казармы и мастерскія—школы для башкирскихъ малолѣтокъ; значительное количество послѣднихъ посылалось въ Казань для обученія медицинѣ;—предполагалось, что доктора изъ башкиръ сѣумѣютъ лучше лечить своихъ единоплеменниковъ и смогутъ пріостановить принявшую громадные размѣры «венерическую болѣзнь» или, какъ тогда называли, «любострастную болѣзнь»

Трудно даже просто пересчитать всѣ тѣ мѣропріятія, которыя благотѣльное начальство придумывало для башкиръ перемѣнялся начальникъ и

*) Тург. Газ. 1896. № 1.

перемѣнялась система, все прежде предпринятая мѣры считались недѣйствительными, вводились новыя и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ были расходы, которые, конечно, производились за счетъ башкиръ.

Но наступили 60-ые года, повѣяло новой жизнью, новымъ духомъ—на башкиръ обратили особое вниманіе и порѣшили, что полувоенная организація чужда башкирамъ и что послѣдніе, будучи по происхожденію—номады, имѣютъ большое влеченіе къ земледѣлію и могутъ стать великолѣпными пахарями.

Разговоры на эту тему велись довольно любопытные, даже неофициальный отдѣлъ Оренбургскихъ губернскихъ вѣдомостей посвятилъ этому вопросу рядъ статей, въ которыхъ доказывалъ, что «теперь у рѣдкаго хозяина изъ башкиръ нѣтъ огорода, рѣдкій не косить сѣна и не собираетъ хлѣба на столько, что за собственнымъ обезпеченіемъ, можетъ еще и продавать, а на кочевки значительная часть башкиръ и не выходитъ и черезъ годъ или два кочевки навѣрное будутъ составлять историческое преданіе.»

Какъ видимъ неофициальный отдѣлъ высказывался вполне категорически, признавая, что башкиры не только способны къ земледѣлію, но уже привыкли къ нему и дѣлаются вполне осѣдлыми жителями. Означенные результаты будто бы достигнуты не нагайками, какъ это было при военномъ губернаторѣ Обручевѣ и управляющемъ башкирскимъ народомъ генералѣ Жуковскомъ—по словамъ тѣхъ же вѣдомостей—а введеніемъ новаго положенія о башкирахъ и еще нѣкоторыми мѣропріятіями, изъ которыхъ наибольшую цѣнность имѣло слѣдующее: «рѣшено было снабдить башкиръ усовершенствованными земледѣльческими орудіями, а также машинами. Для этого изъ башкирскаго капитала выдали владѣльцу механическаго завода Грену ссуду, а онъ за эту ссуду приспособилъ свой заводъ для изготовленія усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ.

Для образца было приобрѣтено большое количество земледѣльческихъ орудій усовершенствованной конструкции изъ Московскихъ складовъ; цѣны на ору-

дія были назначены московскія, съ обязательствомъ пускать въ ходъ и ремонтировать, при покупкѣ нѣ сколькихъ экземпляровъ дѣлалось уступка. Для большаго распространенія этихъ усовершенствованныхъ орудій ежегодно устраивалась выставка.

И наконецъ—hier ist der Hund begaben какъ гла- сить пѣмецкая пословица—заводчикъ Гренъ обѣщалъ обучать двадцать мальчиковъ изъ башкиръ искус- ству дѣлать усовершенствованныя машины, конечно, за приличную плату *).

На обученіе этихъ двадцати мальчиковъ обраца- ли особенное вниманіе, полагали, что обучившись всѣмъ тайнамъ сельско-хозяйственной техники, воз- вратившись въ свои кочевки, эти «обученные» мало- лѣтки, не имѣя ни инструментовъ, ни помѣщенія, ни оборотнаго капитала, начнутъ голыми руками обучать своихъ соотечественниковъ какъ, имъ пользоваться усовершенствованными орудіями, и послушный волѣ начальства башкиръ тотчасъ же броситъ «сабанъ» и примется за американскій плугъ новой системы, за жатвенную машину и пр.

Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость—возможно только воскликнуть въ настоящее время при чтеніи подобныхъ бюрократическихъ измышленій. Но не надо забывать, что на нихъ въ былое время смотрѣли серьезно, думали въ нихъ обрѣсти настоящую пана- цею отъ всевозможныхъ бѣдъ...

Результаты, конечно, были отрицательные, но лишь для тѣхъ, кого они должны были осчастливить, т. е. для башкиръ, но всѣ тѣ лица, которыя имѣли то или иное соприкасательство съ дѣломъ, завѣдывали имъ или, какъ напимѣръ заводчикъ Гренъ, исполня- ли извѣстныя порученія, не могли пожаловаться на свою судьбу... Они процвѣтали.

XVI.

Отъ этихъ безплодныхъ попытокъ, отъ этой без- смысленной траты трудовыхъ денегъ перейдемъ къ

*) П. Столпянскій. Очерки Оренб. старины. Оренб. газета 1902 г.

третьему учрежденію. расположившемуся по сосѣдству и имѣющему значительно большее значеніе для города Оренбурга—мы говоримъ о городской скотобойнѣ *).

Оренбургъ издавна слыветъ центромъ торговли скотомъ и его продуктами. Но вплоть до проведенія желѣзной дороги, вопросъ о торговлѣ скотомъ, собственно говоря, никого особенно не интересовалъ, торговля скотомъ шла своимъ порядкомъ, по старинкѣ, по тѣмъ вѣковымъ традиціямъ, которыхъ, разъ онѣ установились, бываетъ очень трудно изгнать изъ русскаго человѣка.

«Скотинка» билась попросту, по семейному: кто на частныхъ бойняхъ, а кто такъ у себя на дворѣ, кровь тутъ же впитывалась въ землю, различные отбросы мирно гнили на задворкахъ — и никто не протестовалъ, а наоборотъ всѣ находили, что дѣло обстоитъ такъ, какъ должно обстоять, несмотря на то, что уже существовалъ циркуляръ ветеринарнаго отдѣленія министерства внутреннихъ дѣлъ, циркуляръ, трактовавшій о раціональной скотобойнѣ.

Конечно, циркуляръ получила и Оренбургская дума, но она только прочла его и подшила къ дѣламъ.

Желѣзная дорога должна была сдѣлать переворотъ въ торговлѣ скотомъ. Вѣдь вмѣсто того, чтобы гнать скотъ гуртомъ, его можно было колоть въ Оренбургъ и отправлять мясными тушами.

Стала развиваться дѣятельность частныхъ скотобоенъ и.. и городъ сталъ подумывать о томъ, что пора и ему самому взяться за умъ. Но думы города или городской думы были долги—оно и понятно: среди гласныхъ думы было значительное количество скотопромышленниковъ, а кто же врагъ самому себѣ.

Наконецъ 13 Августа 1881 года дума избрала особую комиссію съ которой, независимо отъ разработки

*) Оренб. Лист. 1885. 9. 32. 1890. 7. 25. 1893. 9. Соотвѣтственные журналы думскихъ засѣданій. Надеждинъ. Очерки городского хозяйства. Оренб. Газ. 1903 г. Отчеты город. скотобойни.

проекта скотобойни, поручила собрать свѣдѣнія: 1) на какое количество скота потребуется зданіе, имѣя въ виду на первыхъ порахъ лишь потребности мѣстнаго рынка, разумѣя лишь одинъ рогатый скотъ; 2) выгоднѣйшій способъ устройства скотобойни, арендный или за счетъ города и способъ извлеченія доходовъ съ опредѣленіемъ таксы за убой скота; 3) выборъ мѣста для скотобойни.

Комиссія начала работать и сравнительно скоро представила въ думу свой проектъ.

Оказывается, что по даннымъ комиссіи въ то время билось въ Оренбургѣ всего 15 т. головъ, т. е. среднимъ числомъ по 50 головъ въ день. Лучшее мѣсто, по мнѣнію комиссіи,—мѣсто за баннмъ протокомъ, гдѣ были огороды каптопистовъ. Смѣта на постройку скотобойни исчислена въ 22,892 руб.; —эту сумму, по мнѣнію комиссіи, городъ могъ вернуть въ тринадцать лѣтъ, такъ какъ чистая прибыль должна была равняться 2965 р. при доходѣ въ 4925 р. и расходѣ въ 1960 р. Расходъ слагался; изъ жалованья комиссару—500 р., ветеринарному врачу—300 р., сторожу—300 р.. Такимъ образомъ, весь штатъ скотобойни предполагался изъ трехъ лицъ, причемъ комиссія полагала возможнымъ найти ветеринарнаго врача для надзора за бойнями за жалованье 25 р. въ мѣсяцъ.

Какъ мизерны, нищенски убоги эти цифры съ тѣми, которыя расходуются въ настоящее время. Вотъ цифры отчета за 1902 г.—Убито 50,956 головъ, получено доходу 55,963 р. 70 к., расходъ бойни выразился въ 39,115 р. 63 к., чистая прибыль— 29,126 р. 72 к.—За послѣдніе годы валовой доходъ приближается къ 100 т. р., превышая уже 80 т. р.

Но дума въ 1882 году не согласилась съ комиссіей, она послушалась управы, которая полагала, что вести дѣло хозяйственнымъ способомъ убыточно; гораздо легче, удобнѣе и выгоднѣе сдать постройку боенъ кому-либо съ тѣмъ, чтобы это лицо въ продолженіи извѣстнаго времени эксплуатировало бойню, а затѣмъ бойня поступила бы въ собственность города.

Дума согласилась съ управою. Были назначены

торги, но желающихъ принять на себя постройку скотобоенъ не находилось и дѣло устройства скотобоенъ отлагалось въ дальнѣй ящикъ. Управа неоднократно входила въ думу съ докладами о необходимости построить скотобойню, дума соглашалась, избирала комиссію для подготовительныхъ работъ — и дѣло такъ и заканчивалось комиссіей.

Такъ дѣло обстояло вплоть до начала 90-хъ годовъ; дума, наконецъ, признала необходимость и неотложность постройки скотобойни и, такъ какъ денегъ не было, то возбудила ходатайство объ облигаціонномъ займѣ. Займъ былъ разрѣшенъ. Въ 1893 году началась постройка скотобоенъ и 2 апрѣля 1894 года онѣ начали дѣйствовать.

Устроены городскія скотобойни прямо образцово. Вступивъ въ ворота, вы видите предъ собой обширный дворъ; вся скотобойня занимаетъ пространство въ шесть десятинъ, раздѣленное на корды; здѣсь дожидается скотъ своего осмотра и смертнаго часа. Прямо, въ серединѣ двора — три зданія поставленныя параллельно другъ другу, срединное бойня, а два боковыя сараи для тушъ; вправо отъ этихъ зданій тоже два помѣщенія — одно салотопня и кишечныя заведенія, другое — бойня для свиней, лошадей и заразнаго скота.

Въ камерахъ для убоя вниманіе обращается на «стягонецъ» — приборъ для болѣе удобнаго обдѣлки шкуры и раздѣленія туши. Укрѣплены двѣ вертикальныя стойки, положена горизонтальная, по которой взадъ и впередъ при помощи зубчатыхъ колесъ ходитъ также вертикальный брусокъ съ крючкомъ; этотъ брусокъ къ тому же можетъ спускаться и подниматься. Другой такой же брусокъ неподвиженъ. Къ этимъ двумъ брускамъ на особыхъ крючкахъ прикрепляется туша животнаго и, такъ какъ одинъ изъ этихъ брусковъ подвижной, то туша можетъ подниматься вверхъ и внизъ, а также передвигаться въ сторону, при послѣднемъ передвиженіи туша передается на особую лебедку и изъ горизонтальнаго положенія принимаетъ вертикальное.

Два бойца ведутъ быка; онъ упирается, судорожно мотаетъ головой, глаза у него какъ то неестественно расширены, онъ пытается даже вырваться, но бойцы—крѣпкій и сильный народъ: быкъ подвешенъ къ особой канавкѣ, устроенной на асфальтовомъ полу камеры, какимъ-то ловкимъ и своеобразнымъ движеніемъ быкъ валится на переднія ноги, которыя связываются, ударъ ножа и животное бьется въ судорогахъ на полу, а изъ зіяющей раны на шеѣ цѣлымъ потокомъ брызжетъ алая, горячая кровь... движенія животного все слабѣе и слабѣе, еще нѣсколько судорожныхъ подергиваній—животное вытянулось мертвымъ, тотчасъ же рубится голова и туша поступаетъ на стягонецъ.

Ловкимъ движеніемъ ножа боецъ взрѣзываетъ кожу на животѣ, начинаетъ ее обдирать; другой боецъ копошится наъ ногами; черезъ нѣсколько мгновеній стягонецъ приходитъ въ движеніе, туша медленно поднимается, начинается обдираніе кожи съ боковъ, вырубается грудь, вытаскиваются внутренности, еще нѣсколько мгновеній, туша передана на лебедку, виситъ вертикально, одинъ боецъ сдираетъ кожу со спины, другой распредѣляетъ сало болѣе равномерно по всей тушѣ, послѣ этого туша по рельсамъ на особой вагонеткѣ передается въ сарай.

Все дѣлается замѣчательно быстро. Движенія бойцовъ увѣренны, ловки, видно, что это мастера своего дѣла. Большинство татары; они въ высокихъ сапогахъ, кожаныхъ курткахъ и фартухахъ, здоровые, рослые, съ энергичными, нѣсколько сумрачными физиономіями.

Полъ бойни залить кровью; изъ водопровода шумно идетъ цѣлый ручей воды, на полу вездѣ вода, она смываетъ кровь, унося ее въ отводную трубу.

Надзоръ на бойнѣ за послѣднее время возложенъ на двухъ ветеринарныхъ врачей. Обдѣланные туши переходятъ въ сарай, внутренности вѣшаются на крючки по стѣнамъ камеръ. Врачъ проходитъ посреди висящихъ тушъ, а два рабочихъ поворачиваютъ эти туши, чтобы ихъ можно было лучше осмотрѣть; слы-

шится отрывистый голосъ врача: «съ мясомъ, до мяса», причемъ врачъ осматривается и отмѣчаетъ ножомъ, какую часть туши, какъ зараженную, нужно вырубить; идущіе сзади рабочіе вырубаятъ указанное мѣсто оно тотчасъ свативается въ чанъ, обливается керосиномъ и отвозится на свалки нечистотъ.

Особенно много брака бываеъ при осмотрѣ внутренностей, то и дѣло слышится: «эхиноккока, плевритъ, цинозъ» и т. д. и отрѣзанныя внутренности животныхъ звучно шлепаются о каменный полъ и отпавляются, какъ негодныя, на сватку. Огромное количество уничтожаемыхъ внутренностей наглядно показываетъ важное значеніе общественныхъ городскихъ боенъ и важность ветеринарнаго надзора; безъ послѣдняго онѣ, конечно, поступали-бы на рынокъ, обыватель ихъ покупалъ бы и преспокойно заражался бы различными глистами.

Смерть животного слишкомъ мучительна; правда, существуетъ иной способъ—колоть въ продолговатый мозгъ, хотя смерть и въ этомъ случаѣ не мгновенна, но происходитъ потеря сознанія и животное не такъ мучается; между тѣмъ употребленіе этого способа гораздо рѣже, такъ какъ мясо при немъ получается хуже, надобно убивать животное, хотя-бы съ жестокими мученіями, но чтобы вылилось побольше крови, тогда бифштексы будутъ сочными и вкусными.

Ужъ слишкомъ кровожаденъ царь природы — человекъ.

XVII.

Какъ старая слободка была образована принудительнымъ выселеніемъ жителей изъ города вслѣдствіе непредвидѣннаго обстоятельства — пожара 1786 года, такъ точно подобное же непредвидѣнное обстоятельство повліяло на заселеніе и другого предмѣстья города—новой слободки *).

Для послѣдней непредвидѣннымъ обстоятельствомъ былъ прїѣздъ въ городъ Оренбургъ Наслѣд

*) Дѣло арх. ком.

ника престола Цесаревича Александра II въ 1837 г., Для встрѣчи такого великаго гостя, конечно, нужно было приготовиться, нужно было прикраситься, не ударить лицомъ въ грязь.

В. А. Перовскій, бывшій въ то время военнымъ губернаторомъ, объѣхалъ городъ и поразился видомъ многихъ построекъ, это были не дома, даже не лачужки, а какія то первобытныя жилища и красовались они, какъ увидитъ читатель ниже при описаніи стараго города, на главныхъ улицахъ, въ центрѣ города.

В. А. Перовскій и отдалъ прѣдписаніе полицей-мейстеру осмотрѣть городъ, составить списокъ домовъ, которые или не могутъ быть отремонтированы по вѣхосіи, или владѣльцы которыхъ на столько бѣдны, что не могутъ сдѣлать ремонтъ, предназначить эти дома къ сломкѣ, а владѣльцамъ отвести мѣста въѣзда въ городъ, за Сакмарскими воротами, между Симбирскою и Казанскою дорогами.

Владѣльцамъ было назначаемо денежное пособіе— въ размѣрѣ 50 рублей, а также выдавался лѣсной матеріалъ: бревна 5, 6 и 7 вершковъ толщиною, по 50 штукъ.

Такихъ домовъ въ городѣ было найдено 221. Не всѣ владѣльцы согласились добровольно выселяться, тяжело было покидать насиженные мѣста и полиціи пришлось прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, которыя доходили до того, что полиція вынимала рамы, ломала печи.

Выселеніе происходило настолько экстренно, что позабыли даже позаботиться о водоснабженіи вновь устраиваемой части города и только въ 1840 году инженернымъ начальствомъ былъ устроенъ колодезь и по приказанію военнаго губернатора сданъ городу.

Начиналась слободка довольно далеко отъ города; первыя ея дома были на Суринской улицѣ, съ боковъ она ограничивалась пыльными Телеграфной и Каргалинской улицами, въ ширину имѣла всего шесть кварталовъ, т. е. послѣдніе домики были на Караванъ-Сарайской улицѣ. Такова слободка на планѣ 1848 года.

Пожаръ въ Старой слободкѣ 1864 года былъ слѣдующимъ толчкомъ для развитія Новой слободки. Послѣ этого пожара слободка увеличилась; въ длину была прирѣзка въ двухъ мѣстахъ: во первыхъ, двадцать кварталовъ позади Караванъ-Сарая, а затѣмъ 530 дворовыхъ мѣстъ отъ Телеграфной улицы до магометанскаго кладбища, такъ что Новая слободка ограничивалась Ташкентскою улицею, хотя послѣдніе кварталы были почти что не заселены. Такъ въ 1874 году на всей Ташкентской улицѣ считалось лишь 5 построекъ, всѣ остальные дворовыя мѣста пустовали.

Въ это же время шестигласная дума признала правильнымъ раздѣлить мѣста въ Новой слободкѣ на три категоріи, *) а именно: первая категорія по обѣимъ сторонамъ Сакмарскаго тракта до Воскресенской улицы въ прямомъ направленіи съ городскою Николаевскою улицею черезъ Новую слободку; вторая категорія отъ Воскресенской улицы по обѣимъ сторонамъ Бердинской улицы до Коммерческаго тракта черезъ Сеитовскій посадъ или до Каргалинской улицы, и третья категорія отъ Каргалинской улицы до Уфимскаго тракта. Плата за квадратную сажень предполагалось назначить соответственно категоріямъ: 10 коп., 7 коп. и 5 копѣекъ. Очевидно, что такую расцѣнку дума сдѣлала для большаго удобства при продажѣ мѣстъ. Но министерство внутреннихъ дѣлъ не согласилось утвердить расцѣнку, а предписало думѣ производить продажу мѣстъ по старому, съ торговъ и, какъ видимъ изъ торговыхъ производствъ того времени, цѣна на мѣста въ Новой слободкѣ колебалась отъ 6 до 7 рублей.

Сравнивая планы Новой слободки въ 1862 и 1869 годахъ, видимъ, что на планѣ 1862 года застроенныхъ кварталовъ значится 44 и предполагаемыхъ къ застройкѣ 20; на планѣ 1869 года застроенныхъ кварталовъ показано 101, т. е. число кварталовъ увеличилось на 57. Но еще большее увеличеніе кварталовъ и вообще размѣровъ Новой слободки послѣдо-

*) Арх. Оренб. Гор. думы дѣло № 9443.

вало послѣ пожара 1879 года. Считае́мъ не лишнимъ возобновить въ памяти читателей картину этого по истинѣ грандіознаго пожара.

Русскія пословицы иногда, дѣйствительно, бываютъ правдивы, и одна изъ нихъ: «пришла бѣда, отворяй ворота» сбылась для города Оренбурга въ 1879 году. *) Пожарное бѣдствіе для Оренбурга продолжалось цѣлыхъ три недѣли—началось оно 16 апрѣля въ 10 час. утра, когда возникъ первый большой пожаръ въ Новой слободкѣ, 30 апрѣля выгорѣла большая половина Форштадта, 1 мая горѣла Старая слободка и наконецъ, 5 мая—второй пожаръ въ Новой слободкѣ. Итого 5 пожаровъ, изъ которыхъ первый былъ грандіозенъ, а послѣдующіе очень значительны по своимъ размѣрамъ. Приводимъ описанія ихъ со словъ очевидцевъ:

Ужасающій, начавшійся 16 апрѣля въ 10 часовъ утра пожаръ продолжался 17 и даже 18 апрѣля, особенно въ пунктахъ большихъ строеній, не уступая никакимъ усиліямъ пожарныхъ средствъ. Пожаръ начался въ мѣстности около Александровскихъ бань и быстро не болѣе, какъ въ 4 часа, захватилъ въ свои истребительныя объятія громаднѣйшую площадь городскихъ построекъ верстъ на 5 квадратныхъ. Сильнѣйшій порывистый вѣтеръ или по мѣстному «буранъ», начавшій дуть въ понедѣльникъ 16 апрѣля и дувшій съ юго-запада былъ причиною всѣхъ бѣдъ. Огонь, показавшійся на краю города, быстро перескакивалъ черезъ кварталы домовъ, лишая обывателей возможности всякаго отступленія, и къ двумъ часамъ дня гигантскіе разрушительные скачки и прыжки пламени видны уже были на противоположномъ концѣ города. Полоса, захваченная огнемъ на юго-западѣ города, быстро расширилась къ юго-восточной окраинѣ и черезъ два часа представляла изъ себя цѣлое море огня. Улица Водяная и перекрестныя до Большой, Неплюевская, Троицкая, Введенская, главная рыночная площадь, гостинный дворъ съ новыми ма-

*) Оренб. Лист. 1879. № 16. 18. 19. 20. 27. 28. 21. 39. 40. 1880. 19. Ист. Вѣст. 1904 № 12. Журналы город. думы 26 мая 1879 г.

газинами, улицы: Гостинодворская, Петропавловская и, наконецъ Большая этъ пансіона гимназін и переулки, пересѣкающіе ея, площадь конно-сѣнная, базары дегтярный щепной, вся Новая слободка отъ Николаевской и Воскресенской улицъ до поля направо, даже вѣтряныя мельницы на выгонѣ, даже навозъ, сваленный версты за двѣ за Новой слободкой и за городскими кладбищами—все это къ вечеру представляло волнующееся, покрывавшее горизонтъ, пересѣкающее городъ огненное море. Не было силъ спасти и огонь захватывалъ все и всѣхъ на своемъ широкомъ, все развивающемся адскомъ пути.

Этотъ пожаръ истребилъ: духовное училище, казенную палату, общественное собраніе, мечеть, учительскій институтъ, женскую гимназію и прогимназію, домъ городской думы и управы, окружной штабъ, гостинный дворъ, общественный городской банкъ, Троицкую церковь, помѣщенія общества взаимнаго кредита, государственнаго банка, городскую богадѣльню, отчасти городскую больницу, Петропавловскую церковь, Оренбургскій военно окружной судъ, почти всѣ гостинницы.

Вотъ нѣкоторые, наиболѣе хнаактерные эпизоды изъ этого пожара.

Солнце палило немилосердно. На площади было пустынно и тихо. Города не было. Виднѣлся одинъ страшный черный столбъ, уходящій высоко въ небо, по которому скользили огненные языки и змѣйки. Доносились звонки пожарныхъ. Было какъ-то жутко смотрѣть на это страшное зрѣлище. Чувствовалось полное безсиліе. По временамъ раздавались выстрѣлы. Это стрѣляли патроны въ горѣвшихъ оружейныхъ лавкахъ. Съ оглушительнымъ гуломъ упалъ колоколь съ колокольни во имя св. Троицы, вѣсомъ въ 600 пудовъ. Онъ прошибъ два свода колокольни и врѣзался въ каменный полъ на четверть, треснувъ продольно. На дегтярномъ базарѣ полопались бочки со смолой и она запылала, пробивъ себѣ рукавъ въ видѣ огненной рѣки по площади. Эта рѣдкая рѣка текла по улону города и на своемъ пути поглощала все, что по-

падалось. Люди бѣжали отъ этой рѣки въ паническомъ страхѣ. Одинъ несчастный не смогъ убѣжать, огненная рѣка настигла его: онъ упалъ и сгорѣлъ... Какая то женщина въ одной рубашкѣ съ распущенными волосами, держа въ рукахъ, прижавъ къ груди, икону Божьей Матери, ходила вокругъ еще негорѣвшихъ кварталовъ, творя какую то молитву. Лицо женщины было сурово, брови насупились. Весь видъ выражалъ непреклонную волю не пустить огонь сюда на этотъ кварталъ. Она ходила безъ устали почти съ самаго начала пожара вплоть до вечера. Въ гостинномъ дворѣ въ лавкахъ и подвалахъ у бухарцевъ былъ большой складъ бусъ. Эти бусы расплавились и образовали чудные оригинальные слитки. На дворѣ гостиннаго ряда полопались бочки съ сахаромъ и онъ растаялъ и обуглился.

Всего сгорѣло 949 домовъ, 292 лавки съ кладовыми; общій убытокъ подсчитывался въ 14,510,310 р.

Во второй пожаръ чуть чуть не загорѣлись лѣсные склады желѣзной дороги; въ четвертый пожаръ выгорѣло 106 домовъ въ старой слободкѣ, а въ пятый 300 домовъ въ новой — такъ что въ общемъ сгорѣло 1355 домовъ.

Пожаръ въ Форштадтѣ, уничтоживъ большую половину его, угрожалъ пороховому погребу, находящемуся на площади между Форштадтомъ и городомъ; въ погребѣ былъ цѣлый транспортъ снарядовъ, приготовленный къ отправкѣ въ Туркестанъ. Вотъ какъ описывается этотъ пожаръ очевидецъ:

Пожаръ начался съ окраины казачьяго поселка и шелъ на городъ, куда тянулъ и вѣтеръ. Здѣсь между станицею и городомъ были выстроены казармы, юнкерское училище и за валомъ находился пороховой складъ. Выкопанъ онъ былъ въ землѣ, но крыша высоко выходила надъ уровнемъ площади. И вокругъ этого порохового склада находился громадный запасъ дровъ для казармъ и училища. Въ началѣ пожара никто не подумалъ ни о дровахъ, ни о пороховомъ выходѣ. И вотъ здѣсь вдругъ вспыхнули дрова. Огонь пробирался къ складу. Сюда уже прискакали пожар-

ные и прибыли солдаты, а также и самъ генералъ-губернаторъ Крыжановскій. Началась суматоха. Дрова не было возможности раскидать, да и не куда. Кос какъ оттаскивали ихъ подальше отъ порохового склада, нерѣдко подкладывали прямо въ огонь. Жара была убійственная. Самый складъ представлялъ рѣдкую картину. По обѣимъ сторонамъ крыши лежали солдаты и ихъ постоянно поливали водою. Такимъ образомъ защищали погребъ живыми людьми. Около часу дня Крыжановскій что то тихо сказалъ полицеймейстеру, тотъ немедленно передалъ приставамъ и они верхами и на извозчикахъ помчались въ городъ. Я услышалъ отъ кого-то, что Крыжановскій приказалъ оповѣстить горожанъ о могущемъ быть взрывѣ и предложить всѣмъ выселиться изъ города. Пристава и квартальные мчались по улицамъ и орали: «спасайтесь! Бѣгите изъ города! Его сейчасъ взорветъ». Обезумѣвшій и безъ того народъ окончательно потерялъ голову. Всѣ бросились бѣжать за рѣку. Косогора, т. е. крутого спуска съ горы совсѣмъ не было видно. Это была сплошная масса людей, сползающихъ съ горы къ рѣкѣ, бѣгущихъ по самому берегу къ большому мосту и нанимавшихъ лодки. По Уралу сплошь скользили эти лодки съ жителями переправляющимися на другой берегъ. Въ этомъ бѣгствѣ было что-то стихійное, стадное. Всѣ бѣжали, сами не зная куда, готовые давить другихъ, лишь бы самимъ пробраться на другую сторону. Говорили, что за перевозъ въ лодкѣ платили по 25 рублей и лодокъ не хватало. Когда выбрались въ степь, то всѣ то и дѣло оглаждались на городъ, ждали взрыва, но въ городѣ все было тихо. Городъ весь опустѣлъ. Тамъ только около порохового склада лежали солдаты, сновали цожарные и полицейскіе, стоялъ мрачный Крыжановскій и полицеймейстеръ да кое что изъ безстрашныхъ любовныхъ. Всѣ съ минуты на минуту ждали взрыва и строили предположенія, что при этомъ произойдетъ. Говорили, что весь городъ разрушится, что можетъ даже Уралъ отъ сотрясенія выйти изъ береговъ и что вообще отъ всего города, кромѣ груды развалинъ, ни-

чего не останется. Но къ счастью взрыва не было. Погребъ удалось отстоять.

По приведеннымъ выдержкамъ видно, что пришлось пережить горожанамъ города Оренбурга.

Послѣ пожара дума въ засѣданіи 26 Мая 1879 г. постановила образовать мѣстность, извѣстную подъ именемъ «Новаго Плана». Для этого было выдѣлено 63 десятины 2068 кв. саж. между дорогами Бердинскою и Новокаргалинскою, которыя и были разбиты на 12 кварталовъ съ довольно обшинною площадью посрединѣ.

Всѣхъ погорѣльцевъ дума раздѣлила на три категоріи: 1) лицъ, имѣвшихъ дома на маломѣрныхъ мѣстахъ, 2) отставныхъ солдатъ, имѣющихъ право на усадебную землю, 3) мѣщанъ, не имѣвшихъ до пожара домовъ, но желающихъ строиться.

Мѣста дума рѣшила раздавать по жребію съ платою по 25 коп. за кв. саж. на правѣ владѣнія, съ тѣмъ, чтобы владѣльцы мѣстъ, не застроивъ, не могли бы продавать мѣста.

Последнее постановленіе думы, конечно, очень симпатично; имъ дума имѣла намѣреніе предупредить возможность для богатыхъ лицъ пріобрѣсти въ свои руки большіе земельные участки въ городѣ. Но извѣстно, что благими намѣреніями адъ вымощентъ, и не смотря на взимаемую подписку — черезъ нѣсколько лѣтъ въ новой слободкѣ многія мѣста были скуплены и образовались громадныя складочныя помѣщенія, занимающія цѣлый кварталъ, какъ напримѣръ, складъ Хусаинова и др. Дѣлалось эго пріобрѣтеніе, конечно, самымъ простымъ путемъ. Получали мѣста, дѣйствительно, мѣщане, они строили на своемъ мѣстѣ землянку, хибарку, сарай, словомъ такую постройку, цѣна которой была ломанный грошъ. Но и на эту постройку нужны были деньги — являлся благодѣтель въ лицѣ богатѣя, который ссужалъ деньгами, конечно, подъ закладную. И въ концѣ концовъ владѣльцемъ дворовыхъ мѣстъ дѣлался этотъ богатѣй, хибарки уничтожались, мѣсто планировалось и или окружалось заборомъ въ ожиданіи благопрістойнаго момента, ког-

да строительная горячка повышала цѣны на мѣста, или же возводилось складочное помѣщеніе, или строилась мельница, заводъ, а иногда и палаты самого богатѣя

Такимъ образомъ, пожаръ 1879 года способствовалъ территоріальному росту Новой слободки, затѣмъ онъ долженъ былъ повліять и на благоустройство слободки. Часть ея, а именно кварталы за Караванъ Сараемъ и по направленію къ желѣзной дорогѣ получили характерное прозвище — «оторвановка». Дѣйствительно эта часть была какъ будто «оторвана» отъ города, — она была наиболѣе удаленной. Пожаръ, бывшій въ ней 5 мая и уничтожившій ее, угрожалъ желѣзной дорогѣ и складочнымъ помѣщеніямъ Дрова желѣзной дороги въ количествѣ 11 тысячъ саж. сгорѣли, загорались лѣсные склады — ихъ удалось спасти.

Вопросъ о возобновленіи оторвановскихъ строеній неизбѣжно возсталъ самъ собою и вызвалъ заботы мѣстной администраціи предложившей думѣ установить обязательнымъ правиломъ, чтобы вся «оторвановка» отъ вещевого склада и желѣзной дороги была застроена только изъ огнеупорнаго матеріала. Но дума не согласилась и рѣшила не обязывать властельцевъ строить каменные постройки, а только просить наиболѣе состоятельныхъ дѣлать такія постройки. Генералъ-губернаторъ Н. А. Крыжановскій опротестовалъ подобное постановленіе думы и предложилъ ей еще разъ рассмотреть этотъ вопросъ, причемъ и самъ присутствовалъ на думскомъ засѣданіи.

Понятно, что такая настойчивость администраціи привела къ желательнымъ результатамъ и дума по становила:

Принимая во вниманіе, что при первомъ обсужденіи вопроса объ образованіи въ Оторвановкѣ каменныхъ кварталовъ въ виду городской думы не было обѣщанія пособія погорѣльцамъ отъ комитета народной помощи на возведеніе каменныхъ построекъ и въ видахъ пресѣченія возможности повторенія на будущее время подобнаго бѣдствія, какое представлялъ пожаръ 5 Мая сего года, угрожавшій гибелью по толь-

ко прилегающимъ къ Оторвановкѣ каменнымъ зданіямъ, каковы суть: военная гимназія. караванъ-сарай, главные интендантскіе склады. военный госпиталь, первоклассныя пассажирская и товарная станціи желѣзной дороги, а также будящіе городскіе склады, но и миллионнымъ складамъ предметовъ торговли и промышленнаго производства всего края, сосредоточивающихся на сихъ станціяхъ и складахъ. частью для отправки на внутренніе рынки и частью получаемыхъ изъ Россіи для транспортированія ихъ на рынки Средней Азіи, городская дума признала необходимымъ издать обязательное для жителей Оторвановки постановление слѣдующаго содержанія: *)

a) не допускать впредь возведенія и возобновленія деревянныхъ построекъ въ мѣстности, составляющей часть Оторвановки и лежащей въ границахъ: отъ главнаго интендантскаго склада до линіи желѣзной дороги, захватывая средній и цейхгаузный переулокъ во всю ихъ длину, и отъ линіи желѣзной дороги до Степной улицы, и по улицу Телеграфную допустить лишь каменные кварталы числомъ двадцать два;

b) въ остальной части Оторвановки въ восьми кварталахъ допустить постройку деревянныхъ домовъ;

c) въ каменныхъ кварталахъ разрѣшить постройки изъ камня жженого, воздушнаго и сырцоваго кирпича по усмотрѣнію, но съ желѣзною крышею;

d) учтѣвшія отъ пожара деревянныя строенія не дозволять исправлять до прихода ихъ въ совершенную ветхость, а затѣмъ владѣльцевъ такихъ построекъ приглашать взаимно пришедшихъ въ ветхость деревянныхъ построекъ возводить каменные;

e) не разрѣшать деревянныхъ построекъ для товарныхъ складовъ, какъ частнымъ лицамъ, конторамъ транспортныхъ обществъ и товариществъ, такъ равно и городскихъ, обязавъ владѣльцевъ — зданія строить изъ камня, обносить каменными заплотами, отдѣлять отъ жилыхъ построекъ глухими высокими брандмауэрами, не допускать внутри складовъ никакихъ деревянныхъ строеній;

*) Журн. Оренб. думы 22 мая 1879. 3 Дек. 1887 г.

f) пригласить правленіе оренбургской желѣзной дороги отдѣлить свои склады также глухими brand-мауерами и удалить отъ города далѣе по направленію рельсоваго пути громадныя дровяныя запасы, которые представляютъ опасность какъ городу, такъ и сооруженіямъ желѣзной дороги,

g) лицамъ, принадлежащимъ къ домовладѣльцамъ Оторвановки, кои по скудности матеріальныхъ средствъ своихъ даже при пособіи со стороны комитета, не будутъ въ состояніи возвести огнеупорныя строенія, предложить принять новый отводъ усадебъ въ мѣстности между Бердянской и Ново-Каргалинской дорогами, гдѣ для этой цѣли разбиты уже новыя кварталы заключающіе въ себѣ болѣе 500 дворовыхъ полно мѣрныхъ мѣстъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) мѣста эти отводятся управою бесплатно по жребію;

2) получившій новый отводъ сохраняетъ свои владѣльческія права на старое мѣсто въ теченіе пяти лѣтъ, въ продолженіи какого срока можетъ продать свое старое мѣсто или возвратиться на него вновь при возможности возвести несгораемую постройку Въ этомъ послѣднемъ случаѣ новая усадьба поступаетъ обратно въ городъ; при продажѣ же новаго отвода владѣлецъ уплачиваетъ городу посаженные деньги;

3) не застроенная жилымъ строеніемъ новая усадьба ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть продана или отчуждена инымъ способомъ другому лицу, безъ вѣдѣнія и согласія городского управленія;

4) по истеченіи пятилѣтняго льготнаго срока остающіяся непроланными дворовыя мѣста стараго поселенія поступаютъ бесплатно въ пользу города взаменъ отведенныхъ бесплатно новыхъ мѣстъ.

Сравнивая это думское постановленіе съ журналомъ шестигласной думы 1864 года объ образованіи мѣстности «Оторвановки» мы видимъ, что въ 1864 году дума отвела въ означенной мѣстности 28 кварталовъ—8 около степного прихода и 20—за Караванъ-Сараемъ; изъ этихъ 28 кварталовъ два были оставлены подъ губернскую больницу. Такимъ образомъ, къ

заселенію предназначалось 26 кварталовъ. Такимъ образомъ можно предположить, что четыре квартала об разовались самовольнымъ поселеніемъ безъ всякихъ разрѣшеній.

Одно дѣло — составить обязательное постановленіе, и совершенно иное, безконечно тяжелѣе — ввести это постановленіе въ жизнь. Войти въ жизнь оно можетъ или, когда самі жители сознаютъ необходимость и пользу его, или, когда наблюденіе за исполненіемъ этого постановленія очень тщательное.

Ни того, ни другого условій не было въ Оренбургской дѣйствительности. Постановленіе было вырвано насильно отъ ду мы; въ первый разъ дума да же отклонила его составленіе и только подъ давленіемъ генералъ-губернатора согласилась. Но если такъ относилась дума — гласные, выбранные изъ наиболѣе состоятельнаго и интеллигентнаго слоя жителей, то, очевидно, что большинство рядового обывателя прямо считало это обязательное постановленіе за новую тяготу, возлагаемую на него — несчастнаго обывателя — начальствомъ.

О надзорѣ и говорить не приходится — у управы былъ всего лишь одинъ архитекторъ и одинъ чертежникъ, гдѣ же тутъ надзирать; едва едва возможно было исполнять чисто канцелярскую работу — утверждать представляемые чертежи построекъ.

Весьма понятно, что при такихъ условіяхъ обязательное постановленіе Оренбургской думы осталось на бумагѣ. Въ Оторвановкѣ появились тѣ же самыя постройки, которыя были и до пожара. Все таки постановленіе существовало *de jure* до 1888 года, въ этотъ годъ дума отмѣнила его, признавъ его несостоятельность.

Вообще въ этотъ пожарный годъ дума издала много обязательныхъ постановленій по пожарной части, — но большинство ихъ, какъ и должно было ожидать, остались на бумагѣ и въ жизнь не вошли. Между прочимъ нельзя не отмѣтить интереснаго совпаденія. 22 февраля 1879 года дума выслушала уставъ военно-пожарнаго общества и пашла необходимѣмъ

учрежденіе этого общества, но общество еще не успѣло образоваться, а городъ погорѣлъ.

Помощь городъ Оренбургъ получилъ значительную и съ различныхъ сторонъ: тутъ были и Высочайше пожертвованныя деньги и ассигновки со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, пожертвованія городскихъ думъ, напримѣръ С.-Петербургской, приславшей 10 т. рублей, Бузудукской—500 р, были пожертвованія и частныхъ лицъ. Извѣстный музыкантъ и композиторъ А. Рубинштейнъ далъ концертъ въ пользу пострадавшаго Оренбурга — сборъ достигъ 3381 р; наконецъ, была объявлена всероссійская подписка въ пользу погорѣвшаго Оренбурга. Сочувствіе и участіе было высказано повсемѣстное.

Пожертвованія принимались особымъ комитетомъ, образованнымъ генераль-губернаторомъ изъ лицъ, высшей администраціи и представителей города. Весь городъ былъ раздѣленъ на пять участковъ, которыми завѣдывали особые попечители и ихъ помощники. Попечители должны были обслѣдовать свой участокъ, осмотрѣть всѣхъ погорѣльцевъ, выяснитъ нужду въ пособіи каждаго изъ нихъ. Первое время главная забота заключалась въ томъ, чтобы накормить и приютить погорѣвшихъ. Для этого сперва была организована бесплатная раздача хлѣба, который первое время доставлялся изъ Самары и окрестныхъ деревень, затѣмъ была организована въ обширныхъ размѣрахъ хлѣбопсканія, помѣщавшаяся въ видахъ безопасно сти отъ пожара за р. Ураломъ, а затѣмъ открыты 4 бесплатныя столовыя, которыя функционировали до 15 іюня. Далѣе надо было озаботиться дать кровъ— всѣ свободныя казенныя помѣщенія были приспособлены для размѣщенія погорѣльцевъ, затѣмъ комитетъ пріобрѣтались киргизскія юрты, въ которыхъ также помѣщались лишившіеся крова.

Когда улеглось волненіе отъ пяти пожаровъ,— комитетъ приступилъ къ оказанію поддержки для постройки домовъ. На первыхъ же порахъ комитету пришлось столкнуться съ недостаткомъ строитель-

ныхъ матеріаловъ и съ желаніемъ заводчиковъ, какъ можно больше нажитья.

Благодаря мелководію—количество лѣса, долженствующаго быть сплавленнѣмъ въ г. Оренбургъ по рѣкѣ Сакмарѣ было гораздо меньше обыкновеннаго; прошлагоднихъ запасовъ было очень мало—и всѣ лѣсопромышленники, исключая г. Шоттъ, тотчасъ подняли цѣны. Еще болѣе поусердствовали кирпичезаводчики—вмѣсто 9—10 р. за тысячу кирпича, они тотчасъ назначили цѣну сперва 12 р., а затѣмъ постепенно повысили ее до 18—20 р. за тысячу. Пропорціонально этимъ цѣнамъ поднимались цѣны и на рабочія руки—пильщики вдвоемъ зарабатывали въ день до 7 р., возчики не хотѣли возить дешевле 70 к. за бревно.

Со всѣми этими повышеніями цѣвъ энергично боролся Оренбургскій генераль-губернаторъ Н. А. Крыжановскій. Онъ устроилъ удешевленную доставку лѣса изъ Самары и казенныхъ лѣсничествъ: онъ неоднократно призывалъ къ себѣ заводчиковъ, уговаривалъ ихъ не возвышать такъ чрезмѣрно цѣны. Заводчики, конечно, пѣли обычные пѣсни—благодаря пожара, все вздорожало и они не могли понизить цѣны. Но помня, что съ ними разговариваетъ всесильный генераль губернаторъ, у котораго, если вѣрить разсказамъ обыватели, были даже «lettres de caché»—соглашались на уменьшеніе цѣны. Тогда генераль губернаторъ печаталъ въ мѣстной газетѣ «Оренбургскій Листокъ», который къ слову сказать, очень удачно боролся съ повышеніемъ цѣвъ, публикуя фамиліи черезъ чуръ зарвавшихся заводчиковъ,—и расклеивалъ на улицахъ объявленія, вродѣ нижеслѣдующаго:

«Согласно распоряженія г. главнаго начальника края, въ заведеніи комитета народной помощи приглашены были кирпичезаводчики для объясненія; по какимъ причинамъ ими назначается непомерно высокая цѣна за продаваемый ими кирпичъ (18 р. и болѣе за тысячу). Приглашенные комитетомъ къ пониженію продажной цѣвы на кирпичъ, кирпичезаводчики изъявили согласіе продавать кирпичъ по 14½ р.

за тысячу и дали торжественное обѣщаніе не возвышать болѣе цѣны на кирпичъ — о чемъ комитетъ доводить до свѣдѣнія всѣхъ жителей».

Конечно «торжественное обѣщаніе» — само по себѣ, а продажа кирпича — сама по себѣ и, если кто хотѣлъ купить кирпичъ по 14½ р., то получалъ отвѣтъ — кирпича нѣтъ; а за 18 р. за тысячу кирпичъ находился. Одни братья Дѣвы не повышали цѣну — они продавали по 12½ р. Не можемъ не отмѣтить одного курьезнаго случая. — Значительный кирпичезаводчикъ распространился и въ комитетъ народный помощи и на столбцахъ «Оренбургскаго листка» о недобросовѣстности повышать цѣну и наживать деньги, пользуясь несчастіемъ ближняго, увѣряя, конечно, что онъ самъ торгуетъ „божескими“ цѣнами. И на столбцахъ того же самаго „Оренбургскаго Листка“ появилось письмо возмущеннаго обывателя, который при этомъ нисѣмъ переслалъ счетъ «добросовѣстнаго» заводчика: — изъ этого счета было видно, что заводчикъ повысилъ цѣну до 18 р. тогда, когда большинство заводчиковъ продавало по 15 руб.

Насколько было возможно, генераль Н. А. Крыжановскій уменьшалъ аппетиты заводчиковъ, но это ему удавалось не на много. Желая обезпечить жителей матеріаломъ, Н. А. Крыжановскій приостановилъ все или вѣрнѣе большинство предполагаемыхъ казенныхъ построекъ, снесся съ Св. Синодомъ о томъ, чтобы отложить постройку зданія духовной семинаріи; — кирпичъ, который предполагался на эти постройки, былъ приобрѣтенъ комитетомъ народной помощи.

Этимъ же комитетомъ были выработаны образцовые планы на постройку домиковъ въ два и три окна по фасаду, — обыватель имѣлъ право строиться по этимъ планамъ безъ предварительнаго разрѣшенія.

Наконецъ, командированнымъ членомъ отъ комитета Краснаго Креста Жуковскимъ было построено 120 домовъ для бѣднѣйшихъ обывателей.

Помощи было оказано много и, благодаря этому обстоятельству, городъ Оренбургъ оправился отъ по-

жара сравнительно скоро;—запоздали ремонтомъ казенныя и особенно общественныя постройки, но о нихъ рѣчь будетъ ниже при описаніи стараго города.

Не смотря на такое значительное увеличеніе территории города—населеніе въ немъ увеличивалось очень быстро и слѣдствіемъ такого увеличенія было появленіе „припущенниковъ“.

Припущенникъ—человѣкъ, арендующій себѣ мѣсто не у города, а у такого же мѣщанина, какъ и онъ самъ, но обладающимъ дворовымъ мѣстомъ. Дворовыя мѣста давались значительными по размѣру 10×19 саж., владѣлецъ строилъ себѣ хибарку и видѣлъ, что земли свободной еще много, почему же ей задарма пропадать?—И владѣлецъ Иванъ Непомнящій позволялъ такому же или вѣрнѣе еще бѣднѣе Ивану Непомнящему построить хибарку;—за это онъ бралъ съ него арендную плату. И на обширномъ дворекомъ мѣстѣ, вполне обезпеченномъ отъ пожаровъ, точно грибы послѣ крупнаго іюльскаго дождя, выросли хаты, хибарки, землянки „допущенниковъ“.

Жилье—нельзя сказать «жилище»—допущенниковъ во многихъ случаяхъ дѣлается слѣдующимъ образомъ—вырывается четырехугольная яма съ двумя траншеями: одной для окна, другой для двери. Яма обкладывается досками, полъ—дно ямы, обыкновенно лишь утрамбованное, досчатый полъ слишкомъ рѣдкое исключеніе,—ставится печка, кладутся горбыли на потолокъ, а въ лучшихъ случаяхъ возводится крыша, черезъ которую проходитъ тенькая, дырявая жестяная труба. Такую землянку можно, напримѣръ въ настоящее время, видѣть противъ Дмитріевской церкви. Въ другихъ случаяхъ вмѣсто землянокъ ставятся деревянные или саманные срубы, но ставятся они такъ, какъ Богъ положить на душу,—появляется, конечно; поэтический беспорядокъ: одинъ домъ отдѣленъ отъ другого на два, если не меньше, аршина. И всѣ эти постройки—точно порохъ, достаточно всыпнуть одной, въ одно мгновеніе загорятся и всѣ остальные.

И въ этихъ землянкахъ и хаткахъ живутъ лю-

нѣтъ, что они—мѣщане, въ мѣщане можетъ приписаться всякій, формальности небольшія. А если дума станетъ отводить мѣста, то черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ у города не останется свободной земли.

Дума отказывала, мѣщане возбуждали снова ходатайства и, наконецъ, въ 1906 году ихъ ходатайства были удовлетворены. 13 Іюля 1906 года было произведена жеребьевка болѣе 2 т мѣстъ за новымъ планомъ.

Новая слободка—еще значительно увеличилась.

Это удовлетвореніе было вырвано съ боя. Дума не хотѣла отводить мѣста. но когда были представлены прошенія съ тысячами подписей, когда нѣсколько сотенъ голодныхъ мѣщанъ пришло слушать, какъ «отцы города» рѣшатъ ихъ дѣло,—тогда гласные поняли, что вопросъ не шуточный, что нужда въ землѣ, дѣйствительно, существуетъ и что рѣшить необходимо сейчасъ же, безъотлагательно.

Дума уступила мѣста въ собственность, по цѣнѣ 2 р и 1 р. 50 к. за кв. сажень.

Уступкою мѣстъ въ собственность дума сдѣлала громадную ошибку—ни на что не растетъ такъ рента, какъ на мѣста въ городѣ, причемъ эта цѣна зависитъ отъ такихъ случайныхъ причинъ, какъ, напримеръ, проводъ желѣзной дороги, переводъ въ городъ какого либо административнаго учрежденія.

Такимъ образомъ, назначивъ даже сравнительно большую цѣну за землю, дума все же продешевила, такъ какъ многіе владѣльцы полученныхъ мѣстъ, черезъ нѣсколько лѣтъ продадутъ эти мѣста гораздо дороже.

Добиться того, чтобы мѣста оставались за дѣйствительными владѣльцами, а не перешли въ руки богатѣевъ, конечно нѣтъ возможности; съ формальной точки зрѣнія мѣсто можетъ быть будетъ за первымъ владѣльцемъ, который фактически имъ не владѣетъ.

Далѣе дума своимъ постановленіемъ образовала свыше двухъ тысячъ мелкихъ собственниковъ, которые являются всегда наиболѣе консервативнымъ эле-

ментомъ противящимся всякимъ нововведеніямъ и начинаніямъ,

Правильное рѣшеніе, конечно, заключалось въ отдачу въ долгосрочную аренду по самой минимальной цѣнѣ.

Подведемъ итогъ территоріальному росту новой слободки: образовалась она официально въ 1837 году, первое свое развитіе получила въ 1864 году, когда послѣ пожара въ старой слободкѣ въ ней было на-рѣзано свыше 500 мѣстъ, затѣмъ въ 1879 году образованъ новый планъ, и наконецъ въ 1906 году новый планъ увеличенъ размѣрами по направленію къ Берденскому поселку

До 1862 года новая слободка отдѣлялась отъ города эспланадною площадью, имѣвшей ширину въ 130 сажень; площадь эта была предназначена къ заселенію послѣ уничтоженія крѣпостного вала—объ этомъ будетъ рѣчь при описаніи стараго города. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія были застроены послѣдніе кварталы оставшіеся пустыми, между нынѣшними Кладбищенской и Суринской улицами—и слободка, такимъ образомъ, слилась съ городомъ.

Отъ старой слободки новая слободка была отдѣлена также громадною площадью, на которой постепенно въ хронологическомъ порядкѣ стали появляться отдѣльныя зданія: госпиталь, караванъ-сарай, Александровская больница, постовая контора, вокзалъ, Неплюевскій корпусъ, соборъ, а въ концѣ 80-хъ и въ срединѣ 90-хъ годовъ были разбиты и три сквера.

Громадная площадь, по которой вѣтеръ безпрепятственно бушевалъ и гонялъ то цѣлыя тучи песка, то свирѣпый буранъ, тоже безслѣдно исчезла и городъ окончательно потерялъ свой первоначальный видъ—крѣпости, долженствовавшей быть оплотомъ русскаго владычества въ киргизской степи.

Планъ нашей дальнѣйшей бесѣды будетъ слѣдующій: сначала мы укажемъ на нѣкоторые моменты въ развитіи новой слободки, и такъ какъ она является центромъ промышленной жизни города Оренбурга, то и охарактеризуемъ главные виды промышленности; затѣмъ перейдемъ къ описанію отдѣльныхъ зданій,

стоящихъ на площади между новою и старою слободками, обращая главное вниманіе на исторію тѣхъ учрежденій, для которыхъ означенныя зданія предназначены. Конечно размѣры нашей работы не позволяютъ намъ останавливаться на деталяхъ, мы указываемъ лишь на главные черты, характеризующія то или другое учрежденіе, мы описываемъ лишь наиболѣе выдающіеся моменты*).

XVIII.

Къ срединѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія новая слободка представляла изъ себя уже довольно значительное поселеніе, настолько значительное, что появилась нужда въ церкви**).

30 Апрѣля 1855 года губернское правленіе послало въ городскую думу указъ, въ которомъ значится, что вдова титулярнаго совѣтника Татьяна Ивановна Пріѣзжева просила разрѣшить устройство церкви близъ эспланадной линіи около перваго колодца въ новой слободкѣ.

Церковь предполагалось выстроить во имя Воскресенія Господня.

Сообщая объ этомъ думѣ, губернское правленіе спрашивало послѣднюю, не имѣетъ ли она препятствій къ постройкѣ. Такъ какъ Дума все еще не имѣла права разрѣшать постройки, то она запросила инженерное вѣдомство; послѣднее отвѣтило, что съ его стороны препятствій не имѣется, и 18 августа 1855 года губернское правленіе разрѣшило Пріѣзжевой строить церковь.

*) Вопросъ о новой слободкѣ разсматривался Оренб. думою, 24 и 25 апр. 1875., 26 мая 1879, 27 мая 1882, 4 авг. 13 янв. 1883, 2 янв. 1887, 22 нояб. 1887, 5 апр. 1872, 25 апр. и 9 сен. 1888, 25 апр. 1896, 25 июня 1898, 25 июня 1899, 31 авг. 1864, 29 июля 1864, 14 авг. 1864, 3 мая 1840, 7 июня 1880, 10 марта 1864, 7 апр. 1864, 13 фев. 1868г.г.—въ журналахъ думы за означенныя числа и помѣщены гдѣ-нибудь изъ нихъ мы пользовались; заимъ въ Оренб. думѣ въ архивѣ существуетъ рядъ дѣлъ,—отводъ городской земли.

Но церковь была уже почти совсѣмъ закончена постройкою. Это обстоятельство произошло вотъ почему: Пріѣзжева въ концѣ 1854 года подала докладную записку генераль-губернатору слѣдующаго содержания: «Въ 1850 году я утруждала прелшественника Вашего Превосходительства генерала отъ инфантеріи Обручева о отводѣ мнѣ мѣста подъ постройку въ новой слободкѣ при городѣ Оренбургѣ церкви во имя Казанской Божіей Матери, но почему то Его Превосходительству не угодно было уважить моей просьбы и потому храмъ этотъ въ 1852 году мною выстроенъ въ Чернорѣченской станицѣ. Постоянно желая построить въ упомянутой слободкѣ храмъ Божій и имѣя къ сему въ настоящее время средства, я осмѣливаюсь покорнѣйше просить приказать отвести мнѣ тамъ мѣсто подъ постройку церкви во имя Воскресенія Господня.»

Канцелярія генераль-губернатора вывела на справку, что Пріѣзжевой было разрѣшено построить церковь около Госпиталя еще въ 1849 году, но она почему то отказалась. Перовскій на это прошеніе далъ благопріятную резолюцію и 20 мая 1855 г. Пріѣзжева уже приступила къ постройкѣ какъ разъ въ то время, когда губернское правленіе лишь запрашивало думу, не имѣетъ ли она препятствій къ построенію храма.

Такимъ образомъ, получился столь обычный въ нашей дѣйствительности курьезъ: дѣло велось по двумъ инстанціямъ—канцеляріи генераль-губернатора и губернскому правленію; высшая инстанція даетъ разрѣшеніе, постройка начата, но нисняя инстанція имѣя въ виду начатое дѣло, должна его закончить, а поэтому производитъ всѣ необходимыя справки, отписки, запросы; наконецъ, даетъ разрѣшеніе, когда церковь уже чуть ли не закончена постройкою.

Съ другою церковью, въ настоящее время уже упраздненной, произошелъ слѣдующій случай. Церковь эта—деревянная—была построена на обширной площади между новой слободкою и новымъ планомъ.

Разрѣшеніе на постройку было дано Оренбургскою думою 31 іюля 1880 года мотивы постройки—увеличивающееся населеніе слободки, для котораго казались недостаточными двѣ церкви—Воскресенская и Димитріевская, выстроенная въ серединѣ 70-хъ годовъ купцомъ Дегтяревымъ. Новую третью по счету церковь предполагалось построить во имя св. Александра и Маріи въ память двадцатипятилѣтія царствованія императора Александра II. Главнымъ инициаторомъ этой постройки былъ нѣкто К., личность въ своемъ родѣ очень любопытная. Нѣкогда кабатчикъ, торговецъ—г. К. вдругъ сталъ заниматься спеціально постройками церквей и часовенъ и вложилъ въ это дѣло и собственныя деньги, и занимался усердно сборами пожертвованій, но когда была построена Александро-Маріинская церковь, то оказалось, что домъ г. К., въ которомъ помѣщалось его же питейной заведеніе, отстоялъ отъ церкви ближе опредѣленнаго разстоянія и поему питейное заведеніе подлежало закрытію. Г. К. сталъ хлопотать объ оставленіи питейнаго заведенія, но конечно,желаемаго разрѣшенія не получилъ*).

Церковь на Маріинской площади, деревянная, существовала до 3 мая 1896 года, когда была заложена каменная церковь во имя Михаила Архангела съ боковыми престолами во имя Александра и Маріи. Постройка послѣдней церкви была мотивирована главнымъ образомъ существованіемъ въ городѣ Михаило-Архангельскаго братства, поставившаго своею цѣлью миссіонерскую и просвѣтительную дѣятельность, какъ въ городѣ, такъ и въ губерніи.

Братство было открыто въ 1886 году*). Первые годы своей жизни братство, какъ это бываетъ у насъ на Руси почти со всѣми учрежденіями, процвѣтало; въ Оренбургѣ членами братства устраивались чтенія, какъ для простонародья, такъ и для интеллигенціи, устраивались духовные концерты, довольно дѣятельно

*) Арх. Оренб. Гор. Думы дѣло, № 13609.

*) Ежегодные отчеты Михаило-Архангельскаго братства.

велись—конечно, въ предѣлахъ возможнаго—собесѣдованія съ раскольниками.

Чтенія велись не только на духовно—правственныхъ темы; затрагивались самые разнообразныя вопросы, такъ рядъ чтеній былъ посвященъ школѣ и церковной жизни сѣверной Америки, вспоминались нѣкоторые писатели, напримѣръ Хомяковъ, но иногда выбирались и доказывались тезисы странныя, если не сказать больше. Такъ, одинъ ихъ ораторовъ доказывалъ вредъ музыки. Музыка, по мнѣнію этого глубокомысленнаго отца церкви, дѣйствуетъ на православныхъ христіанъ развращающе. Но чтенія эти, конечно, не представляли изъ себя чего либо постоянного, производились не по серьезной, заранѣе обдуманной и составленной программѣ, а зависѣли чисто отъ внѣшнихъ причинъ. Появлялся на Оренбургской кафедрѣ архіерей, сочувствовавшій чтеніямъ, вступалъ въ число членовъ братства энергическій новый членъ—чтенія оживлялись, устраивались въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но не надолго;—и уходилъ архіерей, переводился энергичный членъ, вмѣсто чтеній производились такъ называемыя миссіонерскія собесѣдованія. Мы, конечно, съ умысломъ подчеркиваемъ эти собесѣдованія—въ то время когда расколъ не признавался, когда каждый исправникъ и вообще чинъ полиціи видѣлъ въ раскольникѣ средство поправить свой скудный бюджетъ,—собесѣдованія не могли вестись правильно, мало раскольниковъ рѣшалось выступать оппонентами официальнымъ миссіонерамъ. Весьма понятно, что миссіонерская дѣятельность братства была болѣе, чѣмъ ничтожна. По бумагамъ конечно, все обстояло блестяще,—но расколъ не уменьшался, а наоборотъ росъ и особенно усиливались раціоналистическія секты, послѣдователи которыхъ переселились въ Оренбургскую еще привольную землями губернію изъ Малороссіи и Новороссіи. По даннымъ 1904 года въ Оренбургской епархіи (т. е. Оренбургской губ., Уральской и Тургайской областяхъ) значилось раскольниковъ 97.965 душъ обоого пола. Цифры эти—официальныя и, очевидно,

далеко не соответствуют истинѣ. За годъ присоединилось, благодаря миссіонерской дѣятельности братства 900 душъ, т. е. меньше 1% и, какъ нужно было ожидать большинство присоединившихся было изъ старообрядцевъ австрійскаго толка, которыхъ считается 18.404, т. е. около $\frac{1}{3}$ части всѣхъ раскольниковъ. Между тѣмъ въ Оренбургской епархіи считается до 4 тысячъ молоканъ, свыше 2 т. штундистовъ и до 1 т. хлыстовъ — молокане и штундисты среди переселенцевъ, хлысты среди казаковъ.

Наиболѣе отраднымъ фактомъ дѣятельности братства слѣдуетъ признать открытіе школъ. Братство открываетъ только инородческія школы для мордвы, чувашъ и крещенныхъ татаръ. Конечно, трудно согласиться съ тѣми минимальными программами, которыя введены въ означенныхъ школахъ, трудно признать педагогичнымъ и самое направленіе школы,—исключительно церковное,—но все же школа, какъ бы ни убога была она, все же вносить свѣтъ, все же даетъ толчокъ къ дальнѣйшему развитію.

Цифры отчета 1904 года очень характерны и они много говорятъ. Въ этомъ году у братства было всего 10 школъ—число, конечно, слишкомъ незначительное далѣе въ этихъ школахъ обучалось 330 учениковъ, тоже нельзя сказать, чтобы очень много, но изъ этихъ 330 учениковъ инородцевъ было 216, т. е. 67, 27 %, а русскихъ 114—32, 73 %, такимъ образомъ треть учениковъ была изъ русскихъ. Эти цифры говорятъ, что или инородцевъ у насъ въ губерніи очень мало, или что инородцы плохо идутъ въ школу. Последнее, конечно, болѣе вѣроятно.

Наконецъ, говоря о братствѣ, нельзя не упомянуть, что братство содержитъ въ городѣ Оренбургѣ книжный писчебумажный магазинъ, который является главной доходной статью братскаго бюджета.

XIX.

Населеніе новой слободки—наиболѣе бѣдное и малокультурное; значительная часть изъ него являются землепашцами, т. е. снимаютъ около города

допровода, и хотя этотъ вопросъ неоднократно возбуждался въ думѣ, но онъ откладывался за немѣлиемъ средствъ. И если въ 1906 году водопроводная магистраль доведена до Михаило-Архангельской площади, гдѣ и поставлена водоразборная будка, то это сдѣлано съ чисто противопожарной точки зрѣнія, при чемъ въ этомъ случаѣ не малую роль играло образованіе взаимнаго отъ огня страхового общества. Дѣло въ томъ, что членами этого общества стали всѣ наиболѣе состоятельные жители города, т. е. тѣ, которые и выбираютъ гласныхъ. Между тѣмъ такъ какъ тарифъ городского страхового общества меньшій, чѣмъ у частныхъ обществъ, то въ немъ стали страховаться и жители бѣднѣйшихъ частей, между прочимъ и жители новой слободки, постройки которыхъ наиболѣе подвержены пожарамъ. Пожарные убытки отзываются на дивидентѣ—и гласные постановляютъ провести водопроводъ на новой планѣ.

Постановленіе сдѣлано, но не проведено пока въ жизнь и новая слободка обслуживается 10 колодцами, за которыми надзоръ и уходъ болѣе, чѣмъ отвратительный. Колодцы не чистятся десятилѣтіями, срубы гниютъ, въ воду попадаютъ всевозможные отбросы, во многихъ колодцахъ вода солонцеватая. анализъ воды не производился и, можно ли употреблять эту воду, конечно, никто не знаетъ.

Если въ такомъ положеніи находится вопросъ о водоснабженіи—то вопросами о внѣшнемъ благоустройствѣ, конечно, никто и не интересовался—улицы не мощены, освѣщеніе производится керосиновыми фонарями и то далеко не во всѣхъ улицахъ и переулкахъ; о санитарномъ надзорѣ нечего и говорить—отбросы спокойно выкидываются на улицу, гдѣ они подвергаются благодѣтельному дѣйствию жгучихъ лучей палящаго Оренбургскаго солнца,—повѣтъ иногда замѣняетъ отхожее мѣсто и въ лучшихъ случаяхъ вмѣсто него дѣлается аршинная ямка, которая никогда не чистится.

Вопросъ о санаторіи слободки поднимался только въ года эпидемій, когда производилась усиленная

бчистка слободки—а затѣмъ все успокоивалось и все оставалось по прежнему. Только съ 1902 года стала дѣйствовать думская амбулаторія, результаты ея дѣятельности мы приведемъ, когда будемъ говорить вообще о медицинской помощи городскому обывателю.

Весьма понятно, что вопросы о культурной помощи со стороны городского самоуправления не возбуждались до послѣднихъ временъ, да и въ настоящее время эта культурная помощь почти что отсутствуетъ. Во всей новой слободѣ существуетъ пять начальныхъ школъ—четыре для мальчиковъ (и одна для дѣвочекъ, послѣдняя школа для мальчиковъ на новомъ планѣ существуетъ лишь съ 1904 года; кромѣ того въ городскомъ зданіи помѣщается трехклассное городское училище. Вотъ и все, что сдѣлало въ смыслѣ культурной помощи городское самоуправленіе.

Въ 1906 году, правда, при домѣ приходскаго училища открылась бесплатная библіотека—читальня, но она возникла по частному почину; правда въ 1899 году дума отвела на конно сѣмной площади мѣсто для народнаго дома, но дѣятельность послѣдняго, какъ и вообще повсемѣстно по Россіи, почти, безрезультатна. А между тѣмъ эта часть города нуждается наиболѣе въ культурной помощи. Населеніе ея грубо—и житель слободки все еще пользуется почетнымъ прозвищемъ «Оренбургскаго хулигана», по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ происходятъ кулачные бои, деготь на воротахъ—обыденное явленіе и въ рѣдкій праздникъ въ городскую больницу не привозятъ кого-либо изъ слободскихъ съ продолженной головой, съ переломленнымъ ребромъ или ножомъ въ животъ—это означаетъ, что «слободскій» развлекается.

XIX.

«Новая слободка» можетъ назваться центромъ промышленной жизни города. Здѣсь сосредоточены почти всѣ главныя промышленныя заведенія города—мукомольныя и просообдирныя мельницы. Оренбургъ съ своимъ уѣздомъ издавна славился, какъ

центр хлѣба,—Оренбургская пшеница имѣла все-россійскую извѣстность. Урожай въ Оренбургской губерніи въ былые года былъ баснословный, земля—глубокій черноземъ—не требовала почти никакой обработки, иногда «паданцы», т. е. поля, съ которыхъ убрали хлѣбъ и не засѣвали въ слѣдующій годъ, давали лучший урожай, чѣмъ засѣвныя; а обыкновенный способъ обработки заключался въ томъ, что бросали зерна и слегка ихъ борошили—все это, конечно, благопріятствовало развитію въ городѣ мукомольной промышленности. Первое время, до проведенія желѣзной дороги, устраивать большія мельницы, конечно, не имѣло смысла—нельзя было вывозить продуктъ;—но лишь была проведена Оренбургъ—Самарская желѣзная дорога, стали открываться одна за другою крупчатки. Первая возникла мельница Юрова. Дума разрѣшила В. Х. Юрову устроить паровую мельницу 11 мая 1878 года. Въ это время устройство паровой мельницы было совершенною новинкою и гласные въ думскомъ засѣданіи даже задалась обсужденіемъ вопроса—а не будетъ ли мельница беспокоить обывателя. И послѣ продолжительныхъ преній постановили: городская дума пришла къ тому заключенію, что предполагаемая къ постройкѣ г. Юровымъ мельница не можетъ грозить ни опасностию отъ огня сосѣднимъ домамъ, ни беспокоить сосѣдей шумомъ отъ хода машинъ, а потому не встрѣчаетъ съ своей стороны никакихъ препятствій къ дозволенію Юрову выстроить просимую мельницу.

Затѣмъ постройка мельницъ шла въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ: 17 іюля разрѣшена мельница Борисова нынѣ Дружининой, 20 сентября 1883 г.—Дѣвыхъ, 1 января 1885 г.—Покровскому товариществу, 3 мая 1885 г.—Валявину, 9 октября 1887 г.—Степанову, 22 марта 1890 г.—Семенихиной, 9 іюня 1894 г.—Путолову, 29 декабря 1894 г.—Оглодкову, 9 марта 1895 г.—Чистозвонову—нынѣ Пименовыхъ, 16 февраля 1895 г.—Кузнецову.

Въ настоящее время въ городѣ Оренбургѣ дѣйствуетъ 6 крупчатокъ, которыя вырабатываютъ въ

сутки свыше $3\frac{1}{2}$ тысячъ мѣшковъ муки и 10 просо-обдарокъ, работающихъ также до 3 т. мѣшковъ пшени—такъ что въ общемъ ежедневная выработка въ сферѣ единственной, существующей у насъ въ городѣ промышленности даетъ отъ 40 до 45 вагоновъ, которые и работаютъ понятно не на мѣстное потребление, а на вывозъ.

Самая большая мельница Юрова работаетъ на 5 переваловъ*). Мельница эта сгорѣла 22 октября 1903 г. Пожаръ случился, какъ и обыкновенно бываетъ, отъ самовозгоранія мучной пыли. Послѣ пожара мельница была перестроена въ несгораемую и считается одной изъ лучшихъ мельницъ въ Россіи, а потому и заслуживаетъ подробнаго описанія.

Пятиэтажное зданіе этой мельницы съ башенкою для часовъ на фронтонѣ фасада возвышается надъ окружающею группою маленькихъ одноэтажныхъ домиковъ и далеко видно вдоль Николаевской улицы. Корпусъ мельницы каменный, длиною 24 сажени, шириною 9 сажень, вышиною въ 5 этажей, раздѣленный на 2 отдѣленія: обоечное для очистки, занимающее $\frac{1}{4}$ общей площади мельничнаго корпуса, и размольное—для размолъ зерна. Первое отдѣленіе изолировано отъ втораго двумя глухими брандмауэрами съ промежуточнымъ пространствомъ въ 4 аршина, въ этомъ перерывѣ корпуса помѣщаются двѣ каменные лѣстницы: одна для обоечнаго, другая для размольнаго отдѣленій. Потолки основаны на желѣзныхъ балкахъ, желѣзныхъ прогонахъ и чугунныхъ колоннахъ; своды цементнобетонные, оштукатурены. Полы во всѣхъ этажахъ мельницы цементные. Желѣзные проволы и чугунныя колонны оштукатурены по проволочной сѣткѣ и этимъ обезопасены отъ огня. Оконныя рамы и двери желѣзныя. Крыша корпуса на желѣзныхъ стропилахъ, по желѣзному рѣшетнику, покрыта кровельнымъ желѣзомъ. Соединеніе размольнаго отдѣленія съ обоечнымъ отдѣленіемъ черезъ

*) Дѣло Арх. Ком.

1-ый этажъ и по желѣзнымъ наружнымъ площадкамъ 3 и 5 этажей

Матеріаль, изъ котораго выстроена мельница: кирпичъ, камень, цементъ, желѣзо, чугуны и стекло. Отопленіе паровое; вода изъ своихъ колодцевъ нагнетается двумя насосами: паровымъ системы Вортингтона и приводнымъ калифорнскимъ въ огромный резервуаръ, помѣщающійся надъ главнымъ корпусомъ выше конька крыши. Машинное отдѣленіе находится въ отдѣльномъ помѣщеніи, примыкающемъ къ обоечному отдѣленію корпуса мельницы; построено оно также изъ негорючаго матеріала. Котельное отдѣленіе отъ машиннаго имѣетъ промежутокъ въ 5 арш. и представляетъ собою отдѣльное, независимое зданіе съ паропроводомъ къ машинѣ—паропроводъ расположенъ въ тепломъ тоннелѣ. При мельницѣ устроенъ негорюемый элеваторъ для запаса нечищенного зерна, передача котораго въ обоечное отдѣленіе производится автоматически. Паровые котлы Ланкаширской системы завода Бромлея, паровые машины тройнаго расширенія; конденсационная вода охлаждается въ искусственномъ холодильнике.

Мельница оборудована всѣми новѣйшими машинами и аппаратами для переработки шести переваловъ—7200 пудовъ пшеницы въ сутки, при выработкѣ одновременно 10 сортовъ муки и приспособленная для выработки до 25 сортовъ муки изъ разной сортировки зерна. Передвиженіе, сортировка и переработка всѣхъ продуктовъ при размолѣ автоматическая. Очистка зерна отъ постороннихъ примѣсей и наружной оболочки производится на аппаратахъ американской системы. Послѣ очистки зерно изъ обоечнаго отдѣленія передается транспортными винтами, находящимися въ подземномъ тоннелѣ, въ размольное отдѣленіе, самотасками поднимается въ 5-ый этажъ, поступаетъ на магнитный аппаратъ, который отбираетъ отъ зерна попавшія, по какой либо причинѣ, металлическія примѣси, и затѣмъ идетъ уже въ размоль.

Одна изъ самыхъ важныхъ особенностей описываемой мельницы—особые пылесобиратели и охладители. Аппаратъ этотъ представляетъ собою нагнета-

тельный многорукавный фильтр служащий, какъ для удаленія пыли изъ мельницы, такъ и для охлажденія продукта, въ особенности низкаго помола. Принципъ, на которомъ основаны фильтры пылесобиратели, очень простой и состоитъ въ томъ, что насыщенный пылью воздухъ вступаетъ во внутрь фильтрованных рукавовъ, изготовленныхъ изъ пористой ткани, и между тѣмъ какъ воздухъ, вслѣдствіе нагнетанія или всасыванія просасывается черезъ поры ткани, пыль осѣдаетъ на внутренней поверхности рукавовъ, а воздухъ выходитъ совершенно чистый. Понятно, что со временемъ поры рукавовъ засорились бы до того, что пропускали бы воздухъ только съ трудомъ и пыль не могла бы осѣдать. Этому противодействуетъ двигающаяся вверхъ и внизъ рама съ переплетенными планочками между рукавами, которая предохраняетъ рукава отъ засоренія, такъ какъ во время движенія рамы планочки измѣняютъ форму рукава, отчего держащаяся на ткани рукава пыль срывается и, падая, уносится воздухомъ въ нижній этажъ, откуда устранивается винтомъ.

Пыли, дѣйствительно, на мельницѣ нѣтъ, а охлажденіе получается полное и этимъ достигается большая производительность вальцевыхъ станковъ.

Освѣщеніе мельницы электрическое съ собственной станціи. Самотаски, тетки, закромы и прочія приспособленія желѣзныя и бетонныя. При мельницѣ имѣется огромное помѣщеніе для склада муки, выстроенное также изъ огнеупорнаго матеріала.

Таковая самая большая мельница въ Оренбургѣ, остальные мельницы много меньше, двѣ изъ нихъ работаютъ на 3 перевала, одна на два и одна на одинъ перевалъ: высшая выработка просообдирки—600 мѣшковъ, низшая—250 мѣшковъ.

Городъ живетъ этими мельницами—въ общей сложности на нихъ до 2 т. рабочихъ. Но мельницы сами живутъ лишь при урожаѣ—есть урожай, большой привозъ—мельницы покупаютъ зерно и работаютъ, нѣтъ урожая, пустуютъ хлѣбные базары въ Оренбургѣ—становятся и мельницы, падаетъ общее

благосостояніе города. Городъ Оренбургъ является типическимъ примѣромъ «земледѣльческаго» города, если такъ можно выразиться. «Урожай» — пока единственный импульсъ жизни города, имъ регулируются всѣ прочія потребности. При урожаѣ городъ живетъ — торгуютъ магазины, хорошо функционируетъ городской театръ, платятся регулярно повинности, — нѣтъ урожая, жизнь въ городѣ умерла, появляется заминка въ торговыхъ дѣлахъ, заминка иногда переходящая въ торговый кризисъ.

Хлѣбъ въ Оренбургѣ до послѣдняго времени представляется изъ окружающаго сравнительно небольшого района — Оренбургскаго и Орскаго уѣзда, просо привозилось главнымъ образомъ изъ Тургайскихъ степей. Хлѣбная торговля была неурегулирована и производилась по старинкѣ. Лишь въ 1906 году открылась биржа. Вопросъ объ открытіи въ г. Оренбургѣ биржи очень интересный вопросъ и служитъ довольно ярко характеристикою, какъ у насъ на Руси дѣла дѣлаются.

Вопросъ о биржѣ*) возникъ съ 1865 г. по инициативѣ Н. А. Крыжановскаго, послѣдняго Оренбургскаго генералъ-губернатора, человека очень много сдѣлавшаго для города. Въ 1865 году генералъ Крыжановскій далъ свое согласіе на открытіе биржи и коммерческаго суда, но открытіе биржи не состоялось, ибо помѣшали военныя затрудненія съ Средней Азіей. Въ 1867 году вопросъ объ открытіи биржи въ Оренбургѣ подняло Ташкентское торговое общество, но опять таки вопросъ не разрѣшился, такъ какъ Оренбургскіе купцы не желали имѣть биржи. Въ 1876 г. нашлось 79 человекъ среди Оренбургскаго купечества, желавшихъ открытія биржи и подавшихъ о томъ заявленіе въ думу, но заявленіе думою не разсматривалось и наконецъ въ 1881 году Оренбургская дума утвердила уставъ биржи и рѣшила построить для биржи зданіе за счетъ прибылей общественнаго

*) Оренб. Лист. 1878 г. № 47, 1881 — № 38. Соответственные думскіе журналы.

банка. Это постановленіе было опротестовано губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ, какъ противорѣчащее 123—127 ст. положенія о банкахъ, по которымъ прибылямъ банка дается специальное назначеніе. Съ 1881 по 1905 годъ, т е въ теченіе 25 лѣтъ вопросъ о биржѣ не поднимался думою, хотя почти не сходилъ со столбцовъ мѣстной прессы, и только въ указанномъ году мѣстные мукомолы, созванные уполномоченнымъ заволжскаго района А. В. Юровымъ на совѣщаніе по вопросу о регулированіи рабочаго дня выдѣлили изъ себя комиссію, выработали уставъ и 22 мая 1905 года состоялось первое учредительное собраніе биржевого общества. Кунечество г. Оренбурга утвердило уставъ и порѣшило открыть биржу но прошло около года, пока былъ утвержденъ администраціей уставъ, и биржа начала функционировать лишь съ весны 1906 г.

Неимѣніе биржи, конечно, сильно вліяло на торговлю въ Оренбургѣ; громадныя затрудненія испытывала Оренбургская торговля отъ желѣзной дороги. За все ея тридцатилѣтнее существованіе жалобы на залежи не прекращались, и хотя съ одной стороны желѣзная дорога существовала, но съ другой, казалось, желѣзной дороги и нѣтъ, такъ какъ дорога отказывалась принимать грузы. Такъ напимѣръ, весь 1905 г. было слѣдующее положеніе: къ осени 1905 года, на станціи Оренбургъ скопилось до 6 т. вагоновъ, съ 9 апрѣля изъ Оренбурга не было вывезено ни одного мѣшка муки, подъ нее вагоновъ не давалось, это изъ ценгра мукомольнаго производства и, наконецъ въ концѣ августа 1905 года очередь погрузки для хлѣбныхъ грузовъ была 3 февраля, что означаетъ, что грузы должны ждать очереди для погрузки въ теченіе 6 $\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ.

И нельзя думать, что 1905 годъ былъ какимъ либо исключительнымъ годомъ въ зависимости отъ военныхъ дѣйствій—о нѣтъ, почти тоже самое, съ различными варіаціями происходило ежегодно. Каждогодно же и мукомолы, и городское общество посылали ходатайства, телеграммы, депутаціи въ

высшія инстанціи, откуда, какъ и должно было ожидать, получались утѣшающіе и много обѣщающіе отвѣты, иногда даже на нѣсколько дней станція Оренбургъ открывалась для грузовъ, а затѣмъ, затѣмъ все шло по старому, по хорошему.

Мукомольная и просообдирная промышленность есть главная и чуть ли не единственная промышленность города Оренбурга, правда существуютъ еще двѣ лесопилки, два механическихъ завода—но число рабочихъ на нихъ болѣе, чѣмъ незначительно. При станціи желѣзной дороги, дѣйствительно, находятся главныя мастерскія Ташкентской желѣзной дороги—но жизнь желѣзнодорожныхъ рабочихъ мало касается города.

Однако, знаменіе времени коснулось города Оренбурга и въ немъ появился «рабочій вопросъ». Этотъ рабочій вопросъ своимъ возникновеніемъ отчасти, конечно, въ очень малой степени обязанъ самимъ хозяевамъ. Изъ-за затрудненія при погрузкѣ хлѣбныхъ продуктовъ въ силу малой провозоспособности желѣзной дороги, владѣльцы мельницъ указывали на необходимость для нихъ закрыть мельницы, если дорога не будетъ принимать грузъ. Закрыть же мельницы—пояснили владѣльцы, значило выбросить на улицу 2 тыс. рабочихъ. Этотъ аргументъ игралъ большую роль во всѣхъ ходатайствахъ и онъ, если такъ можно выразиться, побуждалъ оренбургскихъ рабочихъ и служилъ толчкомъ къ ихъ объединенію. Объединеніе, въ концѣ концовъ, выразилось въ созданіи особаго союза мукомольныхъ рабочихъ. Владѣльцы мельницъ не особенно прогивились созданію подобнаго союза, наоборотъ, они поддержали эту идею, такъ какъ сознаніе, что легче имѣть дѣло съ делегатами, чѣмъ непосредственно съ самими рабочими, за послѣднее время проявилось и у оренбургскихъ хозяевъ. На сборы съ хозяевъ при союзѣ было нанято помѣщеніе—рабочій клубъ и открыта бібліотека. Хозяева сами соединились въ союзъ. Послѣднею бывшею лѣтомъ 1906 года забастовкою рабочіе добились

устройства чего то въ родѣ примирительныхъ камеръ для разбора недоразумѣній.

Незначительное количество рабочихъ, сравнительная ихъ обезпеченность, тактъ руководителей и бесспорное желаніе нѣкоторыхъ вѣтѣльцевъ придти на помощь рабочимъ—внѣли на то, что рабочій вопросъ въ Оренбургѣ до послѣдняго времени не принималъ жгучей окраски и конфликты разрешались миролюбиво.

Вообще же, принимая во вниманіе незначительность промышленной жизни г. Оренбурга, мы видимъ, что оренбургская дѣйствительность представляетъ мало шансовъ для рабочаго вопроса

XX.

Описаніемъ караванъ-сарая, исплюевскаго корпуса, больницы, собора и нѣкоторыхъ другихъ зданій мы закончимъ нашу бесѣду о преимѣстіяхъ города и перейдемъ къ центру города или какъ онъ правильно долженъ называться, «старому городу»

Третьимъ зданіемъ возникнувшимъ на обширной площади, раздѣлявшей старую и новую слободку, было зданіе караванъ-сарая, построенное въ серединѣ 30-хъ годовъ.

Караванъ-сарай, *) собственно говоря, означаетъ гостиницу и гостинный дворъ и въ азіатскихъ городахъ является центромъ торговли;—въ Оренбургѣ его назначеніе было совершенно иное, вовсе не торговое. Цѣль постройки караванъ-сарая была слѣдующая: предполагалось устроить въ немъ квартиру командующаго Башкиро-мещерякскимъ войскомъ, остальные части дома предназначались для мастеровъ, гдѣ предполагалось устроить школы для обученія башкирскихъ мальчиковъ всевозможнымъ мастерствамъ и ремесламъ—словомъ, оренбургскій караванъ-сарай, по мысли его устроителя В. А. Церовскаго, долженъ былъ служить колыбелью башкирской цивилизаціи.

*) Оренб. газета 1897 г. 2., 3., 4.,

Замыслы были обширные, а результаты—мизерные. 60 мальчиковъ-башкиръ было отправлено въ Москву, Нижній, Казань для обученія разнымъ ремесламъ; по возвращеніи эти мальчики должны были стать учителями.—но они вернулись, когда Перовскаго уже не было въ Оренбургѣ, его мѣсто занялъ генераль Обручевъ, поставившій себѣ какъ будто цѣлью уничтожать и парализировать всѣ начинанія Перовскаго. Мальчики были отправлены въ ихъ аулы, гдѣ они конечно, тотчасъ позабыли то, чему были обучены, а караванъ-сарай обращенъ въ казармы для башкирскаго коннаго полка. Такимъ онъ и оставался вплоть до 1865 года, когда была образована самостоятельная Оренбургская губернія съ одной стороны и уничтожено башкирское войско. Башкиры, по мысли генерала Безака, должны были обратиться въ земледѣльцевъ. Для губернскихъ учреждений новой губерніи понадобилось зданіе—и караванъ-сарай былъ признанъ подходящимъ для нихъ. Съ этихъ поръ въ караванъ-сараѣ сосредоточивается административная часть управленія, какъ городомъ, такъ и губерніей, здѣсь находится квартира губернатора, онъ же наказный атаманъ, губернское правленіе со всѣми его столами и дѣлопроизводствами, межевое отдѣленіе, губернская типографія и редакція мѣстнаго офиціоза «Оренбургской газеты»

Караванъ-сарай представляетъ изъ себя каменное зданіе четырсугольникомъ, въ два этажа; посреди зданія обширный дворъ, на которомъ находится соборная мечеть мѣстныхъ магометанъ. Мечеть небольшая, но очень красивая по архитектурѣ, представляетъ изъ себя полуконусъ: длинный тонкій минаретъ этой мечети возвышается тутъ же на дворѣ. Караванъ-сарай окруженъ обширнымъ садомъ, обнесеннымъ каменною оградой. Исторія этого сада поучительна. Возникъ онъ съ срединѣ 50-хъ годовъ, въ то время, когда Перовскій былъ уже не военнымъ губернаторомъ, а генераль-губернаторомъ обширнаго Оренбургскаго края. Работали при устройствѣ сада, конечно, башкиры—вѣчная даровая сила. Для этого въ

дикую башкирію наряжались команды башкиръ, изъ дѣвственныхъ въ то время лѣсовъ башкиріи привозились большія сосны. Ихъ окапывали, и вмѣстѣ съ корнями, въ громадныхъ кадкахъ перевозили въ караванъ сарайскій садъ, гдѣ очевидно, за ними тщательнѣе ухаживали, такъ какъ онѣ дожили до нашего времени.

Сколько денегъ, сколько рабочей силы убито для разведенія такого сада—конечно, никто не подсчитывалъ, въ то время и деньги были дешевле, а рабочая сила даровая!

Одно время въ караванъ—сарайскомъ саду былъ устроенъ ресторанъ и кафе-шантанъ, гдѣ проѣдались и пропивались тоже башкирскія деньги--но уже въ иномъ видѣ. въ видѣ проданныхъ нѣкогда башкирскихъ, а затѣмъ дарованныхъ чиновникамъ земель. Старожилы вспоминаютъ, что караванъ-сарайскій садъ былъ свидѣтелемъ небывалыхъ потомъ въ Оренбургѣ оргій

Затѣмъ караванъ-сарайскій садъ былъ раздѣленъ на двѣ половины—одна была присоединена къ губернаторской квартирѣ, а другая оставлена во всеобщее пользованіе. Губернское правленіе, находя, что уходъ за садомъ требуетъ значительныхъ затратъ, хотѣло передать вторую половину сада городу въ временное пользованіе. Но городъ не согласился на такой даръ - и за эту часть сада ухода нѣтъ и она съ каждымъ годомъ хирѣетъ и хирѣетъ.

Мы упомянули, что въ караванъ-сараѣ помѣщается типографія и редація мѣстнаго оффиціоза, считаемъ поэтому не безынтереснымъ привести небольшую историческую справку о развитіи печатнаго дѣла въ Оренбургѣ *)

Оренбургская губернія, считая ее въ прежнихъ ея размѣрахъ, была одной изъ первыхъ, въ которой заведена и типографія и стали издаваться губернскія вѣдомости». Типографія была открыта еще въ 1801 году, въ 1837 году она была расширена, а 1

*) Труды Оренб. Учен. арх. Ком. выпускъ 12.

января 1838 года вышел первый номер «Оренбургскихъ губернскихъ вѣдомостей». Понятно, что первоначально типографія находилась въ Уфѣ, такъ какъ послѣдняя значилась губернскимъ городомъ, въ Оренбургѣ было лишь мѣстопробываніе главнаго начальника края—оренбургскаго военнаго губернатора.

Неказистый видъ представлялъ изъ себя этотъ первенецъ печатнаго слова: форматъ его былъ листъ писчей бумаги; заключалъ въ себѣ этотъ номеръ 12 страницъ, изъ нихъ 7 страницъ были съ текстомъ, а 5 чистыя, такъ что текстъ печатался на одной сторонѣ листа, только на оборотѣ 9-ой страницы почему то тоже напечатали текстъ; печатаніе, какъ видно изъ сохранившихся экземпляровъ, производилось ручными станками, бумага была синяя оберточная. Заголовокъ вѣдомостей былъ набранъ заглавными буквами, на верху каждой страницы помѣщалось на трехъ строчкахъ «№ 1-ый 1 января 1838 Оренбургскія Губернскія Вѣдомости часть официальная». Первый номеръ заключалъ въ себѣ шесть статей первая — ею и открывался номеръ—извѣстія о увольненіи и о опредѣленіи вновь классныхъ чиновниковъ въ присутственныя мѣста Оренбургской губерніи, на 4 ой страницѣ начиналась статья II предписанія о лицахъ, отыскиваемыхъ для взысканія съ нихъ казенныхъ недоимокъ, на 5-ой страницѣ — статья III объ отысканіи имѣній и капиталовъ, принадлежащихъ лицамъ, объявившимъ себя несостоятельными къ уплатѣ казенныхъ недоимокъ, на 7 ой страницѣ статья IV—объ отысканіи бѣжавшихъ арестантовъ и подсудимыхъ, на 9-й страницѣ статья V о пойманныхъ въ Оренбургской губерніи бродягахъ, текстъ этой статьи переходилъ и на 10 страницу, 11 была чистая и на 12-ой конечной страницѣ помѣщалась статья VI—объ имѣніяхъ назначенныхъ къ продажѣ съ публичныхъ торговъ за казенные и частные долги. Текстъ только первой страницы шелъ черезъ всю ширину страницы, остальные статьи печатались на лѣвой сторонѣ страницы столбцами, на правой же находилось свободное поле, имѣющее одинаковое для

всѣхъ статей заглавіе—мѣсто для отмѣтки послѣдствій публикаціи. Номеръ подписанъ собственноручно гражданскимъ губернаторомъ и секретаремъ. Первый номеръ былъ выпущенъ въ количествѣ 140 экземпляровъ. Цѣна за годовой экземпляръ была назначено 10 рублей. Съ четвертаго номера форматъ губернскихъ вѣдомостей измѣнился въ $\frac{1}{8}$ писчаго листа, улучшился и шрифтъ.

До 1843 года, т. е. въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ изданія, выходила только одна официальная часть—содержаніе ея всѣмъ извѣстно. Вообще же все время изданія губернскихъ вѣдомостей въ Уфѣ послѣ 1843 года, т. е. когда стала выходить и не официальная часть, можно раздѣлить на три періода: первый съ 1843 до 1853 года. второй съ 1853 года по 1856 и третій съ 1856 по 1865 годъ. Въ первый періодъ Оренбургскія губернскія вѣдомости представляли ихъ себя складъ разнообразнаго матеріала: попалась статья о вредѣ табака—она помѣщалась, предложилъ какой нибудь изъ представителей мѣстной *beau mond'a* напечатать его стихи—и они появились на столбцахъ губернскаго органа, наконецъ отъезжалъ изъ глуши работникъ по исторіи, географіи, этнографіи и пр. края—и его работа принималась же съ подобнымъ радушіемъ. Наши губернскія вѣдомости въ своей неофициальной части очень характерны. По своей сущности онѣ должны были быть газетою губернатора, газетою высшей администраціи края и весьма естественно искать въ нихъ выраженіе взглядовъ и мнѣній этой администраціи. Но если задаться подобнымъ розыскомъ—то, конечно, ничего не найдешь. о взглядахъ не было и рѣчи, болѣе того, газетнымъ листомъ не пользовались и въ значеніи проводника извѣстныхъ понятій и знаній.

Во второмъ періодѣ выдѣляются года, когда вѣдомости являются какъ бы сборникомъ статистическаго комитета, а именно 1853 и 1854 г.г., когда въ Оренбургскомъ краѣ дѣйствовали такіе дѣятели, какъ Я. В. Ханыковъ, В. А. Вельяминовъ—Зерновъ, Д. Самаринъ, В. Завьяловъ и др.

Третій період характеризується стремленієм редакції дати неофіціальному отдѣлу видъ частной газеты—зависѣло это, конечно, отъ того обновленія, которое началось въ Россіи послѣ крымской кампаніи. Газета выказывалась по крестьянскому вопросу, являлась горячей защитницею эмансипаціи, далѣе помещались цѣлые очерки разсматривающіе губернію въ политико-экономическомъ отношеніи, эти очерки и въ настоящее время представляютъ цѣнный матеріалъ, особенно благодаря приведеннымъ цифровымъ даннымъ, затѣмъ не мало мѣста удѣлялось и вопросамъ нашей средне азіатской торговли, дѣлались довольно—обстоятельныя выписки съ комментаріями изъ отчетовъ Оренбургской таможни, сообщались извѣстія о торговыхъ караванахъ и, когда редакция сама не была въ состояніи освѣтити вопросъ она прибѣгала къ помощи столичной прессы, дѣлая перепечатки, внимательно слѣдила редакция и за существующими въ Оренбургской губерніи ярмарками, много мѣста удѣлялось и разработкѣ естественныхъ богатствъ края; много было статей по школьнымъ вопросамъ.

Основной мотивъ газеты --можно коротко выразить однимъ словомъ: почва. Необходимо изучить почву, т. е. свою родину, узнавши ее, нужно указать, въ какомъ направленіи должна идти работа на что нужно обратить особое вниманіе, что необходимо выставить на первый планъ, особенно рѣзко подчеркнуть.

Въ 1865 году произошло раздѣленіе губерніи—въ Уфѣ продолжали издаваться «Уфимскія губернскія вѣдомости», въ Оренбургѣ же выпускъ офиціозна начался не сразу, нужно было оборудовать типографію и печатаніе газеты началось лишь въ 1866 году. Первое время губернскія вѣдомости издавались въ томъ же форматѣ и по той же программѣ, какъ вѣдомости нераздѣленной Оренбургской губерніи, затѣмъ изданіе стало клониться къ упадку и содержаніе вѣдомостей за гола 1870--81 и 1883—1896 малымъ чѣмъ отличались отъ времени 1843—1855 г. и неофіціальная часть состояла изъ однихъ объявленій. На два гола 1883—1885 гг. вѣдомости какъ будто

возродились — редактированіе ихъ принять на себя Р. Игнатьевъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей края, и вѣдомости стали сборникомъ матеріаловъ по исторіи края, но воскрешеніе вѣдомостей было кратковременнымъ и лишь въ 1896 году неофициальная часть стала издаваться отдѣльно, причемъ было дано заглавіе: «неофициальный отдѣлъ», редакторомъ его былъ назначенъ членъ архивной комиссіи Н. Ивановъ — Этотъ отдѣлъ выходилъ разъ въ недѣлю и приближался къ обычной провинціальной газетѣ. Съ 1 января 1897 года неофициальная часть стала выходить подъ заглавіемъ «Ежедневное изданіе Оренбургскихъ губернскихъ вѣдомостей», съ 1898 г. она преобразовалась въ «Оренбургскую газету» которая выходитъ и поднесъ. Официальная часть съ 1889 года выходитъ одинъ разъ въ недѣлю, по субботамъ.

Таковъ ходъ развитія официальной и неофициальной прессы г. Оренбурга и Оренбургской губерніи.

Частная газета въ г. Оренбурѣ — «Листокъ» стала выходить подъ редакціею г. Ив. Ив. Ефимъевича Мировицкаго съ 1 января 1896 года. Періодъ времени это была хорошая провинціальная газета и стягивавшая себя изученію исключительно того края, въ которомъ она издавалась. Газета давала много матеріала, правда, часть этого матеріала, а именно отношеніе къ инородцамъ, оканчивалась специфическою «русскою» точкою зрѣнія; но все же фактическаго матеріала было много, и газета отзывалась на всѣ запросы дня — такъ, напримѣръ, вопросъ о ташкентской желѣзной дорогѣ разрабатывался газетою очень подробно; много мѣста газета удѣляла городскому самоуправленію, школьнымъ вопросамъ.

Но при унылыхъ условіяхъ, постыдное равнодушіе мѣстной интеллигенціи сдѣлало свое дѣло. Листокъ со середины 80 хъ годовъ захирѣлъ и вплоть до 1906 г. издавался по инерціи. Въ этотъ годъ онъ былъ обращенъ въ ежедневную газету и сталъ въ ряды оппози-

ції. Издавати его удалось лишь до 20 февраля 1906 г., когда онъ былъ приостановленъ до судебного разбирательства.

Въ 1893 году мѣстною интеллигенціею была сдѣлана попытка издавать прогрессивную газету вмѣсто закрѣпленнаго «Листка». Мѣстнымъ присяжнымъ повѣреннымъ Н. А. Баратынскимъ и было предпринято изданіе «Оренбургскаго Края», который выходилъ три раза въ недѣлю по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ по обыкновенной для провинціальныхъ газетъ программѣ. Прекратилась газета въ 1894 году изъ-за типографскихъ недоразумѣній. Газета была умѣренно-либеральнымъ органомъ.

Въ 1906 году въ Оренбургѣ, какъ и было сказано выше, издавался «Оренб. Листокъ», послѣ его закрытія было выпущено нѣсколько номеровъ газеты «Нашъ Край», а затѣмъ стала издаваться газета «Степь». Эти три органа до извѣстной степени являлись органами лѣвыхъ партій. Конституціонно—демократическая партія основала свой органъ подъ названіемъ «Оренбургскій Край», союзъ 17 Октября издавалъ во время предвыборной кампаніи свой органъ «Голосъ Оренбурга». Кромѣ того въ Оренбургѣ была попытка изданія вечерней газеты «Вечерняя Почта» въ которой предполагалось помѣщать телеграммы о думскихъ засѣданіяхъ. Этой газеты было выпущено лишь нѣсколько номеровъ. Наконецъ, народились три юмористическіе журналы: «Кобылка», «Саранча» — прогрессивные и «Скворецъ» — консервативный.

Кромѣ вышеуказанныхъ органовъ печати съ 1 января 1891 года въ Оренбургѣ печатаются «Тургайскія Областныя Вѣдомости», которыя въ 1896 году издавались съ иллюстраціями и были однимъ изъ лучшихъ провинціальныхъ органовъ, съ 1875 года «Циркуляръ по Оренбургскому учебному округу», съ 1901 г. «Циркуляръ для народныхъ училищъ», съ 1 января 1873 года «Оренбургскія Епархіальныя Вѣдомости», съ 1868 г. періодическая памятная книжка Оренбургской губерніи, справочная книжка, Адресъ

Календарь, съ 1870 г. «Записки Оренбургскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества,» съ 1893 г. «Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла» того же общества; съ 1893—«Протоколы засѣданій физико-медицинскаго общества» и съ 1889 г. «Труды Архивной Комиссіи»;—всѣ эти изданія имѣютъ специальное назначеніе и преслѣдуютъ свои особенныя цѣли.

Наша справка о печатныхъ органахъ была бы не полна, если бы мы не указали на попытку графа Сухтелена издавать въ Оренбургѣ въ концѣ 1832 года officialный органъ подъ названіемъ «Оренбургскія періодическія записки.» Изданіе это не состоялось, былъ выпущенъ лишь пробный номеръ, изъ котораго видно, что графъ Сухтеленъ хотѣлъ сдѣлать свою газету ничѣмъ инымъ, какъ полною лѣтописью Оренбургскаго края, въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Лѣтопись собственно типографскаго дѣла въ Оренбургскомъ краѣ будетъ слѣдующею: первая типографія открылась въ Уфѣ въ 1801 г., въ 1826—27 г. была оборудована типографія въ Оренбургѣ при отдѣльномъ Оренбургскомъ корпусѣ, причемъ при этой типографіи съ 1832 года было открыто восточное отдѣленіе для печатанія книгъ на арабскомъ алфавитѣ. Это была первая типографія для Оренбурга, вторая типографія открылась 10 іюля 1848 года при Войсковомъ Хозяйственномъ Правленіи Оренбургскаго казачьяго войска, третья—7 ноября 1866 г. при губернскомъ правленіи. Съ 1871 года стали открываться и частныя типографіи—въ этомъ году Хохловымъ, въ 1874 году—Ив. Ив. Евфимовскимъ-Мировицкимъ; съ 1878—Бреслинымъ и т. д. Въ настоящее время существуетъ 11 типографій и 1 литографія.

XXI.

Рядомъ съ караванъ-сараемъ помѣщаются обширныя постройки Неплюевского военнаго корпуса; онѣ вмѣстѣ съ садомъ и дворомъ занимаютъ 5 десятинъ или 12 т. кв. сажень—эта земля была уступлена го-

родомъ согласно общественному приговору 28 января 1867 года, причемъ городъ приобрѣлъ старыя постройки корпуса за 60 т. р. съ разсрочкою платежа на 15 лѣтъ изъ 3¹/₂ годовыхъ процентовъ Новыя зданія корпуса закончены постройкою въ 1872 г. До этого времени Неплюевской корпусъ или военное училище помѣщалось въ зданіяхъ нынѣшняго реального училища и женской гимназіи. Исторія Неплюевского корпуса очень любопытна; конечно мы не можемъ привести ее здѣсь цѣликомъ --- этого намъ не позволяетъ ни мѣсто, ни время, но указать на главный моментъ жизни училища - реформу его по мысли графа Сухтелена — мы считаемъ болѣе, чѣмъ необходимымъ, особенно еще и потому, что мы пользуемся еще неизвѣстными архивными данными.

15 Августа 1801 года военный оренбургскій губернаторъ Бахметевъ получилъ рескриптъ Императора Александра I, въ которомъ было выражено желаніе Государя имѣть въ Оренбургѣ училище для дѣтей мѣстныхъ дворянъ. Это Высочайшее желаніе было приведено въ исполненіе только 2 января 1825 года, когда было открыто Неплюевское училище, т. е. почти черезъ двадцать пять лѣтъ.

Для образованія этого училища слѣдующій послѣ Бахметева военный губернаторъ князь Волконскій—*), такъ какъ главное препятствіе для открытія училища было неимѣніе средствъ,—обратился къ потомкомъ Неплюева, не помогутъ ли они осуществить Высочайшую волю, и кромѣ того, не пожелаютъ ли почтить память своего прародителя Ив. Ив. Неплюева, перваго военнаго губернатора города Оренбурга и его основателя. Потомки И. И. Неплюева съ готовностью отозвались на призывъ князя Волконскаго и въ скоромъ времени прислали 20 т. рублей. Собравъ начальныя средства, князь Волконскій обратился къ Императору съ просьбою утвердить проектъ училища по которому оно открывалась для казаковъ Оренбургскаго войска, башкирь,

*) Орен. Газ. 1897 г., №№ 14, 103, 109, 111, 116, 120 и 122; есть отд. оттиски

тептярей, мещериakovъ и вообще всѣхъ азіатцевъ, обитавшихъ въ предѣлахъ Оренбургскаго Края. По проекту училище дѣлилось на два отдѣленія. главные предметы ученія были слѣдующіе: русскій, татарскій, персидскій языки, ариметика географія, исторія и военныя экзерциціи.

Хотя проектъ князя Волконскаго и не былъ утвержденъ, но мысль объ открытіи училища не была оставлена: слѣдующій военный губернаторъ графъ Эссенъ снова возбудилъ ходатайство объ открытіи училища, причемъ графъ Эссенъ сохранилъ въ составленномъ имъ уставѣ училища — главные черты проекта князя Волконскаго. Училище должно было принимать и азіатцевъ и русскихъ, должно было выпускать и толмачей, и офицеровъ, должно было быть учрежденіемъ одновременно и гражданскимъ, и военнымъ. Несмотря на очевидные недостатки устава и программы — проектъ графа Эссена былъ утвержденъ и училище, какъ мы и сказали выше, открылось 2 января 1825 года.

Первые года своего существованія училище существовало болѣе на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности, тѣмъ болѣе, что назначенный директоромъ училища полковникъ Федоръ Григорьевичъ Генсъ, въ то же время былъ предсѣдателемъ пограничной коммисіи и начальникомъ инженеровъ обширнаго Оренбургскаго Инженернаго округа. Исполненіе двухъ послѣднихъ обязанностей отнимало у полковника Генсы почти все время, такъ что не оставалось возможнымъ обращать на Неплюевское военное училище столько вниманія, сколько было необходимо для этого молодого училища. Около 1830 года Генсъ и вознесъ съ представленіемъ къ военному губернатору графу Эссену о увольненіи его отъ должности директора корпуса. Генералъ Эссенъ принялъ просьбу Генсы и, такъ какъ у него не было кандидатовъ для замѣщенія должности директора корпуса, то и обратился въ Петербургъ съ предложеніемъ прислать оттуда

директора. Но въ это время пріѣхалъ въ Оренбургъ вышедшій въ отставку полковникъ Евдокимовъ, бывшій командиръ морской учебной роты, и подавъ прошение, чтобы графъ. Эссенъ припаялъ его на какую нибудь должность Эссенъ, какъ мы видѣли, нуждался въ директорѣ Неплюевского училища, видимо обрадовался предложенію Евдокимова и послалъ въ Петербургъ дополнительный рапортъ, въ которомъ и выставилъ кандидатуру Евдокимова. Но пока происходила означенная переписка, состоялось назначеніе графа Эссена Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, а на мѣсто Эссена, постъ отказавшагося Головина, былъ назначенъ графъ Сухтеленъ, который 10 іюля 1830 года, т. е. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріѣзда обратился къ Г. Ф. Генсу съ предложеніемъ не отказываться отъ должности директора училища, тѣмъ болѣе потому, что Генсъ въ это время пересталъ быть начальникомъ инженеровъ и, слѣдовательно, имѣлъ болѣе свободного времени. Генсъ принялъ предложеніе Сухтелена и въ своемъ отвѣтномъ рапортѣ счелъ необходимымъ указать новому начальнику на необходимость реорганизации училища. По мнѣнію Генсѣ программа училища была слишкомъ велика, такое обиліе предметовъ въ курсѣ ничего кромѣ вреда не приноситъ, ибо «Азіатцу и офицеру башкирскому и даже казачьему едва ли нужно знаніе нѣмецкаго и французскаго языковъ и высшей математики, а воспитаннику; приготавливающемуся быть офицеромъ въ регулярныхъ войскахъ арміи не нужны языки восточные.» При этомъ Генсъ счелъ нужнымъ познакомить Сухтелена, приложивъ въ копию, свой рапортъ о реорганизации училища графу Эссену. Г. Ф. Генсъ докладывалъ Эссену потому, что надѣялся, что Эссенъ пріѣхавъ въ Петербургъ, возбудитъ въ высшихъ сферахъ соотвѣтствующее ходатайство — надежда тщетная. Графъ Эссенъ, не бывшій положимъ тогда еще графомъ, уѣхавъ изъ Оренбурга, конечно, забылъ про существованіе не только Неплюевского училища, но и самого Оренбурга, и Генсу пришлось вторично обращаться

съ той же самою просьбою къ новому начальнику края—графу Сухтелену. (*)

Почта въ то же самое время, когда Г. Ф. Генсъ вторично возбуждалъ вопросъ о реорганизаціи Неплюевскаго училища, произошло измѣненіе въ управленіи военно-учебныхъ заведеній и былъ образованъ совѣтъ о военно-учебныхъ заведеніяхъ, но такъ какъ въ указаніи, какія училища подвѣдомственны этому совѣту, не было упомянуто про Неплюевское училище, то Генсъ, воспользовавшись означеннымъ пропускомъ, предложилъ Сухтелену за одно возбудить ходатайство о подчиненіи Неплюевскаго училища Азіатскому департаменту министерства финансовъ, тѣмъ болѣе, что училище было отчасти предназначено для воспитанія азіатцевъ.

Сухтеленъ, хотя и не далъ дальнѣйшаго хода послѣднему предложенію Генса, но воспользовался его указаніемъ на необходимость реорганизаціи и предложилъ комитету училища заняться вопросомъ о реформѣ.

На основаніи донесеній училищнаго комитета Сухтеленъ 29 декабря 1831 года отправилъ рапортъ въ совѣтъ о военно-учебныхъ заведеніяхъ; въ этомъ рапортѣ съ одной стороны были указаны недостатки программы, а съ другой стороны и путь, которымъ эти недостатки устранялись.

Недостатки программы училища, по мнѣнію Сухтелена, были слѣдующіе:

1) Одинаковъ курсъ наукъ какъ для русскихъ, такъ и для азіатовъ, поступающихъ въ училище. Между тѣмъ, если «и желательно дать общія основныя понятія, могущія служить сближеніемъ азіатцевъ съ нами, то вовсе не слѣдуетъ и даже вредно *) усовершенствовать ихъ въ утонченныхъ познаніяхъ Европейской учености».

2) Слишкомъ много вниманія удѣлено языкамъ; въ программу введено обученіе 6-ти языкамъ и изу-

) Арх. Оренб. Арх. Ком. Документы впервые опубликовываются.

(**) Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ курсивъ не оговоренъ, онъ принадлежитъ мнѣ.

ченіе языковъ «даже отнимаєтъ у азіатцевъ и самое желаніе обучаться въ семь отдѣленіи».

3) Нѣтъ въ курсѣ обученія «гимнастики, фронтовой службы и верховой ѣзды».

Эти недостатки, по мнѣнію графа Сухтелена имѣютъ большое значеніе и лучшимъ устраненіемъ ихъ будетъ раздѣленіе училища на два отдѣленія: «восточное» и «европейскихъ наукъ», причемъ въ первомъ должны обучаться дѣти киргизъ и другихъ азіатцевъ и иновѣрцевъ, которыя желаютъ изучиться восточнымъ языкамъ либо по особенной склонности, или для того, чтобы со временемъ служить по управленію пограничной части; въ другомъ отдѣленіи должны тѣ изъ дѣтей внутреннихъ жителей, которыя посвящаютъ себя военной или гражданской службѣ.

Преподаваніе русскаго языка, всеобщей исторіи, географіи и ариѳметики, и гимнастическихъ упражненій принадлежитъ тому и другому отдѣленіямъ, преподаваніе математики, артиллеріи, фортификаціи, черченія плановъ, основныя понятія о натуральной исторіи и иностранныя языки принадлежатъ только отдѣленію европейскихъ наукъ.

Ратуя съ одной стороны за уменьшеніе изученія языковъ и раздѣленіе ихъ по отдѣленіямъ, комитетъ училища въ то же время проектировалъ введеніе въ программу лагинскаго языка. Этотъ языкъ былъ необходимъ для того, чтобы учащіеся во первыхъ лучше усвоили себѣ восточные языки, такъ какъ, по мнѣнію комитета, латинскій языкъ былъ необходимъ при изученіи восточныхъ языковъ, а во вторыхъ и потому, что часть воспитанниковъ изъ азіатцевъ предполагалось помѣстить впослѣдствіи въ казанскій университетъ на медицинскій факультетъ.

Сообразно такому основному положенію выработана была программа предметовъ какъ для восточнаго отдѣленія, такъ и для отдѣленія Европейскихъ наукъ, причемъ каждое отдѣленіе дѣлилось на три класса, — нижній, средній и высшій и общій расходъ на училище возрасталъ до 38105 р. 60 коп. вмѣсто прежнихъ 24.273. р. 60 к.

Вслѣдъ за рапортомъ объ измѣненіи программы преподаванія графъ Сухтеленъ указалъ на необходимость дарованія окончившимъ въ Неплюевскомъ училищѣ нѣкоторыхъ правъ. Права же, по мнѣнію Сухтелена, должны были заключаться въ слѣдующемъ:

1) дѣтей дворянъ и чиновниковъ гражданского вѣдомства, кончившихъ съ успѣхомъ курсъ наукъ и получившихъ полные аттестаты, производить въ офицеры по выслугѣ половины того числа лѣтъ сколько назначено общими узаконеніями и продолжающихъ службу съ усердіемъ и безпороочно по выслугѣ узаконенныхъ лѣтъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника производить въ высшіе чины по удостовѣренію начальства.

2) дѣтей дѣйствительныхъ офицеровъ иррегулярныхъ войскъ по окончаніи курса опредѣлять въ сіе войско урядниками и производить ихъ въ офицеры по выслугѣ половины времени для сего опредѣленнаго, т. е. черезъ одинъ и не болѣе двухъ лѣтъ.

3) дѣтей заурядъ чиновниковъ, простыхъ казаковъ, башкиръ, мещеряковъ по окончаніи ученія опредѣлять на службу урядниками и избавлять отъ тѣлеснаго наказанія.

4) дѣтей вообще всѣхъ киргизъ, кончившихъ курсъ ученія, избавлять отъ тѣлеснаго наказанія.

5) дѣтей полатнаго состоянія лицъ по окончаніи полнаго курса, особенно отличившихся въ восточной словесности, опредѣлять, если пожелаютъ, на службу толмачами, переводчиками и канцелярскими служителями съ исключеніемъ изъ полатнаго оклада. Впрочемъ само собою разумѣется, что при поступленіи въ училище, сіи люди должны представить увольненіе отъ своихъ обществъ. По выслугѣ 8 лѣтъ усердно и безпороочно, производить ихъ въ классные чины.

6) Вообще дѣти, содержимыя доходами училища, по окончаніи курса, должны прослужить въ вѣдомствѣ оренбургскаго начальства шесть лѣтъ.

Такъ какъ графъ Сухтеленъ въ это время былъ въ Петербургѣ, то кромѣ этихъ донесеній, онъ не замедлилъ какъ и лично ходатайствовать въ Совѣтъ о во-

енно учебныхъ заведенійхъ, такъ и обращаться къ другимъ болѣе вліятельнымъ лицамъ, прося ихъ ускорить дѣло о пересмотрѣ устава Неплюевского училища. Своимъ муссированіемъ вопроса онъ достигъ того, что главный начальникъ всѣхъ военныхъ училищъ обратился къ нему за содѣйствіемъ, прося отвѣтить на рядъ вопросовъ, такъ или иначе касающихся Неплюевского училища.

Позволяемъ себѣ утрудить вниманіе читателя разборкою этихъ отвѣтовъ, такъ какъ во первыхъ насколько намъ извѣстно, мы впервые ихъ опубликовываемъ, а также, во вторыхъ, и потому, что этими отвѣтами ярко характеризуется личность графа Сухтелена.

Прежде всего главный начальникъ военныхъ училищъ поинтересовался узнать, есть ли при училищѣ офицеръ обучающій военнымъ экзерсисіямъ. Сухтеленъ отвѣтилъ, что такого офицера онъ не могъ найти въ Оренбургѣ по недостатку людей, а потому назначилъ опытнаго заслуженнаго фельдфебеля и что «военнымъ экзерсизамъ обучаются не въ полномъ размѣрѣ, а всего лишь выправкѣ, поворотамъ, маршировкѣ и быть у военнаго губернатора въ ординарцахъ». Большой программы военныхъ упражненій Сухтеленъ полагалъ ненужнымъ вводить, не было даже упражненій съ ружьями, чтобы не подавать азіатцамъ, а также русскимъ по происхожденію не изъ военнаго сословія повода къ превратнымъ понятіямъ». Сухтеленъ вообще полагалъ, что не нужно давать воспитанникамъ вообще вооруженіе и только въ крайнемъ случаѣ полагалъ возможнымъ дать однимъ старшимъ классамъ «тесаки» или «полусабли». Такая предосторожность вызывалась тѣмъ обстоятельствомъ, чтобы не испугать «иновѣрцевъ», что беря ихъ дѣтей въ Неплюевское училище, хотятъ сдѣлать изъ нихъ солдатъ.

Далѣе большой интересъ представляетъ описаніе Сухтеленомъ метода преподаванія. «Предметы ученія преподаются по правиламъ, принятымъ въ университетахъ. По сему одинъ и тотъ же воспитанникъ можетъ по одной наукѣ состоять въ первомъ классѣ, по другой въ низшемъ. При маломъ числѣ воспитанни-

ковъ и различномъ ихъ происхожденіи, начальство довольно удобно находить средства устранить затрудненія, которыя при подобномъ распорядкѣ, можетъ быть, трудно избѣгнуть въ заведеніи болѣе значительномъ.

Проектъ Сухтелена о раздѣленіи училища на два отдѣленія—восточное и европейское, очевидно, вызвалъ въ высшихъ сферахъ большую кригикку. Опасались, что подобное раздѣленіе можетъ вызвать у ино-вѣрцевъ подозрительность и внушить имъ недовѣріе къ русскому правительству. Въ изложеніи своихъ отзывовъ Сухтеленъ горячо опровергаетъ подобное мнѣніе и защищаетъ проектируемое имъ раздѣленіе училища. Онъ говоритъ: «нельзя полагать, чтобы раздѣленіе науль для европейскихъ воспитанниковъ и азіатцевъ могло возбудить неудовольствіе и отчужденіе послѣднихъ, ибо они по прежнему будутъ раздѣлять съ русскими одни классы въ нѣкоторыхъ наукахъ, живутъ смежно съ ними въ камерахъ, обѣдаютъ за общимъ столомъ и вообще въ пользу тѣхъ и другихъ избѣгается всякое различіе. Полагать должно, напротивъ того, что азіатцы будутъ довольны, что избавятся отъ обученія нѣкоторыхъ докучливыхъ и бесполезныхъ для нихъ наукъ». Между прочимъ, графъ Сухтеленъ полагалъ бесполезными для иностранцевъ науки—естествовѣдѣніе и исторію, думая, что послѣднюю можно преподавать такъ, чтобы «о русской исторіи дать понятіе, соотвѣтствующее здравой политикѣ, такое, которое могло бы ихъ утвердить во мнѣніи о величіи Россійской державы и о необходимости повиноваться ей».

Такой взглядъ у такого образованнаго и гуманнаго человѣка, какъ Сухтеленъ, можетъ показаться страннымъ, но не надо забывать того обстоятельства, что Сухтеленъ смотрѣлъ на Пенлюевское училище съ исключительной точки зрѣнія. Онъ полагалъ, что «заведенію сему справедливо можно присвоить названіе политическаго». Это было въ глазахъ графа не общеобразовательное заведеніе, имъ оно могло сдѣлаться спустя много и много лѣтъ; а теперь оно дол-

жно было служить двумъ цѣлямъ: ассимиляціи ино-родцевъ съ русскими и приготовленію переводчиковъ и чиновниковъ пограничной комиссіи.— Вотъ почему графъ Сухтеленъ и противился всѣми силами господствующему среди высшихъ сферъ желанію преобразовать Неплюевское училище въ обычный для того времени «кадетскій» корпусъ. Сухтеленъ не могъ достичь того, чтобы военный совѣтъ разсмотрѣлъ поскорѣе его проектъ, несмотря на то, что военный министръ предлагалъ этому совѣту поскорѣе заняться дѣломъ Неплюевского училища. Весьма естественно, что для разсмотрѣнія вопроса, какъ шло обсужденіе проекта Сухтелена, надо обратиться въ архивъ совѣта военно-учебныхъ заведеній, быть можетъ тамъ и найдутся протоколы засѣданій, но тамъ не удалось пользоваться матеріалами означеннаго архива, а изъ имѣющихся у насъ данныхъ видно, что военный совѣтъ предложилъ графу Сухтелену самому составить проектъ положенія о Неплюевскомъ училищѣ 4 мая 1832 года графъ Сухтеленъ поѣхалъ обратно изъ Петербурга въ Оренбургъ. Видно, что графъ считалъ дѣло преобразованія Неплюевского училища дѣломъ первостепенной важности и потому, не имѣя возможности сейчасъ же составить положеніе, онъ извѣщаетъ военный совѣтъ, что разработка этого положенія идетъ и что замедленіе происходитъ вслѣдствіе ряда другихъ неотложныхъ дѣлъ, какъ то: объѣздъ края, осмотръ крѣпостей и пр..

Въ дѣлахъ архивной комиссіи сохранился черновикъ положенія, весь исправленный и исчеркнутый рукою самого графа, что показываетъ, какъ усердно работалъ Оренбургскій военный губернаторъ. Несмотря на указаніе о замедленіи составленія проекта, графъ быстро исполнилъ порученіе. 4 мая было предложено составить проектъ, а 10 августа того же года проектъ былъ представленъ съ большою пояснительною запискою срокъ этотъ тѣмъ болѣе незначителенъ, что вмѣсто предполагаемыхъ незначительныхъ измѣненій положенія, графу Сухтелену пришлось окончательно переработать и проредактировать

существовавшее положеніе о Неплюевскомъ военномъ училищѣ.

Для этой переработки Сухтеленъ получилъ отъ Николая I указаніе, чтобы при составленіи новаго положенія за образецъ былъ взятъ уставъ Омскаго казачьяго училища. Исполняя Высочайшую волю, графъ позволилъ себѣ сдѣлать одно отступленіе—онъ не принялъ уставъ Омскаго училища лишь въ томъ смыслѣ, чтобы «сдѣлать Неплюевское училище на будущее время принадлежностью Оренбургскаго и Уральскаго казачьяго войска», подобно тому какъ Омское училище было принадлежностью Сибирскаго войска.

Основаніемъ для графа Сухтелена служило слѣдующее: «Оренбургское военное училище возымѣло первое существованіе отъ незабвеннаго преобразователя Оренбургскаго края, *отъ котораго и происходитъ основаніе училищнаго капитала* *); сему примѣру послѣдовали и другія частныя лица съ цѣлю доставленія въ сей отдаленной провинціи способовъ воспитанія дѣтей всякаго свободнаго состоянія, а въ числѣ оныхъ, таковымъ, коихъ отцы служатъ или служили въ Оренбургскомъ краѣ, но не исключительно казачьяго сословія. Допущеніе азіатцевъ имѣетъ цѣль столь же политическую, *сближенія народовъ*, какъ и намѣреніе распространять познанія азіатскихъ языковъ между русскими, а русскаго между азіатцами. Съ сею цѣлю при самомъ основаніи заведеніе сіе было подчинено въ завѣдыванію начальника Оренбургской пограничной комиссіи. Измѣненіе названія училища могло бы произвести въ семъ краю впечатлѣніе, не соотвѣтствующее общему уваженію къ памяти великаго человека, заслужившаго въ ономъ неизгладимую историческую истинность. Правило поступленія всѣхъ воспитанниковъ на службу въ казачье войско отчуждило бы дворянъ Оренбургскаго края, кои нуждаются

*) Въ означенной выпискѣ курсивомъ обозначены поправки рукою Сухтелена: въ этомъ мѣстѣ Сухтеленъ на поляхъ дѣлаетъ «В. По предложенію кн. Волковскаго первое основаніе капитала положили, кажется, потомки И. И. Неплюева.

въ воспитаніи болѣе казаковъ и въ коихъ служба гражданская и пограничная часть имѣють ошутительный недостатокъ. Азіатцы вовсе бы перестали намъ довѣрять дѣтей своихъ для воспитанія, особенно киргизы; а башкирцевъ не желательно образовывать *особливо* для военнаго состоянія. Оренбургское казачье войско имѣетъ уже начальное обзаведеніе мѣстныхъ училищъ въ родѣ приходскихъ въ каждомъ контонѣ. При предвидимомъ улучшеніи состоянія сего войска оныя могутъ улучшиться безъ труда, а когда вмѣстѣ съ тѣмъ улучшится и состояніе офицеровъ и откроются хотя нѣкоторыя преимущества при выпускѣ воспитанниковъ *кончившимъ курсъ ученія*, то неминуемо ихъ дѣти займутъ большую часть мѣстъ пансіонеровъ, *что послужитъ къ самому поддержанію училища*. Уральское войско уже имѣетъ въ семь году хорошо устроенное училище на правилахъ уѣзднаго; богатые никакъ дѣтей своихъ не отдадутъ въ Оренбургъ пансіонерами, а старовѣры еще менѣе, даже безденежно. Войско сіе имѣетъ хорошее достояніе, много евоенравія. Желательно, чтобы оно оставалось, какъ теперь, и по мнѣнію *моему* времени должно предоставить искорененіе закостневшихъ предразсудковъ. Наконецъ главнѣйшій доходъ училища происходитъ отъ источника, который не считаю удобнымъ обратить въ достояніе или пользу здѣшнихъ казачьихъ войскъ, ибо перенускъ киргизцевъ съ выдачею билетовъ допустить можетъ вредныя злоупотребленія по пространству границы неизбѣжныя, *въ случаѣ, если сборъ сей непосредственно принадлежалъ войску, которое составляетъ стражу по всей линіи*. Въ Сибири по несравненно меньшему народонаселенію и удаленію онаго отъ линіи сіе неудобство не существуетъ.

Приведенныя Сухтеленомъ указанія были найдены существенными и Неплюевское военное училище не было преобразовано въ казачье.

Въ проектѣ положенія редакціи Сухтелена военное Неплюевское училище состояло въ полномъ распоряженіи военнаго Оренбургскаго губернатора, который представлялъ военному совѣту только о такихъ

дѣлахъ, которыя представляютъ изъ себя особенную важность». Штатъ училища былъ положенъ въ 80 воспитанниковъ, изъ которыхъ половина должна была быть казенокошными—таковъ штатъ первоначальный, увеличивался онъ главнымъ начальникомъ училища, т. е. тѣмъ же военнымъ губернаторомъ; плата за пансіонеровъ была назначена въ 300 р., полупансіонера въ 150 рублей. Выходъ пансіонера до окончанія полнаго курса ученія допускался только въ исключительныхъ случаяхъ, причемъ вторичное поступленіе въ училище не разрѣшалось.

Въ курсъ наукъ вводилось и изученіе латинскаго языка для тѣхъ «воспитанниковъ изъ магометанъ, которые предназначаютъ себя слѣдовать курсу медицины или сообразно съ цѣлью сего заведенія быть въ полномъ смыслѣ оріенталистами.

Для всѣхъ безъ исключенія воспитанниковъ, христіанъ и магометанъ, было обязательно присутствіе при общей молитвѣ утромъ, вечеромъ, передъ и послѣ стола. Въ первоначальной редакціи не было указано, что и магометане должны присутствовать при этой молитвѣ, Сухтеленъ самъ вписалъ.

Характерна подробность съ какою должно было оцѣнивать успѣхи учениковъ—позволяемъ себѣ выпи- сать это мѣсто цѣликомъ: «когда ученикъ на вопросы по всѣмъ частямъ предмета ученія, отвѣчаетъ внятно, доводко, основательно, безошибочно, не запутываясь въ отвѣтахъ то сіе «превосходно» и оцѣнивается 60 бал- лами. Когда знаетъ весь предметъ основательно, от- вѣчаетъ внятно и безошибочно, но при томъ запи- нается и не имѣетъ твердости въ отвѣтѣ, въ такомъ случаѣ означается «очень хорошо» и по мѣрѣ какъ ближе къ превосходному оцѣнивается отъ 50 до 55. Когда знаетъ предметъ и касательно вопрошаемаго все изложить, но не имѣетъ ни твердости, ни совер- шенной ясности, а запутывается въ отвѣтѣ, въ та- комъ случаѣ означается «хорошо» и по мѣрѣ того, какъ меньше путается и отвѣчаетъ тверже и яснѣе, пишется отъ 40 до 45. Когда предметъ понимаетъ, но въ отвѣтахъ путается и дѣлаетъ ошибки, въ та-

комъ случаѣ означается «изрядно» и по мѣрѣ ошибкѣ пишется отъ 30 до 35. Когда предмета всего не знаетъ, часто путается и грубо ошибается, то такой случай называется «слабо» и также по мѣрѣ ошибокъ пишется 10 и 15. А кто на какой вопросъ безъ ошибочно отвѣта дать не можетъ, тому ставится 0.

Едва ли когда либо существовала такая система отмѣтокъ

Пока данный проектъ писался, поступилъ въ военный совѣтъ, тамъ разсматривался—училище должно было функционировать и, такъ какъ Г. Ф. Генсъ затруднялся быть директоромъ, а Сухтеленъ не хотѣлъ лишить училище такого дѣятельнаго человѣка—то графъ Сухтеленъ избобрѣлъ должность попечителя училища, на эту должность онъ назначилъ Генса, а директоромъ училища предназначилъ инженеръ-капитана Артюхова, но это назначеніе графъ Сухтеленъ обусловилъ тѣмъ, чтобы капитанъ Артюховъ прежде вступленія въ должность отправился въ Москву для осмотра существующихъ тамъ военныхъ училищъ. Осенью 1832 г. капитанъ Артюховъ, дѣйствительно, былъ въ Москвѣ, гдѣ его тогдашній начальникъ корпуса Газепъ очень подробно познакомилъ какъ съ учебною, такъ и хозяйственною частью корпуса. Эта командировка, на нашъ взглядъ, очень замѣчательна; она показываетъ, какъ серьезно относился Сухтеленъ.

29 октября 1832 года капитанъ Артюховъ вошелъ къ графу Сухтелену съ рапортомъ о состояніи училища. Принявъ должность, Артюховъ прежде всего подвергъ воспитанниковъ экзамену, который продолжался 17 дней—съ 10 по 27 октября, при чемъ испытанія производились по билетамъ, составленнымъ изъ программы каждаго предмета. Испытанія показали, что познанія воспитанниковъ очень посредственны, ни одинъ предметъ не былъ пройденъ цѣликомъ. Причина подобнаго неуспѣха, по мнѣнію директора, заключалась въ совмѣстномъ обученіи русскихъ и азіатцевъ.

Воспитанниковъ въ Неплюевскомъ училищѣ въ это время было: въ низшемъ классѣ 36, изъ нихъ 10

мусульманъ; самый ранній воспитанникъ поступилъ въ 1825 году, т е пробылъ въ училищѣ 7 лѣтъ, 4 поступило въ 1828, 2 въ 1830, остальные въ 1831 и 1832 г; въ верхнемъ классѣ было 5 воспитанниковъ, одинъ съ 1825, остальные съ 1827, и въ среднемъ классѣ 8, изъ нихъ одинъ поступилъ въ 1831, 5 въ 1827 и 2 въ 1828 г. Въ среднемъ и высшемъ классѣ всѣ воспитанники были православными. Совершенно не понятно, какъ могъ одинъ изъ воспитанниковъ дойти до старшаго класса; на испытаніи онъ получилъ по Закону Божию—6, по русскому языку 4, по нѣмецкому и физикѣ по 1, а по всѣмъ остальнымъ десяти предметамъ по нулю; Артюховъ представилъ его къ увольненію, это представленіе утвердилъ Сухтеленъ.

Пройдено было, дѣйствительно, немного—воспитанники верхняго класса по исторіи знали до Симеона Гордаго, по всеобщей географіи остановились на Турецкой Имперіи, а по геометріи изучали площадь круга; *de facto* знаній было еще меньше.

Графъ Сухтеленъ незамедлилъ доставить рапортъ Артюхова въ совѣтъ о военныхъ училищахъ, подчеркнувъ еще разъ, что неуспѣхъ занятій происходилъ исключительно отъ соединенія обученія русскихъ съ инородцами и кромѣ того указаль, что онъ самъ уже въ видѣ опыта устроилъ два отдѣленія европейское и восточное, по шести учениковъ каждое и успѣхи воспитанниковъ хорошіе. Бумага эта была послана 8 февраля 1833 года; 9 марта совѣтъ о военно-учебныхъ заведеніяхъ извѣстилъ Сухтелена, что проектъ разсмотрѣнъ совѣтомъ и переданъ на благоусмотрѣніе главнаго начальника. Эта бумага была послѣдней, полученной графомъ Сухтеленомъ; вскорѣ онъ умеръ.

Графъ Сухтеленъ былъ бы огорченъ, если бы онъ остался живъ, потому что злоключенія съ проектомъ только что начались. 7 іюня 1833 года исполняющій обязанности военнаго губернатора получилъ отъ военнаго министра проектъ для новаго разсмотрѣнія и исправленія; 27 апрѣля 1834 г. З. Ф. Генсъ

перепроводилъ Перовскому исправленный и вновь переработанный проектъ положенія. Новое положеніе не имѣло многихъ изъ тѣхъ особенностей, которыя ему хотѣлъ придать Сухтеленъ, прежде всего оно хотя и было подъ начальствомъ военнаго губернатора, но въ вѣдѣніи совѣта и военный губернаторъ былъ лишенъ вовсе инициативы въ дѣлѣ улучшенія и измѣненія училища, все должно было восходить на разсмотрѣніе совѣта, затѣмъ, такъ какъ положеніе состояло изъ 228 статей, то имъ регламентировалось рѣшительно все въ жизни училища—были вылиты такимъ образомъ неподвижныя рамки, въ которыхъ и должно было застыть училище. Въ 1836 году потребовалось еще новое исправленіе и дополненіе, надъ этимъ исправленіемъ работалъ Владиміръ Даль. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1837 года дважды переработанный проектъ опять отправился путешествовать въ Петербургъ. Въ 1838 году Петербургъ все еще требовалъ дополнительныхъ справокъ и 25 апрѣля 1839 года графъ Перовскій все еще спрашивалъ военнаго министра, да когда же будетъ утвержденъ проектъ преобразования училища—которое *de facto* положимъ, давно уже было преобразовано въ два отдѣленія, помѣщавшіеся даже въ отдѣльныхъ зданіяхъ. Утвержденіе, какъ извѣстно, послѣдовало, въ томъ же 1839 году.

Дальнѣйшія административныя измышленія надъ училищемъ заключались въ слѣдующемъ: 25 марта 1843 года училище было преобразовано въ корпусъ. 17 іюня 1866 года корпусъ замѣнился военной гимназіей, а 16 августа 1875 года было уничтожено послѣднее отличіе Неплюевской гимназіи отъ всѣхъ остальныхъ военно учебныхъ заведеній, изъ его курса было исключено преподаваніе татарскаго языка,—училище стало обыкновеннымъ военно-учебнымъ училищемъ и вмѣстѣ со всѣми послѣдними было преобразовано въ корпусъ.

Главной своей цѣли—сближенія инородцевъ, киргизъ по преимуществу,—училище, конечно, не достигло, не смотря на то, что довольно долгое время существовали особыя льготныя условія по приему

киргизскихъ дѣтей и имъ дѣлались различныя послабленія при прохожденіи курса.

Желающихъ поступить для обученія въ корпусъ было мало и мѣстнымъ властямъ приходилось не рѣдко прибѣгать для сбора учащихся къ силѣ. Вотъ что пишетъ въ своихъ письмахъ изъ Зауральской степи султанъ Мендали Пирамевъ *) Главное начальство киргизъ Оренбургской степи пригласило почетныхъ бродягъ отдавать дѣтей своихъ на воспитаніе въ Неплюевскій кадетскій корпусъ. Почетнымъ ордынамъ пришлось это вовсе не по сердцу. Что такое «кадетскій корпусъ» — понимали въ степи очень не многіе. Пробѣжала молва, что русскіе требуютъ киргизскихъ дѣтей, чтобы окрестить ихъ и потомъ отдавать въ солдаты. Всѣ отъ души этому повѣрили и никто не хотѣлъ отпустить добровольно ребенка «въ плѣнъ» къ русскимъ. Но власти степныя, вполне раздѣляя убѣжденіе, что корпусъ есть нѣчто въ родѣ острога для дѣтей гдѣ будутъ ихъ всячески мучить и тиранить, стремились однако выслужиться предъ начальствомъ, въ чаяніи за усердіе свое и преданность правительству «украситься золотыми медалями, кафтаномъ съ галуномъ, саблями въ серебряной оправѣ и другими заманчивыми для тщеславія ихъ отличіями. Вотъ и начали они у тѣхъ, кто былъ по бѣлнѣе, да по смиреннѣе изъ «почетныхъ» отнимать дѣтей почти силою. Отецъ мой, хотя и султанъ, едва перебывался въ то время, ибо зимуя на Сырѣ около Акмечети, подвергался безпрестанно поборамъ отъ коканцевъ, тогда тамъ властвовавшихъ. На этомъ основаніи ему и выпала горькая чаша отдать единственнаго своего сына въ плѣнъ. Нечего было дѣлать: ставешь поперечить властямъ, пожалѣешь ребенка, такъ и самого въ бараній рогъ согнуть.. Отецъ съ матерью поплакали да и отвезли меня къ султану правителю, откуда цѣлый транспортъ насъ, ребятишекъ, отправили въ Оренбургъ. Въ такомъ же почти видѣ описываютъ предубѣжденіе противъ кадетскаго воспитанія и дру-

*) Тург. Газ. 1896. № 32; 33.

гіе киргизы—и киргизъ воспитанниковъ было сли-
комъ незначительно, да и большинство не конча-
курса. Въ 1848 году было всего 21, въ срединѣ 50-хъ
годовъ до 26 человекъ, а въ послѣдующіе года и то-
го меньше. Но не смотря на это, главныя средства
на содержаніе корпуса давати киргизы—на корпусъ
шла сумма, получаемая съ такъ называемаго «билет-
наго съ киргизъ сбора».

Не смотря на то, что главная цѣль основанія Не-
плюевского военного училища не была достигнута—
училище сыграло большую культурную роль — оно поз-
воляло болѣе состоятельнымъ жителямъ края давати
образованіе своимъ дѣтямъ, не увозя ихъ далеко отъ
своего мѣстожительства и Неплюевское училище вы-
лустило изъ своихъ стѣнъ многихъ видныхъ дѣятелей
не только Оренбургскаго края, но и вообще Россіи.

XXII.

Съ Неплюевскимъ военнымъ училищемъ тѣсно
связана исторія другого просвѣтительнаго начинанія
графа Сухтелена, начинанія, какъ и большинство
россійскихъ начинаній, окончившагося плачевно.

Графъ Сухтеленъ задумалъ основать при Неплю-
евскомъ училищѣ музей или какъ тогда называли
«музеумъ», который бы «вмѣщалъ въ себѣ всѣ произ-
веденія Оренбургскаго края въ особенности, включая
также коллекціи одеждъ, оружія и всего, относитель-
но домашняго быта и промышленности разныхъ наро-
довъ, какъ оныя населяющихъ, такъ и другихъ странъ.
«Музей, судя по «проекту предметамъ, долженствующимъ
войти въ составъ коллекцій», долженъ былъ
быть, дѣйствительно, громаднымъ. Вотъ этотъ про-
спектъ, такъ какъ онъ до сихъ поръ еще не опубли-
кованъ, то позволяемъ себѣ выписать его текстуально:

Отдѣлъ I. По части естественной исторіи:
А) Зоологія: 1) звѣри, 2) птицы, 3) пресмыкающіеся,
4) рыбы, 5) черепакожные (*crustacées*); 6) насѣкомыя;
7) зоофиты. В) Ботаника: 1) сухія растенія, 2) съ-
мона, 3) образки деревъ въ продольномъ и попе

речныхъ разрѣзахъ. С) *Минералогія*: 1) металлы. 2) камни, 3) соль, 4) горючія вещества, 5) окаменѣлости (во всѣхъ видахъ)

Отдѣлъ II По части искусства и промышленности: 1) одежды разныхъ народовъ, 2) украшенія, 3) оружіе, 4) домашняя утварь, 5) издѣлія, 6) модели: а) машинъ употребляемыхъ, напримѣръ, въ горно ѣ дѣлѣ, для орошенія полей и садовъ, при устройствѣ мельницъ, при гасительныхъ снарядахъ, по строительной части и пр.; в) орудій, если имѣютъ какую нибудь отмытку по части земледѣлія сохи, плуги, бороны и пр. по звѣроловству, какъ: капаны, загороди, лучки, самобыи и т. п. по рыболовству: ахоны, сѣни, перебои, сторожки, крючья и пр.

Сверхъ того всякія древнія и иностранныя монеты, книги и особенно рукописныя, картины, карты и предметы поучительныя, любопытныя и полезныя.

Съ просьбою высылать предметы графъ Сухтеленъ хотѣлъ обратиться къ иркутскому генераль-губернатору А. С. Лавинскому, главному начальнику уральскихъ горныхъ заводовъ А. А. Богуславскому, къ томскому гражданскому губернатору и начальнику Колывано-Воскресенскихъ заводовъ Е. П. Ковалевскому, къ бергъ инспектору А. Т. Булачеву, начальнику гороблагодатскихъ заводовъ И. М. Иванову, статскому совѣтнику фонъ Стевень въ Симферополѣ, профессору харьковскаго университета И. А. Криницкому, дерптскаго университета И. И. Эшмалю, профессору ботаники въ Харьковѣ, натуралисту Бессеръ въ Кременчугѣ, челябинскому исправнику фонъ Кваленъ и кромѣ того еще къ цѣлому ряду лицъ.

Отсылая письма съ просьбою присылать пожертвованія въ музей, графъ Сухтеленъ въ то же время обратился и въ комитетъ Неплюевского училища, поясняя почему онъ хочетъ устроить музей. Указавъ на малоизвѣстность оренбургскаго края, на некультурность его обывателей, графъ пишетъ: «противу сихъ недостатковъ, однимъ изъ надежнѣйшихъ пособій можетъ быть образованіе «музеума», коего предметы представлять наблюдательному посѣтителю, ка-

кого бы званія или сословія онъ ни былъ, всѣ сокровища страны имъ обитаемой, покажутъ ему неостатки средствъ имъ употребляемыхъ и способы въ сравнительномъ отношеніи ихъ улучшенія; познакомятъ и сблизятъ со множествомъ предметовъ, готовыхъ на пользу его, но прежде ему неизвѣстныхъ и наконецъ любопытному путешественнику представятъ сокращенную, но вѣрную картину цѣлаго края не заставляя его блуждать наудачу или на худо переданнымъ рассказамъ искать рѣзкаго и поучительнаго»

Поэтому графъ Сухтеленъ обращается къ комитету училища съ предложеніемъ отвести одну изъ залъ зданія для нарождающагося музея, для котораго графъ лично писанной имъ запискою заказалъ уже 2 шкафа, 4 стола и 6 стульевъ и назначилъ служившаго у него чиновника иностранныхъ дѣлъ г. Шангиона Гартинга смотрителемъ.

Первый отвѣтъ на разосланные письма графъ получилъ въ декабрѣ 1830 года отъ управляющаго Илецкимъ солянымъ промысломъ, затѣмъ послѣдовалъ рядъ писемъ изъ Златоуста, Нерчинска, Тобольска, Перми и пр.

Первые предметы поступили отъ начальника штаба оренбургскаго корпуса генералъ-маіора Зуйкевича и были слѣдующими:

1) Обломки съ мозаикою внутреннихъ стѣнъ церкви св. Марка въ Венеціи.

2) Двѣ окаменѣлыя раковины, найденныя близъ Кисловодска.

3) Два домашнихъ идола сибирскихъ туземцевъ, одинъ изъ кости, а другой изъ коричневаго дерева

4) Семнадцать разнаго достоинства російскихъ монетъ.

Далѣе ханъ Букеевской орды Джангеръ прислалъ мужскую и женскую киргизскія одежды. Н. Турганиновъ выслалъ изъ Иркутска гербарій въ 700 различныхъ видовъ — пожертвованія вообще поступали довольно успѣшно.

Между прочимъ было сдѣлано одно пожертвованіе белебеевскимъ помѣщикомъ, приславшимъ два писто-

лети. Графъ Сухтеленъ велѣлъ благодарить жертво-
~~вательства~~ въ третьемъ лицѣ безъ своей подписи, на пе-
~~чатномъ~~ бланкѣ военнаго губернатора а пожертвован-
ные пистолеты не помѣстилъ въ музей, такъ какъ
они, по мнѣнію графа, не заслуживаютъ быть помѣ-
щенными въ музей, а назначилъ ихъ въ награду
двумъ лучшимъ ученикамъ. Въ культурномъ учреж-
деніи, долженствующемъ служить цѣлямъ цивилиза-
ціи, по мнѣнію графа Сухтелена, не было мѣста ору-
діямъ войны—взглялъ во всякомъ случаѣ характерный
и рѣдкій для той эпохи въ которую жилъ и дѣйство-
валъ графъ будучи самъ военнымъ.

Но собирая разнообразныя коллекціи, графъ Сух-
теленъ понималъ, что надо, чтобы при музеѣ былъ
человѣкъ, который умѣлъ бы приготовить коллекціи
изъ мѣстной фауны и потому Сухтеленъ выбираетъ
лучшаго ученика мѣстнаго приходскаго училища Ма-
сленникова и посылаетъ его въ Казань, прося попе-
чителя казанскаго учебнаго округа позаботиться,
чтобы посланный мальчикъ могъ научиться препари-
ровать животныхъ. Мусинъ-Пушкинъ отдастъ Маслен-
никова въ выучку Эвереману, извѣстному профессору
естествознанія, автору книги «Естественная Исторія
Оренбургскаго Края» и черезъ нѣкоторое время
только что нарождающійся оренбургскій музей имѣлъ
своего чучелочника, который, по свидѣтельству оче-
видцевъ, умѣлъ очень изящно, даже художественно
приготавливать чучела.

Кромѣ того, въ самомъ началѣ осуществленія
своего проекта, графъ Сухтеленъ вспомнилъ о про-
шедшихъ дѣятеляхъ края и обратился къ родствен-
никамъ Неплюева, Ингельстрема, Рѣпина, Беззвиги-
нова, Эссена, прося прислать портреты ихъ предковъ,
потрудившихся въ Оренбургскомъ краѣ, чтобы эти
портреты явились достойнымъ украшеніемъ музея.

Судьба иногда бываетъ очень странна—за три
дня до своей смерти графъ Сухтеленъ подписалъ
последнюю бумагу о своемъ музеѣ, которой онъ на-

значалъ на исправленіе и приведеніа музея въ должный видъ 352 р. 15 к. *).

Со смертію Сухтелена заботы о музеѣ не прекращались. Графъ В. А. Перовскій, заступившій мѣсто оренбургскаго военнаго губернатора, построилъ для музея особое зданіе, но уже не при Неплюевскомъ корпусѣ, а при училищѣ земледѣлія и лесоводства. Это послѣднее училище было предметомъ особыхъ заботъ графа—назначилъ сумму на содержаніе его, послалъ въ Петербургъ къ профессору Брану двухъ казачьихъ малолѣтокъ обучиться искусству набиванія чучелъ, поручилъ заведываніе музеемъ такимъ просвѣщеннымъ лицамъ, какъ Зану и патеру Зеленко. Въ организациіи музея принималъ участіе и нашъ знаменитый писатель В. Даль.

Музей росъ, развивался, но Перовскій покинулъ постъ военнаго губернатора. Слѣдующій начальникъ края строевой генералъ Обручевъ не любилъ заниматься просвѣтительными начинаніями: онъ хотѣлъ закрыть и самое училище, на музей никто не обращалъ вниманія до тѣхъ поръ, пока Перовскій вторично не прибылъ въ Оренбургъ уже въ качествѣ генералъ-губернатора. Музей перевели въ казенное зданіе позади театра. Въ это время музей обогатился цѣнными коллекціями, среди нихъ были препараты такого зоолога, какъ Сѣверцевъ. Но зданіе музея при слѣдующихъ начальникахъ края понадобилось для квартиръ докторовъ, существованіе музея было признано бесполезнымъ и коллекціи музея были распределены между различными учебными заведеніями.

Идею графа Сухтелена и Перовскаго въ наше время пытается воплотить въ жизнь Оренбургская архивная комиссія своимъ историко-археологическимъ музеемъ, въ которомъ собраны значительныя коллекціи и есть рядъ довольно цѣнныхъ предметовъ. Но, къ сожалѣнію, у архивной комиссіи нѣтъ помѣщенія, предметы скоплены въ одной не большой комнатѣ,

*) Арх. Оренб. Арх. Учен. Ком. Дѣло объ образованіи музея. Документы опубликовываются впервые.

которая настолько загромождена, что коллекціи не имѣютъ никакого вида. Выстроить же болѣе или менее значительное помѣщеніе — у комиссіи нѣтъ средствъ; городское управленіе въ лицѣ думы все еще продолжаетъ видѣть въ музей—забаву и игрушку. Вообще же идея изученія Оренбургскаго края не умирала, а по временамъ, казалось, что она будетъ скоро осуществлена—но осуществленіе каждый разъ откладывалось. Въ 1881 году генераль Н. А. Крыжановскій произнесъ блестящую рѣчь передъ собраніемъ городскихъ обывателей, приглашенныхъ на засѣданіе мѣстнаго отдѣла географическаго общества. *) Свою рѣчь генераль губернаторъ началъ указаніемъ на то неудобство, которое испытывается отъ незнанія мѣстнаго края. Высказавъ увѣреніе, что «каждый изъ насъ не только находящійся сію минуту въ этой залѣ, но всякій умственно развитый обыватель Оренбургскаго края готовъ содѣйствовать изученію его и принести въ общій складъ свѣдѣній о немъ все то, что ему уже извѣстно и что онъ соберетъ въ слѣдствіи. Генераль губернаторъ предложилъ немедленно же составить четыре комиссіи и каждой изъ этой комиссіи поручить составить описаніе: 1-ой по части географіи края, 2-ой по части статистики, 3-ей по природнымъ богатствамъ и 4-ой по исторіи края. Собираніе данныхъ по мнѣнію Н. А. Крыжановскаго должно продолжиться цѣлый 1881 годъ, а къ августу 1882 года можно было бы свести эти данныя и приступить къ составленію описанія. Генераль-губернаторъ обѣщалъ самое широкое административное содѣйствіе въ собираніи данныхъ.

Но 11 іюня 1881 года оренбургское генераль-губернаторство было упразднено и затѣя Н. А. Крыжановскаго такъ и осталась затѣей. Нѣкоторые плоды ея можно найти въ «Оренб. Губ. Вѣд.», гдѣ предсѣдателемъ 4-ой комиссіи былъ собранъ значительный матеріалъ по исторіи края.

*) Оренб. Лист. 1880, № 52. 1881, № 1.

Работали въ этомъ направленіи и два ученыхъ общества, существующія въ Оренбургѣ—отдѣлъ географическаго общества и архивная комиссія. Нельзя, конечно, отрицать извѣстной заслуги этихъ обществъ—но работа ихъ при прежнемъ режимѣ не могла быть плодотворной. Бюрократическій режимъ врагъ свободѣ изслѣдованій, а безъ свободы изслѣдованія работа ученыхъ обществъ сводится къ нулю.

XXIII.

Здѣсь мы считаемъ умѣстнымъ—для цѣльности впечатлѣнія—дать хотя и очень сокращенный очеркъ о всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, существовавшихъ и существующихъ въ городѣ Оренбургѣ—такъ-выхъ два—юнкерское училище и второй кадетскій корпусъ, помѣщающіеся на противоположныхъ концахъ города: юнкерское училище на площади у форштадта, второй кадетскій корпусъ на бульварѣ на берегу р. Урала, а кромѣ того указать въ общихъ чертахъ, какъ шло вообще дѣло развитія военнаго образованія въ Оренбургѣ—не надо забывать, что городъ Оренбургъ въ былое время былъ по преимуществу городомъ военныхъ, да и въ настоящее время онъ находится въ центрѣ казачества.

Юнкерское училище, возникшее 20 декабря 1868 года по ходатайству генералъ-губернатора Н. А. Крыжановскаго, является вдвойнѣ специальнымъ училищемъ, оно не только военное училище, но и казачье. *)

Другою особенностью юнкерскаго училища былъ составъ учениковъ. До открытія юнкерскаго училища офицеры въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ комплектовались или изъ урядниковъ, выслужившихъ определенное число лѣтъ, или же изъ лицъ, выдержавшихъ особый «офицерскій» экзамень. Когда же открылось училище, то было объявлено, что въ офицера будутъ производиться только окончившіе курсъ въ

*) Оренб. Лѣст. 1873, 38. 1880, 37.

юнкерскомъ училищѣ. Поэтому училище разомъ наполнилось взрослыми людьми, поступали старики, лица, украшенные нѣсколькими георгіями, семейныя, имѣющія взрослыхъ сыновей. Весьма понятно, какъ должны были идти занятія съ такимъ комплектомъ воспитанниковъ. Далѣе въ казачьемъ войскѣ было очень незначительное число пиколь, курсъ ученія въ нихъ мизерентъ а учителя поражали своимъ колоссальнымъ невѣжествомъ—такъ что вновь поступившіе ученики, не смотря на свой солидный возрастъ, еле-еле знали грамотѣ весьма понятно, что можно проходить хотя и съ бородами, но малограмотными людьми.

Выходъ изъ этого положенія нашли приблизительно лѣтъ черезъ десять по открытіи училища—придумали при юнкерскомъ училищѣ открыть приготовительный классъ. Се слабо подготовленное направлено было въ этотъ классъ. Въ младшій же классъ училища—курсъ въ немъ былъ двухъ годичный—начали только принимать такихъ, которые уже основательно были знакомы съ русскою грамматикою и правописаніемъ, съ исторією древнихъ и среднихъ вѣковъ, со всеобщей географіей, арифметикою и частью алгебры или геометріи.

Послѣ открытія приготовительнаго класса оренбургское юнкерское училище по программамъ было сравнено съ обыкновенными юнкерскими училищами, отличаясь отъ послѣднихъ лишь сословностью своихъ учениковъ, большее число ихъ было отъ оренбургскаго казачьяго войска, да и остальные казачьи войска завели въ училищѣ свои стипендіи.

Зданіе для юнкерскаго училища, не смотря на то, что это училище узко сословно, выстроено на городской землѣ; внѣшній видъ училища ничего замѣчательнаго изъ себя не представляетъ—постройка чисто казарменнаго типа, фасадъ обращенъ на форштадтъ.

Училище было до извѣстной степени, въ первое время своего существованія, предметомъ заботъ со стороны генераль-губернатора Н. А. Крыжановскаго,

а потому первое время снабжалось сравнительно значительнымъ запасомъ учебныхъ пособій. Такъ въ училищѣ есть значительная коллекція орудія—древняго, сѣланнаго изъ гипса по образцамъ, хранящимся въ Императорскомъ царскосельскомъ музеѣ и новаго настоящаго, распределеннаго по національностямъ кавказскихъ племенъ и нашихъ средне-азиатскихъ степей. Многіе образцы—особенно сабли—высокаго достоинства и дорогой цѣны. Значительны коллекціи образцовъ ружей, артиллерійскихъ снарядовъ, коллекція лошадиныхъ зубовъ и подковъ, принятыхъ у разныхъ народностей. При училищѣ есть библіотека въ нѣскольکو тысячъ томовъ.

Второй кадетскій корпусъ получилъ свое начало очень давно въ видѣ оренбургскаго баталіона военныхъ кантонистовъ. *) Къ сожалѣнію намъ не удалось разыскать почти никакихъ архивныхъ данныхъ о судьбѣ этихъ батальоновъ. Намъ извѣстно лишь, что въ этихъ батальонахъ было 12 школъ, помѣщались онѣ въ Оренбургѣ, Верхнеуральскѣ, Троицкѣ и въ рядѣ крѣпостей, составлявшихъ оренбургскую линію, а именно: въ Петропавловской, Карагайской, Спасской, Магнитной, Янгельской Степной, Кидышевской Осиновской и Звѣриноголовской. Штатъ преподавателей или, какъ въ то блаженное время звали, учителей-чипсвннковъ былъ немногочислененъ, по два учителя на каждую школу, число учениковъ которыхъ достигало до 2 201.

Въ 1859 году эта школа батальона военныхъ кантонистовъ была преобразована въ училище военного вѣдомства, которое существовало сравнительно недолго, до 1866 года, когда оно появилось подъ новымъ названіемъ—военно начальнай школы, эта послѣдняя получила дальнѣйшее развитіе въ видѣ военной прогимназіи, которая съ 29 мая 1887 года преобразовалась во второй кадетскій корпусъ, главное назначеніе котораго было давать воспитаніе дѣтямъ офицеровъ, служащихъ въ степи—въ Туркестанскомъ

округъ. Выбранъ для такого училища городъ Оренбургъ весьма понятно почему—прежде всего въ Оренбургѣ были зданія военной прогимназіи (построенныя въ 1871—74 г.г.), пригодныя для помѣщенія корпуса, далѣе въ Оренбургѣ было много учебныхъ заведеній, такъ что штатъ преподавателей для вновь отърываемаго училища можно было пополнить существующими преподавателями, наконецъ городъ Оренбургъ былъ соединенъ съ Россіею желѣзной дорогой.

Зданія втораго кадетскаго корпуса помѣщаются на берегу Урала, противъ бульвара и по своей высотѣ—пять этажей являются наиболѣе высокими зданіями города; примѣчательны они, конечно, лишь своей высотой, такъ какъ архитектура ихъ вполне безыскусственная.

Лагери для обоихъ корпусовъ—исплюевского и втораго—помѣщаются на Маякѣ, мѣста отведены городомъ, въ лагеряхъ 2 го кадетскаго корпуса устроена походная церковь во имя св. Магдалины.

Какъ мы видимъ, открытіе специальныхъ военныхъ училищъ относится къ концу 60-хъ и началу 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ прежнее время, а особенно въ дореформенную эпоху, открытіе училищъ было очень затруднительно, училища помѣщались лишь въ центрахъ, но между тѣмъ и такія окраины, какъ Оренбургскій край нуждались не только въ чиновникахъ, докторахъ землемѣрахъ, архитекторахъ, но даже въ болѣе или менѣе спосныхъ мастеровъхъ *). Такъ какъ не было никакой возможности устраивать особыя учебныя заведенія, то прибѣгали къ одному изъ слѣдующихъ способовъ: или отправляли стипендіатами въ уже существующія учебныя заведенія, главнымъ образомъ въ Петербургъ, Москву, Казань, или пользовались упрощеннымъ способомъ обученія, а именно: лица, обладавшія специальными познаніями и состоящія на службѣ въ одномъ изъ губернскихъ учрежденій, бѣли къ себѣ на службу въ

* Матеріалы къ историко статист. описанію Оренб.-Казачьяго войска. Выпускъ II.

сколько учеников—губернскій землеѣръ обучалъ съемкѣ плановъ, архитекторъ—черченію, надзору за постройками, при уѣздныхъ врачахъ состояли ученики оспопрививатели, наконецъ врачи мѣстныхъ госпиталей обучали будущихъ фельдшеровъ. Однимъ изъ преимуществъ указаннаго способа выучки была сравнительная дешевизна его—обученіе воспитанника въ рѣдкихъ случаяхъ обходилась дороже 300 р., но, конечно, этотъ способъ имѣлъ много отрицательныхъ сторонъ и главная изъ нихъ та, что лицо, состоящее на государственной службѣ было слишкомъ завалено своей непосредственною работою и къ новому, налагаемому на него дѣлу, въ большинствѣ случаевъ относились халатно, спуская рукава. Объектами такого обученія по большей части были казачьи малолѣтки. Укажемъ на рядъ попытокъ—такъ губернскій архитекторъ Алфѣевъ предлагалъ устроить школу архитекторовъ; курсъ школы долженъ былъ заключать въ себѣ 16 предметовъ, которые архитекторъ хотѣлъ преподавать самъ, причемъ предварительныхъ свѣдѣній не требовалось никакихъ, кромѣ грамоты.—курсъ школы шестилѣтній Въ 1836 году были командированы къ землеѣру два казачьихъ малолѣтца, въ 1838 году—шестеро, изъ нихъ впоследствии должны получиться опытные землемеры, въ томъ же году 10 казачьихъ малолѣтокъ были отданы въ Оренбургскій госпиталь для приготовленія въ фельдшера; въ 1839 году двое малолѣтокъ посланы были въ Казань для обученія производству огнеупорныхъ зданій и въ 1838 году былъ отправленъ цѣлый рядъ малолѣтокъ въ разные города для обученія различнымъ пригоднымъ въ военномъ быту ремесламъ.

Всѣ эти попытки стоили большихъ денегъ и, конечно, положительныхъ результатовъ не давали, да и не могли дать, такъ какъ условія времени, жизни, экономическій строй края требовалъ совершенно иного—и инициаторы ихъ ошибались въ своихъ стремленіяхъ во многихъ случаяхъ вполне искренно.

XXIV.

Напротивъ Неплюевского корнуса, отдѣленный рядомъ садовъ, посреди обширнаго сквера возвышается одна изъ достопамятностей города Оренбурга—величественный соборный храмъ *). На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится въ настоящее время, давнымъ давно были такъ называемыя Сакмарскія ворота въ крѣпостномъ валу, послѣ уничтоженія крѣпости здѣсь образовалась обширная Сакмарская площадь, на которой вплоть до пожара 1879 года помѣщался съѣстной базаръ города Оренбурга—рядъ незначительныхъ деревянныхъ лавочекъ для торговли мясомъ, да грязная площадь для торговли съ воевъ. Много лѣтъ въ Оренбургской городской думѣ по положенію 1870 г. шли разговоры о необходимости урегулировать Сакмарскую площадь, находилась она при самомъ въѣздѣ въ городъ и буквально пугала пріѣзжающихъ своимъ безобразіемъ. Деревянные лавки, построенныя въ началѣ 60 хъ годовъ, успѣли сгнить и поддерживались при помощи различныхъ распорокъ, полиція требовала отъ мясоторговцевъ, чтобы они содержали свои лавки въ чистотѣ—торговцы указывали на полную невозможность исполнить какія либо требованія санитаріи: стѣны лавокъ имѣли такія щели, что пыль безпрепятственно проникала въ нихъ, полъ настолько сгнилъ, что его нельзя было даже и мыть. Работали различныя думскія коммисіи, оивдился новыя мѣста для торговли—по привычка брала свое: мясоторговцы обращались въ думу съ просьбами отерочить имъ переносъ ихъ лавокъ, ссылаясь на убытки, плохую продажу—дума отерочивала до тѣхъ поръ, пока не явился страшный ассенизаторъ пожаръ 1879 г., снесшій съ лица всѣ лавки Сакмарской площади. Послѣ пожара лавки были перенесены на нынѣшнее мѣсто а Сакмарская площадь временно оставалась пустою.

*) Оренб. Лист. 1877. 15. 1881. 4. 19 23. 1882. 15—17. 1885. 20. 1886. 3. 19. 32—35

Мысль о соборѣ родилась 11 ноября 1873 года въ день столѣтней памяти со дня смерти И. И. Неплюева перваго губернатора и основателя города. Хотя въ Оренбургѣ и существовало два соборныхъ храма—нынѣшній Преображенскій соборъ и Введенская перковь, но прежде всего эти храмы, построенные Неплюевымъ, конечно стали малы по размѣрамъ, а кромѣ того они находились на концѣ города.

И вотъ во время чествованія памяти И. И. Неплюева генералъ-губернаторъ Н. А. Крыжановскій предложилъ почтить память Неплюева постройкою новаго собора на болѣе центральномъ мѣстѣ и соотвѣтствующаго населенію размѣра. Н. А. Крыжановскій предложилъ не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, а открывъ подписку тутъ же, причемъ онъ самъ подпсалъ 500 р. Подписка была начата но такъ какъ трудно было надѣяться на одну Оренбургскую подписку, то Н. А. Крыжановскій выхлопталъ разрѣшеніе на повсемѣстный по Россіи сборъ пожертвованій на постройку храма (9 августа 1874 года) избранный же комитетъ для сбора пожертвованій построилъ на караванъ-сарайской площади сперва часовню которая была превращена во временную двухъ-прѣдѣльную церковь (извѣстна подъ именемъ собора). Церковь предголагалась для сбора пожертвованій и дѣйствительно въ ней съ ея основанія въ 1875 году за двадцатилѣтіе (1895 года) была собрана значительная сумма 57795 р. 78 к.

Кромѣ устройства церкви комитетъ былъ озабоченъ составленіемъ проектовъ по сооруженію храма. Для этого при Императорской академіи художествъ былъ устроенъ конкурсъ изъ проектовъ, представленнхъ на конкурсъ и удостоенныхъ преміи, обращали на себя вниманіе два—одинъ художника Леонова, другой архитектора Шретера, но хотя фасадъ перваго и былъ красивъ, однако внутреннее расположеніе храма было признано неудобнымъ, въ проектѣ Шретера размѣръ алтаря былъ неудовлетворителенъ. Поэтому комитетъ предложилъ архитектору Шретеру передѣлать свой проектъ, сохранивъ фасадъ Леонова,

а внутреннее расположение своего проекта, но увеличивъ размѣръ алтаря, 26 октября 1879 года передѣланный проектъ былъ признанъ годнымъ, составленнымъ въ русскомъ стилѣ и соответствующимъ требованіямъ какъ въ техническомъ такъ и въ художественномъ отношеніяхъ.

Итакъ проектъ былъ готовъ—но постройка храма была отсрочена и нацѣлго. Въ 1879 году городъ погорѣлъ. Въ 1880 году былъ неурожай—такіе факторы, конечно, не благопріятствовали сбору пожертвованій. однако въ 1881 году тѣмъ же самымъ генералъ-губернаторомъ Н. А. Крыжановскимъ былъ данъ сильный толчокъ, прежде всего рѣшено было увеличить число членовъ комитета, призвавъ въ него возможно большее число жителей—вмѣсто бывшихъ 14 человекъ составъ былъ доведенъ до 82 человекъ. Увеличение числа членовъ должно было, конечно, повліять на сборъ пожертвованій. Изъ этого многочисленнаго комитета былъ выбранъ особый комитетъ для сбора и регулированія пожертвованій (изъ 6 человекъ, особая строительная коммиссія, въ которую были приглашены специалисты. Коммиссія должна была позаботиться о матеріалѣ и его испытаніи, а также о составленіи смѣтъ, техническихъ чертежей и проч.

Денегъ у комитета было нечного всего 78703 рублей, но комитетъ постановилъ приступить къ работамъ сейчасъ же, начавъ съ заготовки и подвозки матеріаловъ. Эта спѣшность въ постройкѣ была мотивирована двумя соображеніями: первое—въ виду страдательнаго экономическаго положенія окрестнаго населенія бѣдный людъ найдетъ себѣ заработокъ и второе—начатыя работы оживятъ притокъ пожертвованій и во всякомъ случаѣ не повредятъ дѣлу, тѣмъ болѣе, что цокольный этажъ можно легко предохранить отъ вреднаго вліянія атмосферы, если бы постройка затянулась надолго.

Но не смотря на такое симпатичное желаніе, комитету не пришлось тотчасъ приступить къ работамъ—мѣсто въ размѣръ 25 тыс. кв. саж. было отведено

думую тамъ, гдѣ теперь Тополевый садикъ и главная причина была въ томъ, что комитетъ имѣлъ только эскизъ проекта и не зналъ сколько же стоитъ предполагаемая постройка. По предварительнымъ исчисленіямъ оказалось, что необходима сумма около 700 т. р.

Сумма эта была слишкомъ значительная, не забудемъ, что у комитета было всего около 80 т. рублей и комитету вмѣсто работъ пришлось позаботиться о проектѣ. Одно время было намѣреніе воспользоваться уже готовымъ и разработаннымъ проектомъ, по которому исполненъ нижегородскій ярморочный соборъ, стоившій 454019 руб. Благодаря любезности нижегородскаго головы комитетъ получилъ подробныя смѣты и чертежи—но нижегородскій храмъ оказался и дорогимъ и великимъ по размѣрамъ на 3300 человекъ—опять комитетъ остался безъ проекта. Въ этомъ исканіи подходящаго проекта прошло четыре года когда въ 1885 году на помощь комитету пришелъ Оренбургскій губернаторъ Н. А. Маслаковецъ, который предложилъ воспользоваться услугами бывшаго въ Оренбургѣ академика Яценко. Комитетъ согласился на это предложеніе, въ маѣ 1885 года Яценко представилъ эскизъ, эскизъ былъ одобренъ, Яценко приступилъ къ детальной разработкѣ проекта и 23 января 1886 г. былъ Высочайше утвержденъ составленный Яценко проектъ на сумму постройки въ 213400 р. безъ стоимости крестовъ, иконостасовъ, стѣнной живописи, тротуаровъ и церковной ограды.

Первоначальное мѣсто на Караванъ Сарайской площади признано было неудобнымъ и дума отвѣла новое мѣсто, на Сакмарской площади, гдѣ соборъ въ настоящее время и поставленъ.

8 сентября 1886 года послѣ литургіи архіерей Макарій съ крестнымъ ходомъ опустилсѣ по земляному откосу въ глубь разработаннаго мѣста для постройки храма на площадь закладки его, углубленную до 10¹/₂ аршинъ и совершилъ закладку храма при весьма торжественной обстановкѣ. Земляныя высокія стѣны, обрамляющія эту площадь, обнесены были перилами, украшенными вѣтвями деревь и флагами, для

входа были устроены высокія ворота съ русской рѣзбою красиво декорированныя зеленью и флагами. Среди несмѣтныхъ массъ народа были расположены войска и три военныхъ оркестра.

Въ этотъ же день въ залѣ городской думы состоялся общественный по подпискѣ обѣдъ, на которомъ было собрано свыше 30 т. руб.

Дальнѣйшія работы слѣдовали такъ въ 1887 году былъ выложенъ весь бугъ и обложенъ кирпичемъ подвальный этажъ, въ 1888 выложенъ цоколь; съ 1889 г. по 1893 г. включительно производилась кирпичная кладка по ярусамъ, въ 1893 г. соборъ былъ покрытъ желѣзомъ, въ томъ же году начаты и въ 1891 году окончены штукатурныя работы сводовъ и внутреннихъ стѣнъ собора.

Въ 1893 году предъ окончаніемъ постройки собора вчерпѣ, когда уже денежные средства значительно истощились и явились опасенія, что отдѣлка храма и освященіе его отдалается на продолжительное время, пришла на помощь съ щедрымъ пожертвованіемъ въ 30 т. руб. вдова Оренбургскаго купца М. Л. Иванова. Пожертвованная ею сумма ушла на устройство иконостаса, на писаніе иконъ и на колокола. Для отливки колоколовъ былъ вызванъ въ Оренбургъ особый мастеръ, колокола были отлиты въ 723 пуд. 32 ф. и 302 п 33 ф. и 27 ноября и 4 декабря 1894 г. подняты на колокольню, 9 же декабря 1894 года произошло поднятіе и большого креста. Не останавливались одновременно съ этимъ и другія работы внутри храма: устроена лѣстница, полы, установлены иконостасы—и 19 октября 1895 года было произведено освященіе храма.

Общая сумма, истраченная на постройку, превышаетъ 400 т. руб.

Оренбургскій соборъ построенъ въ византійскомъ стилѣ на подобіе храма Св. Софіи въ Константинополѣ, съ высящимся по срединѣ общирнымъ куполомъ, по бокамъ котораго съ трехъ сторонъ облегаютъ три полукупола, а между ними красиво выступаютъ снаружи четыре колоколенки. Рысоко поднимаясь надъ

городомъ, соборъ какъ бы царитъ надъ нимъ, а его массивность и грандіозность оставляютъ въ зрителѣ вмѣстѣ съ красотой вида и гармоніей частей впечатлѣніе силы и величія постройки. Внутри соборъ записанъ въ стиль собора Св. Марка въ Венеціи. При обиліи дневного свѣта, люющагося со всѣхъ сторонъ изъ большихъ оконъ, а также при освященіи собора вечеромъ электричествомъ, внутренность его нынѣ имѣетъ необычайно красивый и величественный видъ.

Въ соборѣ есть нѣсколько образовъ, исполненныхъ художникомъ Вл. Маковскимъ.

XXV

Направо отъ собора, на углу бывшей Сакмарской и хлѣбно соляной площадей помѣщается небольшое двухъ этажное зданіе—александровская городская больница, занимающая своими постройками и садомъ, цѣлый набольшой кварталъ.

Мы считаемъ здѣсь уместнымъ, хотя кратко, обрисовать картину положенія больничнаго дѣла въ Оренбургѣ. Конечно, нашъ историческій очеркъ будетъ далеко не полный, но все же онъ явится первою попыткою соединить въ одно цѣлое тѣ многочисленныя данныя, которыя въ настоящее время разбросаны въ различныхъ периодическихъ изданіяхъ, въ архивахъ многихъ учрежденій, а также и въ отчетахъ. Изложеніе мы будемъ всегди придерживаясь прежней системы—хронологическое

Первый законодательный актъ по вопросу объ оказаніи медицинской помощи населенію города должно считать указъ 1770 года о образованіи въ городѣ Оренбургѣ госпиталя. Хотя госпиталь и былъ открытъ для нуждъ войсковыхъ частей, но такъ какъ онъ былъ единственнымъ медицинскимъ учрежденіемъ города, то онъ оказывалъ, конечно, помощь и жителямъ города, хотя бы и въ исключительныхъ случаяхъ—во время эпидемій. Первоначальное помѣщеніе госпиталя намъ неизвѣстно, но нужно думать, что послѣ большаго пожара 1786 года онъ сталъ занимать то

мѣсто, которое занимаетъ и въ настоящее время, хотя, конечно, первое время постройки госпиталя были значительно меньше. Большинство существующихъ построекъ относится къ первой половинѣ 30-хъ годовъ, часть изъ нихъ закончена въ 1833 году. Эта перестройка госпиталя была въ зависимости отъ послѣдовавшаго 22 января 1818 года распоряженія о расширеніи госпиталя,—еще большее расширение получилъ онъ въ концѣ 60-хъ годовъ, вслѣдствіе указа отъ 25 апрѣля 1869 года. Такимъ образомъ госпиталь развивался постепенно—въ 1895 году въ немъ была освящена домовая церковь во имя Николая Чудотворца. Напротивъ госпиталя, по другой сторонѣ площади одиноко возвышается въ настоящее время казенное зданіе—помѣщеніе бывшей когда то въ Оренбургѣ фельдшерской школы. Позади госпиталя, отдѣленная отъ госпиталя дорогою находится госпитальная водокачка, земля подъ которую уступлена городомъ съ условіемъ пользованія водою изъ этой водокачки при пожарахъ *).

Слѣдующимъ лечебнымъ заведеніемъ была городская лечебница **). Когда и какимъ образомъ первоначально образована лечебница, мы не могли, къ сожалѣнію, отыскать въ архивныхъ данныхъ. У насъ имѣются лишь слѣдующія отрывочныя данныя: въ журналахъ Оренбургской городской думы—конечно, истекшей—записано 19 апрѣля 1827 года, что на содержаніе больницы при богадѣльнѣ дается изъ уѣзднаго казначейства 300 рублей. Въ дальнѣйшихъ журналахъ этой записи о вылачѣ казеннаго пособія больницѣ мы не находимъ. Богадѣльня открылась въ городѣ, дѣйствительно, очень рано, благодаря пожертвованія мѣстнаго Оренбургскаго головы Шапошникова—для этой богадѣльни былъ выстроенъ особый домъ, быть можетъ графъ Эссенъ и распорядился, чтобы городская дума отвела отдѣльный покой при этой богадѣльни и открыла въ немъ больницу. Дума,

*) Пол. Соб. Зак. Орен. Лист. 1895. Жур. Гор. Думы.

**) Журналы город. думы. Отчеты Алек. Боляв. Отчеты Город. Управы.

какъ это обыкновенно бывало въ то время, отвѣтила, что у нея нѣтъ денегъ — военный губернаторъ и распорядился объ отпускѣ изъ казны пособія. Въ то время военные губернаторы были вполнѣ неограниченными повелителями города. Мы высказываемъ это предположеніе потому, что аналогичное распоряженіе было сдѣлано 8 лѣтъ спустя другимъ военнымъ губернаторомъ В. А. Перовскимъ; именно въ журналахъ духи записано, что 7 мая 1835 года Оренбургская дума слушала распоряженіе господина военного губернатора о заведеніи при городской богадѣльнѣ больницы на восемь кроватей для больныхъ обоого пола и постановленіе думы — исполнить означенное распоряженіе. Какъ было исполнено это распоряженіе, мы можемъ только высказать предположенія — по всей вѣроятности дума отдѣлила въ Шапошниковской богадѣльнѣ, быть можетъ, даже и цѣлую комнату, а быть можетъ какой нибудь уголъ, поставило восемь кроватей, положила восемь соломенныхъ тюфяковъ, завела соответственное штату количество бѣлья и... и стала принимать больныхъ, которыхъ къ ней посылала полиція и старшій врачъ госпиталя разъ въ недѣлю — какъ это значилось въ бумажныхъ отчетахъ — а на самомъ дѣлѣ разъ въ мѣсяцъ, а можетъ быть и еще рѣже заѣзжалъ въ больницу, вольно практикующихъ врачей въ то время не было, нанять же особаго врача дума и не имѣла никакого желанья, да и не могла по неимѣнію средствъ.

Мы предполагаемъ, что распоряженіе Перовскаго было приведено въ исполненіе, а не осталось на бумагѣ, потому, что въ 1840 году возникла переписка о расширеніи этой больницы; 4 ноября 1840 года губернское присутствіе потребовало отъ шестигласной думы составленія проекта расширенія больницы. Дума отвѣтила довольно характерно — «какъ при думѣ такихъ людей, кои могли бы составить планъ, проектъ и смѣту, не имѣется» — то дума просить, чтобы губернское правленіе прислало архитектора. Очевидно, что то такое существовало — но что и въ какомъ видѣ неизвѣстно и самый разговоръ о расширеніи

больницы скоро прекратился новый военный губернаторъ генераль Обручевъ, со взглядами котораго на оказаніе медицинской помощи мы еще познакомимся, нашелъ, что суммы, предполагаемыя на расширеніе больницы—остатки отъ городскихъ суммъ — имѣютъ другое болѣе нужное назначеніе

Вотъ тѣ отрывки, которые мы могли найти, просмотрѣвъ рядъ журналовъ городской думы, начиная съ 1827 года. Вывести изъ нихъ какое нибудь вполнѣ категорическое заключеніе нельзя; нѣтъ возможности даже дать отвѣтъ на вопросы—была ли больница или нѣтъ? Мы знаемъ, напримѣръ, что въ томъ же самомъ Оренбургѣ съ 1782 по 1830 годъ, т. е. почти въ продолженіи 50 л. отпускалось ежегодно по 253 р. 30¹/₄ коп. на школу для дѣтей ссылочныхъ отцовъ—но когда стали отыскивать эту школу, то оказалось, что ея никогда и не открывали, а лишь предположилъ открыть Неплюевъ и исхлопоталъ ассигнованіе. Деньги и пересылались въ приказъ общественнаго призрѣнія—куда же они потомъ дѣвались, это такъ и осталось тайною, которую никто не могъ открыть. Переписка по этому поводу сохранилась до нашего времени—она представляетъ фоліактъ громадной толщины, заключаетъ разныя бумаги, справки, отписки, доклады—но разобраться въ этой канцелярской премудрости нѣтъ возможности. Быть можетъ нѣчто подобное произошло и съ больницею ..

Изъ области предположеній мы переходимъ на почву реальныхъ фактовъ только въ февралѣ 1857 г., когда по инициативѣ Оренбургскаго городского головы Степана Михайловича Дѣва была собрана по подпискѣ сумма денегъ и опять таки въ помѣщеніи богадѣльни открылась больница. Помѣщеніе скоро оказалось тѣснымъ и больница стала путешествовать по частнымъ квартирамъ, пока, наконецъ, она не была помѣщена въ настоящее свое зданіе. Находилась она въ завѣдываніи одного врача, который въ то же время служилъ въ губернскомъ правленіи, содержалась на особый сборъ съ мѣщанъ и называлась „мѣщанскою“. Что представляла изъ себя больница въ про-

межутокъ времени съ 1857 по 1878 годъ мы не имѣмъ данныхъ, но вотъ въ какомъ состояніи находилась больница въ 1878 году: «больница эта далеко не соответствуетъ своему назначенію. Содержаніе больныхъ не только чрезвычайно бѣдно и грязно, но даже не похоже на больничное, такъ какъ полнѣйшій недостатокъ медикаментовъ, чрезвычайно скудная пища, малое количество и то уже изпошеннаго и негоднаго бѣлья и прочей одежды совершенно исключаютъ больницу изъ рода богоугодныхъ заведеній. Самыя зданія, давно лишенныя ремонта, пришли въ разрушеніе, особенно флигель вмѣщающій кухню и баню, баня отвратительна, съ потолка и стѣнъ штукатурка вся отвалилась, полъ положительно никуда не годенъ, сгнилъ и въ дырахъ такой величины, что надо удивляться, какъ по немъ могутъ ходить люди и притомъ больные. Но есть и другая сторона печальнаго состоянія этого заведенія: оно находится до сихъ поръ подъ исключительнымъ и безконтрольнымъ завѣдываніемъ смотрителя. Бюджетъ больницы выражался въ 3638 руб., который составлялись слѣдующимъ образомъ: 2300 руб. сборъ съ купцовъ и мѣщанъ, 788 руб. процентныя деньги съ принадлежащаго больницѣ капитала въ 13800 руб. и 550 руб. плата съ больныхъ. Больница по штату была на 70 человекъ».

Такъ характеризовала больницу городская управа въ своемъ докладѣ городской думѣ отъ 7 іюня 1878 г. по вопросу о принятіи мѣщанской больницы въ вѣдѣніе города. Весьма понятно, что раньше больница была еще въ болѣе плачевномъ состояніи. Городская дума, по положенію 1870 года, не могла оставаться безучастной, забота объ оказаніи медицинской помощи была закономъ возложена на городскія управленія—и дума въ этомъ же засѣданіи постановила принять больницу въ вѣдѣніе города—почти черезъ годъ 22 марта 1879 года больница перестала быть мѣщанской и стала называться городской. Какъ же видоизмѣнилась больница, какія реформы испытывала она за свое чуть ли не тридцатилѣтнее существованіе

подъ опекою города. Рядъ выписокъ изъ думскихъ журналовъ, какъ намъ кажется, представляетъ довольно ясно картину развитія больницы.

Въ 1885 году больницу посѣтилъ губернаторъ и было найдено, что помѣщеніе больницы недостаточно, сифилитическія палаты соединены съ общимъ корридормъ, вентиляція неудовлетворительна, полы не окрашены, больница не имѣетъ ванной комнаты, поэтому больные лишены возможности пользоваться ваннами, при больничной аптекѣ нѣтъ конторы, поэтому лекарственные деконты, настои и пр. готовятся на кухнѣ; двери изъ кухни въ корридоръ больницы, вѣчный угаръ». Это впечатлѣніе вынесенное губернаторомъ при осмотрѣ больницы было доложено думѣ и дума въ засѣданіи 16 августа 1885 года выбрала особую комиссію по осмотру больницы и вообще по больничному вопросу. 13 іюня 1886 года комиссія представила думѣ докладъ, изъ котораго было видно, что въ 1880 году зданіе больницы было расширено черезъ соединеніе главнаго зданія больницы съ флигелемъ особымъ пристроемъ, почему прибавилось пять комнатъ; въ настоящее время размѣры больницы слѣдующіе: верхній этажъ имѣетъ 7 комнатъ съ кубическимъ содержаніемъ воздуха 146 саж., можетъ помѣщаться 49 человекъ; въ нижнемъ этажѣ 5 комнатъ съ 79 кубами воздуха на 26 больныхъ, кромѣ того есть двѣ палаты для венериковъ. Больница вполне не удовлетворяетъ своему назначенію, она является не больницею, а скорѣе какимъ то своеобразнымъ богоугоднымъ заведеніемъ: благодаря тому, что мѣщане принимаются бесплатно, они идутъ сюда на зимовку—обыкновенно, пропившіеся, старики. Громаденъ процентъ лицъ съ хроническими болѣзнями, которые нуждаются не въ больничномъ леченіи а въ богадѣльнѣ. Дума постановила: ограничить бесплатныя кровати числомъ 50, изъ нихъ 40 для мѣщанъ и купцовъ, 10 для лицъ прочихъ сословій, остальные 50 кроватей слѣлать платными; душевнобольныхъ, находящихся въ больницѣ, перевести въ губернскую больницу, произвести ремонтъ больницы и расширить

зданіе, пристроивъ другое крыло съ лѣвой стороны для устройства помѣщенія для заразныхъ больныхъ. Ремонтъ и пристрой были сданы съ торговъ 10 іюля того же года, ремонтъ за 2262 руб. 99 коп., пристрой за 3359 руб.

Въ 1897 году, т. е. черезъ 10 лѣтъ, больницу снова ревизовало губернское начальство въ лицѣ врачебнаго инспектора и нашло, что больница, нарушая самыя элементарныя требованія гигиены, не удовлетворяетъ даже самымъ обычнымъ требованіямъ житейской обстановки людей. Губернаторъ и предложилъ думѣ въ экстренномъ засѣданіи обсудить и изыскать средства къ неотложному принятію мѣръ къ благоустройству больницы.

10 іюня этого года дума и заслушала очень подробный докладъ управы по поводу больницы. Что же представляла изъ себя больница?

Площадь больницы 3685 кв. саж. Каменный двух-этажный корпусъ больницы устроенъ по коридорной системѣ, съ коридоромъ посреди зданія. Въ первомъ этажѣ 4 палаты женскаго отдѣленія, контора, аптека, оперативная комната, квартира фельдшера и фельдшерицы, ванная, прачешная и кухня, во второмъ этажѣ— пять палатъ мужскаго отдѣленія, 2 палаты для душевно больныхъ и квартира смотрителя. Минимумомъ куб. сод. для больного считаетъ 4.9 куб. саж.— между тѣмъ въ больницѣ куб. сод. воздуха было слѣдующее въ женскихъ палатахъ 57 куб. саж. находилось 43 больныхъ, т. е. на 1 больную приходилось 1,7 кв. саж., въ мужскомъ 96 куб. саж. на больного 2,2 куба, и въ заразномъ—помѣщавшемся въ деревянномъ баракѣ—3,7 куба. Такимъ образомъ далеко не достигался минимумъ куб. содержанія воздуха. Но это было далеко не единственный дефектъ. Оперированные за неимѣніемъ подходящаго помѣщенія оставляются въ оперативной комнатѣ: пріемъ больныхъ производится въ аптекѣ, помѣщеніе для сумасшедшихъ является источникомъ зловонья, которое распространяется по всѣмъ палатамъ верхняго этажа. Ремонтъ не производился съ 1892 года, помѣщеніе грязное;

обстановка заставляет желать многого, помещенія для служителей нѣтъ. — они спятъ въ палатахъ, свои вещи хранятъ въ клозетахъ, комнаты для дежурнаго фельдшера нѣтъ, одна ванная комната съ двумя всего ваннами, ходъ въ нее черезъ холодный корридоръ; одними и тѣми же ваннами пользуются какъ сифилитики, такъ и вообще больные. Чистка бѣлья крайне неудобнорительная, прачешная невозможна, точно также и кухня, — чадъ изъ нея попадаетъ въ палаты. Наконецъ замѣчено сильное переполненіе больницы, причемъ масса хрониковъ, вовсе не нуждающихся въ больничномъ леченіи.

Дума выслушала все это довольно таки равнодушно, не было сдѣлано замѣчаніе почему же объ этихъ не порядкахъ управа не доложила при разсмотрѣнн смѣты больницы — а смѣту разсматривали въ самомъ началѣ 1897 года и дума утвердила увеличенную смѣту. Докладъ о смѣтѣ сопровождался слѣдующими интересными подробностями. Комиссія сравнила положеніе больницы въ 1885 и въ 1895 году, Оказывается, что въ 1885 году на 100 кроватей было назначено 8150 руб. 62 коп., израсходовано 8722 р. 40 коп.; въ 1895 году на 90 кроватей назначено 16683 руб. 60 коп., израсходовано 17839 руб. 31 коп. Расходъ по статьямъ увеличивался слѣдующимъ образомъ, какъ видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

	1885	1895
Личный составъ	3632 р. 13 к.	6572 р. 31 к.
Продовольствіе	2691 р. 3 к.	2833 р. 5 к.
Изготовление вещей . .	504 р.	173 р. 51 к.
Медикаменты	406 р. 43 к.	1752 р. 83 к.
Освѣщеніе	83 р. 79 к.	—
Мелочной расходъ . .	305 р. 02 к.	1025 р. 79 к.

Такимъ образомъ содержаніе одного больного въ городской больницѣ стоило 63 к., тогда какъ въ губернской больницѣ больной обходился въ 18,86 к. въ день. Такимъ образомъ изъ этихъ данныхъ выходило, что дѣло въ городской больницѣ обстоитъ очень хорошо—и вдругъ губернская ревизія и докладъ управы, которая соглашается съ тѣмъ, что больница никуда ни годится.

Что же оставалось дѣлать думѣ?—Выбрать, конечно, особую комиссію, которой и поручить разработать планъ переустройства больницы приблизительно въ 5 лѣтъ.

16 іюня того т. е. года, то черезъ двѣ недѣли думѣ былъ доложенъ журналъ комиссіи. Въ немъ переустройство Александровской больницы проектировалось въ слѣдующемъ видѣ:

Первый годъ: 1) Устроить новую часовню, 2) вести лечебницу для проходящихъ, 3) зданіе лечебницы приспособить для квартиръ, 4) квартиру смотрителя отвести подъ палату душевнобольныхъ 5) квартиру фельдшера для пріемнаго покоя, 6) построить новый баракъ для заразно-больныхъ, 7) перестроить ватерклозеты.

Второй годъ: 1) построить зданія для кухни, людской, прачешной и сушильни, 2) построить баракъ для заразныхъ больныхъ.

Третій годъ: 1) Возвести двухъэтажный пристрой, 2) построить 2-й заразный баракъ.

Четвертый годъ: Закончить всѣ постройки.

Пятый годъ: Произвести уплату денегъ.

Дума, какъ и должно было ожидать, одобрила всѣ предположенія комиссіи и предложила управѣ принять мѣры къ проведенію въ жизнь означенныхъ постановленій. Но предположенія въ большинствѣ случаевъ оставались невыполненными. Въ отчетѣ больницы за 1904 годъ читаемъ: «въ 1904 году городская больница пользовалась тѣмъ же помещеніемъ, что и въ предыдущій годъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ по настоянію врачей больницы и санитарной комиссіи приступлено къ капитальному ремонту съ значительнымъ

пристроимъ. Но не смотря на это существенное улучшение помѣщенія больницы—все же пора засвидѣтельствовать, что съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ощущается недостатокъ въ помѣщеніи больницы. Тѣсна амбулаторія, совершенно нѣтъ помѣщенія для служительскаго персонала и мало помѣщеніе для фельдшеровъ, сестеръ милосердія. Да, наконецъ и само помѣщеніе для больныхъ временами становится весьма тѣснымъ, недостаточнымъ для приѣма въ больницу всѣхъ нуждающихся и желающихъ». Отчѣтъ заканчивается словами: «все это заставляетъ сказать, что настало время для городского общественнаго управленія *серьезно* подумать о значительномъ расширеніи помѣщенія больницы».

И такъ за все свое почти что 30 лѣтнее существованіе въ вѣдѣніи города больница, какъ мы видимъ, далеко не соотвѣтствовала своему назначенію, прежде всего она была мала. Да и въ самомъ дѣлѣ—населеніе города росло и росло значительно, а больница, какъ была заведена на 100 кроватей, такъ и оставалась съ тѣмъ же числомъ. Далѣе не безынтересно и то обстоятельство, что всѣ стремленія улучшить положеніе больницы, увеличить ее, исходили не отъ лица думы. Или администрація губерніи обращала вниманіе «на безобразіе», царящее въ больницѣ и настаивала на ремонтѣ, или врачи больницы входили съ представленіемъ о необходимости улучшенія больницы. И каждое улучшеніе бралось съ боя—въ думѣ былъ только одинъ разговоръ: бюджетъ больницы не помѣрно увеличивается и дума, а особенно думскія бюджетныя комиссіи, постоянно поднимали рѣчь о необходимости сократить смѣту. Это отношеніе очень характерно для нашей буржуазной думы. Вѣдь гласные люди состоятельные, въ больницу лечится они не пойдутъ, лечится тамъ обездоленный, голодный людъ, общественные низы—они не имѣютъ своего представителя въ думѣ, ихъ интересы не кому защищать. Вотъ почему положеніе нашей городской больницы было все время таково, какимъ мы его описали и лишь за послѣдніе три года больница приня

ла нѣсколько иной видъ, благодаря главнымъ образомъ работѣ старшаго врача.. Результаты этой дѣятельности видны изъ нижеслѣдующихъ таблицъ:

1. Посѣщеніе амбулаторіи.

	1902	1903	1904
Общее число больныхъ	4643	10855	15476
Мужчинъ	1783	3858	5341
Женщинъ	1707	4092	5338
Мальчиковъ	595	1504	2186
Дѣвочекъ	603	1401	2211

2 Число больныхъ въ больницѣ.

	Хирургическое.			Терапевтическое.			Инфекционное.		
	1902	1903	1904	1902	1903	1904	1902	1903	1904
Общее число . .	340	309	392	498	542	669	286	279	382
Мужчины . . .	178	145	197	302	317	373	114	126	97
Женщины . . .	153	164	195	196	225	326	42	47	43
Мальчики . . .	—	—	—	—	—	—	52	36	137
Дѣвочки . . .	—	—	—	—	—	—	78	70	105

3. Бюджетъ больницы.

	1902	1903	1904
Общій расходъ .	24506 р. 61 к.	26526 р. 35 к.	24533 р. 31 к.
Стоимость боль ного	81,7 к.	80,7 к.	76,5 к.

Эти три таблицы съ какъ будто холодными на первый взглядъ цифрами говорятъ краснорѣчивѣе многихъ другихъ страницъ. До 1902 года при таблицѣ не было амбулаторнаго приѣма, приѣмъ этотъ открыли среди года, а черезъ три года число амбулаторныхъ больныхъ достигло значительной цифры 15476 человекъ, одна эта цифра, ея ростъ показываетъ, какъ нуждается городской обыватель въ амбулаторномъ леченіи. Не менѣе интересны цифры второй таблицы—они растутъ съ каждымъ годомъ, росли бы еще значительнѣе, если бы больница увеличилась—но она остается съ тѣмъ же штатомъ кроватей. Наконецъ цифры третьей таблицы оставались почти одинаковыми, показываютъ ясно, что городское самоуправленіе и за послѣдніе три года оставалось вѣрно самому себѣ: ассигнованіе на больницу не увеличивалось.

Здѣсь мы считаемъ вполне уместнымъ охарактеризовать вообще дѣятельность городского управленія въ вопросѣ обезпеченія населенія медицинской помощью. Ни для кого, конечно, не тайна, что чѣмъ населеніе культурнѣе, тѣмъ оно болѣе обезпечено медицинской помощью, тѣмъ, эта помощь строго систематична и ригорозна. Это положеніе вполне ясно обрисовывается на примѣрѣ города Оренбурга. До самаго послѣдняго времени—до думскаго засѣданія 5 сентября 1902 года—вопросъ объ оказаніи медицинской помощи населенію и не ставился серьезно и помощь оказывалась вполне безъ системы. Вопросъ о ней возникалъ и принималъ наибольшую жгучесть только временами—когда надъ городомъ разражалась какая либо эпидемія; въ эти моменты городская дума проявляла усиленную дѣятельность, увеличивался штатъ врачей, открывались отдѣленія больницы, учреждались особые санитарныя комиссіи, производилась усиленная чистка города. Дума не жалѣла денегъ, щедро ассигновывала средства. Все это весьма понятно, вѣдь эпидемія не разбираетъ богатый или бѣдный, она, конечно, свирѣпствуя среди недостаточнаго класса городского населенія, выбираетъ свои жертвы и богатыхъ и среди гласныхъ и, защищая себя, послѣд-

ніе и проявляли такую щедрость въ дѣлѣ борьбы съ эпидеміями. Но эпидеміи прекращались и гласные переставали заботиться, ассигновки тотчасъ же уменьшались, даже вовсе прекращались.

Только въ 1902 году вопросъ объ оказаніи медицинской помощи былъ поставленъ на рациональную почву, было предложено реорганизовать вовсе медицинскую помощь—но, какъ и слѣдовало ожидать, изъ широко задуманной реформы въ жизнь были проведены лишь незначительные прозы. Предполагалось городъ раздѣлить на два санитарные участка во главѣ каждаго изъ нихъ поставить по санитарному врачу, образовать особое санитарное бюро, которое бы производило регистрацію заболѣванія; далѣе на окраинахъ города открыть двѣ амбулаторіи съ бесплатнымъ приѣмомъ больныхъ. Изъ всего этого—открыта одна амбулаторія въ Новой слободкѣ,—амбулаторія функціонируетъ болѣе чѣмъ успѣшно, ежедневный приѣмъ больныхъ достигаетъ до 200 чѣловѣкъ, былъ приглашенъ одинъ санитарный врачъ, но его дѣятельность была обставлена такими затрудненіями, что благіе порывы такъ и оказались порывами. И въ концѣ концовъ городское управленіе для свѣдѣнія смѣты безъ дефицита закрыло черезъ годъ существованія гигиеническую лабораторію.

Грустная, но столь обычная въ нашей русской дѣйствительности картина!

Переходимъ къ описанію другихъ медицинскихъ учреждений существующихъ въ городѣ.

По зади Караванъ сарая цѣлый обширный кварталъ занимаютъ постройки губернской больницы приказа общественнаго призрѣнія. Больница эта, собственно говоря, служитъ для нуждъ губерніи, для крестьянскаго населенія, но какъ помѣщающаяся въ городѣ, заслуживаетъ нѣсколькихъ словъ. Исторія ея—тоже исторія городской больницы, но только на болѣе мрачномъ фонѣ. *) Открыта больница 17 ноября 1872 года на мѣстѣ временной больницы для башкиръ, представ-

*) Оренб. Газ. № 1653.

ляла изъ себя одно злание, въ которомъ помѣщались и палаты на 100 кроватей и квартиры служащихъ; на обширномъ дворѣ были незначительные службы, настолько незначительныя, что особой прачешной не существовало, бѣлье мылось въ банѣ. Изъ ста кроватей десять полагались для душевно больныхъ. Врачъ, принявшій эту больницу въ свое завѣдываніе въ 1879 году, выражался о ней слѣдующимъ образомъ: это быть плохой заѣзжій домъ, содержащій почему-то больныхъ: больные тутъ, будто, лежали между прочимъ, а не составляли главный предметъ заботъ и призрѣнія. Бѣлье превратилось въ жалкіе лохмотья, сортиры прогнили до того, что одинъ больной провалился въ яму. Покойницкая была устроена рядомъ съ погребомъ, такъ что жидкость изъ покойницкой просочивалась въ погребъ. Ассенизація отхожихъ мѣсть трудомъ душевно-больныхъ, которые вычерпывали содержимое ведромъ и зимою лили прямо въ снѣгъ по двору, а лѣтомъ въ канавки около сада».

Если вспомнить вышеприведенное описаніе городской больницы въ томъ же году—то, конечно, придется только думать, какъ не вымеръ весь Оренбургъ: очевидно 27 лѣтъ тому назадъ люди были во много разъ здоровѣе.

За эти 27 лѣтъ, весьма понятно, что губернская больница измѣнилась и измѣнилась во много разъ. Въ 1902 году общее число построекъ достигло 25. отстроены обширный баракъ для инфекціонныхъ больныхъ, двухъэтажное зданіе для душевно-больныхъ; рядъ службъ, церковь (1889 г.), домъ для квартиръ служащихъ, словомъ сдѣлано многое, хотя, конечно, и въ настоящее время больница полна дефектовъ. Дѣятельность ея за трицатилѣтіе выразилась слѣдующимъ образомъ—цифры ея приводятся по пятилѣтіямъ:

Въ 1877—82 г.	больныхъ	было	3746	человѣкъ.
1882—87 »	»	»	5845	»
1887—92 »	»	»	7094	»
1892—97 »	»	»	7397	»
1897—1902 »	»	»	9084	»

такимъ образомъ число больныхъ увеличилось почти въ три раза.

Слѣдующимъ по времени открытія лечебнымъ заведеніемъ была Александровская лечебница *) для приходящихъ открытая 21 октября 1882 года.

Мысль о оказаніи амбулаторной помощи зародилась въ городѣ Оренбургѣ очнь давно. Въ 1864 году въ городѣ образовалось физико-медицинское общество, которое и постановило на первыхъ же порахъ ознаменовать свое открытіе заведеніемъ амбулатории. Но для этого необходимы были средства, ихъ не было—и общество стало собирать средства. Какъ и обыкновенно бываетъ на хорошее дѣло денегъ не находилось, пожертвованія поступали тихо и къ 1879 году у общества образовался капиталъ въ суммѣ 1644 руб. Не имѣя возможности нанять помѣщеніе для амбулаторіи и желая собранную сумму всецѣло употребить на пріобрѣтеніе медикаментовъ, хирургическихъ инструментовъ и на обстановку лечебницы физико-медицинское общество 16 марта 1879 года, а затѣмъ членъ этого общества и гласный думы докторъ медицины А. М. Лавровъ 22 февраля 1880 года просили думу отвести имъ четыре комнаты изъ нихъ двѣ собственно подъ лечебницу для приходящихъ за помощію и совѣтами и двѣ для жилья фельдшера, какъ постоянного дежурства, такъ и для аптечной лабораторіи. Журналомъ 30 марта 1880 года дума приняла гуманное предложеніе врачей съ величайшею благодарностью и согласно заключенія особой комисіи 5 іюня того же года постановила для помѣщенія амбулаторной лечебницы сдѣлать двухъ этажную пристройку на Караванъ-Сарайской площади между корпусомъ городской Александровской больницы и отдѣльнымъ флигелемъ ея, причемъ велѣно было произвести торги на пристрой „посѣщнѣ“. Пристрой обошелся городу въ 8109 р. 60 к. Но прошло три года по окончаніи постройки, а физико-медицинское общество не было извѣщено о пристройкѣ, другими сло-

вами: гуманная мысль, великодушно предложенная врачами, принятая думою съ благодарностью и даже съ значительною затратою денегъ осталось мыслею, мечтою, простымъ платоническимъ пожеланіемъ. На конецъ, благодаря усиленному муссированію вопроса мѣстной газетою „Оренб. Листка», произошло соглашеніе между городскою управою и обществомъ, помѣщеніе было уступлено и амбулаторія начала функционировать съ 21 октября 1882 года и какъ слѣдовало ожидать посѣщеніе ея было успѣшно. Принципъ на которомъ открылась амбулаторія былъ тотъ, что врачи, члены общества, будутъ по очереди, бесплатно дежурить и принимать больныхъ, но вскорѣ же обнаружались недостатки этого принципа—для многихъ врачей посѣщеніе было прямо-таки невозможно, другіе посѣщали неаккуратно и общество стало приглашать платнаго врача. Амбулаторія сперва помѣщалась въ городскомъ домѣ при больницѣ, затѣмъ этотъ домъ понадобился для квартиры старшаго врача и дума стала субсидировать амбулаторію платою за помѣщеніе.

Исторія первоначальнаго помѣщенія амбулаторіи представляетъ до извѣстной степени интересъ. Дѣло въ томъ, что вопросъ о подкидышахъ являлся тяжелымъ вопросомъ для города Оренбурга, подкидыши оставались безъ всякой помощи. И вотъ желая ознаменовать двадцатипятилѣтіе царствованіе Александра II *) дума рѣшила учредить въ Оренбургѣ пріютъ для призрѣнія подкидышей, обреченныхъ при несуществованіи въ городѣ подобнаго рода филантропическаго заведенія на всѣ ужасы безпріютной отчужденности существованія, а часто и безучастной голодной смерти или же во всякомъ случаѣ осужденныхъ на влеченіе тяжелой жизни нищихъ и пролетаріевъ. Былъ выработанъ уставъ пріюта подкидышей, но почти формальнымъ принятиемъ администрація его не утвердила, тогда дума порѣшила помѣщеніе для подкидышей уступить для Александровской лечебницы,

*) Оренб. Лист. 1880 № 2.

а затѣмъ, какъ мы и сказали, домъ этотъ отведенъ подъ квартиру старшаго врача больницы. Подкидыши по прежнему принимались мѣстнымъ казеннымъ благотворительнымъ обществомъ, подъ предсѣдательствомъ губернаторши, и отдавались на вскормленіе желающимъ, причемъ плату за содержаніе, а также деньги на похороны платило городское управленіе. Въ такомъ же положеніи дѣло призрѣнія подкидышей находится и въ настоящее время, ни городъ, ни частныя общества не открыли пріютовъ и яслей.

Вообще же говоря, въ городѣ существуетъ рядъ пріютовъ. Старѣйшій изъ нихъ пріютъ Св. Ольги *), открытый 11 іюля 1872 года на средства, собранныя женою Оренбургскаго генералъ-губернатора Крыжановской. Пріютъ помѣщается въ собственномъ зданіи, земля подъ которое уступлена городскимъ обществомъ по приговору въ 1869 году. Въ пріютъ принимались первоначально дѣти обоего пола отъ 3 до 10 лѣтнаго возраста, причемъ мальчики оставались въ пріютѣ до 13 лѣтнаго возраста, а дѣвочки до 15 лѣтнаго. При пріютѣ существовало сначала ремесленное отдѣленіе для мальчиковъ, которое закрылось съ учрежденіемъ въ городѣ ремесленнаго училища, куда и потступали воспитанники пріюта, дѣвочекъ же въ пріютѣ обучали занятіямъ по хозяйству въ кухнѣ и прачешной, обученію шитью и рукодѣлію, а также давали начальное обученіе грамотѣ, письму, ариѳметикѣ и Закону Божію. Въ пріютѣ существуетъ нѣсколько стипендій, открытыхъ какъ городскимъ обществомъ по случаю различныхъ юбилеевъ, такъ и частными лицами. Содержится пріютъ на проценты съ капитала, а также на пожертвованія.

Благотворительное общество, содержащее пріютъ св. Ольги, пріютъ подкидышей, устояло также и пріютъ для роженицъ. За послѣднее время это общество построило на конно-сѣнной площади образцовое двухъ-этажное зданіе, въ которомъ открыло лечебницу для женщинъ, а также и акушерскіе курсы. Обученіе на

курсахъ продолжается два года и былъ уже одинъ выпускъ мѣстныхъ акушеровъ.

Кромѣ указанныхъ пріютовъ въ городѣ существуютъ еще нѣсколько—открытіе которыхъ было вызвано случайными причинами. Такъ бѣдствія холеры 1892 года послужили основаніемъ пріюта для дѣтей-сиротъ, родители которыхъ умерли во время холеры, открытъ пріютъ женскимъ монастыремъ, существуетъ пріютъ для дѣтей арестантовъ. Всѣ эти учрежденія содержатся частными обществами, при щедрой поддержкѣ городского управленія.

Нельзя, конечно, всѣ отмѣтить, что открытіе пріютовъ и завѣдываніе ими различными учрежденіями отзывается неблагопріятно; не говоря уже о томъ, что при такомъ образѣ веденія дѣла призрѣнія дѣтей дробятся средства, не можетъ быть строгой системы и правильнаго единообразнаго плана дѣйствія. Дѣло призрѣнія только тогда разовьется и встанетъ на надлежащую высоту, когда оно станетъ дѣломъ самихъ горожанъ, т. е. тогда, когда образуются и войдутъ въ жизнь участковыя попечительства. Уставъ ихъ утвержденъ уже давно, но они, конечно, не функционировать, такъ какъ открытіе ихъ зависитъ отъ думы—а словесная, узко-купеческая дума не захочетъ принять на себя инициативу въ такомъ дѣлѣ.

Безспорно, и эти филантропическія учрежденія, функционирующія въ нашемъ городѣ, вносятъ свою лепту въ общее дѣло,—но лепта эта слишкомъ мала, дѣятельность едва замѣтна. Только тогда, когда городское самоуправленіе будетъ реорганизовано по четырехформальной избирательной системы, только тогда, когда дѣло призрѣнія сосредоточится въ рукахъ города, только тогда оно будетъ, дѣйствительно, призрѣніемъ, а не филантропіей, въ извѣстныхъ случаяхъ превращающейся въ забаву для скучающихъ дамъ-филантропокъ.

Еще одно лечебное учрежденіе функционируетъ у насъ—это амбулаторія общины сестеръ милосердія

краснаго креста, открытой въ городѣ въ 1895 года. *) Какъ сама община такъ и лечебница помѣщаются въ собственномъ домѣ, на уступленномъ городомъ безвозмездно мѣстѣ.

Такимъ образомъ въ городѣ Оренбургѣ функционируютъ госпиталь, имѣющій специальное назначеніе лѣчить большихъ солдатъ, губернская больница, предназначенная для крестьянскаго населенія съ отдѣленіемъ для душевно больныхъ, городская больница, безплатная городская амбулаторія, амбулаторіи обществъ врачей и Краснаго Креста и родильный приютъ благотворительнаго общества—итого 7 учреждений, въ которыхъ оказывается медицинская помощь. Конечно, принимая во вниманіе почти стотысячное населеніе города надо признать, что все эти учрежденія являются каплею въ морѣ и горожанинъ города Оренбурга исполнѣ не обезпеченъ помощью въ случаѣ болѣзни. Особенно ярко бросающимся въ глаза недостаткомъ является отсутствіе ночного дежурства врачей — объ этомъ возбуждалось и возбуждается чуть ли не ежегодно вопросъ и благодаря нашей косности онъ такъ и остается вопросомъ.

Въ городѣ всего четыре аптеки, число ихъ не достаточно, но открытіе аптеки все еще сопровождается безконечными затрудненіями. 8 февраля 1896 года оренбургская дума, исполнѣ раздѣляя мнѣніе управы о недостаточности для города Оренбурга существующихъ двухъ аптекъ, не могущихъ по несоотвѣстствію съ числомъ жителей, въ полной мѣрѣ удовлетворить нуждамъ и погребностямъ населенія, въ то же время озабочиваясь развитіемъ средствъ поданія своевременной врачебной помощи жителямъ города и окрестныхъ поселеній опредѣлила**) ходатайствовать передъ Оренбургскимъ Губернаторомъ о разрѣшеніи своему согражданину, пользующемуся особымъ довѣріемъ городского общества, почтившаго его избраніемъ въ гласные и члены управы купеческому сыну

*) Тург. Газета 1896 № 48.

**) Журналы Городской Думы 1896 года.

М. И. Скворцову открыть въ гор. Оренбургѣ третью нормальную аптеку»

Мы нарочно цѣликомъ выписали это думское опредѣленіе — мотивировка его настолько характерна; дума сознавала трудность добиться разрѣшенія аптеки и обставляетъ свое ходатайство всѣми возможными условіями, чтобы добиться осуществленія его. И не смотря на это, администрація нашла пужнымъ признать себя болѣе компетентной, чѣмъ городское управленіе — и третья аптека была не разрѣшена.

Когда черезъ десять послѣ этого городъ возбудилъ въ 1905 году вопросъ о открытіи своей городской аптеки, то и его ходатайство постигла та же участь — началась безплодная переписка, врачебное отдѣленіе рѣшило лучше открыть аптеку въ оренбургской станицѣ, чѣмъ дозволить городу имѣть свою городскую аптеку и тѣмъ доставить возможность болѣе широкой роздачи безилатнаго лекарства. Едва ли въ какомъ либо другомъ вопросѣ бюрократизмъ формализмъ выступаетъ такъ ярко, какъ въ аптечномъ. Аптечный уставъ имѣетъ у насъ чуть ли не мафусалининъ вѣкъ, условія жизни совершенно измѣнились, — но администрація считаетъ себя вправѣ игнорировать условія жизни, за то не отступать отъ буквы устава

И настоящее время собственно говоря малымъ чѣмъ отличается въ аптечномъ вопросѣ отъ той незабвенной поры, когда въ Оренбургѣ не было вовсе частныхъ аптекъ, а существовала лишь „казенная“ аптека, которая помѣщалась по Николаевской улицѣ, рядомъ съ зданіемъ нынѣшней казенной палаты. Изъ этой аптеки лекарство отпускалось лишь по запискамъ казенныхъ врачей — и обыватель вполне удовлетворялся ею, не высказывалъ ни какихъ жалобъ. вполне понятно, что и лекарства въ то время были простыя, да и прибѣгали къ нимъ лишь тогда, когда всѣ домашнія средства бывали испробованными и больному была нужна скорѣе не помощь врача, а присутствіе духовнаго отца.

Говоря о медицинской помощи, существующей

въ настоящее время, нельзя не сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ заботились о оказаніи помощи во времена давно прошедшія. Забота эта въ городѣ Оренбургѣ вслѣдствіе его особенныхъ условій принимала, дѣйствительно оригинальный видъ. Дѣло въ томъ, что Оренбургъ являлся центромъ управленія инородческаго края—тутъ были и башкиры и киргизы—нужно было о нихъ заботиться, имъ благодѣлствовать. Между тѣмъ среди инородцевъ—таковъ законъ судьбы—при переходѣ ихъ отъ кочеваго образа жизни къ осѣдлому, при столкновеніяхъ ихъ съ цивилизаціей особенно сильно дѣйствуютъ заразительныя болѣзни, какъ то оспа, сифилисъ. Онѣ являются бичемъ инородца, а иногда и причиною вымиранія, исчезновенія съ міровой арены цѣлыхъ племенъ, цѣлыхъ національностей.

Далѣе инородцы, попавшіе подъ власть русскихъ, и видѣвшіе со стороны русскихъ лишь жестокость, весьма понятно относились не весьма довѣрчиво къ русскимъ докторамъ, которыхъ къ тому же было слишкомъ недостаточно для оказанія дѣйствительной помощи.

И вотъ въ административныхъ сферахъ возникалъ вопросъ—какъ помочь горю, какъ спасти инородца, какъ вселить въ немъ увѣренность въ необходимости, въ пользѣ обращенія къ врачу?

На подобный вопросъ отвѣтъ давался очень скоро и очень легко и отвѣтъ на первый взглядъ вполне логичный, правильный, долженствующій явиться настоящею панацеею отъ бѣды: нужно образовать контингентъ врачей изъ самихъ же инородцевъ, къ этимъ врачамъ инородецъ будетъ относиться съ довѣріемъ. И началась безконечная трата инородческихъ денегъ *) Выбирались башкирскіе и киргизскіе малолѣтки и посылались въ Казань въ гимназію въ университеты для обученія медицинѣ, мѣстнымъ врачамъ при госпиталяхъ давались приказы обучать инородческихъ дѣтей оспопрививанію и фельдшерскому искусству.

*) Смотри. Труды Оренб. арх. ком. Выпускъ XI и С. Шукшинева. Первые врачи изъ башкиръ Оренбургскаго Края.

Попытки оканчивались неудачами — большинство вольныхъ сыновъ безграничныхъ степеней не выносили условий цивилизованной жизни и гибли недоучившись, часть приходилось возвращать обратно, такъ какъ брались сравнительно большіе дѣти, не имѣвшіе никакой предварительной подготовки и, конечно, не могущее осилить всѣхъ мудростей европейскихъ наукъ.

Когда подобныя попытки терпѣли фіаско, то рѣшили устроить учебное заведеніе для обученія фельдшерскому искусству въ самомъ Оренбургѣ. *). Эта школа зданіе ея мы указали выше, была открыта въ 1847 году въ нее поступило 5 мальчиковъ изъ киргизъ — изъ нихъ двое умерли черезъ 3—4 мѣсяца, послѣ поступленія въ школу, не смотря на крѣпкое здоровье. Вѣсть о смерти ихъ быстро разнеслась по степи и была причиною того, что при всѣхъ употребляемыхъ со стороны начальства мѣрахъ, не только не являлось новыхъ охотниковъ поступить въ школу, но и поступившіе въ нее то по болѣзни, то по семейнымъ обстоятельствамъ выбыли. Къ 1857 году въ школѣ былъ только одинъ ученикъ изъ киргизъ Хамза Карджасовъ Затрудненія въ подысканіи должннаго числа кандидатовъ привели къ тому, что администрація пограничной комиссіи въ 50-хъ гг. отозвалась о непримѣнности для киргизовъ обученія фельдшерскому искусству и съ согласія Оренбургскаго генераль губернатора Катенина, ассигнуемой на содержаніе фельдшерскихъ учениковъ сумма стала давать иное назначеніе — употреблять на жалованіе прикомандированнымъ къ комиссіи киргизамъ. Но слѣдующій начальникъ края генераль Безакъ пожелалъ, чтобы обученіе киргизъ фельдшерскому искусству продолжалось во что-бы ни стало. Стали опять собирать киргизскихъ дѣтей, снова полились слезы по степи — и въ результатъ всего этого административнаго усердія только четверо киргизъ окончили курсъ въ фельдшерской школѣ, открытой специально для кир

*) Тург. Газет. 1896

гизъ и просуществовавшей съ 1847 по 1871, годъ т. е. почти четверть вѣка.

Говоря объ этихъ попыткахъ, нельзя не вспомнить и того обстоятельства, что, благодаря имъ, въ Россіи появилась первая женщина-врачъ—докторъ медицины Варвара Александровна Кашеварова-Руднева *).

В. А. Кашеварова-Руднева, несчастливая въ первомъ своемъ бракѣ, бросила своего мужа, купца-самодура, и уѣхала въ Петербургъ на акушерскіе курсы учиться. Это было въ 1861 году, когда заря свободной жизни поднималась надъ нашею родиною. Средства къ жизни у Кашеваровой не было никакихъ, жажда ученія велика — и, благодаря случайности, Кашеварова сдѣлалась стипендіаткою иррегулярныхъ войскъ Оренбургскаго края. Но при принятіи этой стипендіи ей было поставлено обязательнымъ условіемъ обученіе леченію сифилиса. Такое странное на первый взглядъ условіе зависѣло отъ того обстоятельства, что начальство башкирскаго войска уже давно ходатайствовало о командированіи въ Оренбургскій край женщинъ-медиковъ, такъ какъ религіозный законъ не позволялъ женщинамъ магометанъ пользоваться услугами врачей изъ мужчинъ. Женщинъ-медиковъ не было и изобрѣли палліативъ, стали обучать акушеровъ, будущихъ въ Оренбургскій край, наукъ о сифилитическихъ болѣзняхъ.

Кашеварова кончила курсъ акушерства, пріѣхала въ Оренбургъ, явилась къ генералъ губернатору Безаку и заявила, что она желаетъ быть докторомъ, такъ какъ иначе она не можетъ лечить башкирокъ отъ сифилиса. Старикъ сановникъ вѣжливо встрѣтилъ молодую акушерку и, узнавъ про ея ходатайство, добродушно потрепалъ по плечу и сказалъ: «хорошо, сдѣлаемъ васъ и докторомъ».

Дѣйствительно, благодаря ходатайству Безака, во-

енный министр Д. А. Милютинъ разрѣшилъ прикомандированіе Кашеваровой къ медико хирургической академіи на 5 лѣтъ для прохожденія полного медицинскаго курса. Кашеварова прослужала курсъ и, благодаря ходатайству П. А. Крыжановскаго, была допущена до экзаменовъ, которые блестяще выдержала, удостоилась диплома на вторую золотую медаль и признана была докторомъ медицины.

Такимъ образомъ, башкиры и не предполагали, что они или вѣрнѣе ихъ деньги—Кашеварова получала стипендію изъ башкирскаго капитала—послужили къ разрѣшенію у насъ до извѣстной степени вопроса о женскомъ медицинскомъ образованіи.

XXVI.

Вмѣстѣ съ вопросомъ объ оказаніи медицинской помощи связанъ вопросъ объ эпидеміяхъ. Городъ Оренбургъ въ этомъ отношеніи является многострадальнымъ городомъ и рисуемая нами картина была бы далеко не закончена, если бы мы не коснулись и этого вопроса. Оренбургъ звался вратами Азіи и, дѣйствительно, черезъ эти ворота и прошла въ Россію азіатская гостыя-холера. Холерныя эпидеміи въ Оренбургѣ были многочисленны;*) вотъ ихъ даты: 26 августа 1829 года началась первая эпидемія, закончилась она 28 октября 1831 года, (дѣйствовала холера какъ въ эту эпидемію, такъ и въ слѣдующія, конечно съ перерывами на зиму), заболѣло 32089 человекъ и умерло 12377 (во всей Оренбургской губерніи). Вторая эпидемія продолжалась съ 15 сентября 1847 года по 21 сентября 1856 г., т. е. въ продолженіи 10 лѣтъ, причемъ первые два года она дѣйствовала безперерывно, затѣмъ былъ промежутокъ 1850—1853 гоцъ, когда холерныхъ заболѣваній не наблюдалось, но 18 іюля 1853 года эпидемія снова вспыхнула и до 1856 года была ежегодно. Во вторую эпидемію заболѣло 66844 человекъ и умерло 29807 человекъ. Третья эпидемія

*) Л. Шлихтинъ. Очеркъ холерной эпидемии въ Оренбургской

захватываетъ періодъ 3 сентября 1866 года и 17 декабря 1872 года съ числомъ заболѣвшихъ въ 14188 человекъ и съ 4718 жертвами, а четвертая эпидемія началась 9 іюля 1892 года закончилось 5 ноября того же года, причемъ въ самомъ Оренбургѣ заболѣло 2741 и умерло 1652, во всей губерніи число больныхъ—12015 съ 6434 смертельными исходами.

Таковы цифры холерныхъ эпидемій—онѣ унесли въ губерніи 53336 жертвъ. Весьма понятно, что эти цифры далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, онѣ слишкомъ уменьшены—и въ 1829 году да и въ 1847 году статистики не существовало.

Во время холеры 1829—1831 годовъ—городъ Оренбургъ окружался карантиномъ, изъ города и въ городъ никого не пускали, избирался особый смотритель карантина, который и передавалъ въ городъ припасы; леченіе—но какое же леченіе существовало въ то отдаленное время. Холера 1848 года была прямо ужасна,*) старожилы рассказываютъ, что люди умирали на улицахъ, что всѣ, кто только могъ, убѣгали изъ города. Описанія холерныхъ эпидемій прошлаго времени пока нѣтъ, предсѣдателемъ архивной комисіи А. В. Поповымъ приготовленъ къ печати обширный трудъ—исторія холерныхъ эпидемій, но онъ пока не изданъ, лично намъ не приходилось работать по архивнымъ даннымъ по этому вопросу и поэтому мы должны ограничиться лишь общими фразами. Болѣе подробныя данныя мы приводимъ о холерѣ 1892 года и о предупредительныхъ мѣропріятіяхъ отъ заноса холерной эпидеміи въ 1905 году.

Въ 1892 году холера началась въ Оренбургѣ, какъ мы уже и сказали выше, 9 іюля. Подготовка же для борьбы съ холерою началась 19 мая 1892 года, когда было созвано экстренное засѣданіе думы **) при участіи врачебнаго инспектора и санитарнаго врача и была принята программа мѣропріятій, вы-

работанная врачебнымъ отдѣленіемъ и физико-медицинскимъ обществомъ. Городъ былъ раздѣленъ на 8 участковъ, для каждаго участка изъ гласныхъ были выбраны почетные попечители, наконецъ рѣшено было выписать 10 врачей, нанято столько же фельдшеровъ и 8 санитарныхъ надзирателей. У города по обыкновенію не было денегъ, городъ могъ ассигновать только 1 т. рублей, но были получены еще пять тысячъ отъ Московскаго благотворительнаго комитета. 15 Іюня были организованы 8 амбулаторій, снабженныя необходимыми медикаментами, при каждой амбулаторіи состоялъ фельдшеръ и санитарный надзиратель. 18 Іюня въ городѣ открыла дѣйствіе санитарно-исполнительная комисія, которая выработала рядъ обычныхъ предупредительныхъ мѣръ, какъ то очистка города, надзоръ за прѣзжающими, за базарами, осмотръ домовъ и пр. Мѣры эти русскіе города обыкновенно принимаютъ въ экстренныхъ случаяхъ и мѣры эти почти всегда являются безрезультатными,—эпидемія появляется и разыгрывается. Осмотръ города далъ слѣдующіе результаты: въ I-й части осмотрѣно 488 дворовъ, устроено помойныхъ ямъ 18, передѣлано ретиратовъ 16, во II части—900 домовъ, вновь устроено 45 ретиратовъ, въ III части—812 домовъ и 40 ретиратовъ, въ IV части 920 домовъ... Но въ 4 й части комисія не могла устраивать ретиралы, жители этой части не знали такой роскоши, какъ ретиралы, изъ 1182 домовъ, помѣщавшихся въ этой части, у 860 домовъ ретиратовъ не было, но зато во дворахъ были по истинѣ залежи навоза для дѣланія кизяка. Весьма понятно, что этотъ осмотръ и эта чистка дворовъ были непроизводительною тратою и времени, и денегъ. Пока комисія ходила по дворамъ, они чистились, только что комисія ушла, дворы снова загрязнялись. Населеніе не имѣло даже представленія о самыхъ элементарныхъ требованіяхъ гигиены и санитаріи. Слѣдующими предохранительными мѣрами были: организація дезинфекціонныхъ отрядовъ, приготовленіе помѣщеній при больницахъ, отводъ нова

ровъ краткаго наставленія къ возможному предохраненію себя отъ заболѣваній холеры.

Казалось, городъ вполне приготовлялся къ встрѣчѣ холеры, казалось, всѣ предупредительныя мѣропріятія приняты. Но холера разыгралась и финансовый подсчетъ ея былъ слѣдующій:

содержаніе врачей	10036 р. 57 к.
„ больницъ	14928 р. 97 к.
„ дезинфекціоннаго отряда	2307 р. 4 к.
„ санитарнаго надзора	1469 р. 89 к.
Усиленіе содержанія полиціи	637 р. 41 к.
Содержаніе чайныхъ	202 р. 93 к.
„ канцеляріи	695 р. 69 к.
Гробы, могилы, телѣги и пр	5405 р. 26 к.
Итого	35683 р. 76 к.

Просматривая статьи расхода, мы видимъ, что городъ во время эпидеміи 1892, года старался лишь лечить — между тѣмъ при холерѣ важно не только лечить, но и кормить населеніе. Леченія при холерѣ не существуетъ, оно палліативно, а важно предохранить населеніе, сдѣлать его невосприимчивымъ къ эпидеміи. Этою мыслью и руководилось городское управленіе въ 1905 году *), когда призракъ холеры снова угрожалъ городу Оренбургу. Въ этомъ году съ ранней весны начали функционировать лечебно питательные пункты, числомъ 6, открытые въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ живетъ преимущественно бѣднѣйшій классъ населенія. Эти лечебно питательные пункты состояли изъ чайной и амбулаторіи. Въ чайныхъ населеніе могло найти за дешевую плату чай, даромъ отварную воду и кнютки; амбулаторіи, находящіяся въ вѣдѣніи студентовъ старшаго курса, оказывали безплат

ную медицинскую помощь. Эти же студенты заведывали санитарными участками, въ которыхъ были заведены санитарныя попечительства. Такимъ образомъ—преслѣдовались цѣли—прежде всего предохранить населеніе, а затѣмъ сблизить его съ врачебнымъ надзоромъ, приучить видѣть во врачѣ помощника, а не врага, чтобы въ случаѣ появленія эпидеміи населеніе не пряталось отъ врача, а шло къ нему. Всѣ полицейскія мѣропріятія, протоколы были тщательно устраиваемы—единственнымъ вѣрнымъ способомъ дѣйствія признавалось убѣжденіе, примѣръ, внушеніе. Среди населенія раздавались въ громадномъ количествѣ популярныя брошюрки и листки, устраивались чтенія, лекціи; къ дѣлу была призвана учащаяся молодежь, которая энергично работала, не покладывая рукъ. Функционировала между прочимъ «капля молока», бесплатное снабженіе населенія пастеризованнымъ молокомъ было широко распространено.

Холеры въ 1905 году не было, но можно съ увѣренностью сказать, что она никогда бы не приняла тѣхъ ужасающихъ размѣровъ, какъ въ 1892 году.

Кромѣ холерной эпидеміи—Оренбургъ страдалъ отъ дифтерита, который съ середины 70 хъ годовъ вплоть до 1895 года былъ бичемъ дѣтей. Въ 1895 году пришлось даже открыть временную дифтеритную больницу*), но всѣ мѣропріятія, до примѣненія антидифтеритной сыворотки, конечно, не приносили почти никакого результата. Въ настоящее время трудно себѣ представить, какимъ бичемъ дѣтей былъ дифтеритъ. Читая отчеты, сообщенія того времени, можно себѣ вообразить тотъ ужасъ, который охватывалъ обывателя при словѣ дифтеритъ и *скарлатина*—въ то время такъ обозначали болѣзнь скарлатину, считая ее почему то мужескаго рода.

*) Тург. газета 1895 г., № 14.

Въ 1878 году Оренбургъ подчистился, ожидая гостью изъ Ветлянки—но чума не появилась въ городѣ. Послѣ голодныхъ годовъ 1880 и 1891—въ городѣ развивалась эпидемія тифа, но она не принимала особенно жестокихъ размѣровъ.

Обычною принадлежностью города—дѣтскій моръ лѣтомъ, этой болѣзнию Оренбургъ приближается къ чисто русской деревнѣ, гдѣ желудочно-кишечныя расстройства лѣтомъ уносятъ въ могилу массу дѣтей. Почти то же самое наблюдается и въ Оренбургѣ. Такъ на примѣръ, въ 1904 году изъ 3291 человека, умершихъ въ теченіе года, на долю дѣтей отъ 1 мѣсяца до 10 лѣтъ падаетъ 2210—т. е. 97% числа всѣхъ умершихъ, въ возрастѣ 1 мѣсяца до 1 года умираетъ 1064 ребенка, что составитъ 32,3% общей смертности. Такой ужасающей дѣтской смертности надо искать. Она ясно говоритъ, что населеніе мало культурно, что заботы о дѣтяхъ почти не существуетъ и дѣйствительно,—ни пріютовъ яслей, ни капли молока ни другихъ этимъ подобныхъ учрежденій въ городѣ нѣтъ. Далѣе въ смыслѣ санитарномъ городъ является прямо таки отрицательною величиною. Разговоръ о канализаціи идетъ съ 1891 года, разрабатывался онъ чуть ли не въ тысячахъ комиссій дѣлался рядъ предложеній устроить канализацію—и въ результатѣ въ архивѣ городской управы рядъ толстыхъ дѣлъ по устройству канализаціи, а ассенизація города производится при помощи открытыхъ бочекъ.. Санитарныя ~~у~~устройства предпринимаются только въ моменты общ~~ественныхъ~~ бѣдствій. постояннаго санитарнаго надзора не существуетъ, и населеніе совершенно не понимаетъ пользы и необходимости санитаріи и гигиены. Въ этомъ смыслѣ оно вполне невѣжественно.

Такова въ краткихъ чертахъ картина общаго положенія дѣла въ Оренбургѣ, картина—надо сознаться, невеселая и будущимъ поколѣніямъ придется много работать. чтобы городъ Оренбургъ хотя нѣсколько могъ приблизиться къ культурному городу.

XXVII.

Напротивъ больницы, пройдя тополевыя скверъ, помѣщается зданіе почтово-телеграфной конторы. *) Зданіе занимаетъ площадь 838,87 кв. саж. и выходитъ на три улицы. Земля, находящаяся подъ конторою, городская и уступлена почтово-телеграфному вѣдомству согласно думскаго постановленія 15 декабря 1871 года, причемъ дума постановила назначить особую комиссію для наблюденія за постройкою. Постройка зданія была закончена 14 декабря 1875 года, когда оно было освящено.

Первое время почтовая контора помѣщалась въ центрѣ города позади реального училища и театра, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится садъ дома Захо. Домъ для почтовой конторы былъ выстроенъ чуть ли не во времена Неплюева и къ 1835 году представлялъ изъ себя *) полную картину развалинъ; домъ находится въ самомъ возможномъ дурномъ состояніи—такъ читаемъ въ одномъ изъ рапортовъ того времени: всѣ наружныя стѣны имѣютъ сквозныя продольныя трещины, числомъ 13 и столь значительныя, что почти каждая изъ нихъ начинается отъ крыши и проходить до оконъ нижняго этажа. Судя по трещинамъ, стѣны не имѣютъ желѣзныхъ связей и опасаться можно, что при обыкновенно значительномъ стеченіи людей къ почтѣ, внезапное паденіе стѣнъ можетъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія“. Почмейстеръ указываетъ графу Перовскому на невозможность оставаться въ подобномъ зданіи. Конечно началась незаконная переписка, нельзя ли сдѣлать ремонтъ, зданіе осматривали инженеры и наконецъ въ 40 хъ годахъ рѣшено было вывести контору въ частное помѣщеніе, а домъ продать на сломъ. Казалось бы, что мѣсто, какъ городское, должно было поступить въ собственность города, но и его, и зданіе приобрѣлъ помѣщикъ Звенигородскій. Почтовая же контора въ теченіе трид-

*) Арх. Оренб. Гор. Думы дѣло № 6842.

цати слишкомъ лѣтъ кочевала по частнымъ квартирамъ. Первое время, конечно, неудобства особаго не было, почта приходила два раза въ недѣлю, почта была только на Уфу, частной корреспонденціи было очень мало---и можно было найти частное зданіе, до статочное по размѣрамъ. Но съ конца 60 хъ годовъ прошлаго столѣтія частныя квартиры оказывались недостаточными и въ результатъ была постройка существующаго зданія. Въ 1877 году послѣдовало учрежденіе городской почты, а въ 1878 году появились и первые почтовые ящики на улицахъ. постановка ящика было цѣлымъ событіемъ для той улицы, на которой ящикъ ставился.

Въ 1890 и 1891 годахъ многія изъ частныхъ лицъ обращались въ думу съ просьбами разрѣшить соединеніе ихъ квартиръ съ лавками или промышленными заведеніями телефонами. Городская дума давала охотно подобныя разрѣшенія. Въ 1892 году оренбургскій полицеймейстеръ обратился къ думѣ *) съ необходимостью устройства телефона между полицейскими и пожарными частями. Дума разрѣшила полицеймейстеру устроить за счетъ города телефонъ. Центральная станція помѣщалась въ 3-ей полицейской части, аппараты были поставлены въ караванъ-сараѣ, городской управѣ, квартирѣ губернскаго прокурора, судебной палатѣ и во всѣхъ полицейскихъ и пожарныхъ частяхъ. При постройкѣ телефона произошелъ обычный курьезъ—по предварительной смѣтѣ постройка телефона должна была обойтись очень дешево—1928 р. 25 к., начали строить, перерасходъ былъ сдѣланъ чуть-ли не вдвое. Такой телефонъ существовалъ до 1897 гда, когда было приступлено къ постройкѣ правительственнаго телефона 28 марта 1898 года была произведена сдача городомъ своей центральной станціи

Говоря о площади между старою и новою слободкою, мы нѣсколько разъ упоминали о тополевымъ садахъ. Одинъ изъ нихъ, находящійся переть Нс-

*) Арх. Оренб. Гор. Думы, дѣла № 21480, 21463, 22083.

плюевскимъ корпусомъ разведенъ думою согласно постановленія отъ 22 марта 1889 года и является для города памятью бывшаго городского головы Степана Ивановича Назарова, настоявшаго на необходимости реорганизациі по переустройству городского водопровода. Водопроводъ былъ расширенъ и явилась возможность разрѣшить поливку садовъ—результатомъ чего и появился тополевы садикъ. Садикъ позади собора, а также позади Неплюевского корпуса возникли согласно думскаго опредѣленія 16 апрѣля 1892 года—главная цѣль при разведеніи ихъ была дать работу нуждающемуся послѣ голодовки 1891 года люду. Это былъ первый опытъ общественныхъ работъ, устроенныхъ городомъ.

Мы уже говорили о бѣдствіяхъ города, испытываемыхъ отъ эпидемій и пожаровъ. Но городъ испытывалъ и еще тяжелое, если не въ большей степени, то по крайней мѣрѣ въ равной степени бѣдствіе—неурожай. Особенно памятны городу Оренбургу остались голодовки 1880 и 1891 года.

Въ 1880 году голодь былъ настолько силенъ, *) что явилась необходимость подать бѣднякамъ руку помощи выдачею дарового продовольствія. Съ начала февраля по 1ое мая 1880 года продовольствовалося въ открытыхъ городомъ 4-хъ столовыхъ ежедневно до 1500 человекъ, на что израсходовано 5769 р. 94 к. Въ маѣ мѣсяцѣ 1880 года столовые закрылись, но 22 января 1881 года особому комитету, избранному городомъ изъ гласныхъ думы, пришлось снова открыть въ баракахъ городской Александровской больницы дешевую столовую сначала на 600 порцій съ платою по 5 коп. за порцію, но съ перваго же дня оказалось невозможнымъ взимать плату за обѣды. Въ столовую въ первый же день ея открытія, явилось около тысячи бѣдняковъ безъ копѣйки и члены комитета вынуждены были выдавать обѣды бесплатно. Комитетъ черезъ городского голову обратился къ думѣ съ просьбою помочь, пожертвованія посыпались и деньгами,

*) Отчетъ о дѣятельности комитета народной помощи при оренб. город. управленіи за 1880—1881 г.г.

и припасами, такъ что вмѣсто 600 порцій, которыя комитетъ выдавалъ 22—26 января 1881 года, съ 26 января столовая кормила до 1^{1/2} тысячи бѣдняковъ. Столовая функционировала до 1 мая 1881 года съ содержаніе стоило 9189 р. 4 к. - всего-же комитетъ издержалъ на кормленіе бѣдняковъ 14958 р. 98 к.

Кромѣ этой помощи дума поручила заготовить зерно для обмѣненія. Заготовку принялъ на себя одинъ изъ гласныхъ С. Ивановъ — и въ результатъ вышла, по руссiйскому обыкновенію, исторія, съ которою дума долго не могла развязаться и въ концѣ концовъ махнула рукой и постановила сложить понесенныя продовольственной операціею убытки со счетовъ.

Въ 1891—92 году продовольственное дѣло было поставлено слѣдующимъ образомъ *): конечно была составлена особая думская коммисія, которая поставила себѣ задачею собрать свѣдѣнія о наличныхъ запасахъ продовольственныхъ продуктовъ въ г. Оренбургѣ въ сыромъ или переработанномъ видѣ и въ какомъ количествѣ необходимо заготовить хлѣбъ для продажи населенію по удешевленнымъ цѣнамъ, а также опредѣлить какая потребуется денежная сумма на заготовку потребнаго количества хлѣба примѣрно на 7 мѣсяцевъ. Коммисія, обсуждая возложенныя на нее обязанности, пришла къ слѣдующему: 1) для удержанія цѣнъ на хлѣбъ, не давая возможности спекуляторамъ возвышать ихъ, коммисія полагала купить до 150 т. пудовъ ржи и пшеницы русскоѣ въ мѣстахъ болѣе изобильныхъ хлѣбомъ, откуда доставить этотъ хлѣбъ по удешевленному тарифу и продавать по покупной цѣнѣ съ прибавленіемъ лишь за размоль зерна на муку; 2) на постепенную покупку хлѣба нужно до милліона рублей, сумму эту по неимѣнію у города средствъ просить въ ссуду у правительства; 3) снабженіе хлѣбомъ населенія производить съ августа 1891 г. по май 1892 г.

О ссудѣ стали просить—но ходатайство не было

*) Отчеты г. р. д. управы за 1891 и 1892 г. стр. 19—20, стр. 14—15.

удовлетворено и все предположенія комиссiи разлетѣлись—въ результатѣ городѣ завелъ только лавку для продажи муки по дешевой цѣнѣ, да заподрядилъ родъ хлѣбопеконъ, которые обязывались продавать хлѣбъ по 3 к. фунтъ. На помощь голодающему люду пришла частная благотворительность, открывшая рядъ столовыхъ, гдѣ кормились сотни и тысячи бѣдняковъ.

Почти также отнеслась дума и къ вопросу объ общественныхъ работахъ. Последнiя предполагались въ Оренбургской губернии и губернаторъ предложилъ думѣ обсудить, какія работы съ помощью правительства она предполагала бы нужнымъ сдѣлать.

Дума рѣшила дѣйствовать en gros и въ засѣданiи 4 января 1892 г. предположила просить у казны на общественныя работы ни больше, ни меньше, какъ цѣлый миллионъ, на который дума мечтала: 1) вымостить дорогу отъ мѣнового двора до станціи желѣзной дороги, а также конно сѣнную и хлѣбную площади—эта работа оцѣнена въ 150 т. р.; 2) устроить каменный постоянный мостъ черезъ р. Уралъ (250 т. р.); 3) построить элеваторъ (350 т. р.); 4) устроить канализацію города (100 т. р.); 5) построить бойню (200 т. р.) и 6) укрѣпить берегъ Урала. Эти работы дума хотѣла произвести слѣдующимъ образомъ: элеваторъ всецѣло за счетъ казны, а остальные—половину стоимости казна должна была принять на себя, а половину дать городу въ долгъ съ разсрочкою на 30 лѣтъ безъ процентовъ, причемъ уплату предполагалось производить лишь съ 1 января 1895 года.

Весь этотъ проектъ общественныхъ работъ является прямо какимъ-то конуизмомъ надъ народнымъ бѣдствiемъ—Оренбургская дума хотѣла за счетъ голодовки поправить свое разстроенное неумѣлымъ веденiемъ городское хозяйство. Весьма понятно, что ходатайство думы было оставлено безъ вниманiя, положимъ, надъ нимъ посмѣялись, какъ въ мѣстной, такъ и столичной прессѣ—и только.

Элеваторъ былъ построенъ казною самостоятельно на участкѣ городской земли, который дума отвела бесплатно въ размѣрѣ 7 т. кв. сажень, но за то впо

слѣдствіи взыскала съ желѣзной дороги приличную сумму за излишне взятую землю.

XXVIII.

Такимъ образомъ, мы прослѣдили образованіе и ростъ, какъ старой или голубиной, такъ и новой слободокъ, показали, какъ онѣ слѣпились, какъ застроилась громадная площадь между этими слободками. Прежде чѣмъ перейти къ описанію стараго города, нужно покончить съ существующими въ настоящее время площадями -- остатками огромной бывшей когда-то эспланадной площади а именно: южная съ Урала, съ Дѣвской, Чернорѣченской, хлѣбно солянкой и Госпитальной, а также Конно сѣнной и Фортиадскою площадями, съ постройками и сооружениями на нихъ. Начнемъ нашу бесѣду съ уничтоженія крѣпостного вала и съ застройки эспланадной площади.

По самому своему географическому положенію городъ Оренбургъ не могъ быть крѣпостью и, дѣйствительно, во все свое болѣе ста лѣтъ существованіе какъ крѣпость Оренбургъ только разъ выдержалъ осаду—и то въ исключительномъ случаѣ во время бунта Пугачева Въ память освобожденія отъ этой осады княземъ Голицынымъ совершается ежегодная панихида. Она установлена спархіальнымъ начальствомъ по ходатайству городской думы, возбужденному по предложенію мѣстнаго историка Руфа Игнатьева.

Называясь только «крѣпостью»,—Оренбургъ испытывалъ всѣ затрудненія, связанныя съ крѣпостью,—а такихъ затрудненій для оста города было не мало, прежде всего городскія строенія находились въ полномъ распоряженіи военнаго начальства, которое не давало дворовыхъ участковъ въ собственность, а лишь во временное пользованіе и могло въ любое мгновеніе, руководствуясь высшими соображеніями, заставить домовладѣльца уничтожить, перенести его домъ. По крайней мѣрѣ до 1862 года ни одинъ изъ владѣльцевъ не имѣлъ купчихъ крѣпостей на свои дворовыя мѣста. Далѣе порядокъ постройки былъ слиш-

комъ утомителенъ: обыватель долженъ былъ подавать прошеніе военному губернатору или генераль-губернатору, отъ нихъ прошеніе шло въ инженерную дистанцію, послѣдняя разсматривала планъ, справлялась съ законами крѣпостной архитектуры и, если находила возможнымъ постройку, то посылала разрѣшеніе черезъ полицію. Наконецъ существованіе эспланадной площади въ 130 сажень ширины совершенно лишило городъ всякой возможности увеличиваться въ своей территоріи.

Вопросъ объ уничтоженіи крѣпости возникалъ неоднократно съ 30 хъ годовъ прошлаго столѣтія, но къ благополучному разрѣшенію удалось его привести лишь генераль-губернатору Бѣлаку—при немъ крѣпость была признана уничтоженной, крѣпостные валы подлежали срытію, а мѣста, освобожденные подъ ними, а также и эспланадная площадь—разбиты на кварталы и дворовыя мѣста и проданы обывателямъ*). 16 апрѣля 1863 года дума—все еще шестигласная—разсматривала указъ полученный изъ губернскаго правленія—этимъ указомъ думѣ предписывалось принять на себя работу по распродажѣ вновь образуемыхъ участковъ, причемъ указывалось, что на будущее время уже не инженерное начальство, а дума должна слѣдить за городскими землями, за правильностью построекъ, выдавать разрѣшенія—словомъ, наблюдать за соблюденіемъ строительнаго устава.

Закинула работа и ко 2 сентября 1863 года была закончена разбивка кварталовъ, 11 октября, 28 октября, 31 октября, 30 ноября, 20 декабря 1863 года, 10 февраля и 4 мая 1864 года были производимы торги на новыя мѣста. Всего продано 141 мѣсто на сумму 60223 р. 10 к. Самую большую плату внесъ купецъ Ладыгинъ за 10 мѣсто, гдѣ теперь Европейская гостинница, онъ заплатилъ 1050 р. 10 к., купецъ Савинковъ за свое мѣсто отдалъ 777 р., купецъ Синайловъ—233 р. 15 к. Остальныя мѣста шли за гораздо болѣе дешевую плату—но въ то время и

*) Арх. Оренб. Гор. Думы дѣло № 6198.

эти цѣны казались болѣе, чѣмъ высокими. Такимъ образомъ городъ сразу выросъ и потерялъ свой прежній видъ.

Эспланадная площадь сохранилась въ видѣ небольшихъ площадей, идущихъ кольцомъ, начиная съ Дѣвской, которая подходитъ къ зауральному мосту.

Мостъ черезъ Уралъ до сихъ поръ не постоянный; весною во время половодія переправа черезъ рѣку Уралъ поддерживается при помощи паромовъ. До послѣдняго времени городъ сдавалъ эту переправу съ торговъ желающимъ—и держать переправу было очень выгоднымъ дѣломъ, не одинъ подрядчикъ, начавъ свои дѣла съ переправы, обращался въ богатаго купца. Объясненіе этого обстоятельства очень просто: конечно, на переправу существовала такса, очень умѣренная и не могущая быть бременемъ для населенія. Но надзора за тѣмъ, выполняется ли эта такса, не было никакого и подрядчикъ бралъ столько, сколько Богъ на душу положить, нежелающіе же подчиняться волѣ подрядчика могли ждать перевоза на берегу не только днями, но и недѣлями. Жалобы на беспорядки на паромахъ росли съ каждымъ годомъ и городское управленіе, наконецъ, вняло имъ и устроило свою городскую переправу. Три года ея работы показали, что при умѣренной таксѣ, при количествѣ посуды, вполне обеспечивающей и исправность, и безопасность переправы, дѣло можетъ вестись не только безубыточно, но давать городу нѣкоторый дивидендъ. Несчастные случаи на паромахъ хотя рѣдки, но бывали, причемъ одинъ разъ при сильномъ разливѣ Урала дѣло не обошлось и безъ человѣческихъ жертвъ. Итакъ весною черезъ Уралъ переправлялись на паромахъ, зимою мостомъ служилъ ледъ, а лѣтомъ и осенью разборный, построенный на деревянныхъ сваяхъ мостъ Зауральный мостъ имѣетъ свою длинную исторію. Прежде всего неизвѣстно до сихъ поръ, кто долженъ содержать этотъ мостъ. До 1832 г. мостъ содержался за счетъ города. Періодъ 1832—1852 го-

ды мостъ строила казна, руководясь тѣмъ мотивомъ, что этотъ мостъ служить главнымъ образомъ для военныхъ надобностей, для перевозки соли—соль была казенная—и наконецъ для торговли на мѣнномъ дворѣ, послѣдній быть также казеннымъ, принадлежалъ таможенному вѣдомству. Въ 1852 году начальство распорядилось, чтобы мостъ строилъ городъ а такъ какъ въ то отдаленное отъ насъ время, разсуждать не полагалось, то городъ и сталъ строить этотъ мостъ и строить его и понынѣ. Когда заставляли городъ производить постройку моста, то руководились тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣновую торговлю ведутъ городскіе купцы и мостъ слѣдовательно, нуженъ городу. Съ 1884 года городскимъ управленіемъ возбуждались одно за другимъ ходатайства о постройкѣ моста за счетъ земскаго капитала, тѣмъ болѣе, что этотъ мостъ лежалъ на почтовомъ трактѣ—но всѣ эти ходатайства оставались безрезультатны. Также безрезультатенъ былъ вопросъ о постройкѣ постоянного моста, хотя попытокъ въ этомъ направленіи дѣлалось достаточно, одна чуть чуть не увѣнчалась успѣхомъ — къ сожалѣнію намъ не удалось узнать, почему Перовскій не довѣлъ начатаго имъ дѣла до конца. Собираясь въ хивинскій походъ, графъ Перовскій задумалъ*) было устроить постоянный черезъ рѣку мостъ на четыре сажени ниже литіи теперешняго моста, т. е. какъ разъ при впаденіи двухъ руселъ стараго и новаго; съ этою цѣлью со стороны городского берега была сдѣлана значительной длины прочная каменная дамба и отъ дамбы эгой вбиты цѣлые ряды свайныхъ группъ для быковъ мостовыхъ пролетовъ, группы эти, состоящія изъ 60 свай каждая, (на каждой группѣ можно избушку поставить) торчатъ въ уровень меженной воды доселѣ. Но на этомъ и закончилась попытка устроить постоянный мостъ. Въ 1886 году вопросъ о необходимости устройства постоянного моста **) черезъ р. Уралъ съ соединеніемъ его посредствомъ на

*) Оренб. Лист 1879 № 10.

**) Отчетъ Оренб. управы за 1887 г. стр. 72 и 73

сыпи съ плотиною, устроенною черезъ Путоловскій протокъ, былъ возбужденъ городскою думою и для изысканія способа этого сооруженія была образована особая комиссія, которая составленная ею соображенія по сему предмету 10 февраля 1887 г. представляла въ думу со слѣдующимъ заключеніемъ: 1) постоянный мостъ устроить шириною въ 5 саж., 2) дамбу во всю длину на соединеніе съ плотиною черезъ Путоловскій оврагъ 3) сумму на устройство моста и дамбы опредѣлить въ 100 т. р., 4) просить думу войти съ представленіемъ объ отпускѣ изъ казны 100 т. р. на постройку моста и дамбы съ возвратомъ таковыхъ въ продолженіе десяти лѣтъ, поставивъ въ основаніе, что сооруженія эти предполагаются на почтовомъ трактѣ, соединяющемъ города: Оренбургъ, Илецкую Защиту, Актюбинскъ и другіе, а также и то, что по этому пути проложенъ торговый трактъ изъ Средней Азіи въ Россію и скотопрогонная дорога и что путь этотъ составляетъ и военную дорогу, а также перевозится по нему изъ Илецкой Защиты на Оренбургскую желѣзную дорогу до 2 хъ милліоновъ пудовъ соли.

Городская дума 6 марта 1888 года опредѣлила: вопросъ о постройкѣ дамбы и моста оставить открытымъ впредь до возвращенія предсѣдателя комиссіи по устройству моста П. М. Дѣева и городского архитектора Горина изъ С. Петербурга и представленія имъ смѣтъ и проектныхъ чертежей, предполагаемыхъ къ постройкѣ сооруженій. По полученіи же изъ Петербурга телеграммы о томъ, что за проектъ инженеръ Бселлюбскій просить 1200 руб., въ задатокъ 400 руб. и что мостъ на каменныхъ устояхъ съ деревянными фермами будетъ стоить 100 т. руб. дума постановила вопросъ этотъ оставить открытымъ.

Снова вопросъ возбудился, какъ мы и видѣли выше въ 1892 году, при обсужденіи предложенія объ общественныхъ работахъ и также безрезультатно, да же Ташкентская дорога предлагала городу при постройкѣ желѣзнодорожнаго моста устроить одновременно мостъ и для проѣзда и прохода, причемъ усло-

віемъ было бесплатное отчужденіе городской земли подѣ полотно. Дума отвергла это въ высшей степени желательное предложеніе и пожелала получить денежки за землю—а въ результатѣ и деньги задержаны за недоимку города по содержанію полиціи и городъ остался безъ постоянного моста и остается безъ него по сію пору.

Отъ моста въ городъ на Дѣвскую площадь идетъ довольно крутой подъемъ, подъемъ этотъ не замощенъ, хотя ремонтъ его производится ежегодно. Причина этого—по этому подъему илутъ весеннія воды и городъ не можетъ или не хочетъ сдѣлать хорошую спускную канаву, а почему вода и портитъ подъемъ. По обѣимъ сторонамъ подъема стоятъ будто сторожа на часахъ, два большихъ зданія—налѣво винный складъ и ратификаціонный заводъ казеннаго вѣдомства, направо пивоваренный заводъ Мошковой—первый построенъ 24 мая 1894 года, второй 27 марта 1886 года. Является ли эта случайность—построеніе при вѣздѣ въ городъ съ зауральной стороны двухъ такихъ учрежденій—эмблемою для города, не знаемъ, но что городъ придерживается въ общемъ въ сильной степени завѣта, дарованнаго намъ святымъ и равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ иѣтъ никакого сомнѣнія. Пить въ Оренбургѣ и умѣютъ и пьютъ такъ, какъ мало пьютъ на Руси.

Слѣдуя дальше по Дѣвской площади мы встречаемся съ скверикомъ, носящимъ названіе ученическимъ и разбитымъ по постановленію думы отъ 11 мая 1900 года. Этимъ скверикомъ положены на начала праздникамъ древонасажденія, которые съ 1900 года регулярно производятся городскимъ самоуправленіемъ, ассигнующимъ на нихъ ежегодно опредѣленную сумму, при помощи учениковъ и ученицъ городскихъ начальныхъ училищъ. За скверикомъ возвышается небольшая изъ краснаго кирпича, довольно ординарной архитектуры единовѣрческая церковь. 17 января 1884 года дума уступила мѣсто подѣ единовѣрческой молитвенный домъ въ размѣрѣ 600 квадратныхъ

сажень*) 2 декабря того же года было произведено освященіе деревяннаго храма во имя Знаменія Пресвятой Богородицы, построеннаго главнымъ образомъ трудами братьевъ Шибаевыхъ и другихъ старообрядцевъ, присоединившихся къ единовѣрію. Въ срединѣ 90-хъ годовъ храмъ этотъ былъ перестроенъ въ каменный. По лѣвой сторонѣ сквера и единовѣрческаго храма идетъ линія домовъ, извѣстная подъ названіемъ „Дѣевской“, здѣсь живутъ наслѣдники когда то извѣстнѣйшей не только въ Оренбургѣ, но и во всей киргизской степи фамиліи Дѣевыхъ. Родоначальникъ этой фамиліи Степанъ Дѣевъ былъ городскимъ головою и велъ громадную торговлю со степью. Благодаря гг Дѣевымъ въ старой слободкѣ была устроена Покровская церковь, далѣе на пожертвованный ими капиталъ содержится городомъ Дѣевская богадѣльня для мужчинъ, много денегъ пожертвовали Дѣевы и на учебныя заведенія города. И рядомъ съ этой официальной стороною ихъ жизни упорно держится среди обывателей города легенда, связывающая ихъ имя съ именемъ Зайчиковыхъ, довольно богатыхъ купцовъ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, затѣмъ безслѣдно исчезнувшихъ изъ Оренбурга. На планѣ 1848 года гор. Оренбурга на мѣстѣ нынѣшняго вокзала и красныхъ амбаровъ указанъ хуторъ купца Зайчикова.

Дѣевская площадь заканчивается собственно воротами у единовѣрческой площади, далѣе площадь поворачиваетъ круто направо и извѣстна подъ названіемъ Чернорѣченской. Названіе она получила въ воспоминаніе, что черезъ нее когда то лежала прямая дорога на казачій поселокъ Чернорѣчье, почему и ворота крѣпостнаго вала, около сохранившихся и до сего времени провіантскихъ магазиновъ назывались Чернорѣченскими. На эту площадь изавна пріѣзжали изъ окрестныхъ деревень крестьяне для продажи хлѣба. 31 марта 1837 года Оренбургская шестигласная дума**) имѣла сужденіе, что какъ до свѣдѣ-

*) Оренб. Лист. 1884 12 13. 49 50. 52.

**) Журналы Оренб. думы за 1837 г. 1-я половина.

нія думы дошло, что въ предмѣстїи города Оренбурга близь Чернорѣченскаго выѣзда, гдѣ располагается въ лѣтнее время хлѣбный базаръ, устраивается вновь оставшимъ солдатомъ Шваймаковымъ деревянный амбаръ для ссыпки хлѣба безъ разрѣшенія думы, то и просить полицію, чтобы этого амбара не было устраиваемо. Въ срединѣ 60-хъ годовъ генераль-губернаторъ Безакъ какъ то заѣхалъ во внутрь гостиннаго двора и заодно посѣтилъ и главную рыночную площадь—здѣсь была въ разгарѣ торговля сырьемъ. Цѣлыя груды кожъ валялись на открытомъ воздухѣ. Генераль Безакъ не могъ не обратить вниманія на указанный беспорядокъ, и обратился къ думѣ съ предложеніемъ перенести сырейный базаръ на другое, болѣе удобное мѣсто. Между прочими мотивами переноса генераль-губернаторъ указывать и на опасность торговли сырыми кожами среди города—возможность зараженія сибирской язвою. Въ это время дума начала подумывать объ улучшеніи и гостиннаго двора и главно-рыночной площади и рѣшила торговлю сырьемъ сосредоточить на Чернорѣченской площади—здѣсь онъ и еуществовалъ безъ всякихъ помѣхъ и безъ какихъ либо правилъ. 8 января 1885 года дума постановила построить на Чернорѣченской площади заборъ или вѣчнѣе плетень, назвать окруженное имъ мѣсто сырейнымъ базаромъ, назначить особаго комиссара для наблюденія за сохранностью кожъ и за сборомъ платы за храненіе. Согласно постановленіямъ думы отъ 14 февраля и 18 апрѣля того же года комиссару было назначено 20 процентовъ съ собранной имъ платы за храненіе и была выстроена караулка. Въ слѣдующіе два года дума, отмѣнивъ свое постановленіе о назначеніи для сбора городского комиссара, едавала сырейный базаръ съ торговъ, плата, получаемая на торгахъ, не превышала 700 руб. въ годъ. Въ концѣ 80-хъ годовъ чума на скотъ особенно усилилась, какъ въ Оренбургской губерніи, такъ и въ гор. Оренбургѣ, Это обстоятельство заставило обратить вниманіе на санитарно-ветеринарныя мѣры и весьма понятно, что присутствіе въ центрѣ города, на Чернорѣ-

ченской площади, городского сырейнаго базара было признано недопустимымъ 23 іюня 1893 года дума отвела для сырейнаго базара и сушки кожъ мѣстность за полотномъ желѣзной дороги, гдѣ сушка кожъ существуетъ и по сіе время, хотя Ташкентская желѣзная дорога, устройвъ рядомъ съ сушкою кожъ свои главные мастерскія, возбуждала вопросъ о необходимости переноса сушки кожъ на другое мѣсто, такъ какъ здоровье живущихъ и работающихъ въ мастерскихъ подвергается опасности отъ зараженія сибирскою язвою. Но удовлетворить претензію и далеко неосновательную Ташкентской желѣзной дороги для города болѣе чѣмъ затруднительно, по неимѣнію подходящаго мѣста для сушки кожъ. Ветеринарный надзоръ на ней организованъ довольно тщательно—на самой сушкѣ постоянно находится ветеринарный фельдшеръ и кромѣ того она состоитъ подъ надзоромъ городского ветеринарнаго врача. Сушка кожъ является сравнительно значительной статьею городского бюджета (ст. 82 доходной смѣты)—сборъ за храненіе за трехлѣтіе 1902--1904 г. равнялся:

въ 1902 г. . . .	7921 р. 29 к.
въ 1903 г. . . .	9784 р. 62 к.
въ 1904 г. . . .	9783 р. 92 к.

Послѣ пожара 1879 года на эту площадь (постановленіе думы 22 іюня 1879 г.) была перенесена часть мясныхъ лавокъ съ Сакмарской площади; затѣмъ здѣсь же сосредоточена торговля желѣзомъ. Въ 1896 году (постановленіе 11 іюля) на эту площадь перенесли и часть торговли хлѣбомъ, но въ 1902 г. дума постановила очистить эту площадь отъ хлѣбныхъ амбаровъ. Въ настоящее время на нее перенесенъ съ главнорыночной площади рыбный базаръ, существуетъ, согласно постановленію думы 11 мая 1878 г. торговля пухомъ, кошмами, и сконцентрированы наемъ чернорабочихъ, для чего и построены городомъ родъ повильона для ожиданія работъ. Вообще эта площадь довольно оживленна, на ней бываетъ много народа, но забота о санитарномъ состояніи пло-

щади и въ настоящее время очень мала, и возникла сравнительно недавно---всего лишь въ 1887 г., когда согласно постановленія думы на 20 августа рѣшено было устроить на площади общественный ретирадъ.

Чернорѣченская площадь непосредственно переходитъ въ хлѣбно-соляную, на лѣвой линіи которой возвышается каменное зданіе 3 й пожарной части. Зданіе это построено согласно постановленію думы на 23 января 1875 г. подрядчикомъ Лозинскимъ за 38764 руб. Принято зданіе въ вѣдѣніе города 3 ноября 1877 г. Напротивъ третьей пожарной части, по другой сторонѣ площади возвышается двухъэтажный домъ бывшій купца С. Иванова—въ немъ сконцентрированы благотворительныя заведенія, содержаціяся на капиталъ, оставленный по завѣщанію купцомъ С. Ивановымъ и его женою М. Ивановой—здѣсь находится домовая церковь, богадѣльня для женщинъ привлегированныхъ сословіи и двухклассная церковно-приходская школа для дѣвочекъ.

Хлѣбно-соляная площадь, представляющая изъ себя центръ торговли города Оренбурга, являлась съиздавна предметомъ заботъ городской думы. Неоднократно дума выбирала комиссіи для лучшей распланировки этой площади. Первая комиссія была собрана 15 января 1875 года, она разбила всю площадь на 26 кварталовъ съ обширною площадкою посреди 20 кварталовъ ближе къ Чернорѣченской площади, каждый по 8 лавокъ, предназначались для торговли хлѣбомъ, 6 кварталовъ съ 48 лавками ближе къ госпитальной площади подъ торговлю солью. Мѣста эти рѣшено было сдать съ торговъ, причемъ купившіе ихъ должны были выстроить лавки по выработаннымъ думою фасадамъ. Торговцы выстроили лавки, хотя и не сразу хотѣли подчиняться требованію соблюденія фасадовъ. Первое время лавки были сданы за 7947 р. 66 коп. на 5 лѣтъ, но въ 1881 году торговцы возбудили ходатайство не назначать торговъ, а сдѣлать 10 процентовъ надбавки. Дума, конечно, согласилась. Въ 1885 году было новое распланированіе площади,

причемъ торговля солью была переведена на госпитальную площадь, гдѣ она и оставалась до пожара 1888 года, послѣ котораго было постановлено госпитальную площадь не застраивать, а торговлю солью вернуть на старое мѣсто. Въ 1885 году арендная плата за хлѣбный базаръ достигла до 10812 руб. 17 к., а за 52 лавки для торговли солью платили 3796 р. 1 к. Въ настоящее время за мѣста подъ лавки для торговли хлѣбомъ (144 мѣста) получается 6827 р. 71 к., и за 16 лавокъ съ солью 901 руб. 82 коп.

Посреди площади возвышаются примитивные городскіе вѣсы, подъ вѣтхимъ деревяннымъ навѣсомъ—смотря на эти вѣсы, конечно, можно лишь высказать сожалѣніе о городской халатности. Въ то время, какъ существуютъ вполнѣ усовершенствованные десятичные вѣсы, городъ съ 100 т. жителей, съ хлѣбными базарами, достигающими до 6 т. воевъ, пользуется тѣми же несовершенными вѣсами, какими оно пользовалось чуть ли не сто лѣтъ тому назадъ. Въ прежнее время, въ 30—40 годахъ прошлаго столѣтія городскіе вѣсы составляли чуть ли не самую главную статью городского бюджета, они сдавались съ торговъ на трехлѣтіе и цѣна на нихъ никогда не упала ниже 700 р въ годъ. Арендаторъ вѣсовъ должечь былъ взвѣшивать продукты по особой таксѣ, составляемой городомъ и утверждаемой губернаторомъ. Съ 1 іюля 1832 года было приказано таксу вывѣсить около вѣсовъ на черной доскѣ бѣлыми литерами. Въ 1827 году такса на взвѣшиваніе была слѣдующая (съ пуда взвѣшиваемаго продукта): *)

медь	2 ¹ / ₂ к.	говядина, свин., рыба	1 ¹ / ₂ к.
коровье масло	2 ¹ / ₂ к.	хлѣбъ	1 к.
конопля	2 к.	бумага хивинская	2 ¹ / ₂ к.
орѣхи	1 ¹ / ₂ к.	сало	1 ¹ / ₂ к.
нефть	5 к.	мѣдь	5 к.
табакъ и желѣзо	2 к.	соль	1 к.
чугунъ	2 ¹ / ₂ к.	прочіе товары	2 ¹ / ₂ к.

*) Журналъ город. думы за 1827 г. первая половина.

Сдача городскихъ вѣсовъ съ торговъ порождала постоянныя жалобы арендаторовъ на остальныхъ обывателей, которые устраивали у своихъ домовъ вѣсы и взвѣшивали, конечно, гораздо дешевле не платя акциза. Городская дума дѣлала опредѣленія, запрещающія обывателю взвѣшивать продукты, устраивать вѣсы, послѣднее такое опредѣленіе относится къ 16 августа 1885 года

Заботы думы о порядкѣ на хлѣбномъ базарѣ, первое время заключались въ томъ, что дума предлагала торговцамъ избирать изъ своей среды старостъ (16 Іюля 1882 г.), базарныхъ смотрителей (7 августа 1886 г.) составляло для нихъ инструкціи (13 ноября 1886 г.) и снова упраздняло созданные его должности (27 октября 1888 г.) и наконецъ завела постоянного члена торговой полиціи для наблюденія за хлѣбной торговлею (27 августа 1898 г.). Въ смыслѣ же урегулированія цѣнъ дума интересовалась только вопросомъ о перекупщикахъ, для огражденія обывателя отъ нихъ издавались обязательныя постановленія, въ большинствѣ случаевъ недостигающія цѣли. 13 января 1883 года дума даже отвела для перекупщиковъ особое мѣсто—но эта мѣра осталась вполнѣ мертворожденною. Въ настоящее время въ Оренбургѣ функционируетъ биржа, которая и должна заяться вопросомъ о регулированіи хлѣбной торговли, которая еще производится по старинкѣ.

Относительно госпитальной площади у думы все время была тенденція оставлять эту площадь свободной. Оренбургскій генераль-губернаторъ Н. А. Крыжановскій дважды настаивалъ послѣ пожара 1879 г. разбить эту площадь на кварталы для заселенія, но дума дважды отвергала это предложеніе

Въ 1885 году правда былъ перенесенъ на эту площадь соляной базаръ, однако онъ профункционировалъ всего лишь 3 года. Наконецъ въ самое послѣднее время городомъ построено на углу этой площади, противъ самаго госпиталя, первое зданіе городского начальнаго училища, о которомъ довольно подробно мы нижеговоримъ же.

Конно-сѣнная площадь можетъ быть названа по справедливости брюхомъ Оренбурга. Прежде роль конно-сѣнной площади исполняла Сакмарская площадь, на которой до пожара 1879 года и помѣщался сѣстной и привозный базары. Состояніе этой площади было всегда въ смыслѣ санитарномъ болѣе, чѣмъ плачевное. Приведемъ описаніе того времени*). «Она представляла изъ себя болотистыя топи, никогда не просыхавшія и наполнявшія воздухъ невыносимымъ смрадомъ. Преслѣдуемые за продажу испорченныхъ продуктовъ торговцы вѣчно ссылались на то, что у нихъ плохіе погреба, что лёдъ въ нихъ быстро пропадаетъ, устраивать же лучшіе погреба они не рѣшались въ ожиданіи постройки каменныхъ лавокъ». Такъ описываетъ базаръ врачъ Лонткевичъ. Первый разъ о переносѣ базара съ Сакмарской площади на конно-сѣнную рѣчь зашла въ думскомъ засѣданіи 9 августа 1876 года, когда особая думская коммиссія представила свои соображенія о распланировкѣ конно-сѣнной площади **). Коммиссія полагала, что грязи на этой площади быть не можетъ, такъ какъ эта площадь ровная и для стока воды имѣетъ хорошій скатъ. Коммиссія предположила: 32 мясныя лавки съ галлереями и ледниками расположить противъ Ливановскаго и Кадошниковскаго кварталовъ двумя корпусами двойныхъ лавокъ. Параллельно мяснымъ лавкамъ въ 10 саженьяхъ отъ нихъ помѣстить 32 бакалейныхъ и мелочныхъ лавокъ тоже двумя кварталами. Пряничныя и горшечныя лавочки построить въ 9 саженьяхъ отъ бакалейныхъ противъ Тяшкинскаго квартала. Калачныя лавки расположить особою группою въ десяти саженьяхъ отъ этихъ. Противъ восточной оконечности калачныхъ рядовъ въ 10 саженьяхъ отъ нихъ размѣстить складъ арбузовъ въ 8 рядовъ съ проѣздами. Противъ горшечныхъ и пряничныхъ рядовъ съ той же стороны, гдѣ склады арбузовъ, въ линію съ послѣдними построить желѣзные ряды, также 8 кварталами. Птичьи лавочки 8 кварталами

*) «Оренб. Лист.» 1882 г. № 22.

**) Думскіе журналы за 1876 г.

противъ бакалейныхъ въ одну линію съ желѣзными. Столики для торговли мясомъ и чаны съ солониной установить противъ мясныхъ лавокъ въ линію съ птичьими. Складъ и привозъ угля помѣстить около юго-западной оконечности магометанскаго кладбища; привозъ арбузовъ и лука противъ склада арбузовъ и желѣзныхъ рядовъ съ восточной стороны; привозъ дровъ и кизяка въ линію съ привозомъ арбузовъ и лука противъ птичьихъ рядовъ. Рождественскій привозъ противъ кварталовъ Шмикина и Мякутина двумя проганами Мѣсто для пригона скота между Щербак-овскимъ кварталомъ и Артиллерійскою пороховою лавочкою. Привозъ сѣна отодвинуть къ кладбищу

Дума выслушала этотъ докладъ, высказала глубокую благодарность комиссіи, постановила докладъ отпечатать, но все оставила по прежнему, пока не произошелъ пожаръ 1879 года, и въ засѣданіи 26-го апрѣля сдѣлала слѣдующее постановление: для размѣщенія торговцевъ легтемъ поручить управѣ осмотрѣть въ натурѣ мѣстность, лежащую вправо отъ новой Сакмарской дороги, и, если таковая будетъ признапа удовлетворяющей условіямъ удобства и безопасности, разрѣшить дегтярникамъ занять эту мѣстность, но съ тѣмъ однако же, чтобы 1) дегтярный рядъ отстоялъ отъ городскихъ построекъ и мельницъ не ближе 150 сажень; 2) площади угольную, сѣнную и щепную размѣстить такимъ образомъ: для торговли съ возовъ сѣномъ оставить старое мѣсто, отодвинувъ базаръ нѣсколько ближе къ кладбищу, для складовъ сѣна отвести мѣстность, занимаемую до пожара щепнымъ и угольными базарами, а сіи послѣдніе размѣстить между Сакмарскою и Каргалинскою дорогою въ разстояніи 150 сажень отъ города; 3) мясной, птичный, бакалейный рядъ и привозъ снести съ Сакмарской на сѣнную площадь.

Этимъ постановленіемъ было санкціонировано устройство конно сѣнной площади.

Культурность населенія въ громадной степени характеризуется состояніемъ рынка съѣстныхъ припасовъ. Обыкновенно, на эти рынки обращается гро-

малое вниманіе и они устраиваются согласно послѣднимъ требованіямъ гигиены и санитаріи. Посмотрѣвъ на оренбургскій рынокъ, можно безопибочно сказать, что по некультурности своей горель занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Громадная площадь не замощена—весною и осенью она непроходима отъ грязи—зимою—отъ сугробовъ снѣга, лѣтомъ—по ней гуляетъ вихрь, и пыль носится клубами. Маленькія деревянныя лавочки, походящія на балаганы, благодаря своимъ щелямъ, вполне доступны для пыли, которая безпрепятственно покрываетъ собою съѣстные продукты, принося съ собою различные міазмы и бактерии. Тутъ же на площади нѣсколько повыше—кладбище и подпочвенная вода легко проникаетъ въ погреба съ мясомъ, рыбою, птицею; навѣо отъ базара—обширный загонъ для коннаго базара, навозъ лежитъ кучами, высыхаетъ на солнцѣ и разносится вѣтромъ. Большинство мелочныхъ торговкоъ съ своими продуктами располагается прямо на землѣ, подкладывая какія-то грязныя тряпицы, и такъ торгуютъ хлѣбомъ и зеленью. Массы бродячихъ собакъ толпятся около мясныхъ лавокъ, и если торговецъ зазѣвается, то дѣлаютъ покушенія на висящія у дверей мясныя туши. Солониною торгуютъ изъ громадныхъ открытыхъ чановъ, расположенныхъ прямо на землѣ; плоды, конечно, также покоятся на землѣ, слегка прикрытые грязноватою соломкою.

Человѣкъ, хоть слегка привыкшій къ культурѣ, побывавъ на оренбургскомъ съѣстномъ базарѣ и посмотрѣвъ, какъ и кто торгуетъ продуктами, на долгое время лишится аппетита, ну а коренные оренбуржцы такъ привыкли къ дефектамъ своего съѣстного рынка, что не обращаютъ на нихъ никакого вниманія. Положимъ, издаются различныя постановленія по санитарной части, существуетъ фиктивный санитарный надзоръ, но все это больше на бумагѣ и, конечно, не возможно для выполненія. Санитарныя постановленія требуютъ содержать лавки въ чистотѣ, но вѣдѣствіе архитектуры лавокъ это требованіе буквально не выполнимо; санитарный надзоръ возложенъ на одного

санитарнаго врача, который имѣеть столько обязанностей, что при всемъ желаніи, при всей аккуратности, можетъ посѣщать базаръ не болѣе раза въ недѣлю: городской комиссаръ, надзирающій постоянно за базаромъ, обыкновенно, малограмотенъ и получаетъ такіе гроши за свою, дѣйствительно, тяжелую работу, что требовать отъ него надзора и добросовѣстности прямо таки невозможно.

Тотъ же дефектъ городского хозяйства, который есть, будетъ и долженъ быть, пока не переменится кореннымъ образомъ самое веденіе хозяйства, пока въ веденіи его не будутъ заинтересованы, дѣйствительно, всѣ горожане города.

На съѣстной рынокъ у насъ все еще смотрять со стороны фискальной, онъ является значительной доходной статьею и улучшенія, если и дѣлаются, то исключительно для увеличенія фиска. Мы додумались однажды до того, что обложили привозную торговлю сборомъ въ 85 коп. въ день или 25 руб. въ мѣсяцъ (думское постановленіе 3 декабря 1887 года). Понятно, что это постановленіе, какъ противорѣчащее закону, было отмѣнено, но оно характерно и подтверждаетъ высказанную нами выше мысль,—и, скоро ли наступитъ то время, когда появится сознаніе что дѣло снабженія населенія здоровою пищею съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ гігіены и санитаріи есть одна изъ первыхъ и священнѣйшихъ обязанностей города трудно сказать.

Торговля мясомъ въ настоящее время, какъ уже мы и сказали, сосредоточена на конно-сѣнной площади и Чернорѣченской, а также раскидана по городу въ лавочкахъ при домахъ; послѣднія долгое время оставались безъ надзора и только 27 августа 1898 г. было издано обязательное постановленіе объ этой торговлѣ. Въ старое доброе время торговля мясомъ была въ мясныхъ балаганахъ, помѣщавшихся по дорогѣ къ Мѣновому двору. Долгое время эти балаганы стояли, торговали и никто на нихъ не обращалъ вниманія, но въ 1840 году о нихъ зашла рѣчь, обратились въ городскую думу съ запросомъ, чьи это

балаганы—дума отозвалась настолько невѣдѣніемъ, что даже не знала, на чьей землѣ построены, кто владеетъ этими балаганами; въ концѣ концовъ все-таки выяснилось, что земля принадлежитъ пограничной комиссіи, въ доходъ которой и долженъ поступать сборъ за лавки и за право битья скотины; въ 1840 году дума впервые собрала сборъ въ 630 руб. и оказалось, что торгуютъ слѣдующія лица: *)

1) Николай Семеновъ	въ двухъ балаганахъ.
2) Андрей Дюковъ	» » »
3) Иванъ Путоловъ	» » »
4) Михаилъ Дѣевъ	» » »
5) Шангарей Дивишевъ	» » »
6) Панфиловъ	» одномъ »
7) Яковъ Оглодковъ	» » »
8) Иванъ Кривцовъ	» » »
9) Алексѣй Путоловъ	» » »
10) Дарья Лебедева	» » »
11) Павелъ Баныкинъ	» » »
12) Яковъ Труевъ	» » »
13) Сафаръ Абдремановъ	» » »
14) Гибедул. Мукшиновъ	» » »
15) Акалаевъ	» » »

Изъ 15 лицъ-- пятеро вело торговлю въ двухъ балаганахъ, остальные въ одномъ, изъ нихъ 4 было татаръ, а остальные одиннадцать—русскіе.

Очевидно, мѣры, принятыя противъ мясоторговцевъ, побудили ихъ на стачку—какъ принято называть по нынѣшнимъ временамъ,—почему въ журналѣ думы отъ 19 ноября 1840 года читаемъ: сего числа г. Оренбургскій полицеймейстеръ, вошедъ въ присутствіе Оренбургской городской думы, предъявилъ, что здѣшніе мясники просятъ его нынѣ объ освидѣтельствovanіи рогатаго скота для гуртового колотья по наступившему холодному времени всего вдругъ, сколько кто изъ нихъ имѣетъ, а какъ это гуртовое колотье влечетъ за собою неудобство, ибо мясники эти, зако-

*) Дум. жур. 1840 г.

ловъ всю рогатую скотину въ одно теперешнее время, оставлять гражданъ цѣлую зиму безъ свѣжей говядины, продавая всегда старую, отъ времени обвѣтренную, а потому просить сдѣлать распоряженіе объ обязаніи подписками всѣхъ этихъ мясниковъ съ тѣмъ, чтобы въ продолженіи зимы непремѣнно была у нихъ свѣжая говядина, по очереди, по крайней мѣрѣ хотя для первоклассныхъ особъ города Оренбурга, въ противномъ случаѣ онъ, полицеймейстеръ, не рѣшитъ нынѣ дозволить заклоть имъ всю рогатую скотину; приказали: находя настоящее г. полицеймейстера совершенно правильнымъ, а потому вызвать въ присутствіе думы всѣхъ мясниковъ, обязать ихъ подписками, дабы они непремѣнно во все продолженіе зимы имѣли по очереди всегда свѣжую, наканунѣ битую скотину и увѣдомить полицеймейстера съ посылкою ему повѣстокъ“.

Мы позволили себѣ выписать этотъ документъ цѣликомъ, такъ какъ находимъ его очень характерною иллюстраціей для того времени. Полицеймейстеръ заботиться о томъ, чтобы „хотя первоклассныя особы города Оренбурга“ имѣли свѣжую говядину.

Въ настоящее время надзоръ за мясомъ возложенъ на особаго ветеринарнаго врача, для чего посреди конно-сѣнной площади выстроено помѣщеніе для микроскопической станціи которая существуетъ съ 11 декабря 1894 года. На этой станціи происходитъ осмотръ мясныхъ тушъ, привозимыхъ не съ городской бойни, а также осмотръ свиныхъ окороковъ и вообще свинины для браковки зараженной финномъ и трихиной. Кроме того на микроскопической станціи до послѣдняго времени былъ сосредоточенъ и сборъ съ конной площади, за право продажи лошадей. Означенный сборъ имѣетъ свою довольно продолжительную исторію. Первый разъ разговоръ о немъ возникъ въ 1877 году, когда управа предлагала городу назначить сборъ съ лошадей и привела слѣдующія данныя по торговлѣ лошадьми на конной площади:

въ 1867 г.	продано лошадей	2168	на сумму	45128 р
въ 1868 „	„	3168	„	67150 р
въ 1869 „	„	2451	„	51470 р.
въ 1870 „	„	2632	„	55270 р.

Но дума не согласилась съ проектомъ управы. Вторично этотъ вопросъ возникъ 8 декабря 1883 года, когда управа полагала назначить за крупный скоть по 3 коп., за мелкій 1 коп. и отдать прощадь въ арендное содержаніе съ торговъ. Дума рѣшила передать этотъ вопросъ въ бюджетную комиссію, которая и похоронила вопросъ до 1885 года, когда 18 іюля 1885 года дума постановила установить мѣстовой сборъ съ торгующихъ на конной площади въ слѣдующемъ размѣрѣ: лошадь и верблюдъ—20 к., рогатый скоть—10 к., мелкій—1 к. и учредить должность сборщика съ вознагражденіемъ 15% съ собранной суммы; наконецъ, 17 декабря 1887 года былъ измѣненъ самый способъ взиманія—предложено было взимать средствами управы черезъ особыхъ комиссаровъ на постоянномъ жалованіи. За послѣднее время сборъ съ лошадей выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

въ 1902 г.	2191 р. 02 к.
въ 1903 г.	1851 р 13 к.
въ 1904 г.	2134 р. 88 к.

Вообще заботы о ветеринарномъ надзорѣ и нѣкоторое урегулированіе его начались съ конца 80 хъ годовъ—и, конечно, вѣдѣствіе непредвидѣннаго обстоятельства—чумной эпизоотіи. Послѣдняя была особенно сильна въ 1887 и въ 1896 г..

Въ 1888 году управою были приняты слѣдующія мѣры: 1) былъ прекращенъ выгонъ городского скота на 3 недѣли, 2) нанять особыя объѣздки для наблюденія за уборкой палой скотины, 3) принято было принудительное убиваніе зачумленной скотины съ платою за каждую голову не свыше 15 руб.

Въ 1896 году состоялось даже особое совѣщаніе ветеринарныхъ врачей, которое постановило: 1) про-извести поголовный осмотръ скога въ городѣ, 2) ве-

сти списки дворовъ, гдѣ находятся заболѣвшія животныя, 3) поручить скотъ постоянному надзору, разбивши городъ на два участка—первый, состоящій изъ 1 и 3 части, и второй изъ 2 и 4 й части города. Вообще же 1896 годъ богатъ мѣропріятіями по ветеринарному надзору: 23 мая городская дума назначила городскому ветеринарному врачу разъѣздныя деньги, вмѣнила въ обязанность городскимъ ветеринарамъ производить ежедневный осмотръ городскихъ табуновъ; далѣе для торговли скотомъ съ закрытіемъ ярмарки на мѣновомъ дворѣ съ 1 ноября по 1 іюня отвести мѣсто позади городской скотобойни; для помѣщенія сборщика и конторы пріобрѣсти находящееся тамъ помѣщеніе, принадлежащее г. Чистозвонovu, за пользованіе скотопрогоннымъ дворомъ взимать по 10 к. съ крупнаго и по 1 к. съ мелкаго, а за ночлегъ по 5 и 2 коп. Въ слѣдующемъ году былъ возбужденъ вопросъ о закрытіи складовъ кожи, находящихся внутри города, причемъ дума выразила большое желаніе закрыть складъ Хусаинова, находящійся въ 3-й части, но конечно, склады существуютъ и по сіе время.

Въ настоящее время ветеринарный надзоръ обходится городу въ 6318 рублей и состоитъ изъ слѣдующихъ учреждений: 1) микроскопической станціи подъ завѣдываніемъ ветеринарнаго врача, съ двумя ветеринарными фельдшерами, двумя пломбировщиками и микроскописткою, 2) скотскаго кладбища и собачьихъ ямъ—подъ наблюденіемъ постоянного ветеринарнаго фельдшера и съ постояннымъ возчикомъ труповъ палыхъ животныхъ, 3) коннаго базара и сушки кожъ подъ наблюденіемъ ветеринарнаго врача съ двумя ветеринарными фельдшерами. Кромѣ того самостоятельно функціонируютъ городскія бойни и ветеринарный надзоръ на мѣновомъ дворѣ во время ярмарки съ 1 іюня по 1 ноября.

На срединѣ между конной площадью и лѣснымъ базаромъ возвышается мечеть, мѣсто подъ которую въ размѣрѣ 1599 кв. саж отведено 25 января 1879 г.

За мечетью на той же площади былъ расположенъ ипподромъ съ 1891 года, за которымъ находит

ся лѣсной базаръ. Распланировка послѣдняго производилось въ 1891 и 1900 году, съ 4 ноября 1902 г. въ лѣтнее время на лѣсномъ базарѣ функционируетъ отдѣленіе пожарной части.

Конно-сѣнная площадь граничитъ съ женскимъ монастыремъ и городскими кладбищами.

Въ 1854 году 10 вдовъ и дѣвицъ по иниціативѣ вдовы казачки Татьяны Алексѣевны Кононовой основали общину *); въ 1859 году городское управление отвело землю, на которой Оренбургскій купецъ С. М. Дѣевъ выстроилъ зданіе, въ 1866 году послѣдовало официальное открытіе общины, постройка зданій и домовъ церкви св. Николая, церковь закончена постройкою въ 1867 году. Въ слѣдующемъ году начался строиться большой двухъэтажный каменный храмъ — который и былъ законченъ и освященъ въ 1875 году. 15 января 1874 года община была переименована въ Успенскій женскій монастырь. Цѣлое десятилѣтіе съ 1875 по 1885 годъ монастырь усиленно строился: возводились колокольни, церкви, хозяйственные постройки. Притокъ пожертвованій шелъ довольно успѣшно, и монастырь съ каждымъ годомъ богатѣлъ, въ 22 верстахъ отъ города у монастыря находится образцовое имѣніе съ большимъ хозяйствомъ. Въ монастырской оградѣ находится кладбище, гдѣ хоронятся и наиболѣе состоятельные лица города.

Женскій монастырь примыкаетъ къ городскому кладбищу **). Православное кладбище расположенное на восточной сторонѣ города, находится отъ казачьяго Форштадта менѣе чѣмъ на сто сажень и около самага рынка, на которомъ производится продажа продуктовъ первой необходимости, позади кладбища расположены артиллерійскіе погреба и лабораторія. Далѣе цѣпью подъ прямымъ угломъ тянутся и врѣзаются въ самый городъ инородческія кладбища — еврейское и магометанское, въ настоящее время закрытыя. Всѣ эти три кладбища расположены на господствующей

*) Оренб. Газета 1900 г. № 1000.

**) Оренб. Лист. 1881. № 37. 41. 1882. № 32 соотвѣтственные думскіе журналы.

въ городѣ мѣстности, со стокомъ воды въ сторону города и подѣ преобладающимъ здѣсь сѣверо-восточнымъ вѣтромъ. Безъ сомнѣнія, такое мѣстоположеніе кладбищъ не можетъ не отзываться вредомъ на здоровьѣ обывателей. Вѣшнія дождевыя воды и другіе атмосферныя осадки, омывая кладбище, выщелачивая могильныя ямы, стремятся потоками въ городъ и проникаютъ по улицамъ его до Ваннаго протока и Мошкова оврага.

О неудобствѣ и близости къ городу кладбища рѣчь идетъ съ незапамятныхъ временъ; еще въ 1862 г. думали перенести кладбище на новое мѣсто, въ 1864 г. даже назначили новое мѣсто—но кладбище оставалось тамъ же гдѣ оно было, въ 1882 году опять поднялся этотъ вопросъ и также безрезультатно, какъ и въ 1897 году. Все нововведеніе, которое сдѣлано, заключается въ томъ, что кладбище разбито на двѣ части, ближе къ церкви названо старымъ кладбищемъ и оно закрыто, разрѣшется хоронить только тѣмъ лицамъ, у которыхъ имѣются мѣста, огороженныя оградами—и восточная часть кладбища—новое кладбище—которое ежегодно увеличивается къ востоку новыми и новыми прирѣзками земли. Дума неоднократно выбирала особую комиссію по вопросу о регулированіи кладбища, объ устройствѣ его, приведеніи въ порядокъ и о постоянномъ наблюденіи за нимъ. Но всѣ эти комиссіи, всѣ кладбищенскіе комитеты обыкновенно бездѣйствовали и Оренбургское кладбище постоянно находится въ хаотическомъ состояніи. Странное дѣло—мы считаемся православными христіанами, народомъ глубоко религіознымъ и едва ли у кого нибудь, кромѣ, конечно, дикихъ племенъ, существуетъ такая малая, если не сказать больше, забота о кладбищѣ. Полуразрушенныя ограды, сломанные кресты, заброшенные памятники, могилы, поросшіе бурьяномъ и крапивою—вотъ видъ російскихъ кладбищъ—мѣсто вѣчнаго покоя преждежившихъ. Могилы роются какъ попало, порожекъ не дѣлается, деревья насажаются—и кладбище производитъ глубоко-печальный видъ—нѣтъ уваженія къ памяти преждежившихъ, нѣтъ уваженія и

къ собственному достоинству. Очевидно, слишком короткою памятью мы обладаемъ

Огносительно кладбища у насъ возникъ довольно любопытный конфликтъ между городскимъ управленіемъ и епархіальною властью. Последняя хотѣла пользоваться кладбищенскими доходами и неоднократно послѣдній разъ 24 января 1902 г., возбуждало вопросъ о передачѣ кладбища въ вѣдѣніе духовенства, обѣщая, конечно, болѣе исправное наблюденіе за кладбищемъ, чѣмъ у города. Кладбище хотѣли приписать къ собору, какъ не имѣющему прихода. Но городъ упорно отстаивалъ свои права на кладбище вопросъ доходилъ до св. синода — и права города подтверждались.

Между прочимъ на городскомъ кладбищѣ хоронятъ и казаки Форштадта — и опять таки городъ возбуждалъ и возбуждается цѣлый рядъ ходатайствъ, чтобы Форштадтъ завелъ свое собственное кладбище — но эти ходатайства остаются гласомъ вопіющаго въ пустынь, хотя у Форштадта земли много, гораздо больше, чѣмъ у города, а ростъ городского кладбища очень значителенъ

Конно-сѣнная площадь переходитъ въ форштадскую, отдѣляющую городъ отъ форштадта. На этой площади помѣщаются Константиновскіе казармы, юнкерское училище, пороховой погребъ, резервуаръ городского водопровода, епархіальное училище, духовная семинарія, и на берегу Урала Марсово поле и Александровскія оборонительныя казармы. Около духовной семинаріи сохранился остатокъ городского вала.

Духовная семинарія *) громадное и красивое зданіе заключаетъ въ себѣ массу жилыхъ и другихъ помѣщеній свѣтлыхъ, высокихъ, снабжено всѣми приспособленіями по гигиенической части и огорожено каменною съ желѣзными рѣшетками оградой, которая заключаетъ въ себѣ площадь болѣе 8400 кв саж. земли на самомъ высокомъ и лучшемъ въ городѣ мѣстѣ.

*) Оренб. Листокъ 1883 № 29, 1884 № 34, 36 37,

Виды изъ оконъ зданія во всѣ стороны поразительно хороши. Изъ оконъ фасада развѣртывается панорама р. Урала, видны казачьи лѣса и луга, поднимаются холмы съ пашнями, съ бакчами; со стороны двора весь городъ лежитъ какъ будто на ладони. Половина дворового мѣста (почти двѣ десятины) отведено подъ садъ.

Въ 8-мъ пунктѣ синодальнаго указа объ открытіи оренбургской епархіи читаемъ: „учрежденіе въ г. Оренбургѣ семинаріи отложить до того времени, когда откроется въ ней настоятельная нужда и будутъ въ виду достаточные къ тому способы». Третій епископъ оренбургской епархіи Варлаамъ въ своемъ послѣднемъ отчетѣ объ оренбургской епархіи св. синоду за 1865 годъ высказался впервые о томъ, что епархія нуждается въ своей семинаріи. Мысль о необходимости духовной семинаріи окончательно созрѣла и начала осуществляться въ управленіе епархіей преосвященнымъ Митрофаномъ, который начиная съ 1869 года въ каждомъ годовомъ отчетѣ объ оренбургской епархіи настоятельно высказывалъ желаніе открыть въ Оренбургѣ семинарію. Не менѣе преосвященнаго Митрофана желалъ видѣть въ Оренбургѣ духовную семинарію оренбургскій генераль-губернаторъ Н. А. Крыжановскій. Онъ еще въ концѣ 1865 г. обращался официально къ оберъ-прокурору св. синода съ заявленіемъ, что въ виду затрудненій, встрѣчаемыхъ при замѣщеніи приходскихъ должностей для оренбургской епархіи необходима своя семинарія. Но отзывъ отъ оберъ-прокурора Крыжановскій не получалъ; подождавши, онъ снова обратился отъ 6 декабря 1869 года съ указаніемъ, что для Оренбурга своя духовная семинарія безъотлагательно. Сдѣлавши такое заявленіе, Крыжановскій распорядился о составленіи проекта для семинаріи. Оберъ-прокуроръ св. синода далъ отзывъ генералу Крыжановскому отъ 16 января 1870 года, что онъ выполнѣ раздѣляетъ желаніе генерал-губернатора относительно учрежденія семинаріи въ Оренбургѣ, но въ виду того, что на ея содержаніе

потребуется до 40 т. р., ежегодно, онъ находитъ, крайне обременительнымъ для духовно-учебнаго вѣдомства принять сполна содержаніе семинаріи въ Оренбургѣ на казенный счетъ. При этомъ оберъ-прокуроръ высказалъ мысль, не найдетъ ли оренбургское духовенство мѣстныхъ средствъ на платное содержаніе семинаріи, по крайней мѣрѣ до 25 т. р., въ годъ. Преосвященный Митрофанъ, узнавъ о такомъ отзывѣ, написалъ обширное возваніе ко всему духовенству, въ которомъ выяснилъ, насколько нужна семинарія для оренбургской епархіи, что св. синодъ затрудняется принять на себя полное содержаніе ея и что въ данномъ случаѣ хотя на половину должно помочь само духовенство епархіи и приглашалъ духовенство къ этому пожертвованію. Духовенство очень сочувственно отнеслось къ предложенію Митрофана и выяснило, что епархія можетъ доставлять на ежегодное содержаніе духовной семинаріи около 17 т. р., о чемъ преосвященный Митрофанъ и сообщилъ отъ 10 октября 1870 года генераль губернатору Крыжановскому. Послѣдній, будучи въ Петербургѣ, личнымъ ходатайствомъ успѣлъ поставить вопросъ объ учрежденіи семинаріи въ Оренбургѣ въ такое положеніе, что въ 1872 году послѣдовало распоряженіе св. синода о закрѣпленіи мѣста, предназначенаго подъ семинарію за духовнымъ вѣдомствомъ и составленіи проекта семинарскихъ зданий на 200 человекъ. Въ 1877 году, послѣ обычныхъ канцелярскихъ проволочекъ, была утверждена смѣта, въ 1878 году состоялись торги, причемъ подрядъ остался за извѣстнымъ въ городѣ Оренбургѣ подрядчикомъ А. Бѣловымъ за сумму 283334 р 10. По контракту Бѣловъ обязался выстроить семинарію къ 15 октября 1880 г., но жестокій пожаръ 1879 заставилъ измѣнить планы, такъ какъ по случаю этого пожара была исходатайствована отсрочка постройки на годъ и 26 августа 1884 года послѣдовало освященіе и открытіе семинаріи.

Напротивъ духовной семинаріи возвышается также обширное зданіе женскаго епархіальнаго училища

которое было открыто въ Оренбургѣ 3 сентября 1889 года *)

Наше описаніе предметей города Оренбурга закончено, теперь мы перейдемъ къ самому городу, причемъ предварительно приведемъ нѣсколько описаній этого города, въ хронологическомъ порядкѣ начиная съ описанія, оставленнаго П. И. Рычковымъ.

XXIX.

Мы считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о Петрѣ Ивановичѣ Рычковѣ, имя котораго нами уже нѣсколько разъ повторялось. Рычковъ одинъ изъ тѣхъ русскихъ людей, которые своєю дѣятельностью переросли окружающую дѣйствительность и работа которыхъ даже въ настоящее время вызываетъ удивленіе. Главнымъ образомъ очень трудно, почти невозможно объяснить и выяснить тѣ причины, которыя вліяли на дѣятельность этихъ людей. Въ самомъ дѣлѣ: вотъ П. И. Рычковъ—сынъ купца, съ молодыхъ лѣтъ начавшій работать почти исключительно по торговой части, постигъ мѣсто бухгалтера въ таможнѣ, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ попадаетъ въ Оренбургскую экспедицію. Здѣсь онъ дѣлается не только опытнымъ администраторомъ, но—что и странно—ученымъ: историкомъ, географомъ и до известной степени политико-экономомъ. И вотъ какъ самъ Рычковъ поясняетъ свою дѣятельность: «въ жизни человѣческой ничто такъ быстрого теченія не имѣетъ, какъ то время, которое при всегдашней своей перемѣнѣ все за собою влечетъ, а позади себя ничего болѣе не оставляетъ, какъ одну обнаженную память; но и сія, если не будетъ подкрѣплена писаніемъ, время отъ времени помрачается и приходитъ въ забвеніе... Наше настоящее время отъ того же источника происходитъ и къ той же вѣчности течетъ, какъ и прошедшее и мы, за онымъ непрестанно слѣдуя, къ такому предѣлу приближимся, отъ котораго наконецъ въ неизмѣримую пучину вѣчности зайдемъ и такъ удалимся, что и на-

*) Н. Чернавскій Оренб. Епархія и пр. вып. I стр. 237.

ше, то есть нынѣшнее время за древнее будутъ признавать. По словамъ Соломоновымъ: родъ минуетъ и родъ преходитъ, а земля во вѣки стоитъ. По симъ начальнымъ и основательнымъ причинамъ, яко же и отъ безчисленныхъ примѣровъ, можно съ довольнымъ доказательствомъ сказать что о новой нашей Оренбургской губерніи, ежели о ея началѣ и происхожденіяхъ не останется достовѣрнаго писанія, въ слѣдующихъ вѣкахъ такое же забвеніе или неосновательныя мнѣнія могутъ происходить, а особливо въ разсужденіи города Оренбурга, о которомъ со всякою несомнѣнною надеждою возможно сказать, что онъ современемъ знатнѣйшимъ городамъ не уступить и подастъ причину о началѣ его любопытствовать».

Итакъ, побудительнымъ импульсомъ къ дѣятельности быто для П. Рычкова желаніе сохранить для потомства вѣрныя свѣдѣнія о той мѣстности, въ которой Рычкову пришлось работать; Рычковъ подчеркиваетъ, что его работа будетъ не для его времени, онъ не ожидаетъ успѣха у современниковъ, онъ прямо говоритъ: «сіе о началѣ и состояніи Оренбургской губерніи извѣстіе понынѣ такъ еще общее есть, что нѣкоторые, удивлявъ, одно о томъ разсуждаютъ и говорятъ, яко бы въ немъ, какъ въ домогъ, настоящей потребности ни мало нѣтъ». И не смотря на такое общее мнѣніе Рычковъ всетаки продолжаетъ свою работу.

И что всего страннѣе — Рычковъ явился не исключеніемъ, наоборотъ, при началѣ нашей умственной дѣятельности появился сразу, какъ бы цѣлый кадръ работниковъ одного направленія съ Рычковымъ. Вотъ Иродіоновъ священникъ города Троицка издаетъ «Извѣстія историческія, географическія и политическія до города Троицка касающіяся» (1778), Засѣцкій собираетъ извѣстія о городѣ Вологдѣ (1780), прокуроръ верховной расправы Сергѣй Ларіоновъ описываетъ «Курское намѣстничество въ древнихъ и новыхъ разныхъ о немъ извѣстіяхъ» (1786), Зиновьевъ дѣлаетъ тоже о городѣ Казани (1788), Ильинскій выпускаетъ въ свѣтъ 6 частей описанія Пскова (1790), Архангелогородскій гражда-

нинъ Василій Крестининъ «начертаетъ» исторію города Холмогоръ. Словомъ, та же дѣятельность, которой посвятилъ себя Рычковъ, обнаруживается при началѣ нашей умственной жизни во многихъ углахъ и закоулкахъ нашей родины. Наконецъ, появляется Николай Новиковъ, который сознательно объединяетъ всѣхъ этихъ работниковъ, который ставитъ издательскую дѣятельность прямо на недостижимую высоту.

П что же въ результатѣ? — Въ результатѣ наступаетъ 19-й вѣкъ, труды предшествовавшихъ дѣятелей забываются; на смѣну имъ не являются другіе дѣятели; наука, принявшая при своемъ появленіи въ Россіи правильное направленіе, искажается, дѣлается достояніемъ слишкомъ ограниченного класса людей — и проходитъ болѣе ста лѣтъ, пока начинаютъ извлекать изъ архивовъ труды людей, пользоваться ими и лишь тогда, когда на западѣ появился новый методъ, новые взгляды. Оказывается на провѣрку, что то, что на западѣ открыто сравнительно недавно, такъ называемый «натуральный методъ изслѣдованія» предугадывался у насъ нашими предками и проводился ими въ жизни. Но потомки не могли воспользоваться плодами работы, считали ее за несостоящую вниманія

Такимъ образомъ дѣятельность Рычкова была не одинокою. Рычковъ явился однимъ изъ первыхъ работниковъ по изученію родной страны и надлежитъ отдать ему справедливость отъ Рычкова критическаго отношенія, онъ не могъ подвергать свою работу онъ производилъ чрезвычайно добросовѣстно, стремясь сообщать или только тѣ факты, очевидцемъ которыхъ онъ былъ самъ, или которые онъ могъ провѣрить по документамъ. Конечно, нельзя требовать документовъ анализу, не могъ отдѣлать общаго отъ частнаго и дать не только пересказъ событій но и полную картину жизни. Для послѣдняго еще не наступило время. И поэтому всѣ тѣ труды Рычкова, въ которыхъ онъ пытался обосновать извѣстныя положенія, не выдерживаютъ на нашъ современный взглядъ критики — но смотря на работы Рычкова, какъ на матеріалъ, какъ на первоисточникъ мы должны признать за ними громадное значеніе.

Безъ нихъ мы не имѣли бы такихъ полныхъ и точныхъ свѣдѣній о началѣ существованія города Оренбурга, тѣмъ болѣе, что большинство актовъ и документовъ того времени пропали безвозвратно *).

Отъ невольнаго и необходимаго отступленія переходимъ къ дальнѣйшему изложенію, а именно къ описанію города Оренбурга, оставленному намъ П. И. Рычковымъ **): «для въѣзда и выѣзда имѣется четверо воротъ, называемыхъ: первыя Сакмарскія, потому что стоятъ къ сторонѣ Сакмары рѣки, прямо отъ губернской канцеляріи по большой губернской улицѣ; другія Орскія для того, что сквозь ихъ лежитъ дорога въ Орскую крѣпость; третьи Яицкія къ рѣкѣ Яику; четвертыя Самарскія (Чернорѣченскія) посему, что на Самарскую дистанцію и къ городу Самарѣ зимняя дорога туда лежитъ Домовъ всякаго званія людей, а по большей части служивыхъ, воинскихъ и статскихъ чиновъ внутри и внѣ города построенныхъ, по перенеси по нынѣшній 1760 годъ (кромѣ помѣщающихся за городомъ землянокъ) 2866. Знатныя улицы внутри города именуются: первая Губернская, потомъ Орская, Яицкая, Пензенская, Самарская, Гостинная, Петропавловская. Троицкая, Воскресенская, Посадская, Садовая, Нижняя. Комисская, Преображенская, Успенская, Артиллерійская, Уфимская и Николаевская».

Ворота въ городѣ сохранились, конечно, вплоть до уничтоженія крѣпости и крѣпостного вала. Въ послѣдующее время Самарскія ворота получили названіе Чернорѣченскія, Яицкія—Водяныя и помѣщались они первыя около нынѣшней Чернорѣченской площади, вторыя по Водяной улицѣ. Городской валъ шелъ приблизительно по Безаковской улицѣ. Сакмарскія ворота были близъ нынѣшняго окружнаго суда, Орскія около казачьяго штаба

Современному жителю города Оренбурга про бывшія когда-то крѣпостныя ворота должна напомнить

) О П. И. Рычковѣ смотри извѣстную монографію Некарскаго и нѣсколько статей Р. Игнатьева.

**) Топографія Рычкова стр. 245.

калитка, находящаяся въ настоящее время напротивъ дома казенной палаты, на берегу рѣки Урала при спускѣ къ живому мостику. По всей вѣроятности многіе изъ жителей Оренбурга смотрѣли съ ужасомъ на архитектуру этой калитки и задавали себѣ вопросъ, да почему же не уберутъ этихъ уродливыхъ статуй съ отбитыми носами? А между тѣмъ эти статуи заслуживаютъ большого вниманія со стороны оренбуржца— позволимъ себѣ напомнить ихъ исторію *).

Въ 1755 году прекратился благодаря энергическимъ мѣрамъ бунтъ, начатый башкирцемъ Алаевымъ. По окончаніи бунта Неплюевъ отправилъ въ Петербургъ своего сына Николая Ивановича съ изложеньемъ всего хода дѣла во время бунта. Императрица Елизавета Петровна, выслушавъ отъ Неплюева докладъ лично, во время аудиенціи, между прочимъ, пожелала, чтобы въ Оренбургѣ выстроены были лицомъ на киргизъ-кайсацкую степь каменные ворота съ арматурою въ видѣ своего Высочайшаго подарка Ивану Ивановичу Неплюеву и городу Оренбургу. И вотъ благодаря этой то Высочайшей волѣ, Неплюевъ и распорядился построить въ Оренбургѣ въ 1755 году каменные ворота, поставить ихъ на воляныхъ воротахъ городского вала лицомъ на киргизъ-кайсацкую степь или къ мѣновому двору. Потомъ ворота эти были перенесены на Сакмарскія ворота и наконецъ попали они на свое настоящее мѣсто. Ворота эти каменные, шести аршинъ ширины, трехъ съ половиною высоты, боковыя столбы сложены изъ кирпича и штукатурены, перекладина надъ воротами деревянная, сверхъ воротъ на перекладинѣ, между маленькими, четырехскатными крышами надъ столбами, утвержденъ ребромъ плоскій бѣлый камень, на коемъ высѣчены арматурныя украшенія, состоящія изъ знаменъ съ древками, ружей, ефкиръ, ядръ, барабановъ, сигнальныхъ рожковъ, заднихъ частей орудій, которые окружаютъ государственный гербъ. Въ срединѣ герба снизу поставлены переплетенные инициалы

*) «Оренб. Листъ» 1890 г. № 34

И. Р. Е. и подъ ними годъ 1755 Инициалы означаютъ Императрица Россійская Елизавета. Кромѣ этихъ украшеній, въ углубленіяхъ—нишахъ столбовъ съ лицевой стороны поставлены два ангела держащихъ по щиту, копью и пальмовой вѣтви. Ангелы высѣчены изъ бѣлаго камня и скорѣе похожи на каменные бабы, находямыя въ степи, чѣмъ на ангеловъ.

Вотъ каково происхожденіе стоящей нынѣ у палаты калитки.

Крѣпостныя ворота были каменные, сводчатые, на нихъ вмѣсто земляного бруствера были расположены каменные стѣнки, черезъ ровъ противъ каждаго воротъ устроены деревянные мосты. Вечеромъ эти ворота закрывались и такимъ образомъ изъ города не выпускали, а у прѣѣзжающихъ въ городъ спрашивали пасапорта.

У каждаго воротъ города, нѣсколько выступая изъ линіи домовъ, стояла каменная кардегардія—караульный домъ. У Сакмарскихъ воротъ кардегардія находилась на мѣстѣ нынѣшней инженерной дистанціи, послѣдняя была нѣсколько подальше. Кардегардіи были каменные одноэтажныя зданія съ деревянною платформою по фасаду и будкою, въ которой помѣщался часовой. Улицы около кардегардіи, какъ и слѣдовало ожидать, были переграждены пестрымъ шлабаумомъ. Рядомъ съ кардегардіей помѣщались и питейные дома: Сакмарскій на углу нынѣшнихъ Инженерной и Успенскаго переулковъ, онъ одинъ отошелъ нѣсколько отъ кардегардіи — вызывалось это обстоятельство тѣмъ, что рядомъ съ кардегардіей были постройки инженернаго вѣдомства, поэтому и огнесли этотъ питейный домъ нѣсколько подальше. Но все же сосѣдство, какъ оказывается, было непріятное и неудобное.

Именно, въ 1838 году командиръ Оренбургской инженерной команды подполковникъ Фоссъ взошелъ къ графу Перовскому съ слѣдующимъ рапортомъ *): «Между инженерными мастерскими и дворомъ инженернымъ существуетъ питейный домъ, въ который

*) Арх. Оренб. Арх. ком. отд. гражд. дѣлъ начато 7 авг. 1838 г.

люди военно-рабочей 35 роты при выходѣ на работы и уходеніи съ оныхъ непрерывно ходятъ и въ теченіе дня перебивается въ ономъ почти вся рота, черезъ что люди сей роты разстроились до такой степени, что съ трудомъ можно отвращать это зло, да и сверхъ того дѣлается остановка работъ въ означенныхъ мастерскихъ. Во избѣжаніе чего я всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство не оставить приказать кому слѣдуетъ этотъ питейный домъ сломать и перенести въ другое мѣсто».

Не смотря на указаніе подполковника Фосса, что вся рота разстроилась, отвѣтъ отъ графа Перовскаго былъ неутѣшителенъ, оказалось, что «за силою состоявшихся на питейный откупъ условій, какъ на настоящее, такъ и на будущее съ 1839 года четырехлѣтіе перенесеніе питейнаго дома на другое мѣсто невозможно».

Сосѣдство кардегардій, питейныхъ домовъ и выѣздныхъ воротъ дѣлало то, что каждый выезжающій и пріѣзжающій не могли миновать питейнаго дома, на которомъ въ то время была лаконическая вывѣска «государственный гербъ», а изъ питейнаго дома легко было угодить въ кардегардію.

Мы удалились нѣсколько отъ нашей цѣли—возобновить въ памяти читателя описаніе Оренбурга, сдѣланное Рычковымъ, но чтобы не возвращаться при дальнѣйшемъ изложеніи къ описанію прежнихъ крепостныхъ воротъ и неизбежныхъ ихъ спутниковъ кардегардій и питейныхъ домовъ, скажемъ нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ ихъ.

Ворота, конечно, исчезли вмѣстѣ съ исчезновеніемъ вала въ 1862 году, кардегардіи и питейные дома существовали на своихъ мѣстахъ гораздо дольше.

Когда была уничтожена питейно-откупная система, эти дома подлежали продажѣ, а земля, находящаяся подъ ними, должна была отойти въ собственность города. Городъ сперва согласился на покупку питейныхъ домовъ *), ихъ въ то время было 7 и носили

*) Архивъ городской думы,

они слѣдующія названія: Госпитальный, онъ помѣщался на базарной площади, Чернорѣченскій, Водяной, Сакмарскій, Орскій—у воротъ тѣхъ же наименованій, Своекоштный — уголъ Троицкой и Торговаго переулка, Канонирскій— уголъ Водяной и Атамановскаго переулка. Но началась переписка о возможности этой покупки, о ея условіяхъ и когда, наконецъ, дѣло было разрѣшено, прошло пять лѣтъ и городской архитекторъ, свидѣтельствуя эти постройки, далъ о нихъ слѣдующій отзывъ: «сложенныя изъ слабо обожженнаго кирпича, на дурныхъ фундаментахъ, каменные стѣны этихъ домовъ мѣстами дали осадки, отчего въ стѣнахъ образовались значительныя трещины, въ особенности въ углахъ зданій, при коихъ съ лицевой стороны кирпичъ сильно выкрашивается отъ давленія стѣнъ, начинающихъ клониться въ одну сторону: всѣ имѣющіяся при домахъ деревянныя части строеній, какъ-то: крыши, оставшіеся мѣстами полы, потолки, двери, оконныя рамы и т. п. за немногимъ исключеніемъ сгнили и слѣлались негодными; печи и дымовыя трубы ветхи и частью разрушились; всѣ дома имѣютъ, кромѣ того, безобразный внѣшній видъ».

Весьма естественно, что при подобномъ отзывѣ городъ не рискнулъ пріобрѣсти въ собственность эти казенныя постройки, какъ предполагалъ раньше, и они были проданы на сносъ, а освободившуюся изъ подъ нихъ землю раскупили у города сосѣди для прірѣзки къ своимъ дворовымъ мѣстамъ или, какъ это было при Своекоштномъ питейномъ домѣ, часть мѣста отошла подъ улицу для урегулированія ея ширины.

Точно также было и съ кардегардіями, только на одну изъ нихъ, находящуюся при Орскихъ воротахъ, обратилъ вниманіе предсѣдатель физико-медицинскаго общества и просилъ военное начальство уступить ее обществу для устройства въ ней лечебницы. Но инженерное начальство нашло, что означенная кардегардія можетъ понадобиться для устройства карцеровъ, потому и отказало физико-медицинскому обществу въ его просьбѣ. Карцеровъ, какъ и слѣдовало было ожидать, не устроили, ибо эта карде-

гардія находилась слишкомъ далеко отъ казармъ и при устройствѣ карцеровъ пришлось бы въ ней содержать отдѣльный карауль. Затѣмъ кардєргардію снесли за ненужностью.

При продажѣ поступившихъ въ собственность города участковъ земли изъ подъ кардєргардій разгорѣлись кѣкъ и должно было ожидать страсти и аппетита. Но одно гдѣ изъ свободныхъ мѣстъ предъявили желаніе: одинъ изъ мѣщанъ г. Оренбурга, такъ какъ мѣсто изъ подъ питейнаго дома находилось какъ разъ позади его дворового мѣста и какъ маломѣрное должно было перейти къ одному изъ сосѣдей и гласный думы протоіерей Семеновъ. Послѣдній хотѣлъ приобрести это дворовое мѣсто для духовнаго училища для постройки амбаровъ и холодныхъ построекъ. Дума продала мѣсто мѣщанину и гласный думы протоіерей собора обидѣлся, написалъ на журналъ думы особое мнѣніе. На мнѣніе, по обыкновенію, не обратили вниманія, но протоіерей не успокоился и обратился съ жалобою къ губернскому прокурору. Отъ послѣдняго пришелъ запросъ въ Оренбургскую думу и послѣдней пришлось давать объясненія.

Такова исторія учрежденій стараго добраго времени, тѣхъ учрежденій, безъ которыхъ не могъ обойтись ни одинъ городъ, ни одна крѣпость.

По возвращаемся къ описанію Рычкова. Изъ приведеннаго послѣднимъ списка улицъ мы видимъ, что большинство улицъ сохранило свое названіе и до сихъ поръ, нѣкоторыя улицы измѣнили свое названіе только отчасти, напримѣръ Гостинная стала Гостинодворской, а многія и исчезли вовсе напримѣръ Пензенская, Садовая и прочія.

Вообще, надо сказать, что городское управленіе города Оренбурга обращало большое вниманіе на названіе улицъ, такъ 8 марта 1879 года дума разсматривала составленный управою списокъ улицъ, причемъ многія улицы, имѣвшія неблагозвучное названіе были замѣнены другими, болѣе благозвучными. Кромѣ того неоднократно дума постановляла, желая почтить память какого либо выдающагося дѣятеля, назвать его

именемъ ту или другую улицу. Такъ послѣ отъѣзда изъ города генераль-губернатора Безака, появилась Безаковская улица, въ честь двухъ другихъ военныхъ губернаторовъ появились Неплюевская и Эссенская, наконецъ при чествованіи столѣтія памяти со дня рожденія А. С. Пушкина появилась Пушкинская набережная, представляющая изъ себя, дѣйствительно лучший уголокъ города. Но, конечно и досихъ поръ, въ городѣ существуютъ и Косушечный переулокъ и Слѣпогузовскій и Поцѣуевская улица, названные или отъ имени перваго обывателя этихъ улицъ или отъ какихъ либо заведеній, ютящихся въ старое время на на нихъ— Косушечная, напримѣръ, отъ значительнаго числа питейныхъ домовъ.

П. И. Рычковъ указываетъ, какъ было видно изъ при веденной выше цитаты, что въ Оренбургѣ, внутри и внѣ города, по перениси 1760 года, было 2866 домовъ.

Эта цифра наводитъ на нѣкоторое сомнѣніе, она черезъ чуръ велика и вотъ на какомъ основаніи.

Въ положеніи о застроеніи города Оренбурга послѣ пожара 1786 года мы читаемъ, что мѣстъ, отведенныхъ подъ постройку домовъ въ Оренбургѣ значилось всего лишь 414, далѣе въ именномъ спискѣ домовладѣльцевъ г. Оренбурга, составленномъ 15 мая 1836 г. опять таки имѣемъ всего лишь 558 домовладѣльцевъ, наконецъ въ спискѣ домовъ отъ 1797 года значитъ, что въ первой части Оренбурга домовъ 358, а во второй—524—всего же въ городѣ 912 домовъ *) Безспорно, пожаръ 1786 года истребилъ почти всѣ постройки города, но все же не могло сразу уменьшиться число домовъ такъ значительно. По всей вѣроятности П. Рычковымъ увеличено число домовъ другихъ данныхъ для провѣрки его цифръ мы не имѣемъ и потому высказываемъ только догадку.

Продолжаемъ выписку изъ Рыčkова: Церквей во всемъ городѣ и съ тѣми, что за городомъ въ Казачьей

*) Арх. Оренб. Арх. Ком. Олд. гражд. дѣло начато 26 фев. 1836. Арх. Оренб. думы дѣло № 5749. Оренб. Губ. Вѣд. 1870 г. статья Р. Игнатьева Оренбургъ 1797 г.

слободѣ и за Яикомъ, на Мѣновомъ дворѣ девять, изъ которыхъ двѣ соборныя, первая во имя Преображенія Господня, вторая Введенія Пресвятыя Богородицы, а третья приходская на главной улицѣ, при въѣздѣ въ городъ во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла каменные и со сводами, для ихъ пространства и изрядной архитектуры достойны особливаго примѣчанія; наипаче же первая, яко главная, украшенная преизряднымъ иконостасомъ и богатою же церковною утварью, покрыта она вся бѣлымъ листовымъ желѣзомъ, а куполы, какъ на церкви, такъ и надъ колокольнею вызолочены. Публичныя каменные строенія: во первыхъ губернаторская канцелярія о двухъ этажахъ, изъ которыхъ нижній этажъ для архива и денежной казны сдѣланъ со сводами. Въ разсужденіи сего зданія можно сказать въ прочихъ губерніяхъ для такого канцелярскаго правленія лучшее гдѣ либо находится. По ней губернаторскій домъ, который нынѣ состоитъ еще изъ двухъ флигелей (однакожь около 20 покоевъ имѣеть); къ настоящему дому сдѣланъ только фундаментъ и когда-бъ онъ по назначенному плану и фасаду отдѣланъ быть могъ, то бы достойно было почестъ его между лучшихъ строеній въ резиденціяхъ Императорскихъ имѣющихся. Цей хаузъ и артиллерійскій дворъ достойны особливаго примѣчанія. Полицейская и Корчемная конторы, подъ которыми для привозимаго на Оренбургскіе кружечные дворы вина сдѣланы большіе выходы со сводами. Почтовый и аманатный дворъ, гдѣ для привѣжающихъ штабъ и оберъ офицеровъ изрядные покои сдѣланы. Гаупвахта в срединѣ самаго города съ нѣсколькими покоями, подъ которыми сдѣланъ куполь, гдѣ и стоятъ и боевые городскіе часы съ небольшими колоколами, а наверху ея государственный гербъ. Гарнизонная и полковая канцелярія, аптека и госпиталь съ принадлежащими къ нимъ казарменными каменными же зданіями (при чемъ докторъ, аптекаръ и лекаръ и нѣсколько подлекарей и учениковъ содержится), также провіантскіе и соляные магазины, для которыхъ подъ въѣздомъ губернской канцеляріи особыя конторы

учреждены. Для купечества внутри города построены каменный гостинный дворъ, четверугольный, котораго длина по большой улицѣ, называемой губернской 101 сажени съ полуаршиномъ, а ширины 94 сажени; лавки все внутри двора со сводами и съ навѣсомъ, такъ что никакая погода торгующихъ тутъ не беспокоитъ, и у каждой лавки подъемные затворы. Всѣхъ лавокъ и анбаровъ считается 150 для въѣзда и выѣзда сдѣланы съ двухъ сторонъ на самой серединѣ ворота, изъ которыхъ надъ первыми, кои отъ большой губернской улицы для купечества церковь съ изрядными украшеніями во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, а надъ другими сдѣлана съ куполами колокольня. Среди онаго двора построена каменная таможня о четырехъ покояхъ, между которыми пространнѣй пакгаузъ, гдѣ для всякаго развѣсу устроены вѣсы, все оное строеніе покрыто листовымъ желѣзомъ и вычернено смолою. При семъ же гостинномъ дворѣ бываетъ повседневный базаръ и ставятся прїѣзжающіе изъ уѣздовъ съ хлѣбомъ и со всякими харчевыми и прочими припасами».

Таково описаніе, оставленное П. Рычковымъ. Прежде всего бросается въ глаза та наивность, съ которою Рычковъ восхваляетъ свой городъ — зданіе (домъ губернатора, напримѣръ) еще не построено, а Рычковъ утверждаетъ, что, если оно еще будетъ построено, то его «достойно было почестъ между лучшими строеніями въ резиденціяхъ Императорскихъ находящихся».

Конечно, описаніе Рычкова не можетъ быть принято вполне на вѣру, но оно во всякомъ случаѣ даетъ понятіе, что за 17 лѣтъ своего существованія Оренбургъ застраивался съ лихорадочною быстротою. Такъ напримѣръ въ грамотѣ епископа Луки Казанскаго отъ 31 мая 1750 года читаемъ: *) «вѣдно, по представленію оной губернской канцеляріи, вмѣсто нмѣющагося нынѣ при Оренбургѣ прежде сдѣланнаго плетнемъ изъ хворосту и обмазаннаго глиною гостиннаго двора,

*) Оренб. Лист. 1788 г. № 37.

построить вновь новый каменный гостинный дворъ, который за помощью Божіею строеніемъ нынѣшняго лѣта начался и производится....

Такимъ образомъ въ теченіи десяти лѣтъ былъ выстроенъ гостинный дворъ..

Но злой рокъ преслѣдовалъ Оренбургъ. Подошли тяжелыя години Пугачевского бунта, исчезъ съ лица земли казачій форштадтъ, а тутъ насталъ 1786 годъ и Оренбургъ весь выгорѣлъ.

Тогда рѣшено было вновь распланировать Оренбургъ, для этого вырабotalи особое положеніе о застроеніи города. По этому положенію «подъ каждый домъ лучшихъ купцовъ и дворянскаго достоинства людей назначилъ я,—пишетъ Игельстромъ,—мѣста по улицѣ по пятнадцать а въ глубину квартала на тридцать сажень; мѣщанъ же, разночинцевъ, служащихъ солдатъ и приказныхъ служителей по улицѣ на двадцать, а въ глубину квартала на двадцать четыре сажени, а для сего, по исчисленію обширности мѣста подъ строеніе въ ономъ публичныхъ разныхъ строений назначивается послѣ пожара въ цѣлости оставляется сорока пять домовъ, для построенія вновь назначиваемыхъ сорокъ четыре мѣста, для партикулярныхъ домовъ, оставшихся послѣ пожаровъ и построение вновь назначаемыхъ мѣстъ триста двадцать пять, а всѣхъ публичныхъ и партикулярныхъ уцѣлѣвшихъ отъ пожаровъ и подъ вновь назначаемые дома мѣстъ четыреста четырнацать *).

Итакъ отъ пожаровъ уцѣлѣло только 45 казенныхъ построекъ, всѣ остальные сгорѣли. Изъ списка предназначенныхъ къ постройкѣ казенныхъ домовъ видно, что сгорѣли: генераль-губернаторскій, оберъ-комендантскій, инженерный, пограничной экспедиціи и суда, верхняго земскаго суда, двухъ нижнихъ расправъ, нижняго земскаго суда, губернскаго магистрата, городского магистрата, почтоваго двора, аптеки, гофшпиталя, оберъ-комендантской канцеляріи, гарнизон-

*) Мы привели эту выписку текстуально, съ соблюденіемъ правописанія для характеристики бумагъ того времени—1786 года.

ной школы, четырех батальонов, острога, провіантских и соляных магазинов, казначейства, управы благочинія, сѣзжихъ. Словомъ, сгорѣли почти все казенныя постройки. И хотя для нихъ были отведены мѣста, но постройки ихъ очень и очень замедлились. Большинство изъ нихъ было выстроено въ 30—40 годахъ слѣдующаго столѣтія при губернаторѣ Перовскомъ. По крайней мѣрѣ, когда въ 1796 году совершился переводъ губернскихъ учрежденій изъ Уфы въ Оренбургъ, то для нихъ не нашлось помѣщеній. Такъ мы читаемъ въ описаніи того времени *): «губернаторъ, по своемъ прибытіи, скоро убѣдился, насколько эти зданія (т. е. предполагавшіеся для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ) отъ долговременнаго построенія, сухости и гнилости были не прочны и совершенно негодны къ употребленію, такъ какъ мѣстами уже приходили въ развалины и угрожали паденіемъ. Кое-какъ годными признаны были только два строенія—домъ прежней губернской канцеляріи и бывшій губернаторскій домъ. Но въ зданіи бывшей губернской канцеляріи были такого рода ветхости, какъ сгнившіе въ нѣкоторыхъ палатахъ и нагнувшіеся, а въ другихъ висящіе потолки и полы, угрожавшіе паденіемъ. Существовало еще какое то казенное зданіе, именуемое Диванъ и стоявшее тогда въ полуразрушенномъ видѣ, съ провалившимися полами и потолками и совершенно безъ признака крыши. Въ такомъ же худомъ состояніи были и тѣ казенныя зданія, какія находились и въ вѣдомствѣ военнаго управленія, какъ то: казармы оренбургскаго батальона; кардегардіи и другія мелкія строенія, мѣновой дворъ, гостинный дворъ».

Картина, какъ видимъ, печальная. Приводится въ порядокъ Оренбургъ сталъ только при графѣ Перовскомъ.

Но возвратимся къ разсмотрѣнію того положенія, которымъ надо было руководиться при построеніи вновь города Оренбурга. Мы видѣли, что подъ част-

*) Труды Оренб. арх. ком. вып. II стр. 19.

ныя постройки должны были быть отводимы мѣста двухъ категорій—первые 15×30 саж., вторые 12×24 саж.—такихъ мѣстъ было отведено 414.

Весь городъ надлежало разбить на двѣ части и шесть кварталовъ, улицы по городу расположить «сколь можно держаться стараго плана», а гдѣ встрѣчается кривизна и прочія неудобства, тамъ назначать новыя улицы, старыя же уничтожать по возможности. Но предполагая такую мѣру, составители плана не забывали и обывателя. При уничтоженіи старыхъ улицъ надо было наблюдать «чтобъ стоящія по линіямъ хорошіе дома во избѣжаніе хозяевамъ ихъ убытка отъ перенесенія избавлены были».

Улицы должны были имѣть ширины 12 сажень. Далѣе надлежало въ городѣ оставить три большія площади, первая въ срединѣ города «плацъ-парадная», вторая торговая, позади Гостиннаго двора, противу Чернорѣченскихъ воротъ, для продажи съѣстныхъ припасовъ и привозимыхъ досокъ, лубьевъ, дровъ и прочаго, также для постройки на оной изъ досокъ лавокъ для произвожденія хлѣбнаго торгу и третія отъ Орскихъ воротъ направо противъ Артиллерійскаго пушечнаго двора для продажи привозимаго сѣна. Изъ этихъ трехъ площадей остались двѣ, третья противъ артиллерійскаго парка скоро была застроена. Вообще инженерные офицеры должны были разбить улицы и не только на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ улицы получаютъ по линіи своей переломы вехи на столбахъ ставить но и промежу оныхъ угольныхъ всѣхъ отъ ста до ста саженьей по обѣимъ сторонамъ улицы такія же вехи поставить, укрѣпя ихъ, чтобы оныя никогда свалиться не могли и полиціи наблюдать, чтобъ снъ вехи никѣмъ свалены не были, а ежели кто осмѣлится оныя снять, то тѣхъ брать въ полицію и поступать съ ними, *яко съ противляющимися законамъ*, хозяевъ, на чьихъ мѣстахъ вехи поставляются обязать подписками, чтобы они оберегали ихъ въ цѣлости».

Разбивъ такимъ образомъ городскія улицы и площади, указавъ каждому обывателю мѣсто, гдѣ онъ

долженъ строиться, составители плана сочинили правила, какъ обыватель долженъ былъ строить дома. Прежде всего было указано при роздачѣ подъ дома мѣстъ наблюдать, чтобы «дома для житья въ нихъ самихъ хозяевамъ принадлежащія строенія располагаемы были по обѣимъ сторонамъ передней, а службы ихъ задней улицъ». Далѣе были сочинены фасады домамъ какіе мѣтъ строить сбыгатель; такихъ фасадовъ было сочинено достаточное количество, а именно четыре фасада для домовъ каменныхъ, 5 фасадовъ для домовъ деревянныхъ на каменномъ фундаментѣ, 6 фасадовъ домовъ «самой меньшей пропорціи деревянныхъ» и 7 фасадовъ домовъ военнo-служащихъ нижнихъ чиновъ. Затѣмъ «всякаго хозяина дворъ отъ дому до другого дому по улицѣ обнести оградю рѣшетчатою подобно оградѣ около загороднаго генералъ-губернаторскаго дому состоящей, но только не на каменномъ, а на деревянномъ фундаментѣ, а какой оную пропорцію имѣть всякому хозяину должно отъ управы благочинія дать образецъ, внутри же квартала дозволяется всякой дворъ оградить плетнемъ съ обѣихъ сторонъ глиною обмазаннымъ». При этомъ необходимо было наблюдать, чтобы деревянные дома строились другъ отъ друга въ разстояніи семи сажень. И наконецъ: «желающихъ строиться, обязать подписками, чтобъ они строенія ихъ производили по даннымъ имъ планамъ, фасадамъ и въ положенныя строенія: каменному — пятилѣтніе, а деревянному — трехлѣтніе срѣки оныя кончали, планамъ же, фасадамъ должны быть всегда за подписаніемъ опредѣленнаго къ наблюденію за строеніемъ инженернаго офицера и господина оберъ-коменданта, съ коихъ при повеленіи его оберъ-коменданта отсылать *такія же оригиналы* *) и за подписаніемъ вышесказанныхъ особъ въ управу благочинія, дабы она бдѣніе имѣла, чтобъ строеніе происходило точно по даннымъ планамъ, фасадамъ, а ежели она найдетъ противу фасадовъ на планѣ назначенныхъ въ строеніи какую нибудь пере-

*) Орфография подписчика; конечно, читать надо: «такіе же оригиналы».

мѣну, то оное строеніе должна остановить и о томъ донести господину оберъ-коменданту, дойдя напередъ до истины съ свидѣтельствомъ того опредѣленнымъ инженернымъ офицеромъ». Слѣдуетъ указать еще и на то обстоятельство, что для различныхъ слоевъ населенія города были стведены особые кварталы, такъ «при раздѣленіи города: 1) инженернымъ, артиллерійскимъ и прочимъ сего рода нижнимъ чинамъ расположеніе назначить между пушечнаго и инженернаго домовъ (т. е. нынѣшніе кварталы, ограниченные Орской, Инженерной, Николаевской и Преображенской улицами), 2) гарнизоннымъ же солдатамъ въ кварталахъ около казармъ назначаемыхъ (между Николовской, Безаковской, Водяной и р. Ураломъ)» 3) азіатцамъ подъ строеніе отвести особый кварталъ и въ немъ небольшую квадратно на тридцать сажень для построенія мечети площадь (между Эссенской, Водяной, Николаевской и Введенской), оренбургскаго казачьяго полка для чиновниковъ кварталъ подъ № 32 (между Эссенской, Водяной, Николаевской и Преображенской). И только послѣ этой разбивки города надлежало: «затѣмъ въ прочихъ кварталахъ мѣста раздать штабъ и оберъ-офицерамъ, дворянамъ, купцамъ и мѣщанамъ».

Вотъ по какому положенію долженъ былъ возродиться Оренбургъ точно фениксъ изъ пламени. Постараемся теперь на основаніи тѣхъ мелкихъ чертъ, подробностей и указаній, которыя мы только что привели, нарисовать общую картину, если такъ можно выразиться возрожденія города Оренбурга и потомъ сравнить ее съ тѣмъ, что было на самомъ дѣлѣ.

Правильныя, широкія въ 12 сажень ширины улицы или идутъ параллельно или перпендикулярно. Посреди города обширная плацъ-парадная площадь. Кромѣ того на двухъ противоположныхъ концахъ у двоихъ воротъ точно также большія площади. Всѣ дома имѣютъ однообразный, красивый видъ, дѣлясь на нѣсколько типовъ, смотря по величинѣ и по матеріалу, изъ котораго они построены. Дома не ютятся другъ около друга, а отстоятъ на приличномъ интер

валѣ; лачужекъ, построенныхъ безъ соблюденія архитектурныхъ правилъ вовсе не видно. Дворы по улицамъ и сады обнесены однообразною довольно изящною оградой. Все стройно, красиво и все подходитъ подъ известную мѣрку, не рѣжетъ глазъ и во всемъ виденъ порядокъ и надзоръ.

Такая картина возсоздается, если мы мысленно повторимъ всѣ тѣ указанія, которыя давались барономъ Ильгестромомъ. Не забудемъ и того, что кромѣ главнаго начальника края, наблюдали за постройкою инженерное начальство, оберъ-комендантъ, полиція, управа благочинія, что жители давали подписки во исполненіе всѣхъ изданныхъ правилъ.

И что же на самомъ дѣлѣ? Обратимся еще разъ къ цитируемой нами работѣ Н. Н. Ардашева «къ столѣтнему юбилею Оренбургской губерніи»; здѣсь мы найдемъ указаніе новаго оренбургскаго губернатора Баратаева, какія постройки онъ встрѣтилъ въ г. Оренбургѣ по своему прибытіи: земляныя хижины, на поверхности оной самолѣпныя, равное наименованіе порядочнымъ домамъ званіями имѣющими *) А вотъ и еще другое архивное описаніе, относящееся къ болѣе позднему времени, именно къ 1827 году **): «Градская полиція черезъ чиновниковъ своихъ по нѣскольکو разъ подтверждала жителямъ г. Оренбурга тѣмъ, которые имѣютъ дома ветхіе и назначенные къ сломкѣ, чтобы они во избѣжаніе могущаго произойти вреда отъ чрезвычайныхъ въ оныхъ ветхости въ нынѣшнее лѣтнее время вышли изъ нихъ и заблаговременно приготовили бы себѣ къ зимѣ жилища, для чего отъ полиціи у нихъ отпечатаны печи, но они живутъ и готовятъ у другихъ». Съ такимъ рапортомъ полиціймейстеръ обращался къ губернатору Эсену.

А вотъ и описаніе нѣкоторыхъ особенно примѣчательныхъ домовъ, почерпнутое изъ того же рапорта.

Примѣръ первый: домъ во второй части съ давняго времени строенный, по мѣстамъ обвалившимся, со всѣми потолками поддерживается подставками, въ

*) Труды Оренб. арх. ком. вып. II стр. 19.

**) Арх. Оренб. Арх. ком.

средины стѣны къ улицѣ проѣзжей съ верху отъ гнилости бревна переломались, стропила жъ крыши болѣе двухъ лѣтъ съ тесомъ истреблены, съ одной стороны осталась только крыша, которая отъ малѣйшей бури грозитъ паденіемъ. .

Примѣръ второй въ той же части: изба науличная хотя безъ подпоръ и подставокъ въ срединѣ, но весьма наклонившаяся въ надворную сторону и поддерживается только надворнымъ столбомъ, съ давнихъ лѣтъ строенная и дѣласть улицѣ безобразіе.

А вотъ третій примѣръ изъ первой части: изба подвергается паденію такъ, что наружная стѣна давно бы вывалилась, если бы не поддерживали подпоры.

Не въ лучшемъ положеніи были и казенныя зданія. Выше мы приводили описаніе почтовой конторы, а вотъ описаніе уѣзднаго суда: уѣздный судъ съ давняго времени помѣщается въ казенномъ каменномъ зданіи, которое по многимъ недостаткамъ и невыгодному внутреннему въ немъ расположенію, по неимѣннѣнн присудствующей (т. е. комнаты для засѣданія) неудобенъ для присудственного мѣста, въ окнахъ его ни снаружи ни свнутри нѣтъ деревянныхъ ставней; комнаты расположены дурно, нѣтъ мѣста для удобнаго храненія дѣлъ, нѣтъ кладовой, печи пришли отъ времени и употребленія въ ветхость.

Описаніе другихъ присутственныхъ мѣстъ и частныхъ домовъ будетъ почти одинаково: всюду хаосъ, разрушеніе, всюду жалкія развалины. Такимъ образомъ дѣйствительность совершенно не походила на тѣ предрасположенія, которыя составлялись въ различныхъ канцеляріяхъ и составлялись какъ будто съ знаніемъ дѣла, согласуясь съ условіями мѣстной жизни. Въ этомъ заключается очень интересная подробность, характеризующая вполне нашу жизнь и ея развитіе.

XXX.

Въ настоящее время мы считаемъ умѣстнымъ познакомить еще съ нѣсколькими описаніями, сохранившимися отъ прежнихъ временъ. Вотъ какъ опи-

сывается, конечно, на нѣмецкомъ языкѣ свои первыя впечатлѣнія отъ города Оренбурга докторъ философіи Оедоръ Ивановичъ Базинеръ, посѣтившій городъ Оренбургъ въ 1842 году: *) расположенный на высокомъ правомъ берегу р. Уралъ, Оренбургъ еще издали кажется путешественнику привѣтливымъ городомъ, да и въблизи сохранять это впечатлѣніе. Почти за полверсты отъ крѣпости начинаются справа по дорогѣ первые дома предмѣстья въ два ряда одинъ за другимъ (это старая слободка). Въ переднемъ ряду, близкомъ къ дорогѣ, выдѣляется сперва агрономическое училище, основанное Перовскимъ. почти непосредственно къ нему прилегаетъ военный госпиталь большое двухъ этажное зданіе котораго переднимъ фасадомъ обращено къ воротамъ, черезъ которые по этой дорогѣ въѣзжаешь въ городъ; на этомъ оканчивается первый рядъ домовъ и немножко далѣе, тоже параллельно дорогѣ виднѣется второй рядъ. Хотя глазъ пріятно отдыхаетъ на этихъ скромныхъ привѣтливыхъ домахъ, но онъ невольно отвлекается на лѣвую сторону, гдѣ одно отдѣльно стоящее грандіозное зданіе своею рѣдкою и чудною постройкою приковываетъ его. Фасадъ этого зданія, украшеннаго на каждомъ углу двумя башенками, прерывается широкимъ промежуткомъ, занятымъ круглою мечетью и минаретомъ изъ изразцовъ. Это тоже постройка Перовскаго и называется она башкирскимъ караванъ-сараемъ, хотя здѣсь торговли не производится, а помѣщается башкирское управленіе. Черезъ маленькій каменный мостъ, переброшенный черезъ сухой ровъ, окружавшій крѣпость, Базинеръ въѣхалъ черезъ Сакмарскія ворота въ крѣпость. На нѣсколько минутъ его задерживаетъ караулъ, записывающій паспортъ проѣзжающихъ: миновавъ заставу, онъ въѣзжаетъ на широкую правую главную улицу Оренбурга, дѣлящую городъ почти на двѣ равныя части; передъ его глазами мелькаютъ попережку красивые деревянные и каменные

*) Груды Оренб. арх. к.-м. вып. Къ сожалѣнію записки доктора Базинера не переданы цѣликомъ, а переданы своими словами нѣкоторыя особенностей, конечно, исчезло.

дома, большей частью одноэтажные, а иногда и двухэтажные; эти дома большей частью окрашены въ бѣлую, сѣрую или желтую краску, широкія улицы большею частью параллельныя или перпендикулярныя къ главной придаютъ городу привѣтливый видъ. Считая съ предмѣстьями, считается въ городѣ 83 улицы, изъ которыхъ вымощена и то весьма печально только одна Водяная, но благодаря рѣдкимъ дождямъ и песчаному климату, меньше приходится страдать отъ грязи, чѣмъ отъ пыли, которая всюду проникаетъ. Однако въ началѣ весны и позднюю осенью попадаютъ мѣста и въ особенности базарная площадь и мѣстность къ ней прилегающая, которая дѣлаются недоступными для всякаго, носящаго европейскую обувь. Базаръ находится въ западной части города, сейчасъ же за гостиннымъ дворомъ, и занимаетъ здѣсь квадратное пространство: съ трехъ сторонъ онъ окруженъ каменными рядами лавокъ, а съ четвертой—заднею стѣною гостиннаго двора; вдоль нея помѣщается рядъ маленькихъ деревянныхъ лавочекъ, принадлежащихъ отчасти русскимъ лавочникамъ, отчасти нѣмецкимъ колонистамъ. Въ сѣверномъ ряду торгуютъ посудой, стекломъ, колониальными товарами, въ западномъ ряду—желѣзомъ, въ южномъ—кожами. Изъ—за южнаго ряда выглядываетъ зданіе Неплюевского кадетскаго корпуса. Кромѣ этихъ лавокъ на площади расположились со своими столами мѣняла, маркитантки, ветошники, продавцы овощей. Здѣсь же торгуютъ киргизы, башкиры копытами, кожами, разложивъ свой товаръ на землѣ. Своей южной стороной гостинный дворъ прилегаетъ къ мѣсту для парадовъ, которое окружено зданіями думы, домомъ для генераловъ, вторымъ эскадрономъ Неплюевского кадетскаго корпуса и манежомъ. Передъ двумя послѣдними зданіями находится фонтанъ, но его, также какъ и находящійся на базарной площади открываютъ лишь по воскресеніямъ и праздничнымъ днямъ. Главное процвѣтаніе города зависитъ оттого, что городъ скорѣе похожъ на колонію военныхъ и чиновниковъ, чѣмъ на буржуазный городъ; этотъ-то многочисленный элементъ и способствуетъ

есть оживленной торговлѣ и цвѣтущему виду города, безъ него, городъ, предоставленный самому себѣ, поблѣкъ бы скоро, какъ степное растеніе».

Изъ этого описанія очень важны для насъ послѣднія строчки Нѣмецкій докторъ, привыкшій видѣть буржуазные города, былъ пораженъ виломъ Оренбурга, представляющаго изъ себя городъ военныхъ и чиновниковъ.

Для полноты картины, изображающей городъ Оренбургъ въ концѣ 30—40-хъ годовъ, позволимъ себѣ привести подробныя выписки изъ воспоминанія старожила «дѣда Ц —»: подъ этимъ псевдонимомъ скрылся не безызвѣстный мѣстный дѣятель Цюлковскій. Вотъ что онъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: *) «Оренбургъ настоящій и Оренбургъ 30-хъ годовъ не имѣетъ ничего, даже приблизительно похожаго; тогда онъ изображалъ изъ себя какую то душную коробку, бока которой сосавляли крѣпостныя стѣны. Ни улицы, ни дворы не меллись, не чистились; по городу безпрепятственно прогуливались гуси, коровы, свиньи; полиція состояла изъ полицеймейстера и нѣсколькихъ инвалидовъ, городское хозяйство велось по домашнему, безъ отчета и учета; земская полиція была полная и безконтрольная хозяйка въ уѣздѣ. Уѣздный судъ имѣлъ грязный и неопрятный видъ; каменныхъ зданій было только семь: большую часть построекъ составляли 2-хъ и 3-хъ оконныя лачужки, сильно покривившіяся и до половины оконъ ушедшія въ землю. Старая слобода была невелика, новая—еще не существовала; городъ оканчивался теперешнимъ зданіемъ окружного суда, тогда занятаго военною арестантскою ротою, далѣе шла степь, вдали которой виднѣлся госпиталь, нынѣшній архіерейскій домъ, и маячная гора. Садовъ, скверовъ и бульваровъ въ тѣ времена въ Оренбургѣ не существовало, да и разводить ихъ негдѣ было, потому что на единственной въ городѣ площади, противъ нынѣшняго театра и гимназіи, гдѣ теперь скверики, производились каждое воскресенье и табельные дни

разводы и паралы. Любители природы и прогулок послѣ заката палящаго солнца выходятъ на крѣпостной валъ и тамъ оставались до глубокой ночи. Одинъ изъ доморощенныхъ баталіонныхъ нѣтъ этого времени посвятилъ прогулкамъ этимъ длинное стихотвореніе, начинающееся слѣдующимъ образомъ:

Солнце скрылось за горами,
Виденъ мѣсяца восходъ.
Свитый мрачными тѣнями
Тихій вечеръ настасть.
Въ крѣпостныхъ стѣнахъ спокойно.
Шумъ дневной ужъ умолкалъ,
И вотъ чинно, плавно, стройно
Выступаютъ всѣ на валъ.

Приведенныя нами выше описанія Оренбурга въ различныя эпохи его существованія необходимо подкрѣпить цифровыми данными, характеризующими ростъ города.—Къ сожалѣнію, этихъ данныхъ слишкомъ мало, они отрывочны. Статистики мы вообще не любили и она у насъ почиталась за зловредную науку, недаромъ же великій сатирикъ земли русской выразился, что «заниматься статистическими изслѣдованіями означало отправиться въ столь или не столь удаленныя мѣста по административному приговору».

XXXI.

Собранныя нами немногочисленныя статистическія данныя мы могли сгруппировать въ четыре таблицы: 1) таблицу движенія народонаселенія города Оренбурга, 2) таблицу имѣющихся въ городѣ домовъ, 3) таблицу оцѣнки недвижимаго имуществва города Оренбурга и 4) таблицу роста доходовъ и расходовъ города Оренбурга. *)

*) Адресъ-календарь Оренб. губерніи съ 1836 — 1906 г. Отчеты Оренб. город. управы. Статистическіе сборники. Хозяйство главнѣйшихъ городовъ Россійской имперіи 1838—1858 гг.

І. Таблица движенія народонаселенія города Оренбурга.

	1797	1836	1841	1847	1866	1868	1870	1871	1875	1888	1892	1903	1894	1896	1897	1904
	1836	1841	1847	1866	1868	1870	1871	1875	1888	1892	1903	1894	1896	1897	1904	
Мужчины -	6404	6279	11080	12051	—	19635	—	24430	30720	28675	32203	30203	32217	32897	15122	
Женщины -	4062	2733	7432	11707	—	15088	—	18683	20305	23358	25886	25912	28074	28289	45474	
Итого -	5441	10466	9012	18512	34330	35102	15625	43627	42123	51025	46433	58089	56115	61281	61186	55706

II. Таблица, имѣющихся въ городѣ домовъ.

	1797	1836	1841	1847	1877	1894
Каменные -	—	108	25	46	—	1815
Деревянные -	—	1446	1161	1600	—	3168
Итого -	1356	1554	1186	1646	2670	4983

III. Таблица оцѣнки недвижимого имущества.

Г о д а .	1836	1840	1875	1880	1886	1887	1888
Оцѣнка.	845660	242709	1236645	2377350	3086100	2940000	3067538
1889	1890	1891	1892	1891	1895	1898	1906
2856240	2777820	3003841	2200006	2772000	3192323	3461146	4294146

IV. Таблица доходовъ и расходовъ города Оренбурга.

Годъ.	1830	1838	1839	1840 .)	1841	1842	1843	1844	1845	1846	1847
Доходы.	12311	23152	27312	8789 33 ³ / ₄	18820 97	9477 11 ¹ / ₂	8035 29	8035 01	18982 10 ¹ / ₄	18816 17 ¹ / ₂	8799 17 ¹ / ₂
Расходы.	8580 33 ¹ / ₄	14415 10	13084 80 ¹ / ₂	3838 57 ¹ / ₂	4423 94 ¹ / ₄	4423 94 ¹ / ₄	15802 52	15402 57 ¹ / ₄	15782 71	3538 57 ¹ / ₄	5594 73 ¹ / ₄
1848	1849	1850	1851	1852	1853	1854	1855	1856	1857	1858	1875
11981 39 ¹ / ₄	11878 7	11075 85	13140 9	21390 22 ¹ / ₄	23846 34 ³ / ₄	123181 48 ¹ / ₄	57763 40	27520 71	25452 85 ¹ / ₄	28449 27	18927 21
7284 74 ¹ / ₄	7715 38	8007 32 ¹ / ₄	81832 71 ¹ / ₄	10847 14 ¹ / ₄	13746 54 ¹ / ₄	17106 81	24261 44	22665 57 ¹ / ₄	24719 14 ¹ / ₄	28527 21	14344 93

1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1892	1894	1895	1896	1906
272202 63	243577 41	212473 39	256578 40	242 31	26	28337 1 90	290038 62	296450 23	297384 25	33992 55	365749 81
848539 41	241601 28	251949 98	286624 95	274684 72	265541 30	278573 69	3108 43	0096 95	330662 19	365694 82	4194 81

*) По 1840 года считалось на ассигнции, съ 1840 г. на сребро

Для сравненія намъ придется взять 1840—41 годъ и 1905—6, какъ имѣющіеся во всѣхъ таблицахъ, т е главные наши выводы будутъ касаться послѣднихъ 60—70 лѣтъ существованія города Оренбурга

Мы видимъ, что
 населеніе въ 1841 г. — 9012 въ 1904 — 86.796.
 число домовъ » 1186 въ 1894 — 4960.
 оцѣнка 1840 — 242 709 р. въ 1906 — 4.294 146 р.
 доходъ » — 8.789 р. 33³/₄ > 614 494 р 81к.
 расходъ » 3858 р 57¹/₂ к > 614.494 р. 81к.

Такимъ образомъ, за означенной періодъ времени населеніе увеличилось почти въ 10 разъ, доходы города возрасли почти въ 70 разъ, а расходы болѣе чѣмъ въ 150 разъ, оцѣнка городского имущества увеличилась въ 20 разъ, число домовъ — въ 4 раза.

Разсматривая таблицу народонаселенія. мы видимъ, что ростъ его шелъ сравнительно скачками и кромѣ того, значительное погодное увеличеніе числа населенія, напримѣръ 1893 и 1892 года, когда за годъ народонаселеніе увеличилось на 11.656 чело-вѣкъ, ясно показываетъ, что мы должны придти къ убѣжденію, что колонизація города не прекращается до нашего времени и что увеличеніе числа населенія города объясняется главнымъ образомъ не естественнымъ приростомъ, а почти исключительно приплывомъ населеніемъ.

Исторія россійскихъ городовъ все еще не имѣетъ своего историка, между тѣмъ россійскіе города сильно отличаются отъ городовъ западной Россіи: ихъ жизнь, развитіе вызывалось совсѣмъ иными причинами, иначе характеризуется, и Оренбургъ въ этомъ отношеніи являетъ изъ себя одинъ изъ лучшихъ примѣровъ.

Нѣмецкій городъ «*Bûrg*» являлся центромъ торговли и промышленности и, конечно, возникалъ только тамъ, гдѣ были условія для развитія торговли и промышленности.

Городъ Оренбургъ, какъ говорится въ грамотѣ, данной городу Императрицею Анной Іоанновной, возникъ такъ: «Имѣя мы всемилостивѣйшее призрѣніе и всегдашнее попеченіе о нашихъ подданныхъ

пришедшихъ киргизъ — кайсацкихъ, также каракалпакской орды, заблагоразсудили для лучшаго ихъ отъ всякаго нападенія охраненія и защищенія сдѣлать вновь городъ при устьѣ рѣки Орѣ, впадающей въ Чикъ-рѣку» *).

Такимъ образомъ, въ этомъ первоначальномъ государственномъ актѣ ясно указана цѣль основанія города. Мы присоединяли къ себѣ громаднѣйшую новую область — область киргизъ — необходимо, конечно, было имѣть опорный пунктъ базу, такъ сказать: такой то базой и было выбрано устье рѣки Ори. Но какъ и въ громадномъ большинствѣ случаевъ мы дѣйствовали наугадъ, безъ предварительнаго обсужденія, не имѣя достаточнаго количества матеріала, собраннаго на мѣстѣ — и потому естественно впадали въ ошибки.

Мѣсто, выбранное предварительно для города Оренбурга оказалось вполне неподходящимъ. оно было такъ глубоко въ степи, что добраться до него особенно первое время было прямо невозможно. Оставленный въ городѣ Оренбургѣ, теперь Орскѣ, гарнизонъ въ первую же зиму, чуть не умеръ голодной смертью и долженъ былъ уйти изъ крѣпости, причемъ въ обратный походъ зимою много солдатъ перемерло, а многихъ переколотили киргизы.

Мы начинаемъ исправлять нашу ошибку и переносимъ городъ ниже по Уралу, на то мѣсто, гдѣ теперь находится Красногорская станица. Но и это мѣсто оказалось неудобнымъ и бросивъ начатыя работы, истративъ значительное количество денегъ, мы идемъ еще ниже по Уралу и въ третій разъ закладываемъ все тотъ же злополучный городъ и наконецъ таки закладываемъ основательно — такъ какъ на этомъ мѣстѣ городъ Оренбургъ стоитъ и по сейчасъ.

Одинъ этотъ фактъ — трехкратный переносъ города или вѣрнѣе трехкратное исканіе подходящаго для города мѣста достаточно характерно говорить, что у города было мало естественныхъ данныхъ для развитія города, данныя эти надо было создать искусственно.

* Матеріалы по исторіи Россіи, сборникъ указовъ и пр.

Очень характерно описываетъ это созданіе искусственныхъ условій развитія города Оренбургскій голова Горячевъ въ своемъ представленіи Оренбургскому военному губернатору Обручеву въ 1848 году. Представленіе это вызвано было слухами о какомъ-то новомъ преобразованіи города—въ чемъ заключался этотъ административный проектъ, мы не могли розыскать; случайно въ особомъ дѣлѣ, хранящемся въ архивѣ Оренбургской думы и носящемъ названіе—«бумаги городского головы» сохранился черновикъ представленія Горячева. Съ нимъ мы и позволимъ себѣ познакомить нашего читателя:

«Съ полною надеждою приѣмлю смѣлость — пишетъ Горячевъ—повергнуть Вашему Высокопревосходительству отъ всего Оренбургскаго купеческаго и мѣщанскаго общества покорнѣйшую просьбу о исходатайствованіи Высочайшей милости нашему городу осгаться на тѣхъ правахъ, какія онъ имѣетъ и понынѣ. Въ совершенномъ убѣжденіи, что съ переименованіемъ Оренбурга въ городъ военный не можетъ онъ принести болѣе тѣхъ пользы, какія долженъ приносить при теперешнихъ правахъ своихъ; мысль эта поставляетъ въ пріятную обязанность представить въ соображеніе слѣдующее: Оренбургъ по Высочайше дарованной грамотѣ основанъ болѣе для цѣли торговой съ сопредѣльными азіатскими владѣніями, племенами киргизъ; цѣль эта всегда постоянно была поддерживаема всѣми предмѣстниками Вашего Превосходительства, накопецъ *купцамъ нашимъ были даваемы всѣ способы* *), какъ къ распространенію торгова съ Бухоріей, Хивой и Киргизской степью, такъ и къ большому водворенію въ Оренбургъ торговаго класса.

Въ доказательство сей истины приѣмлемъ смѣлость въ милостивое вниманіе Вашего Превосходительства: Его Превосходительство Петръ Кирилловичъ Эссенъ *ходатайствомъ своимъ освободилъ городъ Оренбургъ отъ военнаго постоя* и тѣмъ далъ возможность на мѣстахъ тѣсныхъ хижинъ воздвигнуть помѣститель-

) Курсивъ вездѣ мой.

ные дома, потомъ ходатайствомъ съ 1826 по 1831 г. Оренбургскимъ купцамъ 3-ей гильдіи *дозволенъ заграничный азіатскій торгъ на правахъ купцовъ первой гильдіи*; льгота эта продолжена была и ходатайствомъ графа Павла Петровича Сухтелена до 1837 г

Свободное сношеніе со степью и торговыя связи расположили умы полудикихъ киргизъ только къ вѣрноподданничеству Россіи и къ безропотному платежу кибиточнаго сбора, представляющаго значительную пользу.

При такомъ положеніи Оренбурга Его Высочайшее Превосходительство Василій Алексѣевичъ Перовскій къ большому усиленію способовъ къ развитію торговли исходатайствовалъ Оренбургу *десятильетнюю льготу* съ 1838 по 1848 годъ, по этому праву вновь приписавшіеся купцы платятъ въ продолженіе пяти лѣтъ только половинную подать и если изъ вновь приписавшихся выстроитъ новый домъ, согласно положенія гильдіи, тогда избавляются на три года платежа полной подати, а остальные семь лѣтъ платятъ половину; права эти распространяются и на старожиловъ; вслѣдствіе сего городъ умножился двумя третями купеческихъ капиталовъ и въ такомъ же размѣрѣ мѣщанскими душами, ибо въ 1837 году числилось купеческихъ капиталовъ 39 и мѣщанъ 667 душъ, а нынѣ состоитъ 100 капиталовъ и 1510 душъ мѣщанъ.

Изложивъ Вашему Высочайшему Превосходительству настоящее положеніе о городѣ вѣдомства гражданскаго, осмѣливаемся обратить мыслію нашею ко городу вѣдомства военнаго. При отчисленіи города въ военное вѣдомство долженъ быть отъ него отчисленъ и уѣздъ; поэтому купецъ, платя въ городѣ капиталъ, уже лишается права торговать въ отчисленномъ уѣздѣ безъ платежа особыхъ гильдейскихъ пошлинъ тому городу, къ которому будетъ принадлежать уѣздъ; далѣе по положенію Старой Руссы, городъ долженъ содержать своими доходами, а квартирная повинность должна будетъ отбываться только тѣми деньгами, которыя дол-

жимыхъ имѣній по полупроцента; этотъ способъ даже и съ самыми городскими доходами далеко не можетъ удовлетворять тѣ расходы, которые потребуются по городу, слѣдовательно, неизбѣжный въ томъ недостатокъ каждаго обывателя подвергнетъ лишнимъ налогамъ, если не казна должна будетъ пополнять изъ своихъ доходовъ; напротивъ же, городскіе расходы съ теперешняго состоянія города не только не требуютъ никакого пособія, но еще городъ имѣетъ свой запасный капиталъ.

Все это и въ особенности *непостижимое для ума нашего* преобразованіе города устрало купеческое и мѣщанское общество до того, что многіе приняли твердое намѣреніе оставить нашъ городъ и переселиться въ городъ гражданскаго вѣдомства; затѣмъ прочіе, которые не боятся остаться, неизбѣжно должны будутъ подвергнуться стѣсненію въ слѣдующихъ обстоятельствахъ:

а) Купцы при малочисленности своего общества должны, безъ сомнѣнія, нести городскую службу, которая отниметъ у нихъ время, необходимое для занятія торговлею, напротивъ иногородніе купцы, при своей свободѣ, въ мѣстодворской ярмаркѣ и городѣ одни только будутъ пользоваться желанными способами и выгодами торговли, а съ переходомъ купцовъ въ иногороднія общества должны изъяться изъ оборотовъ нашей торговли и ихъ капиталы и вмѣстѣ съ этимъ и торговое вліяніе азіатцевъ обратиться къ иногороднимъ купцамъ, а не къ намъ.

б) При теперешнемъ положеніи торговаго оборота имѣютъ отъ 7 до 10 милліоновъ рублей, а при раздробленіи общества дойдутъ до самыхъ меньшихъ размѣровъ.

Повергнувъ всенижайшее милостивому вниманію Вашего Превосходительства нужды наши, осмѣливаясь покорнѣйше просить высокаго ходатайства Вашего о сохраненіи при Оренбургѣ тѣхъ правъ, которыя онъ нынѣ имѣетъ и о представленіи купеческому

и мѣщанскому обществу тѣхъ льготъ, которыя для нихъ представляютъ существенную необходимость по своему званію.»

Означенный документъ прежде всего характеренъ по своему изложенію—мы видимъ, какъ отмѣнно учтиво писалось почти 60 лѣтъ тому назадъ.

Далѣе проектъ, задуманный администраціей и какъ его, не безъ ядовитости обозвалъ въ своей бумагѣ Горячевъ «непостижимый для ума нашего» заключался, очевидно, въ томъ, чтобы городъ Оренбургъ сдѣлать вполнѣ военной крѣпостью. Проектъ—вполнѣ измышленіе бюрократіи, потому что, если городъ Оренбургъ и нуждался въ какомъ либо измѣненіи, то лишь въ уничтоженіи крѣпости, которую онъ изъ себя избражалъ, такъ какъ крѣпость, дѣйствительно не имѣла никакихъ основаній для своего существованія—граница отодвинулась далеко на югъ и крѣпость только стѣсняла дальнѣйшее развитіе города, если таковое могло быть.

Наконецъ, въ этой бумагѣ указано на тѣ льготы, которыя практиковались правительствомъ, чтобы развить торговлю. Торговлю, насильственно, за волосы, если такъ можно выразиться, притягивали къ городу.

Уже первая мѣра—устройство мѣновыхъ дворовъ въ Оренбургѣ и Троицкѣ—сконцентрированіе всей мѣновой торговли только въ двухъ мѣстахъ—ясно говоритъ объ искусственности постройки города Оренбурга, дальнѣйшія мѣропріятія, указанныя въ запискѣ Горячева, свидѣтельствуютъ, что привлечь торговый классъ въ Оренбургъ было очень трудно. Это самое подтверждаютъ и тѣ немногочисленные данныя о числѣ купцовъ торгующихъ въ Оренбургѣ, которыя намъ удалось розыскать въ думскихъ журналахъ.

Оказывается что купцы 1-ой гильдіи появились въ Оренбургѣ всего лишь съ 1838 г., что второгильдейскихъ купцовъ было тоже очень незначительное число, и что ростъ купечества пошелъ только въ концѣ 30-хъ годовъ.

V. Таблица количества купеческихъ капиталовъ.

	1831	1834	1836	1837	1838	1839	1840	1841
1-ой гильдіи	—	—	—	1	1	2	2	2
2-ой >	—	—	—	2	3	3	3	3
3-ей	—	—	—	24	79	95	86	168
Итого .	37	48	42	27	83	100	91	173

Все это ясно свидѣтельствуесть, что городъ Оренбургъ былъ тепличнымъ растеніемъ и долгое время нуждался въ особенныхъ заботахъ и не будь этихъ льготъ—судьба Оренбурга, конечно, малымъ чѣмъ отличалась бы отъ судьбы, напиримѣрь, города Орска

Итакъ первой и самой главной причиною сравнительнаго процвѣтанія и благополучія города Оренбурга слѣдуетъ признать многочисленныя льготы купечеству и мѣщанству, проживающимъ и привлекаемымъ на жительство въ Оренбургъ.

Затѣмъ, слѣдующаѣмъ факторомъ въ истеріи развитія Оренбурга, безспорно, является созданіе изъ Оренбурга особой административной единицы; до 1865 года городъ Оренбургъ былъ всего лишь узлымъ городомъ, но въ немъ имѣли свое мѣстопробываніе главные начальники Оренбургскаго края— сперва военные губернаторы, а потомъ генералъ-губернаторы.

Рслѣствіе этого въ городѣ постоянно было много военныхъ, такъ въ 1797 году изъ 5441 челоѣка жителей—военныхъ было 4626 или 85,02%, на купцовъ, мѣщанъ и прочее приходилось лишь 815 челоѣкъ или 14,98%; въ 1847 году число военныхъ равнялось 6217, что составить около 30%.

Далѣе, пребываніе высшаго начальства безусловно вызывало жительство въ городѣ многочисленнаго чиновничества. Все это, конечно, играло большую роль въ судьбѣ города—и весьма понятно, что уничтоженіе въ 1881 году генералъ-губернаторства вызывало нижеслѣдующія разсужденія: *)

*) Орен. Лист. 1881. № 2.

•Исторія города Оренбурга и Оренбургскаго края нынѣ вступаетъ въ новую эпоху. Упраздненіе Оренбургскаго генераль-губернаторства и Оренбургскаго военного округа освобождаетъ городъ и край отъ исключительныхъ условій государственной жизни и обособленности и вводитъ ихъ въ общую жизнь прочихъ частей центральной Россіи, связывая эти части органически съ цѣльнымъ. Оренбургъ теперь не главный городъ завожскихъ степей, а обыкновенный губернский городъ и край Оренбургскій распадается на четыре обыкновенныхъ губерніи. Первымъ послѣдствіемъ этой мѣры явится, конечно, сокращеніе казенныхъ затратъ на дорого стоящія казенныя особые учрежденія. Вторымъ послѣдствіемъ будетъ болѣе ровное теченіе внутренней мѣстной жизни. Но самымъ ближайшимъ образомъ, по крайней мѣрѣ на первый разъ, новая мѣра коснется очень невыгодно мѣстной городской торговли и установившагося общественнаго строя. Слишкомъ триста тысячъ рублей, составляющихъ содержаніе чиновъ упраздненныхъ учреждений, оставались большею частью на мѣстѣ и теперь, уплывая, посократятъ дѣла и бакалейщиковъ и галантерейщиковъ. Около 150 чиновъ, составляющихъ мѣстную интеллигенцію, такъ или иначе, отъѣздомъ своимъ воздѣйствуютъ на строй жизни нашей, безъ чиновниковъ, татарски сѣренькой. Милліоны рублей, которые затрачены на разныя казенныя сооруженія, оставляютъ послѣ себя множество пустыхъ домовъ и зданій, которыхъ и дѣтъ некуда. Словомъ, новая мѣра *просто нудитъ, давитъ насъ* и туземцу трудно понять, какъ это Оренбургъ, отъ начала своего управляемый на особомъ правѣ, войдетъ въ общую колею и заживетъ по новому. Обыватель готовъ уже вообразить, что Оренбургъ станетъ городомъ татарскимъ».

Наконецъ, нужно указать, что къ подобнымъ суррогатамъ для развитія города прибѣгаютъ и въ послѣднее время—такъ городское управленіе, несмотря ни на что, рѣшило, чтобы управленіе Оренбургъ—Ташкентской дороги было въ Оренбургѣ, и для этого

уступило даромъ значительный кусокъ городской земли, не пожалѣвъ при этомъ уничтожить часть городского сада, на разведеніе котораго было потрачено и много труда и много денегъ. Мотивъ — весьма простой, учрежденіе въ г. Оренбургѣ управленія желѣзной дороги привлечетъ въ городъ тысячу, другую новыхъ служащихъ, которые должны безусловно повліять на благосостояніе города.

Такимъ образомъ ясно, что, особенно первое время, на развитіе города было употреблено много искусственныхъ мѣръ. Естественнымъ толчкомъ развитія города надо считать проведеніе Оренбургъ-Самарской желѣзной дороги — Оренбургъ съ этого времени могъ болѣе успѣшно заниматься экспортомъ. Но вмѣстѣ съ развитіемъ экспорта городъ не замедлилъ воспользоваться и исключительною, опять таки искусственною мѣрою — онъ исходатайствовалъ обложить въ свою пользу привозимые и вывозимые изъ Оренбурга грузы $\frac{1}{4}$ копѣчнымъ попутнымъ сборомъ. Мотивировка этого сбора вызываетъ улыбку. Сборъ предназначался для шоссировки подъѣздного пути отъ станціи желѣзной дороги до Мѣнового двора, такъ какъ грузы, привозимые по желѣзной дорогѣ, шли или на или съ мѣновнинской ярмарки. Состояніе этого подъѣздного пути и въ настоящее время безобразно, а денегъ было собрано не мало.

Между тѣмъ Оренбургъ, являясь центромъ Оренбургской губерніи; могъ бы за послѣднее время развиваться естественно, если бы только появилась торговая предприимчивость. Въ настоящее время Оренбургъ стоитъ на полѣ пути между Туркестаномъ — центромъ нашего хлопка и Москвою, центромъ хлопчатобумажной промышленности Цѣлые поѣзда хлопка, а въ прежнес время цѣлые караваны хлопка проходили черезъ Оренбургъ, и никто не догадался часть хлопка перехватить, устроивъ въ Оренбургѣ хлопчатобумажную фабрику, конечно, съ выдѣлкою главнымъ тѣхъ издѣлій, которые потребляются на средне-азіатскомъ рынкѣ. Разговоръ о недостаткѣ топлива **является безусловно и, особенно въ настоящее время, пус-**

тымъ разговоромъ. Не говоря уже о томъ, что лѣсныя богатства Башкиріи вовсе не эксплуатировались несмотря на сплавныя рѣки Сакмару и Икъ—въ Оренбургской губерніи есть каменный уголь, правда, бурый, но дѣланныя надъ нимъ въ срединѣ 80-хъ годовъ испытанія показали полную его пригодность, и кромѣ того по линіи Ташкентской желѣзной дороги найдена нефть.—Все какъ будто благопріятствуетъ, но обычная косность и главнымъ образомъ существовавшій бюрократическій строй душили всякую инициативу. Далѣе, естественныя богатства Оренбургской губерніи болѣе чѣмъ поразительны.

Оренбургская губернія имѣетъ ту замѣчательную особенность, что если бы какимъ чудомъ ей пришлось существовать самостоятельно и вполне независимо, то она могла бы обойтись для удовлетворенія всѣхъ потребностей населенія исключительно собственными средствами *).

Дѣйствительно, *хлѣбъ*, т. е. главнымъ образомъ пшеница—родится въ Оренбургской губерніи такъ хорошо и въ такомъ изобиліи, что оренбургскій экспортъ хлѣба занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи и это несмотря на то, что обработка полей производится самымъ примитивнымъ образомъ, что сельское хозяйство у насъ ведется болѣе чѣмъ варварски. Вотъ цифры самыхъ послѣднихъ лѣтъ: **)

	1899	1900	1901	1902	1903	1904
Посѣяно пуд.	10197244	13852650	1 931410	12453752	12168750	14889779
Собрано . .	43291028	77623056	69392755	46185762	61281587	83804130

Такимъ образомъ урожай колеблется отъ самъ 5 до самъ 7.

*) Адресъ-Календарь 1888 г.

**) Статист. обзоръ Оренб. губерніи за 1904 годъ.

Соль залегае́тъ такимъ пластомъ подъ г. Илецкомъ, что ея, по вычисленіямъ горныхъ инженеровъ, съ избыткомъ достанетъ на 10000 лѣтъ для всего населенія земнаго шара.

Мѣдь и желѣзо могутъ быть добываемы въ неисчерпаемыхъ мѣсторожденіяхъ по обѣ стороны Уральскихъ горъ.

Въ 1903 году добыча золота равнялась 181 пуд. 3 фун. 59 золотникамъ, въ 1904 году добыча золота выразилась въ 200 пуд. 12 фун. 34 зол. и 57 долей, не смотря на то, что изъ общаго количества извѣстныхъ приисковъ въ 1350 приисковъ разрабатываются 199, т. е. почти $\frac{1}{7}$ часть, а сколько еще неизвѣстныхъ приисковъ—одинъ Аллахъ вѣдаетъ.

Размѣры скотоводства также поразительны громадны общее количество головъ скота въ 1904 году выразилось въ 3156418 головъ, изъ нихъ рогатаго скота 770940 гол., лошадей—808273, овецъ 1043507.

Даже эти незначительныя цифровыя данныя говорятъ о богатствѣ губерніи—и не смотря на свои естественныя богатства губернія не имѣетъ обрабатывающей промышленности, а только вывозить и вывозить. Безспорно, что новая эра, которая восходитъ надъ Россіей, коснется и Оренбурга и онъ позабудетъ свою прежнюю пору, когда для своего развитія онъ нуждался только въ покровительственной системѣ и разовьетъ свои естественныя силы, пока находящіяся въ потенціи.

Мы показали, что развитіе города шло искусственнымъ образомъ, что населеніе привлекалось при помощи различныхъ льготъ, но кромѣ этихъ льготъ колонизація города Оренбурга носила прямо принудительный характеръ, причемъ Оренбургъ населялся совсѣмъ нежелательнымъ элементомъ

Льготы, которыя давались переселенцамъ въ гор. Оренбургъ дѣйствовали не особенно успѣшно: переселенцовъ особенно на первыхъ порахъ являлось сравнительно мало *). Въ это время—вторая половина

*) См. мою работу: общій взглядъ на Исторію Народнаго образованія въ Оренб. Краѣ. Епарх. Вѣд.

XVIII вѣка въ Россіи происходилъ процессъ оформливанія крѣпостнаго права, давалась юридическая санкція произведенному прикрѣпленію къ землѣ, народъ находился въ рабской зависимости или отъ помѣщика или отъ государства, и не первый и ни послѣдніе не могли отпустить дорогого работника и платежную силу на новые мѣста. Итакъ свободная колонизація могла доставить сравнительно ничтожное количество жителей въ Оренбургскій край и правительство прибѣгаетъ къ понудительному переселенію. Прежде всего правительство начинаетъ ссылатъ въ Оренбургскій край преступниковъ, или, какъ тогда называли ихъ «колодниковъ», причемъ мотивами ссылки были два положенія, необходимо, чтобы колодникъ былъ способенъ или къ работѣ или къ нерегулярной службѣ (указъ 1744 года)*. Такимъ образомъ тѣ личности, которыя считались преступниками во внутренней Россіи, должны были сдѣлаться пионерами-организаторами въ Оренбургѣ. Ссылка эта существовала офиціально до 1773 года, когда Екатерина II указомъ воспретила ссылатъ колодниковъ въ Оренбургъ и Оренбургскій край, но, очевидно, запрещеніе было только на бумагѣ, такъ какъ уже въ 1831 году явилась надобность въ повтореніи этого запрещенія, причемъ слово «колодникъ» замѣнено выраженіемъ «люди порочнаго состоянія».

Сколько было сослано въ Оренбургъ и Оренбургскій край колодниковъ, сказать мудрено, за неимѣніемъ статистическихъ данныхъ, но надо полагать значительное количество.

Кромѣ ссылки преступниковъ и людей порочнаго состоянія, правительство на первыхъ же порахъ стало переселять на новую окраину элементъ нежелательный съ другихъ окраинъ. Такъ, послѣ каждаго раздѣла Польши въ Оренбургскій край массами шли польскіе конфедераты. Во время Пугачевского бунта они надѣлали много тревоги для оренбургскихъ властей, опасались, что они примкнутъ къ Пугачеву, въ

*) Полное собраніе законовъ: №№ 8906, 9170, 9553, 9875, 9915, 10458, 10482, 10764, 12355 13037, 13975, 14077.

виду чего Оренбургскій губернаторъ, напримѣръ, 4-го Сентября 1773 года предписалъ сосланныхъ въ Уфу конфедератовъ разослать по другимъ городамъ уфимскаго намѣстничества. Долгое время ссылка поляковъ производилась административными распоряженіями, но съ 1831 года были даже изданы особые правила для переселенія однодворцевъ изъ Польши.

Кромѣ преступниковъ и ссыльныхъ въ распоряженіи правительства былъ еще одинъ элементъ: государственные крестьяне—и этимъ элементомъ правительство широко пользовалось. Далѣе шло переселеніе и частно-владѣльческихъ крестьянъ и наконецъ, бѣжали въ Оренбургъ и Оренбургскій край всѣ тѣ, которымъ или плохо жилось на родимой сторонкѣ, или которые чувствовали за собою какую либо вину и надѣялись бѣгствомъ избѣжать наказанія и, наконецъ, или тѣ, въ которыхъ была склонность къ бродяжничеству.

Относительно бѣглыхъ правительственная власть была поставлена въ затрудненіе и испытывала двойственность положенія: съ одной стороны бѣгле были очень желательны, такъ какъ они увеличивали русскій элементъ въ краѣ, съ другой стороны бѣгле крестьяне нарушали интересы помѣщиковъ, причиняли убытокъ внутри Россіи, помѣщики обращались съ постоянными жалобами, съ указаніями, что Оренбургскій край—притонъ для бѣглыхъ, что Оренбургское начальство потворствуетъ бѣглымъ, не разыскиваетъ ихъ и не возвращаетъ къ настоящимъ владѣльцамъ.

И вотъ, правительство съ одной стороны издаетъ рядъ указовъ о возвращеніи бѣглыхъ, съ другой стороны, смотритъ сквозь пальцы на то, что на территоріи Оренбургскаго края то тамъ, то здѣсь вырастаютъ неизвѣстно откуда взявшіяся поселки, хутора и затѣмъ узакониваетъ этихъ самовластныхъ пришельцевъ или обращаетъ ихъ въ казаки.

О томъ, какъ велика была нужда въ людяхъ свидѣтельствуютъ планъ, возникнувшій во времена Неплюева, о переселеніи въ Оренбургъ и Оренбургскій

край черногорцевъ, населеніе въ крѣпостяхъ грузинцевъ и валаховъ.

Таковы были первоначальныя попытки колонизировать Оренбургъ и Оренбургскій край

Изъ приведенныхъ статистическихъ таблицъ, изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, слѣдующее резюме:

Возникновеніе города Оренбурга объясняется чисто административными надобностями, такъ что городъ Оренбургъ возникъ неестественно, вслѣдствіе существованія мѣстныхъ причинъ для его образованія; дальнѣйшее его развитіе также зависело отъ искусственныхъ мѣръ: прежде всего его населяли колодниками, высылаемыми изъ Россіи, далѣе привлекали въ него купечество всевозможными льготными мѣрами и наконецъ дѣлали различныя административныя попытки населенія его вовсе неподходящимъ элементомъ (черногорцами, черкесами и валахами). Ростъ Оренбурга, такимъ образомъ, зависѣлъ главнымъ образомъ не отъ естественнаго прироста населенія, а отъ колонизаціи. Наконецъ, существеннымъ факторомъ въ исторіи развитія города было и то обстоятельство, что онъ служилъ резиденціей высшаго начальства края.

XXII.

Весь первый кварталъ по Николаевской улицѣ отъ собора до Шапошиниковской богадѣльни принадлежалъ инженерному вѣдомству—здѣсь было зданіе и для канцеляріи, и для цейхгаузовъ, и для складовъ, и для военно-судной роты. Такое скопленіе инженерныхъ построекъ весьма понятно, если мы примемъ во вниманіе, что въ Оренбургъ сосредоточивалось инженерное управленіе всѣмъ Оренбургскимъ краемъ, отсюда исходили всѣ распоряженія по строительной части. А ихъ, принимая во вниманіе недавнее присоединеніе края, постоянное раздвиганіе нашихъ юго-восточныхъ границъ, постройка все новыхъ и новыхъ крѣпостей — должно было быть очень много.

И, дѣйствительно, инженерная дѣятельность была кипучей, хотя и не могла назваться вполне успешною и плодотворною, чему отчасти виною служилъ постоянный недостатокъ въ инженерахъ. Тщетно военные губернаторы вызвали въ Петербургъ, прося увеличить штатъ или хотя временно командировать нѣсколько офицеровъ — высшее инженерное начальство было глухо къ просьбамъ, постоянно отвѣчало отказомъ, а иногда, какъ на примѣръ при графѣ Сухтеленѣ—даже иронизировало, что-де военный губернаторъ съумѣетъ, конечно, вполне продуктивно распорядиться съ имѣющимся у него штатомъ инженеровъ.

А постройки велись громадныя; укажемъ хотя на нѣкоторыя: такъ во времена графа Сухтелена былъ устроенъ Верхнеуральскій торговый трактъ, нѣкоторые мосты этого тракта сохранились и до нашихъ дней и поражаютъ своею прочностью; при графѣ Перовскомъ выстроены почти всѣ наиболѣе значительныя зданія Оренбурга—нынѣшняя казенная палата, караванъ-сарай, постройки госпиталя и пр.

Часть инженерныхъ построекъ перешла въ вѣдомство юстиціи. Судебная реформа коснулась Оренбурга не сразу, правда, мировыя учрежденія были введены тотчасъ послѣ ихъ опубликованія, но остальная часть реформы долгое время признавалась для города Оренбурга и Оренбургскаго края нежелательною и въ Оренбургѣ вплоть до 1895 года дѣйствовала старая уголовная судебная палата.

А какой радостью было встрѣчено въ 1879 году введеніе мирового суда. Тогда Оренбургскій листокъ былъ только что зародившимся органомъ печати и чутко откликался на всѣ начинанія. И онъ такъ привѣтствовалъ открытіе мировыхъ судей и сѣзда:*) «преимущества новаго судебного порядка таковы, что вносятся благодѣтельныя начала въ общежитіе, помимо воли и желанія примѣнителей закона. Достоинства новаго суда—гласность, равноправность и свобода

*) Орен. Лист. 1879. № 2—8.

убѣжденій суда — дѣйствительно ставятъ реформу суда краеувольнымъ камнемъ народнаго благоденствія. Всякое гласное дѣйствіе, не скрывающееся въ уголки канцелярскихъ тайнъ и бумажнаго производства уже по самому способу своего проявленія заключаетъ въ себѣ гарантію добросовѣстности, правильности и честности. Равноправность всѣхъ передъ судомъ служить несомнѣннымъ подспорьемъ въ воспитательномъ отношеніи общества, поднимая нравственное значеніе общечеловѣческаго достоинства личности. Свободное примѣненіе судьями убѣжденій своей совѣсти заключаетъ въ себѣ животворящую силу современнаго судебного порядка; это внутреннее убѣжденіе можетъ быть примѣнено къ несмѣтнымъ перепетіямъ правовыхъ проявленій; оно не связывается и не стѣсняется узкою рамкою формальныхъ впредь установленныхъ доказательствъ, не могущихъ при всемъ стараніи законодательства обхватить всѣ отдѣльныя фазисы обывательской жизни. Эти слова высказывались по поводу совершившагося 13 февраля 1879 года открытія мирового съѣзда! — Увы! ему не пришлось праздновать своего двадцатипятилѣтняго юбилея — мировые судьи замѣнены городскими и земскими начальниками, а мировой съѣздъ — уѣзднымъ съѣздомъ.

Второй разъ свой праздникъ мѣстная юриспруденція справляла 18 іюня 1894 года, когда министръ юстиціи открылъ въ Оренбургѣ дѣйствія окружного суда.

— Сѣренъкая обывательная дѣйствительность, захолустная провинціальная жизнь не давала почвы для громкихъ процессовъ. Если и свершались „громкія дѣянія“ — то ихъ герои были слишкомъ высокіе по общественному положенію и не подлежали общественному суду. Поэтому особо выдающихся дѣлъ въ практикѣ Оренбургскаго суда почти что не было. Правда, въ 1880 г. сильное любопытство было возбуждено дѣломъ преданію суду одного изъ мѣстныхъ частныхъ повѣренныхъ по обвиненію въ подлогѣ духовнаго завѣщанія — дѣло извѣстное подъ именемъ „дѣло изъ за хвостика“. Суть его въ нѣсколькихъ словахъ въ слѣдую-

щамъ: 28 октября 1878 г. умираетъ въ Верхнеуральскѣ миллионщикъ мѣстный купецъ П. П. Рытовъ, послѣ котораго осталось духовное завѣщаніе. Это духовное завѣщаніе между прочимъ было подписано свидѣтелемъ священникомъ Агишевымъ, а въ текстѣ завѣщанія этотъ же Агишевъ упомянуть наслѣдополучателемъ суммы въ 500 р. Духовное завѣщаніе такимъ образомъ должно было быть признано недѣйствительнымъ. Но... но съ нимъ произошла метаморфоза—оказалось, что въ текстѣ завѣщанія стоитъ фамилія не Агишевъ, а Агищевъ. Измѣнился только хвостикъ у ш—въ этомъ случаѣ завѣщаніе должно было быть утверждено, но возникъ вопросъ о подлѣлкѣ буквы щ—и въ результатѣ судъ, причемъ защитникомъ выступилъ знаменитый адвокатъ Александровъ, защитникъ Вѣры Засуличъ *). Много говора возбуждало дѣло о подложныхъ векселяхъ отставного полковника, домовладѣльца, гласнаго думы, неугомимаго предпринимателя, пострадавшаго за свои предпріятія: онъ велъ обширное хлѣбное дѣло, затѣмъ увлекся сельскою культурою, имѣлъ въ Оренбургѣ не только табачныя плантаціи, но и табачную фабрику, стоившую ему разоренія; далѣе онъ увлекся открытіемъ минеральныхъ богатствъ въ киргизской степи, гдѣ онъ служилъ илецкимъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ; сначала его вниманіе занялъ каменный (бурый) уголь, а затѣмъ мѣдныя руды, открытыя почти что рядомъ съ углемъ. Перспектива обольстительной возможности доставить безлѣсному краю дешовое минеральное топливо и выплавлять мѣдь на мѣстѣ добычи увлекла предпринимателя до такой степени, что онъ усадилъ въ свое дѣло все свое состояніе и успѣлъ заинтересовать даже нѣкоторыхъ капиталистовъ какъ мѣстныхъ, такъ и московскихъ. При всемъ томъ постоянныя неудачи, неумѣлое сооруженіе плавильныхъ печей и затянувшійся процессъ ожидаемыхъ барышей мало по малу отогналъ охотниковъ помогать предпріятію своимъ

*) Оп. Ист. 1880. № 52. 1881 г. 8. 10—13. 15. 16. 18.

капиталами и когда предпринимателю пришлось опять орудовать на свой собственный страхъ, то состоянія не хватило, понадобился кредитъ, а въ заключеніе уже трудно было найти къ векселю благонадежный бланкъ и вотъ учтываются «фиктивные» векселя; первое время они учтываются исправно, но насталъ критическій моментъ — струна лопнула, предприниматель не уплатилъ по векселямъ и обнаружилось, что векселя фиктивные или подложные *).

Мѣстное купечество поволновалось въ 1881 году, когда почти одновременно разбиралось два дѣла — по одному крупный коммерсантъ, сельскій хозяинъ, видный общественный дѣятель обвинялся въ кражѣ 400 руб., а другое дѣло несостоятельность оренбургско-азиатской старинной фирмы. Обстоятельства первого дѣла очень несложны: купецъ долженъ былъ заплатить конкурсному управленію 544 руб. 25 коп.; онъ и отправился на дачу къ куратору и предсѣдателю конкурснаго управленія и, поторговавшись обычно, отсчитываетъ 400 руб. Предсѣдатель кладетъ деньги на столъ и идетъ въ дачу написать росписку, а деньги лежатъ на столѣ на балконѣ. Не желая ли, чтобы деньги разнесло вѣтромъ или считая ихъ до получения квитанціи еще своими деньгами, купецъ взялъ деньги въ руку и за разговорами не помнилъ, какъ эти деньги онъ положилъ въ карманъ пальто; получивъ квитанцію, напившись чаю у куратора, онъ уѣхалъ и увезъ и росписку и деньги. За нимъ учинили погоню и онъ отдалъ деньги. Но черезъ день послѣ этого обстоятельства кураторъ понесъ въ общественный банкъ вексель къ учету, а купецъ, какъ исполнявшій обязанности директора банка, отказался учесть. Тогда его обвинили въ кражѣ, но судъ оправдалъ. Впрочемъ этотъ мѣстный дѣятель въ концѣ концовъ пошелъ на поселеніе **). Прогремѣло въ 1888 году дѣло Горской, обвиняемой въ истязаніяхъ и убійствѣ изъ за ревности своей племянницы, была

.) «Оренб. Лист.» 1883 г. № 4) и 50, 1884 г. № 1.

**) «Оренб. Лист.» 1881 г. № 50.

въ 1883 году значительная кража 348,400 руб. изъ оренбургской конторы Московскаго Торговаго Банка было нѣсколько банкротствъ и растраты—вотъ и всѣ преступленія, которыя приходилось разсматривать Оренбургскому суду. Мы не приводили именъ героевъ вышеуказанныхъ преступленій—оренбуржцамъ они и такъ извѣстны, а между тѣмъ большинство изъ этихъ печальныхъ героевъ сошли съ земной арены — а о мертвыхъ, говоритъ латинская пословица... Минувать же молчаніемъ эти дѣла мы не могли, какъ какъ всетаки они до извѣстной степени характеризуютъ Оренбургскую жизнь,—это, правда, тѣнь въ общей картинѣ, но безъ тѣни и свѣтъ не такъ ярко выдѣлается.

За окружнымъ судомъ по обѣ стороны Николаевской улицы идутъ постройки инженернаго вѣдомства, которыя и примыкають къ двухъэтажному довольно изящной архитектуры, въ дорическомъ стилѣ, съ колоннами зданію Шапошниковской богадѣльни. Эта богадѣльня городская, свой нынѣшній видъ она приняла сравнительно недавно, послѣ пожара 1879 года, до него зданіе хотя занимало по линіи фасада то же пространство, но было одноэтажное. Въ пожарѣ 1879 г. зданіе это довольно сильно пострадало и городская дума, разсматривала вопросъ о возобновленіи городскихъ зданій, порѣшила надстроить второй этажъ надъ зданіемъ богадѣльни и увеличить штатъ призрѣваемыхъ. Исторія Шапошниковской богадѣльни слѣдующая: *)

16 декабря 1808 года коллежскій ассессоръ, ковалеръ и городской голова Филиппъ Шапошниковъ при прошеніи доставилъ въ Уфимскій приказъ общественнаго призрѣнія 10 т. руб. ассигнаціями на предметъ построенія въ городѣ Оренбургѣ богадѣльни съ тѣмъ, чтобы процентами съ этой суммы содержались 25 человѣкъ богадѣльщиковъ, но такъ какъ сумма 10 т. руб. не вполне была достаточна, то для увеличенія оной, по распоряженію бывшаго Оренбургскаго

*) Ор. Лист. 1889. № 38.

военнаго губернатора князя Волконскаго съ разрѣшенія министра полиціи графа Вязьмитинова опредѣлене сумму 10 т руб. обращать въ ссуду желающимъ, предложивъ имъ сверхъ взимаемыхъ 6 процентовъ, дать добровольно большій процентъ въ видѣ благотворительнаго пожертвованія на благоудное дѣло—открытіе богадѣльни. На этихъ условіяхъ охотниковъ занять деньги не оказалось и сумма до 1815 года отдавались изъ шести процентовъ, такъ что къ 1815 г. составилось 15854 руб 77 коп. Такъ какъ на проценты съ этой суммы содержатъ 25 богадѣльщиковъ все еще не представлялось возможнымъ, тѣмъ болѣе, что по расчету, взятому за 1813 годъ, содержаніе каждаго богадѣльщика обходилось въ годъ 84 руб. ассигнаціями, то Шапошниковъ, какъ инициаторъ дѣла, выстроилъ для богадѣльни каменный домъ и въ продолженіи слишкомъ пяти лѣтъ, съ 1813 по 1818 годъ, содержалъ богадѣльню на свой счетъ, не пользуясь процентами съ фондоваго капитала. Въ 1818 г. ко времени отказа Шапошникова отъ содержанія на свой счетъ богадѣльни капиталъ отъ находившихся процентовъ возросъ до 17533 руб. 24 коп., по цѣнамъ того времени каждый богадѣльщикъ обходился въ годъ по 51 руб 65 коп., на что требовалось еже годно 2320 руб. 85 коп., не считая одежды, которая должна была ежегодно обходиться въ 1375 р. 88 коп.; въ виду этого по представленіи о семъ министру полиціи послѣдовало распоряженіе сдать богадѣльню на содержаніе Оренбургскому магистрату и ежели оный приметъ возложенную на него обязанность, то выдать ему въ распоряженіе всю капиталную сумму, хранящуюся въ Уфимскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія. 17533 руб. 24 коп.

Въ 1818 году 27 октября Оренбургское купеческое и мѣщанское общество, по приглашенію городского головы Набатова, заслушало распоряженіе министра полиціи и изъявило желаніе принять богадѣльню, а недостающее количество денегъ на содержаніе ея пополнять добровольнымъ окладомъ отъ торгующаго въ Оренбургѣ сословія. Приговоръ этотъ под

писавъ коллежскимъ ассессоромъ Ф. Шапошниковымъ, купцомъ А. Авдѣевымъ, Галіемъ Ишмуратовымъ съ прочими и мѣщанами Ефимомъ Мякинковымъ, Василиемъ Дѣевымъ съ прочими, въ числѣ 27 лицъ.

Въ пользу богадѣльни поступали также и пожертвованныя деньги изъ разныхъ мѣстъ, и изъ кружки, выставленной при богадѣльни, всего до тысячи рублей. По отчетности 1819 г. прихода было 3854 р. 50 коп., столько же показано и расхода. Далѣе, въ послѣдующіе года сумма, пожертвованная Шапошниковымъ увеличивалась, а съ тѣмъ вмѣстѣ и приказъ общественнаго призрѣнія увеличивалъ высылку процентовъ, такъ что улучшалось и положеніе богадѣльни, о ней рѣчь ниже, за послѣднее трехлѣтіе выразилось:

въ 1902 году . . .	10224 р. 62 к.
въ 1903 » . . .	11611 р. 57 к.
въ 1904 » . . .	10994 р. 34 к.

Основной капиталъ Шапошниковской богадѣльни возросъ до 51334 руб., изъ нихъ 32334 руб. отъ имени Оренбургскаго купеческаго и мѣщанскаго общества, а остальные 19 тысячъ пожертвованныя частными лицами г.г. Ладыгинымъ (5000 руб.), Сафроновой (6000 руб.) и другими. Въ богадѣльнѣ въ настоящее время имѣется 140 кроватей, но на нихъ значится не менѣе 500 кандидатовъ, поэтому весьма естественно, что кандидатамъ приходится ждать по нѣсколько лѣтъ и многія изъ нихъ такъ и умирають гдѣ нибудь по угламъ, не дождавшись очереди приѣма въ богадѣльню.

Съ 25 октября 1887 года въ вѣдѣніи города состоитъ богадѣльня потомственныхъ почетныхъ гражданъ братьевъ Дѣевыхъ, которые устроили эту богадѣльню на 25 человѣкъ мужчинъ и передали въ вѣдѣніе города съ капиталомъ 10 т. руб. и имуществомъ недвижимымъ, заключающимся въ каменномъ одноэтажномъ домѣ оцененномъ въ 13010 руб. 13 коп. Богадѣльня помѣщается противъ Покровской церкви. Къ 1906 г. капиталъ богадѣльни возросъ до 15650 р.

Наконецъ 5 августа 1896 года въ вѣдѣніе города поступила третья богадѣльня для женщинъ, названная Ивановскою, въ честь мѣстныхъ купцовъ С. Иванова и М. Ивановой, пожертвовавшихъ капиталъ и домъ для этой богадѣльни. При пріемѣ отъ душе приказчиковъ Ивановыхъ зданія подъ богадѣльню произошла обычная въ нашей русской дѣйствительности исторія—комиссія не хотѣла принимать домъ, такъ какъ возникли сомнѣнія, соблюдена ли вполнѣ воля жертвователей. Объ этомъ доложили думѣ, были жаркія пренія и въ концѣ концовъ вспомнили пословицу—даренному коню въ зубы не смотреть и успокоились. Эта богадѣльня обезпечена капиталомъ въ 25300 руб.

Итакъ, въ городѣ существуютъ три богадѣльни, но не смотря на это—общественное призрѣніе—одно изъ большихъ мѣстъ городского управленія.

Въ праздники на папертяхъ Оренбургскихъ церквей масса нищихъ, а въ особенные дни, когда мѣстными купцами, хранящими старые завѣты раздается «милостынька», къ домамъ этихъ мѣстныхъ филантроповъ нѣтъ по улицѣ ни проѣзда, ни прохода. Улица сплошь занята громадной толпой жаждущихъ и страждущихъ. Изъ всѣхъ угловъ, со всѣхъ закоулковъ города выползаетъ въ эти дни такая бѣднота, такая старость и такіе увѣченные и больные, что сердце обливается кровью, когда приходится на нее взглянуть. Въ обычные дни этой бѣдноты такъ не замѣтно, она расплзается по громадному всетаки размѣрамъ городу, —и для этой бѣдноты городское управленіе пока, дѣйствительно, ровно ничего не дѣлало. Правда у насъ существуетъ «бесплатный городской ночлежный домъ», но онъ ютится въ такомъ безобразномъ помѣщеніи, что является лишь очагомъ заразы—эпидемія тифа начиналась почти всегда съ ночлежнаго дома, да и притомъ эта ночлежка по своимъ размѣрамъ болѣе чѣмъ ничтожна, но она набивается, особенно зимою, по ночамъ такъ, что непривычный человѣкъ не можетъ взойти въ нее. Спать и на нарахъ, и подъ нарами, и на полу—словомъ занимается

каждый кусочекъ. на кагорбмъ какъ нибудь да можно приютиться. Всѣ про это знаютъ, но никто не хочетъ обратить вниманія. Правда въ 1896 году къ намъ прїѣзжалъ *) баронъ С. О. Буксгевденъ, прочиталъ намъ рефератъ о домахъ трудолюбія, дамы-филантропки служали бюрократическія измышленія русскаго барона, было высказано много хорошихъ словъ о домахъ трудолюбія—и въ концѣ концовъ все осталось по старому—тотъ же несчастный домъ трудолюбія на десять старухъ и стариковъ, которые плетутъ корзинки да дѣлаютъ рогожи.

Весьма понятно, что вопросъ общественнаго призрѣнія можно разрѣшить лишь учрежденіемъ участковыхъ попечительствъ, лишь призвавъ горожанъ къ дѣятельности, возможно оказать дѣйствительную помощь, а при всѣхъ остальныхъ стремленіяхъ будетъ, какъ мы и говорили выше, лишь одна жалкая, никому ненужная филантропія.

XXXIII.

Напротивъ Шапошниковской богадѣльни и нѣсколько наискось противъ Петропавловской церкви долгое время существовала небольшая площадка, по всей вѣроятности для парадовъ и разводовъ, такъ какъ Петропавловская церковь была церковью военныхъ, затѣмъ здѣсь помѣщалось зданіе государственнаго банка, которое сгорѣло въ пожарѣ 1879 года. Означенное мѣсто долго пустовало и нѣсколько разъ назначалось съ торговъ, но дума торги не утверждала по не выгоды цѣнъ. Наконецъ, 14 февраля 1885 года мѣсто было продано г. Шотту за 4011 р.

Церковь, находящаяся напротивъ Шапошниковской богадѣльни во многихъ отношеніяхъ интересна: прежде всего ея алтарь выстроенъ не на востокъ, а на юго-востокъ, въ ея оградѣ покоится прахъ лютеранина военнаго губернатора графа Павла Петровича Сухтелена 2.

*) Тур. Газ. 1896. № 38.

Эта церковь одна изъ самыхъ старѣйшихъ церквей города Оренбурга. *) Разрѣшеніе на ея постройку было дано 21 іюня 1755 года, но сама постройка замедлилась и была начата только въ 1757 г., а освѣщеніе цевкви произошло въ 1760 году. 29 мая 1786 года во время громаднаго оренбургскаго пожара она обгорѣла, долгое время существовала въ развалинахъ и уже было высказано предложеніе вовсе уничтожить эту церковь; но этому предложенію воспротивился военный губернаторъ князь Волконскій, опъ нашель средства построить вновь эту церковь, но на бѣду архитекторъ направиль алтарь не на востокъ, а на юго востокъ и Оренбургскій архіерей Амвросій Кембелетъ не давалъ своего согласія на освященіе церкви. Тщетно Волконскій долго и горячо убѣждалъ архіепастьра, но убѣжденія не могли сломить крутого характера и горлаго епископа, потребовалось вмѣнательство синода, который, на запросъ можно ли освѣщать церковь такъ какъ алтарь ея нахидится промежь востока и полудня, отвѣтилъ „по елику во времена года бываютъ различные востоки“—то и церковь освящать можно. Она и была освящена 25 октября 1809 года. Князь Волконскій, заботясь о ней, приписаль къ ней весь чиновный и военный людъ г. Оренбурга, а въ 1831 году сюда присоединился и Неплюевскій корпусъ, который до 1852 года не имѣль своей собственной церкви.

Петропавловскій храмъ имѣеть и еще отличія—длинный стеклянный входной коридоръ и остроконечный шпиль. Въ оградѣ храма находится могила Оренбургскаго военнаго губернатора графа П. П. Сухтелена 2. Могила въ настоящее время плохо поддерживается, но все еще находится въ удовлетворительномъ состояніи—на глыбѣ чернаго мрамора возвышается простой металлическій крестъ. Изъ за этой могилы возникло цѣлое дѣло: причтъ церкви и епархіальное начальство находили, что трупъ графа Сухтелена, какъ лютеранипа, не можетъ находиться въ оградѣ

*) Оренб. газ. 1901. № 1212.

православной церкви и хотѣло возбудить вопросъ о пореносѣ праха—потребовалось вмѣшательство Перовскаго и могила осталась въ покое.

Графъ Сухтеленъ недолго былъ Оренбургскимъ губернаторомъ, всего съ 1830 по 20 марта 1833 года, когда онъ скоропостижно умеръ въ Оренбургѣ, но имъ положено столько начинаній, что приходится изумляться, какъ успѣлъ сдѣлать столько этого талантливый администраторъ—и невольно появляется сожалѣніе, что онъ слишкомъ рано умеръ, будь онъ большее время Оренбургскимъ губернаторомъ, жизнь и города и края, пожалуй, приняла бы иное направленіе.

И въ самомъ дѣлѣ, какую сторону жизни оренбургскаго края мы ни возьмемъ—вездѣ графъ Сухтеленъ или что-либо сдѣлалъ или положилъ начало.

Народное образованіе—онъ первый заговорилъ о необходимости реформы Неплюевского училища, онъ открылъ Оренбургское женское училище, въ послѣдствіе переформированное въ институтъ, онъ далъ основаніе первому приходскому училищу, исходатайствовавъ взведеніе въ Оренбургѣ общеночнаго сбора, на суммы котораго должно было содержаться училище, при немъ открылось Уральское уѣздное училище и возбудилось дѣло объ открытіи училища въ Челябинскѣ.

Возьмемъ торговлю—при немъ возникъ Верхнеуральскій коммерческій трактъ, имѣвшій громадное значеніе для всего края; желая оживить городъ Оренбургъ, графъ Сухтеленъ рѣшилъ открыть въ немъ двѣ ярмарки—и дѣло открытія этихъ ярмарокъ обставилъ совсѣмъ необычно. Въ то доброе старое время администраторъ дѣлалъ только распоряженія, а подчинные и просто обыватели должны были подчиняться этимъ распоряженіямъ. Графъ Сухтеленъ прежде, чѣмъ приступить къ разрѣшенію этого вопроса обратился съ просьбою ко многимъ лицамъ, имѣющимъ значеніе въ Оренбургскомъ краѣ, сообщить ему свои заключенія, этотъ пріемъ въ то время не употреблялся,—весьма понятно, что запрашиваемыя лица неспѣшили съ отвѣтами.

Полиціѣмейстеръ города Оренбурга отвѣтилъ общими фразами о пользѣ ярмарки и лучшими сроками для нея считалъ 29 іюня и 6 декабря, при чемъ полагалъ, что ярмарки должны быть нѣдѣльными.

Отвѣтъ уѣзднаго предводителя дворянства Мансурова была серьезнѣе и обстоятельнѣе; Мансуровъ писалъ слѣдующее: „продажа лошадей башкирцами будетъ, вѣроятно, одна изъ значительнѣйшихъ статей вывозимыхъ предметовъ изъ Оренбургскаго края и хотя не скоро потеряютъ они привычку покупать имъ все нужное у развѣзжающихъ по ауламъ каргалинскихъ татаръ, но довольно значительная торговля сія попадетъ мало по малу въ руки настоящихъ купцовъ, ибо большая часть татаръ сихъ торгуетъ безъ всякаго законнаго на то права и въ совершенный вредъ покупателямъ. Для сего надобно обратить вниманіе въ назначеніи ярмарки времени“. По мнѣнію Мансурова сроки ярмарки: 1 октября и половина февраля.

Отвѣтилъ и Оренбургскій голова Жилкинъ, одна изъ интереснѣйшихъ личностей города. Онъ не сомнѣвался въ выгодности ярмарокъ и полагалъ, что наиболѣе удобными сроками для ярмарокъ будутъ первые числа октября и іюнь мѣсяцъ, срокъ ярмарки не менѣе 10 дней.

Но самый обстоятельный отвѣтъ представилъ Струковъ, управляющій Илецкимъ солянымъ промысломъ. „Время назначенія ярмарки, пишетъ онъ, должно быть соображено съ главными занятіями всѣхъ мѣстныхъ жителей. Ихъ можно раздѣлить на слѣдующіе разряды: помѣщики, казаки, башкирцы и крестьяне. О первыхъ нѣтъ надобности входить въ особое разсужденіе, ибо они могутъ всегда съ удобностью расположить своимъ временемъ; по послѣдніе три разряда зависятъ совершенно отъ мѣстности. Весна, отъ разлитія рѣкъ и ручьевъ трудностей переправъ и вообще дурныхъ дорогъ, не представляетъ удобства къ назначенію ярмарки. По просухѣ всѣ три сословія занимаются посѣвомъ и полевыми работами, по окончаніи коихъ башкирцы выходятъ въ кочевья для откармливанія табуновъ и стадъ, которые во всю

зиму довольствуются подножнымъ кормомъ и по худости не могутъ быть пригнаны для продажи. Кромѣ лошадей и скота главные предметы башкирской торговли заключаются въ мелѣ, лубьяхъ и частью въ хлѣбѣ. Лубья сдираются весною, медъ собирается около Петрова дня, хлѣбъ осенью, а между тѣмъ поспѣваютъ сѣнокосы. Итакъ до окончанія уборки хлѣба, т. е. до осени, учрежденіе ярмарки едва ли будетъ полезно. По мнѣнію моему лучшее назначеніе ярмарки можно предположить въ началѣ октября, когда кончаются всѣ деревенскія занятія и хозяева могутъ сдѣлать соображеніе о числѣ убранныго хлѣба. Въ сіе же время возвращаются съ Макарьевской ярмарки азіатцы и приходятъ съ товарами обозы. Вторая ярмарка можетъ быть назначена въ концѣ зимы, когда бураны бывають уже рѣже, снѣгъ оседаетъ и начинается таять, причемъ должно взять токмо въ соображеніе возвращеніе зимнимъ же путемъ пріѣзжающихъ на ярмарку.“

На основаніи этихъ отзывовъ графъ Сухтеленъ 16 февраля 1831 года возшелъ со слѣдующимъ представленіемъ въ министерство:

Городъ Оренбургъ, по соединенію въ немъ губернскаго и корпуснаго управленія, хотя считается первымъ мѣстомъ въ здѣшнемъ краѣ, но въ отношеніи удогнетворенія общественныхъ потребностей представляетъ многія затрудненія оттого, что здѣшній купечествующій край, состоя болышею частью изъ людей, занимающихся однимъ заграничнымъ торгомъ съ киргизами и азіатцами, весьма мало заботится о снабженіи города предметами необходимыми собственно для потребленія жителей и особенно высшаго званія, которые по сему случаю принуждены бывають многіе или выписывать изъ другихъ мѣстъ или покупать за такія цѣны, какія назначаются по произволу продавцовъ. Жители же окрестныхъ и удаленныхъ отъ города крѣпостей и селеній, пріобрѣтая нужныя вещи отъ разъѣзжающихъ временно торгашей платятъ имъ еще съ болышею дороговизною или отдають за безцѣнокъ произведенія своей сельской про-

мышленности. При таковомъ положеніи внутреннихъ оборотовъ весьма полезнымъ представляется учредить здѣсь независимо отъ заграничнаго торгоу ярмарки, лѣтомъ и зимою, которыхъ привлеченіемъ въ Оренбургъ иногородняго купечества не только бы отвратили ощущаемыя теперь недостатки въ потребностяхъ мѣстныхъ жителей, но соединяя въ одномъ пунктѣ торговлю обывателей окрестныхъ, доставили бы имъ вѣрный способъ сбыта своихъ произведеній, оживили бы сельскую промышленность и послужили бы къ приумноженію городскихъ доходовъ; съ тѣмъ вмѣстѣ съ существенной для казны пользою, усилили бы и заграничную торговлю нашу съ киргизами и народами средней Азіи, которая, основываясь теперь съ одной стороны на неудовлетвореніи необходимыхъ потребностей, а съ другой на своекорыстіи мѣстныхъ торговцевъ, не соотвѣтствуютъ ни ожиданіямъ правительства, ни пользѣ казнѣ».

Высказавъ такія общія соображенія, графъ Сухтеленъ продолжалъ—«по соображенію мѣстныхъ обстоятельствъ и временныхъ сѣздовъ купечества въ другихъ городахъ Оренбургской губерніи, я полагаю учредить въ городѣ Оренбургѣ каждагодно двѣ ярмарки—первую съ 29 іюня по 7 іюля, вторую съ 15 по 22 ноября. Далѣе шло указаніе, въ какія числа мѣсяцевъ происходятъ въ Оренбургской губерніи ярмарки въ другихъ городахъ.

Отвѣтъ изъ министерства пришелъ довольно скоро, а именно 11 марта 1831 года, причемъ отвѣтъ этотъ вызвалъ слѣдующую любопытную помѣтку Сухтелена на поляхъ министерской бумаги: *но читалъ ли онъ* (т. е. министр) *мою бумагу?*

Помѣтка эта относилась къ слѣдующему. Разрѣшая ярмарки, министръ писалъ: «но нужнымъ считаю только, чтобы сроки оныхъ были соображены со сроками другихъ мѣстныхъ ярмарокъ. между тѣмъ объ этомъ согласованіи очень подробно трактовалось въ бумагѣ Сухтелена.

Получивъ разрѣшеніе отъ министерства, Сухтеленъ прежде всего позаботился выборомъ мѣста и со-

гласно предложенію городского головы такимъ удобнымъ мѣстомъ былъ признанъ гостинный дворъ, внутри котораго было, по словамъ Жинкина, много свободныхъ лавокъ. Далѣе Сухтеленъ принялъ всѣ мѣры, чтобы оповѣщеніе объ открытіи ярмарки было какъ можно шире: увѣдомлены были всѣ городничіе, коменданты, всѣ полиціи городовъ и крѣпостей Оренбургскаго края, посланы были извѣщенія сосѣднимъ губернаторамъ: Вятскому, генераль губернатору западной Сибири, Казанскому, Саратовскому, Пермскому, Омскому, Астраханскому, Симбирскому и наконецъ Сухтеленъ послалъ 250 экземпляровъ слѣдующаго объявленія Нижегородскому губернатору: «въ городѣ Оренбургѣ по разрѣшенію правительства открыты двѣ ярмарки: первая съ 29 іюня по 7 іюля, а вторая съ 15 по 22 ноября. Время для первой ярмарки признано удобнымъ, потому что къ исходу іюня обыкновенно выходятъ на Оренбургскій мѣновой дворъ азіатскіе караваны и ескаются для мѣны и на заводимые скачки киргизы, башкирцы и другія поколѣнія народонаселенія Оренбургскаго края; азіатцы, не имѣющія права производить розничную продажу товаровъ своихъ, имѣютъ между тѣмъ всегда нужду въ деньгахъ для оплаты пошлыны и удовлетворенію возчиковъ, слѣдовательно, съ величайшею охотою ведутъ оптовую торговлю въ Россійскимъ купечествомъ и купечество всегда можетъ пайти свои выгоды тѣмъ болѣе, что пріобрѣтенные отъ азіатовъ товары легко успѣть можно доставить на нижегородскую ярмарку и сдѣлать оборотъ на учрежденной въ Оренбургѣ осенней ярмаркѣ. Не менѣе того важна торговля скотомъ, пригоняемымъ на мѣну киргизами. Назначенная въ ноябрѣ мѣсяцѣ ярмарка выгодна для Россійскихъ купцовъ потому, что азіатскіе купцы, въ сіе время отправляясь въ свое отечество, запасаются русскими издѣліями; по климату въ Оренбургѣ время способствуетъ для переѣздовъ и поселяне, окончивъ полевые работы, могутъ собираться, какъ для продажи своихъ произведеній, такъ и для покупки имъ нужнаго; въ особенности можетъ быть выгоденъ торгъ лошадьми, ко-

торыми весьма изобилуютъ банкирцы Оренбургскій военный губернаторъ, объявляя о семъ, приглашаетъ Россійское купечество къ пользамъ ихъ ожидаемымъ» *).

Нѣтъ сомнѣнiя, что еслибы Сухтеленъ былъ живъ, ярмарки осуществились бы, но онъ умеръ—а слѣдующее за нимъ начальство занялось иными проектами. Мы сочли необходимымъ познакомить читателя болѣе подробно съ этимъ проектомъ учрежденiя ярмарокъ, тѣмъ болѣе, что имъ рисуется довольно ясно, какъ работалъ графъ Сухтеленъ.

Возьмемъ инородцевъ—здѣсь мы наталкиваемся на заботу о башкирахъ, введенiе казачьихъ попечителей—выше мы указали на это—реформа управленiя киргизъ, введенiемъ въ киргизскую орду порядка и особой, хотя на современный взглядъ и сложной организацiи, но которая должна была подѣйствовать на ассимиляцiю киргизъ.

Во всѣхъ начинанiяхъ графа Сухтелена проглядывала одна, очень симпатичная черта—онъ никогда не думалъ, что искусный администраторъ можетъ добиться самъ, единогласно желательныхъ результатовъ, онъ полагалъ, что только въ развитiи общества, въ распространенiи образованiя, въ развитiи общественнаго мнѣнiя заключается залогъ дальнѣйшаго преуспѣянiя края. И стремленiе подѣйствовать на общество въ этомъ смыслѣ, т. е. пробудить общество, заставить его подумать—проходить красной чертою черезъ всѣ начинанiя графа Сухтелена и закончились въ двухъ его проектахъ.

Графъ Сухтеленъ думалъ издавать въ городѣ Оренбургѣ газету и даже выпустилъ одинъ номеръ этой газеты и кромѣ того хотѣлъ завести постоянную лѣтопись края.

Проектъ лѣтописи края былъ задуманъ по очень широкой программѣ **). Всѣ существовавшiя въ городѣ Оренбургѣ учрежденiя, начиная съ 1 января 1832 го-

) Арх. Оп. Ар. Ком. гражд. огд. дѣло 15 янв. 1831.

**) Оп. Лист. 1899 № 18. 19.

да обязаны были доставлять ежедневно въ коменданскую канцелярію свѣдѣнія, необходимыя для внесенія въ лѣтописный дневникъ по слѣдующей программѣ:

1) излагаются въ оной сколь можно яснымъ, но краткимъ слогомъ все важнѣйшія событія до крѣпости и города Оренбурга относящіеся, какъ то: указы, распоряженія провительства и мѣстнаго начальства по управленію гражданскому и общественному.

2) современные подобныя же событія, перемѣны и распоряженія по части военной въ городѣ и по близости.

3) необъкновенныя происшествія, пребыванія знаменитыхъ особъ, заложеніе или освѣщеніе новыхъ зданій и заведеній, вскрытіе и замерзаніе рѣки Урала и степень разлитія оной. О важнѣйшихъ событіяхъ въ губерніи и о киргизахъ сообщать лишь тогда, если оныя будутъ имѣть связь и вліяніе на дѣла гражданскія и на общее благосостояніе жителей онаго.

4) Извѣстіе о прибытіи и отходѣ почтъ, каравановъ, число оныхъ, примѣрную стоимость привозимыхъ и отпускаемыхъ товаровъ. Приблизительное опредѣленіе движенія торговли внутренней и внѣшней.

5) Ежемѣсячное опредѣленіе существовавшихъ цѣнъ на главнѣйшіе продукты и жизненныя потребности, а при заключеніи года извѣстія о ложной цѣнѣ оныхъ

6) Однажды въ годъ краткое свѣдѣніе о городскихъ доходахъ и расходахъ.

7) По истеченіи каждаго мѣсяца однажды до 15 числа слѣдующаго мѣсяца дневникъ долженъ быть въ копіи сообщенъ военному губернатору отдѣльными тетрадями. Сей экземпляръ, по пополненіи въ чемъ нужно и утвержденіи его поступаетъ на сохраненіе въ Оренбургскій музей, подлинный хранится въ дѣлахъ канцеляріи.

Газеты вышли всего лишь одинъ номеръ, а дневника до нашего времени сохранилось нѣсколько разрозненныхъ тетрадей.

Для насъ, конечно, понятны неудачи большинства замысловъ графа Сухтелена, то, что онъ хотѣлъ

дѣлать, возможно въ культурной странѣ, у культурнаго населенія—ничего подобнаго не было въ Оренбургѣ и весьма понятно, что ни населеніе, ни даже большинство интеллигенціи края не сочувствовало начинаніямъ графа Сухтелена и видѣли въ нихъ одни „начальническія“ измышленія, служащія только лишнимъ бременемъ для обывателя.

Графъ Сухтеленъ не дождался еще своего біографа, мы не могли сейчасъ подробно охарактеризовать личность Сухтелена, но описывая его могилку, мы считали своимъ долгомъ хотя эскизно, а установить въ памяти Оренбуржца эту замѣчательную личность! Мы сознаемъ, что наброшенный нами эскизъ слишкомъ недоконченъ, но надо помнить и то, что мы должны были пользоваться лишь сырьемъ, архивными данными — матеріалами для біографіи Сухтелена все еще не опубликованы, несмотря на то, что прошло почти 75 лѣтъ послѣ его смерти.

Слѣдующій за Петропавловскою церковью домъ—маленькій, одноэтажный, съ большимъ дворомъ и садикомъ внутри его заслуживаетъ вниманіе. Этотъ домъ когда то принадлежалъ помѣщицѣ Пріѣзжевой, известной своими постройками церквей. Сама помѣщица, очевидно, въ немъ не жила, но зато въ этомъ домѣ останавливались разные иностранцы, прибывающіе въ городъ Оренбургъ съ различными иностранными диковинами. Такъ въ 1864 году прибыли братья Зальццишъ *), остановились въ указанномъ домѣ и привезли: „керосиновые лампы“. Лампы эти—такъ читаемъ въ объявленіи: „разныхъ формъ, очень красивые, при употребленіи не требуютъ никакой чистки, кромѣ обтиранія пыли, зажиганіе и гашеніе ихъ очень просто, свѣтъ отъ нихъ такъ бѣлъ и блестящъ что самая малая замѣнитъ пять, а побольшѣ размѣромъ отвѣтитъ за десять свѣчей стеариновыхъ. Сравнительно со свѣчами и маслянными лампами превосходное керосиновое освѣщеніе можетъ составить значительную экономію въ хозяйствѣ!“

*) Ор. Губ. Вѣд. 1864. часть неофиц. объявленія.

Ничто не вѣчно подь луною. Также, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ расхваливали керосиновое освѣщеніе, доказывая его превосходство переть масленнымъ, такъ и теперь возвеличиваютъ электрическое и смѣются надъ превосходнымъ керосиновымъ освѣщеніемъ. Но кромѣ лампъ братья Зальцфишъ привезли массу самыхъ разноколиберныхъ вещей—тутъ были и „визитныя карточки разныхъ европейскихъ знаменитостей, и новоизобрѣтенныя химическія книги (*copie des lettres*), и рижскіе вѣсы, и новоулучшенные фонари, и альбомы для фотографическихъ карточекъ и наконецъ очки съ перескопическими стеклами для сохраненія и укрѣпленія зрѣнія“.

Нѣтъ сомнѣнія, что домъ Пріѣзжейвой осаждался любопытными и карманъ обывателя города Оренбурга въ достаточной степени отощаль.

Въ домѣ на углу Николаевской и Гостиннодворской долгое время помѣщалась единственная въ городѣ гостиница и ресторація, носящая названіе: „Коммерческой“.

Въ 30-тыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Оренбургѣ было всего двѣ гостиницы, харчевня и квасной балаганъ. Доходъ отъ этихъ учрежденій былъ съ лишкомъ. Такъ когда 26 Ноября 1827 года *) дума разрѣшила устроить вторую харчевню въ городѣ, то содержатель единственной въ городѣ гостиницы обратился въ думу съ просьбою уменьшить акцизъ. Мотивы этой просьбы изложены такъ оригинально, что мы приведемъ текстуально: „и какъ онъ желаетъ заниматься содержаніе гостиницы еще вновь, то остается въ неизвѣстности, можетъ ли ему быть какая польза, судя по тому, что входъ въ гостиницы предоставленъ только чиновникамъ и купечеству, каковаго класса люди весьма въ небольшомъ числѣ хотя и входятъ, но единственно для игры на билліардѣ, а употребленіе начитковъ есть весьма на значительную сумму, напротивъ же нисшаго класса людямъ бытность въ гостиницѣ строго воспрещается“. Но дума не смилостиво

*) Жур. Оренб. думы 1827 г.

валась надъ бѣднымъ трактирщикомъ, очевидно не повѣривъ, что чиновники и купцы только играютъ на билліардѣ, и ничего почти не пьютъ, и не уменьшила акцизъ. Изъ смѣты доходовъ города Оренбурга видно, что въ 1830 году за трактиры акцизъ былъ 160 рублей, за гостиницу 200 р., за харчевни 350 р. итого 710 р., конечно, ассигнаціями. Въ 1833 году цѣны значительно понизились, за 2 гостиницы было выдано на торгахъ 360 руб., за харчевню 80 руб., за балаганъ 60 р. и за трактиръ во 2 й части въ д. Шапошникова 150 руб., а всего—650 руб

Съ 1878 года въ одной изъ гостинницъ города Оренбурга, а именно „Европейской“ стали выписывать для посѣтителей столичные газеты и объ этомъ были помѣщены широковѣщательныя объявленія. Вообще же гостиницы и трактирныя заведенія въ Оренбургѣ ничѣмъ специфически Оренбургскимъ не отличались.

XXXIV.

Слѣзая далѣе по Николаевской улицѣ напротивъ середины Гостиннаго двора помѣщается двухъэтажный съ мезаниномъ домъ, принадлежавшій долгое время купцу Ладыгину и за послѣднее время пріобрѣтенный мѣстнымъ милліонеромъ Хусаиновымъ. Домъ этотъ безспорно заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться нѣсколько подольше, такъ какъ этотъ домъ имѣетъ безспорно историческій интересъ и онъ—если бы дѣло происходило не у насъ въ Россіи, а за границею - былъ пріобрѣтенъ городомъ для открытія въ немъ городского музея.

Домъ этотъ чуть ли не съ основанія города Оренбурга принадлежалъ мѣстной извѣстной фамиліи Тимашевыхъ. По крайней мѣрѣ, когда 9 августа 1849 г. уволенный отъ службы гвардіи штабсъ-капитанъ Николай Егоровъ сынъ Тимашевъ обратился къ военному губернатору Обручеву за разрѣшеніемъ сдѣлать пристрой, т. е. тотъ домъ въ которомъ теперь магазинъ попечительства о народной трезвости и вмѣсто

разрѣшенія получилъ предписаніе представить доказательства, дѣйствительно ли онъ владѣлецъ дома, то изъ наведенныхъ справокъ оказалось, что домъ унаслѣдованъ Николаемъ Тимашевымъ отъ отца генераль-маіора Егора Николаевича Тимашева, а ему достался тоже по наслѣдству отъ его отца коллежскаго совѣтника Николая Иванова Тимашева, сему же послѣднему отъ ихъ г. г. Тимашевыхъ прадѣда статскаго совѣтника Ивана Лаврентьева, такъ что домъ этотъ находился въ ихъ владѣніи болѣе 70 лѣтъ, но документовъ на него никакихъ не имѣлся.

Принимая во вниманіе, что прошеніе подано въ 1849 году, что просители установили принадлежность имъ дома въ теченіи 70 лѣтъ, т. е. съ 1779 года мы заключаемъ, что этотъ домъ одинъ изъ наиболѣе старѣйшихъ домовъ города. Въ настоящемъ своемъ видѣ домъ былъ построенъ, какъ это видно изъ плановъ, раньше 1849 года. Конечно, принадлежность дома однимъ и тѣмъ же владѣльцамъ, хотя бы въ теченіи 100 лѣтъ, еще не даетъ дому право называться историческимъ, но дѣло въ томъ, что этотъ домъ, какъ очевидно, наилучшій изъ частныхъ, долгое время служилъ квартирою военныхъ губернаторовъ, вплоть до построенія графомъ Перовскимъ своего дворца—нынѣшняго зданія казенной палаты *).

Этотъ домъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ двухъ Императоровъ Александра I и Александра II. Александръ I посѣтилъ Оренбургъ незадолго до своей кончины въ 1824 г. **), а Императоръ Александръ II въ 1837 году, въ бытность свою Цесаревичемъ ***): кромѣ того въ этомъ домѣ останавливался величайшій поэтъ земли русской, когда онъ пріѣзжалъ въ Оренбургъ для собиранія матеріаловъ къ своей исторіи Пугачевского бунта****) Пушкинъ пріѣхалъ въ Оренбургъ 12 іюня 1833 года въ 9 часовъ вечера и остановился близъ базара въ гостинницѣ Татаринова,

*) Арх. Орен. думы дѣло № 3371 зл.

**) Орен. Лист. 1884.

***) Ист. Вѣст. статья П. Юдина.

****) Ор. Губ. Вѣд. 1888 № 12. Труды Арх. Ком. вып. VI.

тотчасъ же къ нему пріѣхаль съ визитомъ самъ Перовскій и собралась у подъѣзда кучка любопытныхъ. Послѣ визита Пушкинъ переѣхаль къ Перовскому. Великій поэтъ ѣздивъ по городу, осматриваль его достопримѣчательности, посѣтилъ въ Бердахъ старуху, очевидицу Пуячевскаго бунта, долго, внимательно ее разспрашиваль и много работалъ въ архивахъ пограничной комисіи. Чиновники комисіи роптали, что поэтъ завалилъ ихъ работою—выписками изъ архивныхъ дѣлъ.

«Всѣ въ Оренбургѣ—вспоминаетъ сторожилъ - ждутъ Пушкина, въ особенности молодежь, которая даже бредитъ его стихами.

Городъ Оренбургъ дважды торжественно справлялъ Пушкинскіе дни—память 50 лѣтъ со дня пребыванія его въ Оренбургѣ (1883 году) когда по инициативѣ П. Распопова былъ устроенъ Пушкинскій вечеръ и пріобрѣтенъ бюстъ поэта, находящійся въ настоящее время въ общественномъ собраніи и въ 1899 году память столѣтія со дня рожденія, когда инициатива празднованія принадлежала архивной комисіи и Оренбургской думѣ. При послѣднемъ чествованіи рѣшено было увѣковѣчить пребываніе поэта въ городѣ приби-тіемъ мраморной доски къ дому, гдѣ жилъ поэтъ, но благой начинъ такъ и остался начиномъ.

Въ послѣдующихъ строкахъ считаемъ не лишнимъ припомнить и о другихъ великихъ людяхъ земли Русской, которыхъ судьба добровольно и недобровольно заталкивала въ городъ Оренбургъ.

Изъ добровольно прибывшихъ въ городъ Оренбургъ, главнѣйшымъ образомъ по приглашенію графа В. А. Перовскаго, который, хорошо понимая смыслъ русской пословицы: одинъ въ полѣ не воинъ, любилъ приглашать къ себѣ въ помощники талантливыхъ людей, укажемъ на В. В. Григорьева *), Жемчужни

кова ¹⁾, В. Даля ²⁾, А. Григорьева ³⁾, изъ сосланныхъ — на колонію поляковъ изъ которыхъ особенно выдѣляются три личности: Виткевичъ ⁴⁾, Зань ⁵⁾ и патеръ Зеленко ⁶⁾, на А. Н. Плещева ⁷⁾ и Т. Шевченко ⁸⁾. Напомнимъ читателямъ хотя вкратцѣ судьбу этихъ лицъ по отношенію г. Оренбурга.

Василій Васильевичъ Григорьевъ, извѣстный профессоръ Петербургскаго университета, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ о печати въ 1851 г. получилъ приглашеніе Оренбургскаго генералъ-губернатора В. А. Перовскаго ѣхать на службу въ Оренбургъ, въ 1854 г. мы его уже видимъ предсѣдателемъ Оренбургской пограничной комисіи. Дѣятельность Григорьева въ качествѣ предсѣдателя комисіи была въ высшей степени полезна и плодотворна: при его зоркомъ глазѣ киргизское населеніе вздохнуло свободно. Оно прониклось къ нему такою любовью и привязанностью, что не хотѣло вѣрить когда онъ въ 1862 году вышелъ въ отставку.

„Что касается до меня собственно—писалъ Григорьеву Чулакъ Акбасовъ, одинъ изъ видныхъ киргизъ, то благодаренія Ваши и милости ко мнѣ были такъ велики, что я долженъ заповѣдать и дѣямъ своимъ до конца ихъ жизни молиться о благоденствіи вашемъ.

По уходѣ Григорьева началось въ Оренбургѣ составленіе проектовъ одинъ другого неудачнѣе; пошла ломка, переустройство въ степи, а вслѣдъ за тѣмъ извѣстный бунтъ 1869 года.

В. Даль—казакъ Луганскій же служилъ при томъ, Перовскомъ въ 30 хъ годахъ чиновникомъ особыхъ порученій и много поработалъ для Оренбургскаго музея, къ сожалѣнію безслѣдно исчезнушаго съ лица земли.

¹⁾ Тур. Газ. 1896 № 10.

²⁾ Орен. Лист. 1901 № 48.

³⁾ Орен. Лист. 1903 № 2.

⁴⁾ Тур. Газ. 1896 № 5.

⁵⁾ Ист. Вѣст. 1886.

⁶⁾ Ор. Губ. Вѣд. 1861 г.

⁷⁾ Тург. Газ. 1896 № 1.

⁸⁾ Орен. Лист. 1889 № 4 и 5. Тур. Газ. № 9 1896.

Апполонъ Григорьевъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ критиковъ былъ недолгое время учителемъ русскаго языка въ Неплюевскомъ корпусѣ.

Ссылка поляковъ въ Оренбургъ началась еще со временъ Екатерины II и продолжалось послѣ каждого польскаго возстанія, такимъ образомъ послѣ 1830 года въ Оренбургъ попали Занъ, товарищъ Мицкевича, патеръ Зеленьо и Виткевичъ. Послѣдній былъ назначенъ въ Орскъ рядовымъ безъ выслуги.

Извѣстный ученый Гумбольтъ, по возвращеніи своемъ изъ путешествія по Сибири, остановился въ Орскѣ и какимъ то образомъ узналъ, что въ числѣ сосланныхъ туда рядовыхъ безъ выслуги, есть солдатъ Виткевичъ, очень образованный и отлично знакомый съ восточными языками молодой человѣкъ. Переговоривъ съ нимъ, Гумбольтъ былъ пораженъ его серьезностью и познаніями.

По пріѣздѣ въ Оренбургъ Гумбольтъ просилъ военнаго губернатора В. Перовскаго обратить вниманіе на Виткевича и смягчить по возможности его участь. Перовскій приказалъ тотчасъ же перевести Виткевича въ Оренбургъ и представить ему. Поговоривъ съ нимъ, онъ оставилъ его у себя ординарцемъ, исходатайствовалъ у Николая I дозволенія произвести сначала въ унтеръ-офицеры, затѣмъ въ офицеры и назначилъ его своимъ адъютантомъ.

Черезъ два года, по представленію Перовскаго состоялось командированіе Виткевича въ Хиву, Бухару и Персію съ секретнымъ порученіемъ.

Сдѣлавъ себѣ восточный костюмъ, обривъ голову, Виткевичъ въ сопровожденіи пріятели своего персіанина Хусейнъ Али отправился въ назначенное путешествіе. Пробывъ на востокѣ полтора года, Виткевичъ вернулся въ Оренбургъ и представилъ Перовскому блестяще исполненное имъ порученіе, за которое ему былъ обѣщанъ флигель-адъютантскій эксельбантъ. Приведя въ систематическій порядокъ все собранныя имъ свѣдѣнія и планы, Виткевичъ поѣхалъ въ Петербургъ для поднесенія ихъ Николаю I. Пріѣхавъ туда, онъ остановился въ гостинницѣ, а черезъ

два дня застрѣлился. Его нашли сбитымъ противъ камина, въ которомъ лежала груда неня етъ сожженныхъ имъ бумагъ и плановъ. Причина самоубійства официально осталась неизвѣстною

Будучи замѣшанъ въ процессъ Петрашевскаго, А. Н. Плещеевъ въ 1849 году имѣя отроду 24 года, сосланъ въ Оренбургъ рядовымъ въ линейные баталіоны съ лишеніемъ правъ состоянія. Здѣсь молодой изгнанникъ былъ помѣщенъ въ казармы 2 го линейнаго баталіона, но благодаря опять тому же В. А. Перовскому, относившемуся очень снисходительно къ положенію „конфирмованныхъ“, участь Плещеева была облегчена насколько возможно. Въ Оренбургѣ ходилъ онъ въ толстой солдатской шинели, службою его не неволили и большую часть времени онъ проводилъ или за чтеніемъ или посѣщалъ 5—6 знакомыхъ домовъ, гдѣ его ласково и дружески принимали.

Желая представить А. Н. Плещееву возможность выйти изъ тяжелаго положенія, графъ Перовскій зачислилъ его въ свой орядъ, съ которымъ отправился въ степной походъ для взятія Акъ мечети. Послѣ взятія этой крѣпости молодой поэтъ за участія въ этой побѣдѣ русскаго оружія былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и оставленъ въ службѣ въ горнизонѣ взятой крѣпости, гдѣ впослѣдствіи и былъ произведенъ въ прапорщики.

Живя въ форѣ Перовскомъ, Плещеевъ велъ постоянную переписку съ друзьями, оставшимися въ Оренбургѣ. Письма его полны задумчивости и глубокой грусти. Въ одномъ изъ нихъ, написанномъ автору цитируемыхъ нами выѣзжаній, заключалось слѣдующее стихотвореніе, въ которомъ высказаны мысли поэта по поводу его ссылки и жизни въ сѣни:

Я молодъ былъ, я увлекался,
Я жилъ несбыточной мечтой,
Я время вѣянью поддался
И сталъ солдатъ простой.
Мечты прошли, заглохли упованья

И изъ тюрьмы я въ стѣнь попалъ,
Не слышны здѣсь мои стенанья,
Но какъ страдаю я, страдалъ!

По возвращеніи изъ Перовскаго въ Оренбургъ Плещеевъ поступилъ на службу въ пограничную комисію, гдѣ и прослужилъ нѣсколько лѣтъ вплоть до 1857 года, когда онъ былъ освобожденъ и прерванная его литературная дѣятельность возобновилась. Свое пребываніе въ Оренбургѣ и отчасти нѣкоторыхъ изъ общественныхъ дѣятелей города Плещеевъ описалъ въ своемъ романѣ.

Въ 1847 году т. е. за 10 лѣтъ до освобожденія А. Н. Плещеева въ Оренбургъ прибылъ другой изгнанникъ геніальнѣйшій хохлацкій поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, обвиненный въ сочиненіи пасквиля и каррикатуры на одно высокопоставленное лицо и за прикосновенность къ Кіевскому Кирилло-Мефодіевскому братству.

Узнавъ, что Шевченко привезли въ Оренбургъ, служившій въ Оренбургской пограничной комисіи Ѳ. М. Лазаревскій, тогда еще не знавшій лично поэта, немедленно отправился къ чиновнику особыхъ порученій при военномъ губернаторѣ Обручевъ полковнику Е. М. Матвѣеву съ просьбою сдѣлать все возможное для облегченія горькой участи поэта.

„Все что можно будетъ сдѣлать, будетъ сдѣлано— отвѣчалъ бравый полковникъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ людей въ Оренбургѣ, всегда относившійся къ судьбѣ поэта съ истиннымъ участіемъ.

Отъ Матвѣева Лазаревскій прошелъ въ казармы, куда помѣстили Шевченко. Онъ засталъ поэта лежащимъ ничкомъ въ одномъ бѣльѣ на нарахъ и углубленнымъ въ чтеніе библіи. Проученный горькимъ опытомъ, недавно жестоко поплатившійся за свою довѣрчивость, Шевченко принялъ посѣтителя весьма сдержанно, но звуки родной рѣчи и непритворное участіе, свѣтавшееся въ глазахъ вошедшаго, скоро разсѣяли его подозрительность и онъ далъ слово въ тотъ же день посѣтить Лазаревскаго. Съ тѣхъ поръ

до самаго перевода его въ Орскую крѣпость, который послѣдовалъ въ томъ же мѣсяцѣ, Шевченко былъ частымъ гостемъ въ домѣ Лазаревского, гдѣ его встрѣчали съ восторгомъ земляки, сдѣлавшіеся изъ почитателей его таланта искренними друзьями. Благодаря хлопотамъ этихъ лицъ, нашедшихъ путь къ двумъ вліятельнымъ лицамъ Орской крѣпости, пребываніе поэта въ этомъ захолустьѣ было сносно. чѣмъ можно было ожидать. Правда, юридически онъ былъ простой поднадзорный солдатъ, котораго не только офицеръ, но любой фельдфебель могъ отдуть по щекамъ, но на самомъ дѣлѣ онъ находился въ исключительномъ положеніи: офицеры обращались съ нимъ, какъ товарищи, и если Шевченко тѣмъ не менѣе страдалъ нравственно, то это происходило главнымъ образомъ отъ тоски по родинѣ, мучительнаго сознанія безправности своего положенія и тяготивнаго надъ нимъ запрещенія писать и рисовать. Онъ избѣгалъ этого запрещенія, писавъ украдкой или по ночамъ, когда всѣ спали, но рисовать при такой обстановкѣ, рискуя ежеминутно быть захваченнымъ съ поличнымъ, было почти невозможно, не говоря уже о томъ, что у него не было при себѣ никакихъ принадлежностей для рисованія. А между тѣмъ новый край, куда его забросила судьба, съ его оригинальною фizioноміей и живописнымъ населеніемъ представлялъ большой соблазнъ для художника и запрещеніе рисовать являлось большимъ лишеніемъ. Не будучи въ состояніи выносить этого лишенія, Шевченко, скоро по прибытіи своемъ въ Орскую крѣпость обращался къ шефу жандармовъ о разрѣшеніи ему рисовать портреты и пейзажи—но просьба его, какъ и должно было ожидать, была оставлена безъ отвѣта.

Въ Орскѣ поэтъ очень страдалъ и мучился:

И довелось зновѣ мени
На старистъ зъ виршамы ховатысь,
Мирежыть кныжечны, спиваты
И плакаты у бурьяни
И тяжко плакать!

Нерѣдко онъ прибѣгалъ къ «горилкѣ».

Въ маѣ 1848 года Шевченко былъ зачисленъ въ число 200 рядовыхъ, отправляющихся въ степь для постройки на берегу Аральскаго моря Раимскаго укрѣпленія. Во время этого похода, лишь только отрядъ перешелъ за Орь, съ прѣгомъ сдѣлался солнечный ударъ. Впрочемъ, нѣкоторые сторожилы говорятъ, что Шевченко палъ просто отъ утомленія, какъ человѣкъ тучный и не привыкшій къ маршпровѣ въ полной походной амуниціи, подъ палящими солнечными лучами. Его положили въ походную фуру и онъ мало по малу оправился. Экспедиція къ Аральскому морю, которой такъ сграшился Шевченко, оказалась далеко не такой тяжелой, какъ онъ предполагалъ. Начать съ того, что начальникъ экспедиціи, добрый и благородный А. И. Буцаковъ относился къ нему въ высшей степени сердечно, что благодаря его ходатайству Обручевъ разрѣшилъ Шевченко снимать виды въ степи и берега Аральскаго моря. Офицеры, участвовавшіе въ экспедиціи, слѣдовали примѣру своего начальника и наперсывъ осыпали любезностями поэта, а одинъ изъ нихъ, штабсъ капитанъ Макшеевъ дѣлилъ съ нимъ хлѣбъ-соль и радушно предложилъ ему для ночлега свою палатку. Въ такомъ отдаленномъ походѣ не могло быть и рѣчи о строгомъ соблюденіи дисциплины: Шевченко ходилъ въ партикулярномъ платьѣ и отпустилъ себѣ большую бороду, такъ что совершенно пересталъ походить на солдата.

Въ 1848 году—разсказываетъ Шевченко въ своемъ дневникѣ—послѣ трехмѣсячнаго плаванія по Аральскому морю, мы возвратились въ устье Сыръ-Дарьи, гдѣ должны были провести зиму. У форта на островѣ Косъ-Аралъ, гдѣ занимали гарнизонъ уральскіе казаки, вышли мы на берегъ. Уральцы, увидавъ меня съ широкою, какъ лопата бородою, тотчасъ смекнули, что я непремѣнно мученикъ за вѣру. Донесли тотчасъ своему командиру, а тотъ, не будучи дуракомъ, зазвалъ меня въ камыши, да баць перело мною на колѣни. „Благословите, батюпка! Мы,

говорить, уже все знаемъ. Я тоже не дуракъ, смекнулъ, да и хватилъ самымъ раскольническимъ благословеніемъ. Восхищенный есаулъ облобызалъ мою руку, а вечеромъ задалъ намъ такую пирушку, какая намъ и по снѣ не грезилась

Тотчасъ послѣ прибытія изъ экспедиціи въ Оренбургъ Бутаковъ представилъ главному начальнику края рисованный Шевченко альбомъ видовъ и при этомъ распространился въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ о художественныхъ талантахъ Шевченко и о пользѣ, которую онъ принесъ экспедиціи, что Обручевъ обѣщалъ ходатайствовать о производствѣ Шевченко въ унтеръ офицеры

Этому обѣщанію можно было повѣрить, ибо чуть не половинѣ Оренбурга было извѣстно, что Шевченко пишетъ портреты жены начальника края М. П. Обручевой, конечно, не безъ вѣдома послѣдняго

Эти нѣсколько мѣсяцевъ жизни Шевченко въ Оренбургѣ были отдыхомъ для него, какъ вдругъ онъ былъ сосланъ на пустынный и безплодный полуостровъ Мангышлакъ въ Ново Петровское укрѣпленіе.

О причинахъ обыска, произведеннаго у Шевченко и о его ссылкѣ такъ разсказываетъ намъ свидѣтель и очевидецъ всего происшедшаго О. М. Лазаревскій: у одного изъ пріятелей Шевченко, оказавшаго ему много услугъ, была хорошенькая жена, за которую ухаживалъ смазливый прапорщикъ Оренбургскаго линейнаго баталіона. Весь городъ говорилъ о ихъ связи, не догадываясь о ней только мужъ, благороднѣйшій человекъ, слѣпо довѣрившій своей женѣ.

Такое индифферентное отношеніе къ чужому позору возмущало честную натуру Шевченко: ему казалось, что знать и молчать—значило въ данномъ случаѣ самому быть соучастникомъ обмана. Тщетно друзья уговаривали его не мѣшаться въ это дѣло, увѣряя, что и самъ мужъ не скажетъ ему спасибо, Шевченко тѣмъ не менѣе рѣшилъ раскрыть глаза.

Живя не подалеко, онъ сталъ внимательно слѣдить за влюбленными и увидѣвши однажды, что, пользуясь отсутствіемъ мужа, прапорщикъ тайкомъ про

крался къ своей возлюбленной, Шевченко съѣздилъ на извозникъ за мужемъ и прямо привелъ его къ дверямъ комнаты, гдѣ происходило свиданіе.

Произошла тяжелая семейная сцена, съ виновною женою сдѣлалась истерика, Шевченко съ мужемъ выпроводилъ съ позоромъ растерявшагся гарнизоннаго донъ жуана, а на другой день Обручевъ получилъ доносъ, что Шевченко ходитъ по городу въ партикулярномъ платьѣ и вопреки Высочайшему повелѣнію пишетъ стихи и занимается рисованіемъ.

Послѣдствіемъ былъ переводъ Шевченко въ Ново-Петровское укрѣпленіе.

Тяжелая, скучная и однообразная жизнь, вдали отъ родины, вдали отъ друзей, жизнь безправнаго фронтовика, которому опять строжайше было запрещено писать и рисовать, представляетъ изъ себя грустную картину.

Смотры, маршировки, фронтовая выправка, а послѣ ученія обильныя выпивки съ «мочи мордами» и перѣдко карцеръ и фухтеля—вотъ чѣмъ была заполнена жизнь ссыльнаго поэта.

Могучій, оригинальный талантъ точно застылъ, обезцвѣтился и погонулъ въ мрачномъ озлобленіи противъ судьбы и человѣчества. Немного хорошихъ стихотвореній вышло изъ подъ пера Тараса Григорьевича за періодъ его жизни въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи.

Только въ 1857 году т. е. послѣ десятилѣтней ссылки, поэтъ былъ освобожденъ, но, къ сожалѣнію, это уже былъ больной, полуразбитый человѣкъ. Правда, свобода подкрѣпила его, вдохнула жизнь въ его полубольное тѣло, но не надолго—черезъ четыре года 26 февраля 1861 года Тарасъ Шевченко скончался всего лишь 47 лѣтъ отъ роду.

XXXV.

Теперь мы переходимъ къ описанію гостиннаго двора и главной рыночной площади г. Оренбурга.

Гостинный дворъ при основаніи города представ.

лать изъ себя площадь, огороженную плетнемъ, обмазаннымъ глиною. Такимъ образомъ вмѣсто каменныхъ лавокъ и стѣнъ былъ простой плетень. Стѣны появились ужъ при Неплюевѣ, лавки были во внутрь двора, на городскія улицы выходили такія же стѣны, какъ въ настоящее время на Орской улицѣ. Нынѣшняя церковь Вознесенія Господня въ началѣ была построена во имя Благовѣщенія Богородицы и находилась надъ воротами въ стѣнѣ, выходящей на Николаевскую улицу. Надъ воротами на Троицкую улицу была башня съ городскими часами, которые испортились съ 20 хъ годовъ. Поправить ихъ городская дума никакъ не могла, такъ какъ не находился въ городѣ часовой мастеръ, который взялся бы за ихъ починку.

Въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія гостинный дворъ раздѣлялся—какъ видно изъ описанія доктора Базинера—внутреннею каменною стѣною на двѣ половины: сѣверную для торговли съ азіатцами и южную, гдѣ были постройки таможи и неоконченный артезианскій колодезь. Торгъ въ это время производился только зимою и ранней весною: въ остальное время года торговали на мѣновомъ дворѣ.

Но уже съ начала 60-хъ годовъ начался разговоръ *) о необходимости перестройки гостиннаго двора, такъ какъ измѣнился самый характеръ прежней оренбургской торговли, исключительно мѣновой. Въ это время 1863 годъ—городъ нуждался въ лавкахъ для розничной торговли. Помѣщенія не было и корреспондентъ «Оренбургскихъ Губернскихъ вѣдомостей», издававшихся въ Уфѣ, предлагалъ перестроить стѣны гостиннаго двора въ лавки на улицы. Но гостинный дворъ былъ собственностью таможеннаго вѣдомства и о переустройствѣ его только поговорили.

Эти разговоры возобновились почти тотчасъ послѣ передачи гостиннаго двора въ собственность города, именно, 12 декабря 1868 года генераль-губернаторъ предложилъ думѣ перестроить гостинный дворъ, однако дума отказалась, по неимѣнію средствъ. Черезъ 6

*) Оренб. Губ. Вѣд. 1863 г.

лѣтъ, именно 16 сентября 1874 года, съ предложениемъ перестройки обратился къ думѣ мѣстный купецъ Н. А. Дюковъ, который, за право аренды на 60 лѣтъ, хотѣлъ обратить стѣну, выходящую на главную улицу въ 24 теплыхъ двухъэтажныхъ магазина. Городская дума, отклонивъ предложеніе Дюкова, принципиально высказалась за перестройку гостиннаго двора и поручила управѣ составить кондицію на означенную перестройку. Кондиціи были составлены en gros, фасадъ предполагался сдѣлать въ три этажа, соединивъ кромѣ магазиновъ, торговые склады, конторы, банки, биржу, гостинницы. На приведеніе же плана въ жизнь управою предлагался одинъ изъ трехъ способовъ: 1) занять капиталъ и произвести постройку за счетъ города, 2) образовать акціонерное общество для постройки и 3) сдать съ торговъ на 48 лѣтъ аренды. Управа подчеркивала, что она считаетъ первый способъ самымъ выгоднымъ, такъ какъ въ этотъ случаѣ городъ будетъ съ самаго начала хозяиномъ магазиновъ и имѣть ихъ выгодно эксплуатировать. Но дума не согласилась съ управою; прежде всего: вмѣсто перестройки всего гостиннаго двора было рѣшено перестроить только восточную часть, далѣе вмѣсто трехъ этажей, устроить два и сдать съ торговъ на 48 лѣтъ. общее количество магазиновъ было опредѣлено въ 24 магазина. 20 октября 1876 года были утверждены торги въ суммѣ 5049 р. 20 к., съ весны 1877 года стала производиться перестройка и только что Николаевская улица приняла настоящій видъ, произошелъ пожаръ 1879 года, попортившій весь гостинный дворъ. Городъ ремонтировалъ его на свой счетъ. Магазины появились лишь по Николаевской улицѣ, по Гостиннодворской все еще возвышалась такая же безобразная стѣна, какъ нынѣ и на Орской. Около этой стѣны ютились небольшія лавочки и торговали старымъ же лѣзомъ. Перестройка этой части гостиннаго двора была сдана за сумму 2337 р. 75 к. 22 января 1888 г.

Такимъ образомъ гостинный дворъ принялъ свой настоящій видъ лишь къ 1900 году, а послѣ 1901 г.

Гостиниодворская и Николаевская улицы были залиты асфальтомъ *)

Своею западною стороною гостинный дворъ примыкаетъ къ главной рыночной площади, известной подъ названіемъ «толчекъ».

Въ 1819 году графъ Эссенъ, бывшій въ то время военнымъ губернаторомъ города Оренбурга, по всей вѣроятности, совершенно случайно, проѣзжалъ черезъ главную рыночную площадь, поразился ее безотраднымъ видомъ и приказалъ инженеръ капитану Генсеу принять соотвѣтственные мѣры.

Первою изъ таковыхъ мѣръбыть рапортъ Генсеа генералу Эсену. Въ этомъ рапортѣ находимъ описаніе главной рыночной площади. «балаганы, находящіеся на торговой площади, при въѣздѣ въ гостинный дворъ, большею частью сдѣланы изъ лубковъ, поддерживаемые тонкими столбиками и перекладинами изъ жердей и хотя между ними находятся нѣкоторыя лавочки, сдѣланныя изъ досокъ, но онѣ какъ наружнымъ видомъ, такъ и безпорядочнымъ расположеніемъ всѣхъ вообще балагановъ, дѣлаютъ безобразіе, будучи поставлены по обѣ стороны воротъ слишкомъ близко между собою, отеланяютъ проѣздъ въ гостинный дворъ тѣмъ болѣе, что для покупки продаваемыхъ въ нихъ мелочныхъ товаровъ толпится около нихъ народъ. Построены балаганы *безъ всякаго позволенія* разными жителями города, продающими въ нихъ собственные свои товары или отдающими оныя въ наймы другимъ торговцамъ, получая въ годъ по 30 руб. и болѣе. Кромѣ сихъ балагановъ построены по сторонамъ торговой площади еще деревянные лавки, изъ которыхъ, особенно тѣ, которыя находятся противъ Троицкой церкви, большею частью ветхи и безобразны».

Генсъ полагалъ необходимымъ:

1) Построеніе балагановъ и лавокъ на торговой площади воспретить

2) Балаганы, сгнѣсняющіе въѣздъ въ гостинный

*) Смори думскіе журналы указанныхъ годовъ.

дворъ снести, но чтобы торговцевъ, въ нихъ торгующихъ, не лишать способовъ производить сей торгъ, который составляетъ у большей части ихъ весь промыселъ, то позволить поставить сіи балаганы на время въ другомъ удобнѣйшемъ мѣстѣ, отдѣляя оныя отъ воротъ гостиннаго двора

3) Деревянные лавки, противъ Троицкой церкви *безъ позволенія* построенныя, велѣть снести, а на мѣсто ихъ построить на счетъ городской суммы хорошей архитектуры связь въ два яруса, располагая оную такимъ образомъ, чтобы въ нижнемъ этажѣ находились лавки для лука, овса, соли, разныхъ съѣстныхъ припасовъ, кромѣ мяса и рыбы, конской упряжи и тому подобныхъ вещей. въ верхнемъ же для произведенія фабрикъ, какъ то разныхъ желѣзныхъ и стальныхъ товаровъ, столовой посуды и для пріѣзжающихъ часто сюда иногороднихъ купцовъ съ галантерейными товарами. *Деньги за наемъ сихъ лавокъ должны поступать въ городскую казну.*

4) По построеніи сихъ лавокъ всѣ вышеупомянутые балаганы сломать.

5) Тогда же и запретить избытнимъ городскимъ жителямъ продавать на самой площади муку, овесъ, крупу и соль, заставляя возами не малую часть площади и причиняя отъ накопленія навоза нечистоту и вредныя здоровью испаренія, то принудить ихъ или продавать сіи вещи въ упомянутыхъ общественныхъ лавкахъ или въ своихъ домахъ».

Итакъ первымъ официальнымъ документомъ отъ 1819 года *безусловно* признается: первое. право собственности города на всю городскую площадь, второе, то обстоятельство, что лавки и балаганы выстроены жителями незаконно.

Слѣдовательно ясно, что въ 1819 году частныхъ владѣльцевъ землею на площади не было.

Графъ Эссенъ вполне согласился съ доводами Генса и предписалъ думѣ выполнить рапортъ Генса. Торопился графъ Эссенъ такъ потому, что въ 1821 г. ожидался проѣздъ черезъ Оренбургъ Императора Але

исандра I и хотѣлось привести рыночную площадь въ порядокъ.

Но несмотря на настоянія военного губернатора, дума ограничилась только составленіемъ «реестра»: «кто, какіе наміренъ построить каменные или деревянные лавки противъ Троицкой церкви изъ бывшихъ старыхъ хозяевъ деревяннымъ лавкамъ». Такихъ деревянныхъ лавокъ противъ Троицкой церкви было 21, принадлежали онѣ 18 лицамъ. Дума составила «реестръ», инженеръ Генсъ—новый планъ рыночной площади и фасадъ новыхъ лавокъ. Этимъ и закончилось на первый разъ дѣло о перестройкѣ лавокъ, дѣло по улучшенію главной рыночной площади.

Вторично это дѣло возникло въ 1827 году, уже по инициативѣ думы, которая просила военного губернатора графа Эссена разрѣшенія выстроить на рыночной площади вмѣсто существующихъ лавокъ, построенныхъ безъ разрѣшенія, новыя городскія лавки и сдавать ихъ отъ города. Дума ссылалась на 6 и 7 пункты ст. 107 городского положенія. Существовавшія же лавки владѣльцы должны были снести или продать городу по сходной цѣнѣ. Деньги, необходимыя для постройки лавокъ, предполагалось позаимствовать изъ пожертвованнаго городу бывшимъ городскимъ головою Шапошниковымъ капитала; общій доходъ отъ сдачи лавокъ ожидался въ 1500 руб. ассиг.

Такимъ образомъ въ 1827 году городская дума не признаетъ не за однимъ владѣльцемъ построенныхъ на городской площади лавокъ права на землю. Лавки были построены на городской площади. Земля принадлежала городу.

Графъ Эссенъ принципиально согласился съ предложеніемъ думы, но просилъ собрать подробныя свѣдѣнія о лавкахъ: «въ коихъ продаются черный и бѣлый хлѣбъ, ибо съ оныхъ брать въ пользу градского доходу что либо я (т. е. графъ Эссенъ) считаю неудобнымъ, дабы черезъ сіе не возвысить цѣны на хлѣбъ къ неудовольствію народному».

Дума въ скоромъ времени представила графу Эссену подробный списокъ лицъ, торгующихъ на

главной рыночной площади. Изъ этого списка видно прежде всего, что фамилія большинства бывшихъ въ 1827 году владѣльцевъ лавокъ въ настоящее время уже не существуютъ — или вымерли или сошли со сцены дѣйствія. Далѣе составъ рынка былъ слѣдующій:

купцы . . .	12	колонисты . . .	9	казаки	3
мѣщане . . .	18	армяне	1	отстав. солдаты	4
крестьяне . .	5	татары	6	господскіе люди	2

Такимъ образомъ главнымъ элементомъ торгующимъ на главной рыночной площади были мѣщане, за ними слѣдовали купцы, колонисты, торговавшіе, по преимуществу, табакомъ и татары

Но при составленіи списка лицъ, владѣющихъ лавками и не платящихъ «акцизъ», дума сдѣлала маленькую ошибку, — не внесла въ списокъ многихъ владѣльцевъ. И оказалось, что пропущенными были городской голова Кривцевъ и его родственники. На это обратилъ вниманіе уѣздный стряпчій Агапьевъ и запросилъ думу объ указанныхъ пропускахъ Дума въ свою очередь послала бумагу въ полицію, прося ее сообщить, какіе родственники городского головы не попали въ списки. Полиція не безъ ехидства отвѣтила думѣ, что «дума должна лучше знать родственниковъ городского головы».

Но полиція не удовлетворилась такимъ отвѣтомъ, а сочла нужнымъ донести военному губернатору, что въ составленную городомъ опись лавокъ не вошли цѣлыя тридцать двѣ лавки (въ городскомъ списокѣ было всего 60 лавокъ) и что всѣ эти лавки принадлежатъ или городскому головѣ или гласнымъ думы.

Военный губернаторъ велѣлъ произвести слѣдствіе, дѣло началось и... и не дало никакихъ результатовъ. Но если сравнить планъ городской площади 1827 года съ настоящимъ, то окажется, что лавки Кривцова, и его родственниковъ и гласныхъ думы вполне соответствуютъ нынѣшнему Путоловскому ряду, который построенъ будто бы не на городской землѣ, а на частновладѣльческой.

Въ архивахъ мы не нашли конца разбираемаго нами дѣла оно исчезло, какъ исчезла масса дѣлъ, имѣющихъ иногда очень серьезное значеніе и такимъ образомъ мы можемъ установить лишь фактъ, что лавки, пещища въ настоящее время, названіе Путоловскій рядъ и принадлежащія частнымъ лицамъ, а не городу, были именно тѣми лавками, о которыхъ доносила полиція, какъ о невнесенныхъ въ составленный думою «реестръ» лавокъ.

Но относительно захвата земли подъ нынѣшній Зуевскій и Труевскій рядъ мы находимся въ болѣе счастливомъ положеніи и можемъ обрисовать всю исторію захвата, опираясь на документальныя данныя.

Дѣло объ упорядоченіи рыночной площади и во второй разъ окончилось безрезультатно. Памятникомъ отъ него остался только вышеупоминаемый реестръ. Но 23 февраля 1835 года 22 гунца и мѣщанина города Оренбурга, а именно: 1) Федоръ Жинкинъ, 2) Илья Романовъ, 3) Дмитрій Косиловъ, 4) Михайлъ Шеринъ, 5) Михайлъ Кегинъ, 6) Николай Измаиловъ, 7) Никита Оглодковъ, 8) Михайло Дѣвѣ, 9) Ефимъ Мякинниковъ, 10) Гаврило Памфиловъ, 11) Ефимъ Лебедевъ, 12) Федоръ Путоловъ, 13) Иванъ Кривцовъ, 14) Василий Труевъ, купческіе сыновья: 15) Павелъ Шибасевъ, 16) Егоръ Кривцовъ, 17) купчиха Дарья Лебедева, мѣщане: 18) Василевъ, 19) Евграфъ Шелудковъ и еще трое лицъ, подписъ которыхъ неразборчива, дали слѣдующую подписку:

«Въ 1835 году февраля 28 дня мы, нижеподписавшіеся, владѣльцы вновь выстроенныхъ на сѣверной и южной сторонахъ рыночной площади каменныхъ лавокъ, бывъ въ собраніи въ Оренбургской городской думѣ на общемъ совѣщаніи, учинили сей приговоръ въ томъ, что единогласно предположили платить за означенныя принадлежащія намъ лавки ежегодно съ сего 1835 года въ городской доходъ по десяти рублей ассигнаціями съ каждой лавки, въ чемъ и подписуемся».

Общее количество вновь выстроенныхъ каменныхъ лавокъ было 46, по 23 лавки на каждой сторо-

пѣ. Акцизъ этотъ владѣльцы лавокъ платили, какъ видно изъ дѣла потому, что ихъ лавки были выстроены на городской землѣ.

Итакъ въ 1835 году пратѣды нынѣшнихъ владѣльцевъ Труевского и Зуевского рядовъ признавали право собственности на землю, находящуюся подъ построенными ими каменными лавками, за городомъ.

Далѣе исторія идетъ слѣдующимъ образомъ: взявъ съ владѣльцевъ лавокъ 10 рублей за мѣста, дума обложила ихъ еще и оцѣночнымъ сборомъ. Владѣльцы лавокъ пожаловались гражданскому губернатору, который и прислалъ думѣ указъ за № 959 отъ 28 января 1837 года:

«Въ разрѣшеніе представленія „городской“ думы отъ 18 числа текущаго мѣсяца за № 144 (отвѣтъ думы на жалобу купцовъ) даю знать, что какъ сборъ въ пользу города съ оцѣнки строеній по 1^о о есть общій для всѣхъ жителей, то обый взыскивать и съ владѣльцевъ 46 каменныхъ лавокъ, расположенныхъ въ городѣ Оренбургѣ на рыночной площадѣ, согласно заключенія думы, изъясненному въ упомянутомъ представленіи за № 144, и за симъ сборъ по 10 рублей съ каждой лавки отменить, что и предписываю думѣ привести въ исполненіе. Гражданскій губернаторъ Тельшинъ».

Такимъ образомъ владѣльцы лавокъ стали уплачивать тотъ налогъ, который платили владѣльцы частныхъ владѣній—и.. и лавки въ концѣ концовъ оказались построенными не на городской площади (земской лавности на площадь нѣтъ), а на частновладѣльской землѣ.

По вопросу о томъ, какъ очутились посреди площади лавки не на городской землѣ, а на частновладѣльской, мы пока не нашли документовъ, но позволяемъ себѣ высказать слѣдующее предположеніе: эти лавки въ началѣ были тѣми лавками, которыя облагать налогомъ не согласился графъ Эссентъ—какъ мы приводили выше. Съ теченіемъ времени motives, почему эти лавки не облагались сборомъ въ пользу города, забылись и остался только фактъ неплатежа владѣль-

цѣмъ за право на мѣста. Отсюда легко было сдѣлать сооувѣствующій выводъ.

Мы приводимъ лишь исторію города и не касаемся тѣхъ нравственныхъ и юридическихъ вопросовъ, которые вытекаютъ изъ фактовъ. Дѣлать заключеніе, мы представляемъ тѣмъ, кто считаетъ себя радѣтелями и защитниками городскихъ интересовъ.

Приведемъ нѣкоторые факты, характеризующіе исторію роста городской площади. Прежде всего вотъ ростъ платы за лавки *).

Въ 1827 году	плата	равнялась	1915 р.
Въ 1829 »	»	»	3420 р.
Въ 1839 »	»	»	2450 р.
Въ 1840 »	»	»	1411 р. 28 ⁴ / ₇ к.
Въ 1850 »	»	»	1680 р. 20 ¹ / ₄ к.

До 1848 года торговцы подписывали только торговые листы, съ этого времени стали заключаться контракты, сперва на одинъ годъ, а съ 1852 г. на три.

Наибольшее измѣненіе рыночная площадь стала получать послѣ 1867 года. 2 іюня 1867 года дума— все еще шестигласная постановила назначить въ продажу подъ постройку каменныхъ лавокъ мѣста вѣдѣнія западной стѣны гостиннаго двора, причемъ покупалось и право вѣчнаго владѣнія землею. Это постановленіе думы было отмѣнено губернскимъ правленіемъ оно воспретило продажу самыхъ мѣстъ, а разрѣшило произвести торги лишь на постройку каменныхъ лавокъ (торги состоялись 10 марта 1870 г.), причемъ срокъ аренды 75 лѣтъ. 24 сентября 1871 г. оренбургская городская дума издала обязательное постановленіе о томъ, чтобы на главной рыночной площади не разрѣшать деревянныхъ построекъ, затѣмъ 20 апрѣля 1873 г. утверждены планы на постройку 5 корпусовъ, 10 іюля 1876 г. состоялись торги на отдачу 16 лавокъ въ 48 лѣтнее арендное содержаніе. 15 апрѣля 1876 года были перестроены Ануфриевскіе ряды,— окончательная перестройка всѣхъ деревянныхъ лавокъ произошла послѣ пожара 1879 года.

*) До 1840 года считалось на ассигнаціи.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется по архивнымъ даннымъ исторія главной рыночной площади. Теперь остается сказать нѣсколько словъ о Троицкой церкви.

Троицкая церковь — сначала деревянная — была построена оренбуржцами во время пугачевской осады, когда оренбуржцы уже отчаивались въ возможности спасенія. Въ пожаръ 1786 года она, уже перестроенная въ каменную 24 августа 1784 года, сильно обгорѣла и до 1800 года не могла быть возобновлена и только въ 1800 году произошло ея освященіе; въ 1807 году была построена колокольня, въ 1810 году церковь изъ военной стала приходскою. Въ 1827 г. 15 мая были заложены приделы, въ 1867 г. устроена вокругъ церкви ограда. Пожаръ 1879 года сильно коснулся церкви, причемъ съ колокольни упалъ большой колоколъ. 21 марта 1882 года церковь была освящена въ третій разъ и приняла современный видъ.

Съ 1883 года въ церкви Троицы ежегодно — 29 марта служится историческая панихида по защитникамъ Оренбурга отъ Пугачева. Панихида эта установлена по мысли Руфа Гавриловича Игнатьева, историка Оренбургскаго края. 29 марта избрано потому, что въ этотъ день Оренбургъ былъ освобожденъ войсками подъ начальствомъ князя Петра Михайловича Голицина.

Защита Оренбуржцами своего города считалась подвигомъ, за который городъ получилъ рескриптъ отъ Императрицы Екатерины II; рескриптъ былъ данъ на имя губернатора. Приводимъ его заключительную часть:

«Объявляя сіе Наше Матерніе благоволеніе върному нашему городу Оренбургу, справедливо разумѣемъ Мы тугъ первымъ онаго членомъ васъ, господина генераль порутчика и губернатора, яко мужественнымъ вашимъ духомъ и неусыпными трудами — достохвальной примѣръ бодрствованія всему обществу подавшему и для того обнадеживаемъ васъ отличною Нашею Императорскою Милостію, повелѣвая вамъ въ то же время возвѣстять отъ собственнаго Нашего имени и

лица и всѣмъ въ зашитѣ и оборонѣ города Оренбурга подъ вѣшею командою соучаствовавшимъ, по мѣрѣ каждаго трудовъ и подвиговъ Всемиловѣйшее Наше воззрѣніе, самимъ же жителямъ городскимъ дѣйстви-тельное на два года увольненіе ихъ отъ подушнаго збора, а при томъ и пожалованіе на ихъ общество въ нынѣшней годъ всего прибыльнаго чрезъ откупъ збора съ питейныхъ домовъ ихъ города. Въ прочемъ прѣбывасмъ къ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны. Данъ въ Царскомъ селѣ. Маія 1 дня 1774 года Екатерина».

XXXVI

Нынѣшняя Александровская площадь, занятая театромъ, реальнымъ училищемъ, зданіями городской думы и казармами и засаженная двумя сквериками*), была когда то плацъ параднымъ мѣстомъ.

На планѣ 1829 года мы видимъ на этой площади слѣдующія постройки: на мѣстѣ нынѣшняго реальнаго училища—каменную гаупвахту, на мѣстѣ гимназіи и казармы—каменные дома для жительства генераловъ, штабъ и оберъ офицеровъ. Домъ контрольной палаты былъ отведенъ подъ военно сиротское заведеніе, мѣсто г. Захо принадлежало почтовой конторѣ, только одна городская дума существовала на томъ же самомъ мѣстѣ, да посреди площади находился тотъ же каменный фонтанъ. въ который вода шла изъ городского водопровода по деревяннымъ желобамъ. Желоба эти направлялись по нынѣшнимъ Перовской и Неплюевской улицѣ, около церкви Троицы заворачивали на рыночную площадь, посреди которой тоже былъ фонтанъ. Дѣствовали фонтаны—самъ собою понятно, только лѣтомъ.

Зданіе городского театра выстроено въ началѣ 30 хъ годовъ, какъ мнѣжъ для Неплюевского кадетскаго корпуса. Въ началѣ 60 хъ годовъ этотъ манежъ

*) Александр всѣмъ скверъ устроилъ на деньги городского головы Степана Дѣва.

былъ приспособленъ, по распоряженію генераль губернатора, для театральныхъ представлений. Сначала театръ находился подъ управленіемъ особаго директора изъ военныхъ, играли въ театрѣ главнымъ образомъ любители. Но очевидно, канцеляріи генераль губернатора прискучило вести театральное дѣло и было рѣшено передать зданіе театра въ вѣдѣніе города. Переписка о этой передачѣ началась съ 7 апрѣля 1866 года и только 22 мая 1870 года была совершена городской комиссіей приемка зданія. Особенно первое время, когда еще существовала шестигласная дума, гласные были противъ приема зданія театра, не видя въ немъ пользы, а ожидая только расхода. Хотя зданіе театра было уступлено даромъ, но все же городъ долженъ былъ выплатить 6718 р. 8 к., издержанныхъ на ремонтъ театра и позаимствованныхъ изъ казеннаго башкирскаго капитала. Уплата этихъ денегъ началась только въ 1881 году, въ теченіи 11 лѣтъ оренбургская дума хлопотала, какъ бы сложить съ себя эту уплату, но такъ какъ башкирскій капиталъ былъ переданъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, то сложить эту сумму, потребную на дѣло народнаго образованія, считали неудобнымъ.

Итакъ судьба немножко поиронизировала надъ городомъ Оренбургомъ: зданіе, въ которомъ юнкера Неплюевского училища выдѣлывали разныя гимнастическія упражненія, волею судебъ превратилось въ обиталище одной изъ музъ

Весьма понятно, что и внѣшностью и внутренностью своего обиталища Мельпомена не можетъ быть довольна и надо полагать съ брюзгливою миною смогреть съ высоты Олимпа на Оренбургскій городской театръ. Не могутъ ее, конечно, удовлетворить всѣ тѣ поправки и заплаты, которыя дѣлала въ своемъ театрѣ городская дума. А поправокъ было много, хотя, конечно, изъ манежа ничего кромѣ манежа не выйдетъ.

30 декабря 1896 года городская дума выбрала по театральному дѣлу особую комисію, которая должна

была осмотрѣть театръ и сказать думѣ, что нужно дѣлать. Театральная комісія засѣдала долго и много, и пришла къ убѣжденію, что надстроить третій этажъ и увеличить такимъ образомъ театръ нельзя, надо построить новый, а бывшее зданіе перестроить, — нижній этажъ обратить въ магазины, а въ верхнемъ помѣстить библіотеку и музей. Дума¹ согласилась съ комісией и объявила конкурсъ на зданіе для театра въ 100 т., а мѣсто выбрало на той же площади между садиками.

Присланы были проекты, дума выдала премію за прекрасный проектъ архитектора Шуберга, рисунки проекта сдала на храненіе въ общественную библіотеку — тѣмъ дѣло перестройки театра и закончилось — у думы не нашлось денегъ. Вообще надо замѣтить, что городская дума смотрѣла и смотритъ на городской театръ за послѣдніе 20 лѣтъ съ совершенно неправильной точки зрѣнія — главнымъ образомъ, какъ на арендную статью. Сумма, получаемая за сдачу театра является каплею при городскомъ бюджетѣ въ 600 слишкомъ тысячъ рублей и городскому самоуправленію рано или поздно придется придти къ сознанію, что городской театръ имѣетъ для города почти такое же значеніе, какъ и городское училище, и что городъ долженъ самъ содержать театръ, чтобы послѣдній былъ достояніемъ, дѣйствительно, всѣхъ гражданъ и давалъ здоровую эстетическую пищу. Но еще не очень давно въ залѣ думскихъ засѣданій при вопросѣ о сдачѣ городского театра были слышны произносимые то громко, то шепотомъ, какъ бы про себя, слова: «бѣсѣдовское наводненіе».

Если театръ внѣшнимъ видомъ и внутреннимъ устройствомъ не подходитъ къ театру, то тоже впечатлѣніе получалось и отъ игравшихъ въ немъ труппъ: только двѣ труппы Разсказова въ срединѣ 70 хъ годовъ, да Булгакова Грубина могли назваться, дѣйствительно, драматическими труппами и въ этихъ труппахъ дебютировали впоследствии ставшіе извѣстностью такіе актрисы и актеры, какъ Стрепетова, Писаревъ, Свободинъ. Опытный и хорошій антре-

пренеръ Новиковъ держать одновременно и Самару и Оренбургъ, причемъ на послѣдній обращать мало вниманія. Одна изъ первыхъ труппъ подъ дирекціей подполковника Бабушкина и сатскаго совѣтника Пузанъ-Пузыревскаго, не смотря на чинъ директоровъ, не смотря на широковыщательныя общіянія—была слишкомъ плохую труппою, во главѣ съ чегое Великановыхъ, съ совершеннымъ отсутствіемъ ансамбля, съ заиграннымъ репертуаромъ, въ которомъ главное мѣсто занимали французскія мелодрамы; театръ былъ грязенъ, плохо освѣщался, публика неохотно его посѣщала. И дирекція не могла додержать театръ до конца сезона, а въ результатъ появился ежемѣсячный расходъ годъ (въ теченіи трехъ мѣсяцевъ) въ размѣръ 500 рублей, отпускавшихся на поддержаніе существованія вторыхъ персонажей и артистовъ распавшейся труппы, которые, за неимѣніемъ въ то время желѣзной дороги, не могли не только выѣхать изъ Оренбурга зимою, не имѣя теплой одежды, но и про существовать въ городѣ до весны, когда они могли съ обозами добраться до Самары. Дѣло это, положимъ, было давно, въ 1873 году.

Позади театра и реального училища, находится Николаевскій женскій институтъ, который занимаетъ почти цѣльный кварталъ по тремъ улицамъ: Орской, Преображенской и Неплюевской.

До 1848 года во всемъ Оренбургскомъ краѣ, не связанномъ еще желѣзными путями съ центрами просвѣщенія, единственнымъ женскимъ учебнымъ заведеніемъ было учрежденное въ 1832 году въ г. Оренбургѣ третьеразрядное училище для дочерей нижнихъ чиновъ, въ 1848 году 6 мая для этого училища былъ сочиненъ новый уставъ, по которому заведеніе это впредь предназначалось для воспитанія дочерей, находящихся въ Оренбургскомъ краѣ недостаточныхъ офицеровъ, чиновниковъ, священнослужителей, а также неслужащихъ дворянъ, почетныхъ гражданъ и купцовъ 1 й гильдіи, причемъ училище было причислено во 2-й разрядъ учебныхъ заведеній. Открытіе училища въ новомъ его видѣ состоялось 6 декабря 1850 года

причемъ въ комплектъ въ 40 дѣвиць было принято 20 казеннокоштныхъ и 3 своекоштныхъ пансіонерки. 13 октября 1855 года оренбургское дѣвичье училище было переименовано въ оренбургскій институтъ, имѣя первоначально шестилѣтній курсъ, раздѣленный на два класса, замѣненные впослѣдствіи тремя классами съ двухлѣтнимъ курсомъ, институтъ въ 1891 году былъ окончательно преобразованъ въ семиклассное учебное заведеніе съ годовичными курсами.

Графъ Сухтеленъ въ 1832 году нашелъ возможнымъ ежегодно отдѣлять по 3¹/₂ т. р. на содержаніе женскаго училища, какъ особаго для воспитанія дѣвиць отдѣленія Неплюевского военнаго училища. Положенія и штаты этого женскаго училища были выработаны приблизительно къ постановленіямъ существовавшаго въ то время училища для солдатскихъ дочерей полковъ лейбъ гвардіи въ Петербургѣ.

Открытіе училища послѣдовало 6 декабря 1832 года и Государыня Императрица супруга Николая I взяла заведеніе подъ свое покровительство. Училище управлялось особымъ комитетомъ, составленнымъ изъ супруговъ, служившаго въ Оренбургѣ генералитета и другихъ почтенныхъ дамъ и директора Неплюевского военнаго училища, на котораго было возложено завѣдываніе дѣлами по счетной и письменной части. Ближайшее и непосредственное управленіе училищемъ поручалось смотрительницѣ и двумъ помощницамъ. Училище принимало бесплатно 50 ученицъ, изъ нихъ 20 всякаго званія и 30 дочерей военныхъ. Предметы обученія заключались въ законъ божьей, чтеніи и письмѣ и основныхъ правилахъ ариѳметики. Особенное вниманіе было обращено на шитье бѣлья, перчатокъ, бабчмаковъ, вышиванія и вязанія. Интерната не было. Училище помѣщалось въ собственномъ домѣ, приобретенномъ графомъ Сухтеленомъ за 5 т. р.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что училище по мысли графа Сухтелена было всесоставнымъ, это обстоятельство очень любопытно и является характернымъ графа Сухтелена.

Одинъ изъ слѣдующихъ губернаторовъ генераль

Обручевъ убѣдился, — что «окончивающія въ училищѣ курсъ дѣвицы *нишняго* класса обыкновенно не пользуются пріобрѣтенными ими познаніями и обращаются къ чернымъ работамъ или занимаются торговлею, а для дѣвицъ среднего класса это училище по своей программѣ слишкомъ элементарно» и Обручевъ исходатайствовалъ преобразование дѣвичьяго училища въ училищѣ для благородныхъ дѣвицъ, т. е. училище стало сословнымъ. На содержаніе училища было назначено 6741 р. 10 к., изъ нихъ 2600 р. получались какъ плата за 20 воспитанницъ по 130 р. съ каждой. Курсъ былъ увеличенъ и программа была слѣдующая: законъ Божій, русскій языкъ, французскій языкъ, исторія, географія, ариѳметика, числосчисаніе и рисованіе, пѣніе, рукодѣліе, танцы и кулинарное искусство. Въ 1850 году въ курсъ было введено и изученіе нѣмецкаго языка.

Обручевъ, найдя для училища 40 т. р., — конечно, изъ бапширскаго капитала, подвергъ зданіе капитальной перестройки, освятилъ церковь. Комплектъ ученицъ — 40 дѣвицъ — постепенно увеличивался и дошелъ до 75 дѣвицъ къ 1857 году. Зданіе стало тѣснымъ и въ 1858 году были возбуждены вопросы о расширеніи зданія и о преобразованіи института изъ двухъ класснаго въ трехклассный. Въ 1861 г. институтъ посѣтилъ главный начальникъ всѣхъ женскихъ училищъ Принцъ Петръ Ольденбургскій и вопросъ о реформѣ института получилъ довольно быстрое разрѣшеніе: институтъ былъ изъятъ изъ веденія Цеплю евскаго корпуса, было образовано коллегіальное управленіе, а для расширенія помѣщенія были пріобрѣтены въ 1862 и 1863 годахъ сосѣдніе дома г. Графской и Цейзахъ. Дома эти были огорожены и при институтѣ былъ разбитъ небольшой садъ.

Въ 1873 году генералъ Крыжановскій предложилъ начальству института возбудить ходатайство о преобразованіи института въ 7 классное открытое учебное заведеніе, но эта мысль главнаго начальника края встрѣтила такое противодѣйствіе, что онъ не далъ ей дальнѣйшаго хода, а наоборотъ. 29 марта 1875 года,

возбудилъ ходатайство о преобразованіи института изъ трехкласснаго въ обычный типъ института, а также и о расширеніи зданій. Ходатайства были удовлетворены только черезъ 10 лѣтъ, въ 1885 году была произведена закладка новыхъ зданій, которыя и закончились постройкою въ 1889 году и обошлись въ 212 300 руб., 13 ноября 1887 года было освѣщеніе церкви — такимъ образомъ съ 1889 года институтъ, имѣетъ те- перѣшній видъ.

Говорить о значеніи, пользѣ института не приходится — типъ этого привилегированнаго учебнаго заведенія давно осужденъ здоровою педагогикою, и институтъ является остаткомъ, пережиткомъ прошлаго строя. Приведемъ въ заключеніе небольшія цифры:

Въ 1848 году расходъ на институтъ 6750 р.

Въ 1868 » » » » 17800 р.

Въ 1877 » » » » 86200 р.

т. е. за пятьдесятъ лѣтъ расходъ увеличился на 79,450 р. въ годъ, или въ 12 разъ; комплектъ же воспитанницъ возросъ съ 40 до 254 человѣкъ, т. е. увеличился въ 5 разъ.

Въ 1848 году содержанія воспитанницы стоило 90 р.

Въ 1868 » » » » 214 р.

Въ 1897 » » » » 430 р.

т. е. содержаніе увеличилось почти въ 5 разъ. Выпуски дѣвицъ были слѣдующіе:

Съ 1845 по 1868 было 5 выпусковъ съ 99 дѣвицами

Съ 1868 по 1886 » 12 » съ 254 »

Съ 1886 по 1898 » 8 » съ 182 »

Всего за 50 лѣтъ 25 выпусковъ съ 535 дѣвицами.

Принимая во вниманіе, что за 50 лѣтъ на институтъ было израсходовано 2,059,000 р. видимъ, что каждая изъ дѣвицъ, окончившихъ полный курсъ обученія наукамъ, стоила 3850 р. и такъ какъ плата за обученіе является не главной статьей бюджета — то приблизительно такую сумму истратило госуларство.

Неподалеку отъ зданія института. на Преображенской улицѣ помѣщается костель. Зданіе косте-

ла—каменное, четырехугольное продолговатое и довольно высокое съ желѣзною крышею на два ската. Алтарная часть зданія полукруглая съ такою же крышею. Окна узкія и высокія. Верхъ зданія снаружи украшенъ только колокольнею; крестовъ на зданіи два, одинъ надъ алтаремъ, другой надъ колокольнею.

Въ 1836 году по просьбѣ ксендза Зеленко, заявленной имъ по довѣрію жителей—католиковъ, оренбургскій военный губернаторъ В. А. Перовскій возбуждалъ ходатайство о разрѣшеніи устроить костелъ, но лишь въ 1839 году позволено было устройство не костела, а лишь походной католической церкви съ общественнымъ богослуженіемъ. Для помѣщенія церкви снятъ былъ у акушерки Матони домъ съ арендною платою 200 руб.

Наемное помѣщеніе оказалось, конечно, очень неудобнымъ и генералъ Обручевъ возбуждалъ въ 1844 году снова вопросъ о костелѣ, предлагая выстроить его на углу гостиннаго двора. Разрѣшеніе устроить костелъ было дано, но мѣсто было признано слишкомъ центральнымъ для католической церкви. Тогда для костела отвели его настоящее мѣсто, 30 ноября 1844 г. онъ былъ заложенъ, а черезъ три года 16 ноября 1847 г., и освященъ.

XXXVII.

Городское самоуправленіе или управленіе помѣщалось съ самого своего основанія на томъ же мѣстѣ, гдѣ и нынѣ. На запросъ, сдѣланный въ 1829 году инженернымъ начальствомъ, дума отвѣчала: «Занимаемый сею думою, городовымъ магистраторомъ и сиротскимъ судомъ каменный двухъ этажный домъ построенъ въ 1814 году съ дозволенія начальства не изъ суммъ, вѣдомству казенному принадлежащихъ, а на капиталъ для сего собранный посредствомъ добровольной складки отъ здѣшняго купеческаго и мѣщанскаго общества, равно и прочаго торговаго класса людей, который (т. е. домъ) и есть собственность общества сего, починка же поврежденіямъ произволятся

также изъ суммъ добровольной складки съ разрѣшенія оренбургскаго военнаго губернатора и потому упомянутый домъ въ число прочихъ казенныхъ включенъ быть не можетъ».

Какъ видимъ, домъ съ самаго основанія, былъ и двухъ этажный и каменный, но только болѣе узкій а именно ширина его ограничивалась шириною нынѣшняго крыльца,—домъ напоминалъ изъ себя высокую и узкую коробку, такимъ онъ оставался вплоть до новой думы по положенію 1870 года.

22 Іюля 1873 года городской голова доложилъ присутствію городской думы *), что принадлежащее городу каменное зданіе, въ которомъ помѣщается общественное управленіе не соотвѣтствуетъ своему назначенію. Зданіе это, говорилось въ докладѣ городского головы, построенное тому назадъ болѣе полустолѣтія, ремонтировалось только всего одинъ разъ, именно въ 1850 году, а послѣ того вовсе не исправлялось, отчего въ особенности въ пятиконной залѣ, гдѣ бывають засѣданія думы полы при проходѣ даже одного человѣка колеблются, а потолки обвисли, вѣроятно, вслѣдствіе гнилости балокъ, на которыхъ они наслены; все это близко къ разрушенію и грозитъ большою опасностью. Дума постановила расширить зданіе; торги на расширеніе были 13 апрѣля 1874 года, а 18 октября 1875 года состоялась пріемка перестроеннаго зданія.

Въ своемъ обновленномъ видѣ зданіе думы простояло не долго—въ 1879 году оно сильно пострадало отъ пожара. Дума временно собиралась въ помѣщеніи третьей полицейской части. Ремонтировать домъ было необходимо, но подрядчиковъ не находилось и дума сдала ремонтъ думскаго зданія своему же члену управы на коммерческомъ правѣ. Перестройка и ремонтъ эти были очень неудачны и управа въ теченіи многихъ лѣтъ не могла отчитаться передъ думой. Наконецъ 10 марта 1896 года былъ слушанъ докладъ управы по предложенію г. начальника губер-

*) (Смотри соотвѣтствующіе журналы думы.

ніи отъ 15 іюня 1883, 14 января 1885, 5 декабря 1886, 4 декабря 1887, 13 февраля 1889, 11 февраля 1892 года, 8 марта 1893 года, 8 марта 1894 года о приѣмкѣ зданій городской думы, отстроеннаго на коммерческомъ правѣ членомъ управы за 25.100 р. 64 к. причемъ работы своевременно не были приняты, матеріалъ не свидѣтельствовался и оказалось, что послѣ ремонта въ 1883 году потолоки въ залѣ засѣданія провисли.

Губернское начальство, какъ видно изъ ряда напоминаній губернатора, сильно интересовалось этимъ дѣломъ, но дума, утолившись бесплодностью этого дѣла, порѣшила предать его забвенію.

Вопросъ о перестройкѣ думы возникалъ неоднократно, послѣдній разъ этотъ вопросъ дебютировался 24 мая 1901 г.—принципіально дума высказалась за перестройку. былъ составленъ планъ—но денегъ не было и дѣло осталось безъ послѣдствій.

XXXVIII.

Теперь мы познакоимъ нашего читателя въ краткомъ очеркѣ съ шестигласною думою *).

Первое затрудненіе при выборахъ въ городскія выборныя должности заключалось для Оренбурга въ недостаткѣ людей, имѣющихъ право быть выбранными, поэтому производились выборы не только изъ купцовъ, но и изъ купеческихъ братьевъ, племянниковъ и дѣтей. Представляя на утвержденіе списокъ лицъ купеческихъ братьевъ и сыновей, городской голова Семеновъ 31 декабря 1835 года писалъ военному губернатору, что «утвержденіе этого незаконнаго списка требуетъ истинная польза службы, соблюденіе общественнаго благосостоянія и наконецъ самое урвненіе въ очередныхъ отправленіяхъ общественныхъ повинностей, ибо **миѣ** (Семенову) лзвѣстно что въ числѣ купеческихъ семействъ есть многія такія, въ коихъ

*) Смотри Оренб. газ. № 1777, 1783, 1791, 1798, 1806, 1832, 1858, нашъ очеръ

заключается до 20 и болѣе душъ и въ копѣхъ начальниками состоятъ или женщины или подсудимые или наконецъ престарѣлые и ни къ какой уже службѣ неспособные кушцы, а дѣти, братья и другіе ближние родственники подъ сими наименованіями должны пользоваться отъ всѣхъ обязанностей свободою, владѣя нѣкоторыя изъ нихъ нераздѣльно наслѣдственными капиталами. Если-бы военный губернаторъ утвердилъ тотъ списокъ, то общество готово принять на себя всякую отвѣтственность въ случаѣ какихъ либо упущеній со стороны лицъ, выбираемыхъ въ должность и обязывается за нихъ круговымъ общественнымъ ручательствомъ.

Губернское начальство, какъ и должно было ожидать, не удовлетворило просьбы, такъ какъ оно и не имѣло права удовлетворить, потому что просьба шла въ разрѣзъ съ существовавшимъ законодательствомъ, которое прямо и категорически воспрещало выборы въ должности купеческихъ братьевъ и сыновей, но не удовлетворяя просьбы начальствомъ порою давались совѣты, вродѣ нижеслѣдующаго: „предписываю вамъ (городскому головѣ), чтобы выборы въ городскія должности непременно были произведены среди купцовъ и мѣщанъ города Оренбурга, кои по закону имѣютъ на то право, *не затрудняясь тѣмъ, ежели кто изъ нихъ окажется безграмотнымъ*, ибо по закону могутъ служить въ должностяхъ по выборамъ и безграмотные.

По злой ироніи судьбы эту бумагу подписалъ старшій совѣтникъ губернскаго правленія Ломоносовъ, однофамилецъ геніальнаго нашего самородка Михаила Васильевича Ломоносова, одного изъ первыхъ борцовъ за народное обрѣзваніе.

Кромѣ вышеуказаннаго затрудненія при выборахъ существовало еще и другое, болѣе сильное, отражающееся гораздо значительнѣе на успѣхахъ выборовъ.

Дѣло въ томъ, что самъ обыватель не имѣлъ ни какого намѣренія и желанія служить по выборамъ,

наоборотъ всѣми силами стремился избавиться отъ ненавистной ему обязанности.

Служба по выборамъ была ни дѣломъ чести, ни дѣломъ защиты своихъ интересовъ — общественное самосознаніе еще не было развито — наоборотъ, служба по выборамъ считалась тягостью, разорѣніемъ; нерѣдко она возлагалась на лицъ, чѣмъ либо провинившихся передъ обществомъ.

Это обстоятельство является очень характернымъ для нашей исторіи.

Въ то время, какъ на западѣ происходила борьба за право самоуправленія, и города, получившіе эти права, становятся силою, умѣющей оберегать свои интересы, въ то время какъ всякая привиллегія на западѣ достается тяжелымъ усиліемъ, цѣною иногда значительныхъ затраты, — у насъ города, получивъ самоуправленіе въ 1785 году, не только не развивали положенныхъ началъ, не только не достигали какихъ либо положительныхъ результатовъ, но наоборотъ, всѣми силами старались избавиться отъ ненавистныхъ имъ правъ и заставляли нерѣдко вмѣшиваться гражданскую власть, потому-что безъ этого вмѣшательства не могла развиваться жизнь города.

Процедура избавленія обывателями отъ службы обществу была очень сложна. Выбранное лицо подавало прошеніе оренбургскому гражданскому губернатору, который жилъ въ Уфѣ, отъ послѣдняго прошеніе шло на разсмотрѣніе губернскаго правленія. Въ свою очередь губернское правленіе, разсмотрѣвъ прошеніе, не разрѣшало его, а пересылало оренбургской думѣ для отзыва. Отзывъ дѣлалъ имъ самъ городской голова единолично или иногда созывалъ цѣлое собраніе купцовъ и мѣщанъ; на этомъ собраніи читалось прошеніе и составлялся приговоръ, который и стесылался обратно въ губернское правленіе, тогда послѣднее дѣлало резолюцію, которая и сообщалась черезъ полицію. Иногда просители, получивъ отказъ отъ губернскаго правленія, не удовлетворялись этимъ и шли съ прошеніемъ на Высочайшее Имя.

Причины, на которыя ссылались въ своихъ про-

пеніяхъ обиженные обыватели, были разнообразны: главнымъ образомъ выставлялись нарушенія закона. Эти нарушенія усматривались въ томъ, что выборный состоялъ въ одномъ капиталѣ съ отцомъ, былъ подъ судомъ, принадлежалъ къ раскольникамъ, словомъ не брезгали ничѣмъ; далѣе шли указанія, что выбранное лицо одинокъ, имѣетъ престарѣлаго отца, и въ случаѣ выборовъ пострадаютъ его торговые интересы, или что выборный по своимъ торговымъ дѣламъ долженъ часто отлучаться изъ Оренбурга, по этому не можетъ регулярно посѣщать думу, или что выборное лицо боленъ, при чемъ указывались болѣзни—«геморой, тупость зрѣнія», не позволяющія нести общественную службу, наконецъ упоминалось и о томъ, что проситель безграмотенъ. Довольно часты были указанія на то, что или самъ выборный или его родственники, члены его семьи, уже несли обязанности по выборамъ, а многія лица въ городѣ не бывали ни разу избираемы.

Такимъ образомъ прибѣгали ко всеѣмъ средствамъ, чтобы избавиться отъ службы—а на провѣрку оказывалось, что обыватель въ большинствѣ случаевъ пишетъ въ своемъ прошеніи неправду. Если онъ писалъ, что онъ одинокъ, голова удостовѣрялъ, что онъ былъ членомъ семьи душъ, такъ напримѣръ, въ 18; болѣзнь оказывалась фиктивною и т. д.

Вслѣдствіе подобныхъ отзывовъ просители получали отъ губернскаго правленія отказы и должны были прослужить обществу.

Отмѣтимъ еще разницу между прошеніями начала 30-хъ и 50-хъ годовъ. Въ прошеніяхъ 30-хъ годовъ просители стараются указать, что съ ними поступили несправедливо, ихъ обидѣли, главная мысль прошенія—обвиненія своихъ сочленовъ, тонъ прошеній рѣзкій. Въ прошеніяхъ 50-хъ годовъ мы, на оборотъ, встрѣчаемся съ фразами вродѣ слѣдующихъ: «а потому сколь ни *легко* вниманіе общества и какъ ни *желательно* было оправдать слѣдующее имъ *дѣяніе* и почетъ»—но... непредвидѣнные обстоятельства заставляютъ отказываться отъ службы.

Такимъ образомъ въ 50 хъ годовъ центръ тяжести переносился съ общества на самого просителя, на его жизненные обстоятельства, которые не позволяли обывателю оправдать довѣрія общества.

Намъ удалось отыскать составы городской шести гласной думы съ 1826 г., за болѣе ранній періодъ дѣлъ не сохранилось и мы знаемъ лишь, что до этого времени были городскими головами, между прочимъ, Филиппъ Шапошниковъ и Петръ Набатовъ.

Періодъ 1826--1829: городской голова Иванъ Кривцовъ, гласные: Михайлъ Шеринъ, Василій Лебедевъ, Ефимъ Лебедевъ, Гаврила Пахомовъ, Семень Козинъ, Степанъ Свѣшниковъ.

Періодъ 1829—1832: городской голова: Федоръ Жинкинъ, гласные: Степанъ Торцовъ, Василій Шибашевъ, Василій Агѣевъ, Василій Лаврентьевъ, Абдулманъ Гибетуллинъ.

Періодъ 1832—1835 г. городской голова Федоръ Жинкинъ, гласные: Иванъ Сырейщиковъ, Гаврила Панфиловъ, Максимъ Козинъ, Никифоръ Васильевъ, Гумерь Ахметовъ, Хабибулла Сейфульменъ.

Періодъ 1835—1838. городской голова Николай Семеновъ, гласные: Кондратій Мякишковъ, Лука Завалкинъ, Осипъ Бурнашевъ, Николай Димитровъ, Федоръ Семеновъ, Флегонтъ Гребневъ.

Періодъ 1838—1841: городской голова: Федоръ Горячевъ; гласные: Николай Шеринъ, Петръ Оглодковъ, Иванъ Лебедевъ, Николай Гребневъ, Тимофей Поповъ, Яковъ Лысовъ.

Періодъ 1841--1844: городской голова: Иванъ Путоловъ, гласные: Алексѣй Пуголовъ, Павелъ Баныкинъ, Петръ Кириловъ, Иванъ Баныкинъ, Кирилъ Кириловъ, Иванъ Федотовъ.

Періодъ 1851—1854: городской голова: Степанъ Дѣевъ, гласные: Егоръ Варлатинъ, Федоръ Тухинъ, Василій Труевъ, Степанъ Чащыгинъ, Николай Дубининъ, Иванъ Лебедевъ.

Періодъ 1866—1869: городской голова: Степанъ Дѣевъ, гласные: Иванъ Сворцовъ. Николай Каранъ.

лаковъ, Александръ Кибаревъ, Николай Ладыгинъ, Николай Введенскій, Иванъ Овчинниковъ.

Вотъ тѣ данныя о составѣ шестигласной думы, которыя намъ удалось розыскать, къ сожалѣнію существующъ большіе пробѣлы.

При шестигласной думѣ была и канцелярія, которая долгое время состояла изъ одного писмоводителя. бывшаго въ тоже время писмоводителемъ и сиротскаго суда, съ теченіемъ времени канцелярія увеличивалась, хотя очень незначительно.

Журналы шестигласной думы велись по разъ заведенной формѣ, а именно: на верху листа писчей бумаги выводили число, годъ, день; далѣе писалась фраза: «въ присутствіе городской думы прибыли» и на отдѣльныхъ строчкахъ заносили кто именно: городской голова—имя и фамилія, затѣмъ на новой строкѣ «гласные», затѣмъ шли фамиліи, противъ послѣднихъ дѣлалась скоба и отмѣчалось: «въ 8-мъ часу пополуночи». Въ концѣ журнала каждого дня ставилось: «изъ присутствія думы вышли въ первомъ часу». Послѣ указанной выше отмѣтки, посреди строки болѣе крупно писалось: *сидѣли*, затѣмъ шло изложеніе вкратцѣ дѣла, и «*приказали*», за которымъ заносилась резолюція думы. Каждый журналъ подписывали городской голова и всѣ присутствующіе гласные.

Дѣлопроизводство было слишкомъ осложнено. Иногда случалось секретарю докладывать рядъ однородныхъ дѣлъ и на каждое изъ нихъ составлялся особый журналъ, дойти до соединенія всѣхъ этихъ однородныхъ дѣлъ въ одинъ журналъ долго не могли. Точно также сколько времени было потрачено на то, чтобы такое простое для насъ понятіе, какъ «докладъ», «докладывали» было усвоено. Въмѣсто этого слова употребляли: «слушали» «имѣли сужденіе» и только къ 40 мъ годамъ эта и ей подобныя фразы замѣнились другимъ словомъ: «докладъ».

Вообще по журналамъ шестигласной думы можно прослѣдить развитіе нашего канцелярскаго языка. Трудна и тяжела была эта работа, пока не добивались

какойнибудь въ настоящее время общепринятой формы выраженія. Видимо, канцеляристы того времени страдали недостаткомъ словъ: отъ этого и происходила та неуклюжесть формы, которая такъ поражаетъ въ настоящее время. Послѣ всѣхъ журналовъ, составляемыхъ въ одинъ день, заносилась обязательно фраза: сего дня крѣпили журналъ въ столько-то пунктахъ.

Мы разсмотрѣли внѣшніе признаки шестигласной думы — сказать о внутренней сторонѣ дѣятельности думы, къ сожалѣнію, многое нельзя. Хотя по положенію 1785 г. дума признавалась хозяиномъ города, но въ дѣйствительности дѣло обстояло иначе и даже трудно отвѣтить на вопросъ: чѣмъ же была на самомъ дѣлѣ шестигласная дума? Она находилась положительно въ рабской зависимости отъ губернатора и губернскаго правленія. Безъ разрѣшенія послѣднихъ дума не только не могла произвести какую либо чисто хозяйственную работу, она не могла истратить даже нѣсколько копѣекъ, неуказанныхъ точно въ смѣтѣ. Испортился у думы въ канцеляріи столъ — просить о ремонтѣ его нужно было тоже губернское правленіе.

Гражданское начальство того времени, конечно, считало себя непогрѣшимымъ во всѣхъ отношеніяхъ и всезнающимъ, поэтому присылаемыя думою смѣты подтверждались тщательному видоизмѣненію. Поставить дума въ смѣтѣ расходъ на лишняго писца, губернское правленіе вычеркиваетъ этотъ расходъ, что же остается дѣлать думѣ? съ прежнимъ количествомъ писцовъ работать нельзя — дума, судя по пословицѣ: голь на выдумки хитра — урѣзываетъ изъ жалованія секретаря и бухгалтера по 100 р. и на нихъ приглашаетъ писца. Дѣла о ремонтахъ длились до тѣхъ поръ, пока нуждающіеся въ ремонтѣ дома прямо таки разваливались, ни о какихъ хозяйственныхъ улучшеніяхъ нельзя было думать, потому что большинство изъ нихъ браковались тѣмъ же всевластнымъ и всеильнымъ губернскимъ правленіемъ.

Но положеніе Оренбургской думы было еще тѣмъ тяжелѣе, что кромѣ гражданскаго губернатора и

губернскаго правленія, у думы существовало иное начальство—военный губернаторъ.

Эти начальства считали свою прямою обязанностью заботиться о благосостояніи города и поэтому поручили своимъ чиновникамъ избобрѣтать способы улучшенія городского благосостоянія. Чиновники и выдумывали проекты, одинъ другого поразительнѣе—мы уже указали на одинъ изъ нихъ—превращеніе города Оренбурга въ 1848 годъ въ чисто военный городъ. Проектъ этотъ, конечно, прямо противрѣчилъ требованіямъ жизни, которая говорила, что и послѣдніе остатки крѣпости Оренбурга нужно уничтожить.

Далѣе, не менѣе характерною чертою является отсутствіе у думы какой либо инициативы: открытіемъ училища дума обязана графу Сухтелену, устройство водопровода принадлежитъ графу Эссену, организція пожарнаго обоза—графу Перовскому. И дума съ своей стороны даже не высказывала желанія идти на встрѣчу этимъ проектамъ, наоборотъ, она, сколько могла, противодѣйствовала имъ.

Естествененъ вопросъ: почему-же шестигласная дума производитъ такое безотрадное впечатлѣніе?—отвѣтъ существуетъ и очень простой: дѣйствительность вполнѣ не соответствовала принципамъ самоуправления: крѣпостничество, натуральное и мѣновое хозяйство требовали отсутствія инициативы, требовали безусловной покорности. Самоуправленіе въ томъ видѣ, какъ оно выразилось въ положеніи 1785 года, было не слѣдствіемъ нашей жизни, а чужестраннымъ цвѣткомъ, посаженнымъ не въ соответственный для него климатъ и цвѣтокъ не могъ развиваться, а долженъ былъ хилѣть...

XXXIX.

Къ приготовленіямъ для введенія городского положенія въ Оренбургъ было приступлено въ августъ 1870 года. Изъ тридцатипяти тысяча городского населенія въ избирательные списки было внесено всего 2007 полноправныхъ избирателей, ко-

торые по суммѣ сборовъ, платимыхъ въ доходъ города, распредѣлились на три избирательныя собранія для выбора гласныхъ въ составъ городской думы. Избирательныя собранія состоялись 20, 24 и 28 ноября и было выбрано 72 гласныхъ, въ числѣ которыхъ значительная доля принадлежала къ интеллигенціи. Новые гласные выбрали городскимъ головою статскаго совѣтника А. С. Оголина, утвержденіе котораго въ должности послѣдовало спустя лишь три мѣсяца, благодаря чему введеніе городского положенія замедлилось и открытіе городской думы состоялось лишь 11 мая 1871 года въ присутствіи Оренбургскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта Н. А. Крыжановскаго, губернатора генералъ-маіора Работыкина и членовъ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ выборъ членовъ управы и 21 мая 1871 года открыла свои дѣйствія городская управа.

Статскій совѣтникъ С. А. Оголинъ былъ городскимъ головою не долго, — всего три мѣсяца: 22 августа 1872 г. онъ умеръ, его замѣнилъ купецъ Н. В. Ладыгинъ, который тоже скоропостижно умеръ, не дослуживъ до конца выборнаго періода. Третьимъ городскимъ головою былъ Н. А. Середа съ 1875 по 1887 г.: въ этотъ годъ выбралъ городскимъ головою С. И. Назарова, который служилъ одно четырехлѣтіе съ 1887 по 1891 годъ, затѣмъ выбранъ опять Н. А. Середа съ 1891 по по 15 апрѣля 1901 г., когда былъ выбранъ городскимъ головою Н. В. Кузьминъ, служащій второе четырехлѣтіе.

Такимъ образомъ съ 1871 по 1906 годъ, т. е. въ теченіи 35 лѣтъ городъ Оренбургъ имѣлъ пятерыхъ городскихъ головъ: изъ нихъ два купца и три интеллигента, служба ихъ продолжалась:

С. А. Оголинъ — три мѣсяца.

Н. В. Ладыгинъ — около четырехъ лѣтъ.

С. И. Назаровъ — четыре года.

Н. А. Середа — двадцать два года.

Н. В. Кузьминъ — шестой годъ.

Мы видимъ, что оренбургская дума была сравнительно постоянна въ выборѣ городского головы, такую же постоянность выказывала она и въ выборахъ членовъ. Д-ръ А. В. Ивановъ служилъ почти все время существованія думы: очень долго работалъ Е. И. Ивановъ.

Приступая къ изложенію дѣятельности существующей и въ настоящее время думы, мы чувствуемъ въ известной степени неловкость—слишкомъ близко къ намъ дѣятельность этого учрежденія. большинство лицъ, работавшихъ въ немъ, еще живы и дѣйствуютъ. Панегирикъ никого не удовлетворитъ, да и не входить въ нашу задачу. правдивое же, искреннее слово вызоветъ рядъ упрековъ, раздражитъ многихъ изъ оренбуржцевъ. Во всякомъ случаѣ мы, не страшась возможныхъ осложненій и огорченій—скажемъ лишь то, что, по нашему глубокому убѣжденію, основанному на детальномъ знакомствѣ и изученіи журналовъ думскихъ засѣданій, управскихъ дѣлъ, отзывы печати, а также и на нашей личной работѣ городского управленію, представляетъ изъ себя лишь горькую истину, какъ бы горька она ни была.

И Оренбургская дума по положенію 1870 года, какъ и вообще большинство думъ российскихъ городовъ, была сословною, причемъ по временамъ она принимала характеръ чисто купеческій, интеллигенція прямо изгонялась изъ состава думы—но такіе періоды были непродолжительны и вообще составъ интеллигенціи былъ сравнительно значителенъ, но, несмотря на это присутствіе интеллигенціи, работа думы не можетъ быть названа плодотворною—интеллигенція, до самаго послѣдняго времени, не играла главенствующей роли, большинство начинаній проводилось съ трудомъ и какъ это ни странно только въ одномъ вопросѣ дума была всенародною по положенію: въ вопросахъ объ ассигнованіи кредита на народное образованіе.

И съ внѣшней стороны дѣятельность Оренбургской думы имѣла одинъ существенный недостатокъ: засѣданія думы очень часто, даже болѣе, чѣмъ воз-

можно предположить, не могли состояться за «непробытіемъ узаконеннаго числа гласныхъ».

Въ началѣ дѣятельности думы, въ 1876 году, городской голова помѣщаетъ въ Оренбургскомъ Листкѣ письмо, которое мы считаемъ нужнымъ привести цѣликомъ *):

М. Г! Позвольте мнѣ при посредствѣ вашей газеты объясниться съ тѣмъ обществомъ, котораго я имѣю честь быть представителемъ и предъ которымъ поѣтому я постоянно являюсь главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ во всемъ томъ, что неблагопріятно отражается на благоустройствѣ города и на спокойствіи его обывателей. Конечно, это отвѣтственность не уголовная (которой я впрочемъ не сграшусь, ибо совѣсть моя чиста), а нравственная, предъ судомъ общественнаго мнѣнія, приговоры котораго гораздо тяжелѣе ложатся на душу, хотя часто они слагаются людьми, не вдумывающими глубоко въ суть дѣла и потому не всегда справедливыми...

Вамъ, какъ гласному городской думы, (голова писалъ редактору газеты) хорошо извѣстна та злоба дня, которая составляетъ всю суть моей жизни въ данную минуту: это не вполнѣ удовлетворительное состояніе городского водоснабженія, истекающее, какъ прямое послѣдствіе, изъ неудовлетворительности паровыхъ водоподъемныхъ машинъ, требующихъ серьезнаго и по возможности неотложнаго ремонта — особенно въ виду часто повторяющихся у насъ пожаровъ. Вопросъ о исправленіи водопровода поднять у насъ въ февралѣ и длится доселѣ (сентябрь) безъ всякой очевидной пользы для дѣла. Громадныхъ усилій, говоря по совѣсти, стоило управѣ нынѣ собрать все данныя, чтобы дать желаемый исходъ дѣлу; свѣдѣнія эти собраны и управа представила думѣ свои соображенія о необходимости выписки, взамѣнъ старой негодной машины завода г. Шипова высокаго давленія, поставленной и дѣйствующей съ 1864 г. безъ всякаго ремонта. Для рѣшенія этого важнаго вопроса въ пятницу 3 сего

*) Оренб. Лист. 1876 г.

сентября, я приглашалъ г.г. гласныхъ въ экстренное засѣданіе, но собраніе эго, какъ вамъ извѣстно, *не состоялось за неприбытіемъ законнаго числа гласныхъ.*

Чѣмъ объяснить такое равнодушіе къ интересамъ первѣйшей необходимости со стороны гласныхъ и такое непонятное отношеніе ихъ къ долгу присяги — не знаю и не берусь объяснять. Пусть объ этомъ судятъ тѣ лица, которыя, выбравъ ихъ въ гласные думы, ввѣрили имъ попеченіе о судьбахъ города. Я довожу этотъ фактъ только до свѣдѣнія г.г. избирателей, какъ назидательный примѣръ на будущее время относительно того, какъ слѣдуетъ быть осмотрительными г.г. избирателямъ при выборѣ лицъ, замѣняющихъ собою по закону 16 іюня 1870 года, все городское общество. Довожу объ этомъ до свѣдѣнія также и для того, чтобы общество сложило съ меня всякую отвѣтственность по такому серьезному дѣлу, какъ безопасность города и избавило отъ тѣхъ нарѣканій, которыя сыплются на меня вполне незаслужено, ибо я дѣлаю все, что могу!

Въ справедливости этого можетъ удостовѣриться всякій обыватель, если только побываетъ въ разное время дня и ночи на водоподъемныхъ машинахъ и на запасномъ резервуарѣ, гдѣ мною положено столько заботъ и усилій, чтобы обезпечить городъ водою на случай пожара.

Пусть Оренбургское общество прочтетъ настоящее мое обращеніе къ нему безъ желчи и раздраженія и серьезнымъ образомъ побудитъ своихъ избранниковъ посѣщать даже *экстренныя* собранія думы, что не составитъ для нихъ труда удѣлить нѣсколько часовъ въ недѣлю или сложить свои полномочія.

Г.г. гласные вѣдь не дѣти, лица эти должны знать и знаютъ, что почетъ избранія ихъ обществомъ въ гласные думы налагаетъ на нихъ нравственныя обязанности, безукоризненнымъ исполненіемъ которыхъ они обязаны отблагодарить общество за оказанное имъ довѣріе.

Помѣстивъ это письмо, редація снабдила его отъ себя поясняющей передовицею, которую закончи-

ла патетическимъ восклицаніемъ: «прискорбно это, граждане!»

Но для гражданъ было не особенно прискорбно, какъ это видно изъ отчета засѣданія по вопросу о непосѣщеніи гласными думскихъ засѣданій; приводимъ этотъ отчетъ цѣликомъ:

«Какъ и слѣдовало ожидать на «самопонуужденіе» дума не согласилась, находя безсмысленнымъ накладывать руки на саму себя.

«Кто меня можетъ принудить, кричалъ одинъ большой, но еще — не сложившійся» чловѣкъ: хочу — хожу, хочу — нѣтъ, моя воля!

«Васъ то одного, м. г., можно и за бортъ, за бездѣйствіе, значитъ, по службѣ, на основаніи уложенія — съ, крикнулъ кто-то въ отвѣтъ: но что во тѣ дѣлать съ цѣлой думой, если она не хочетъ ходить, на это, дѣйствительно, не придумано ни какихъ мѣръ».

Въ подобныхъ лебатахъ было проведено цѣлое засѣданіе и, конечно ни къ какимъ результатамъ не пришли, да и не могли придти, такъ какъ при убѣжденіи: «хочу — хожу, хочу — нѣтъ, моя воля», — результаты не могутъ быть достигнуты.

Кромѣ возваній городского головы появлялись и понужденія и со стороны губернатора, который приглашалъ гласныхъ относиться болѣе внимательно къ своимъ обязанностямъ — но эти „отческія“ попеченія власть имущихъ не достигали своихъ цѣлей.

Далѣе, разбирая дѣйствія думы, рѣзко бросается въ глаза, что тѣ засѣданія, на которыхъ рѣшались непринципіальные вопросы, обсуждались не мѣропріятія общаго характера, долженствующія служить удовлетвореніемъ потребностей всего населенія, а наоборотъ, сдавался какой нибудь подрядъ, происходили выборы на какую нибудь «хлѣбную должность» бывали всегда многолюдны и подряды сдавались обыкновенно однимъ и тѣмъ же лицамъ, а на должности выбирались все тѣ же избранники. При этомъ, конечно, руководящимъ принципомъ было вовсе не отвлеченное общественное благо, а гораздо болѣе понятный и близкій всѣмъ и каждому казенный

пирогъ“, представляющійся во образѣ городского сундука

Все это считалось вполнѣ обыденнымъ, вполнѣ законнымъ

Эти два обстоятельства, вышеприведенныя, указываютъ болѣе или менѣе ясно, какъ должно было вестись городское хозяйство И это нами высказанное предположеніе вполнѣ оправдывается и только за самое послѣднее время, какъ будто появилось нѣкоторое улучшение. хотя, конечно, и оно болѣе кажущееся и можетъ произойти только тогда, когда цензвая, узкокуреческая дума смѣнится настоящимъ самоуправленіемъ.

Отчеты городской управы не ревизовались десятилетиями лѣтъ. на примѣръ, въ 1899 году не были обревизованы отчеты, начиная съ 1880 года; это явленіе сохранилось до нашего времени. Сметы доходовъ и расходовъ дума разсматривала не передъ очереднымъ годомъ, а посреди этого года, такъ засѣданія для разсмотрѣнія сметъ происходили 12 февраля 1896 г., 4 марта 1897 г., 19 іюня 1898 г., 11 марта 1899 г. и т. д.

Почти каждое большое начинаніе управы не проходило гладко; только въ 1896 г., г. е. черезъ 17 лѣтъ, закончилось дѣло о перестройкѣ послѣ пожара 1879 года зданія думы; послѣ постройки скотобойни ревизіонная коммисія открыла рядъ злоупотребленій, но и отчетъ ревизіонной коммисіи долгое время лежалъ подъ сукномъ, представленъ былъ тогда, когда всякое практическое значеніе онъ потерялъ; наконецъ нельзя забыть и электрическую эпопею

Однимъ изъ наиболѣе громкихъ сенсаціонныхъ дѣлъ было дѣло о растратѣ въ 1885 году.

Но и въ исторіи нашей думы есть страдная страница, на которой возможно отдохнуть и которая одна даетъ оренбургской думѣ предпочтеніе передъ думами многихъ російскихъ городовъ.

Мы говоримъ о заботахъ нашей думы о народномъ образованіи—къ изложенію исторіи его мы и переходимъ въ настоящее время, причемъ приведемъ рядъ статистическихъ таблицъ.

XI.

Таблица I. Расходъ на народное образованіе.

Года.	Ассигнов. сумма.	Дѣйств. расходъ.	по отношенію ко всему бюд- жету.
1892	31.684 р. 88 к.	40.848 р. 60 к.	13,3
1893	40.559 р. 08 к.	44.251 р. 65 к.	12,5
1894	44.442 р. 88 к.	44.808 р. 61 к.	14,2
1895	50.890 р. 69 к.	52.342 р. 47 к.	14,6
1896	49 234 р. 69 к.	51.880 р. 14 к.	12,6
1897	52.130 р. 67 к.	53.361 р. 03 к.	12,2
1898	56.332 р. 37 к.	56.169 р. 90 к.	14,0
1899	57.545 р. 92 к.	59.086 р. 33 к.	16,9
1900	73.844 р. 39 к.	73 359 р. 81 к.	18,3
1901	61.388 р. 56 к.	67.942 р. 30 к.	14,3
1902	85.060 р. 35 к.	84.519 р. 57 к.	16,6

Таблица II. Постепенное увеличение расхода на училище.

	1832	1850	1879	1881	1897	1902
Жалованье учителю	138 р 88 к.	150 р	300 р.	400 р	400 р.	520 р.
> 2-му учителю				460 р.	460 р.	520 р.
> учительницъ				300 р.	300 р.	460 р.
> 2-й учительницъ					360 р.	480 р.
> помощницъ					100 р	180—240 р.
> законоучителю	33 р. 33 к	50 р	75 р.	120 р.	120 р.	120 р.
> сторожу	26 р. 66 к.	40 р	72 р.	72 р	100 р.	100 р
Плата за квартиру	69 р. 44 к.	165 р	300 р	400 р	500 р.	600—1200 р.
> отопление	38 р. 28 к.	80 р.	125 р	203 р.	203 р.	натурою
Канцелярскіе расходы	8 р. 33 к.	5 р.	5 р.			
Хозяйствен. >			36 р.	36 р	36 р.	36 р.
Ремонтъ мебели			20 р.	25 р	25 р.	25 р.
Приобрѣтеніе новой мебели						
Приобрѣтеніе учебнхъ пособій	13 р. 88 к.	27 р.	27 р.	27 р	27 р.	37 р.
Награды ученикамъ	3 р. 88 к.	5 р.	5 р.			
Итого	1300 р. ассиг	522 р	967 р	2121 р.	2631 р.	3168—3828 р.

III. Таблица движенія учениковъ въ начальныхъ училищахъ.

	Общее количество учениковъ.			Поступило.		Выбыло.		Окончило	
	м.	д.	Итого.	м.	д.	м.	д.	м.	д.
1876	659	306	965	—	—	—	—	—	—
1882	751	319	1070	—	—	—	—	—	—
1885	749	384	1133	—	—	—	—	—	—
1886	672	259	931	240	137	189	114	81	21
1887	644	261	905	—	—	—	—	—	—
1888	703	358	1061	222	142	128	92	1	51
1889	685	354	1039	326	208	206	131	117	33
1890	688	398	1086	266	186	209	174	63	33
1891	682	377	1059	246	169	144	92	78	37
1892	706	388	1094	321	210	172	113	89	47
1893	766	438	1204	—	—	—	—	—	—
1894	839	507	1346	296	225	186	142	102	43
1895	842	509	1351	344	238	231	164	113	37
1896	885	546	1431	425	309	227	180	110	48
1897	973	627	1700	—	229	226	187	118	52
1898	1055	687	1724	367	268	221	216	131	56
1899	1070	673	1743	400	345	273	239	149	54
1900	1048	725	1773	—	—	—	—	—	—
1901	1038	725	1763	498	324	294	218	174	75
1902	1068	756	1824	386	315	276	288	147	67
Итого	16383	9807	26190	4861	3647	3226	254	1717	729

IV. Стоимость ученика:

Одинъ ученикъ приходскаго училища стоить въ 1903 г. 17 р. 53 к.

Одинъ ученикъ, окончившій курсъ въ приходскомъ училищѣ въ 1902 г., стоилъ 108 р 15 к.

Хронологическія даты открытія приходскихъ училищъ будутъ слѣдующія:

9 февраля 1832 г., по настоянію графа Сухтелена, открыто первое приходское училище; 11 марта 1851 года, по настоянію графа Перовскаго — второе училище въ Старой слободкѣ, 1 января 1859 г. — третье училище въ Новой слободкѣ, четвертое приходское училище открылось между 1860 и 1873 г., 19 февраля 1878 года — пятое, 17 марта 1879 г. — шестое училище, 29 октября 1895 г. — седьмое и къ 9 августа 1904 г. — восьмое и девятое училище.

6 декабря 1862 года — первое женское училище, открытое благотворительнымъ обществомъ, въ теченіи 1863 года были открыты еще три школы, въ 1895 г. пятая школа и въ 1899 г., въ столѣтнюю годовщину смерти Пушкина — шестое женское училище.

Такимъ образомъ въ городѣ — данныя 1903 года, существовало 15 приходскихъ училищъ: изъ нихъ девять мужскихъ и шесть женскихъ; одинъ учащійся приходился на 37,8 чел. обоого пола, причемъ 1 мальчикъ на 33,6 чел. мужскаго пола, а 1 дѣвочка на 43,5 жен. пола населенія.

Таблица первая указываетъ намъ, что расходъ на народное образованіе въ г. Оренбургѣ колеблется между 12,2 и 16 90/0 всей смѣты — и въ среднемъ равняется 15,95% и такимъ образомъ приближается къ расходу на народное образованіе лучшихъ земствъ Россіи.

Приведемъ теперь сравнительную таблицу статей расходовъ на народное образованіе въ 1892 и 1902 годахъ.

Т а б л и ц а V.

Статьи смѣты.	Расходъ 1892	Расходъ 1902
	года.	года.
1. Содержаніе приходскихъ училищъ . .	15848 р. 65 к.	33154 р. 55 к.
2. Содержаніе ремесленного училища .	8593 р. 23 к.	16953 р. 72 к.
3. Устройство и ремонтъ школьныхъ зданий	—	10102 р. 10 к.
4. Содержаніе женской прогимназіи . . .	6193 р. 00 к.	9437 р. 34 к.
5. Пособіе на содержаніе казенныхъ заведеній	3000 р. — к.	9012 р. — к.
6. Содержаніе общественной библіотеки.	2040 р. — к.	2040 р. — к.
7. Стипендіи и платы за ученіе	370 р. — к.	1560 р. — к.
8. Пособія и награды учащимъ	—	1200 р. — к.
9. Пособія церковно-приходск. школамъ.	—	500 р. — к.
10. Жалованье учителю медресе	—	240 р. — к.
11. Ремонтъ женской прогимназіи . . .	—	150 р. 84 к.
12. Параллельные кл. при трехкл. учил.	840 р. — к.	—
13. Жалованіе учителю при двухкл. учил.	300 р. — к.	—

Начиная сравнивать цифры, мы видимъ, что возросъ болѣе чѣмъ вдвое расходъ по содержанію приходскихъ училищъ; также значительно возрасли расходы на ремесленное училище (почти вдвое), женскую прогимназію (на одну треть), на стипендіи (поч-

ти вѣтѣро). Одинъ лишь расходъ на общественную библіотечку остался за десятилѣтіе безъ измѣненія.

Выражаясь процентами, мы получимъ, что на начальное и профессиональное образованіе городемъ истратено (въ 1902 г.) 34,1% всей опредѣленной на народное образованіе смѣты, на среднее образованіе 22,9%, на высшее 1,6% на вѣтшкольное образованіе 2,3%. Изъ этого ясно, что почти $\frac{3}{4}$ всей смѣты тратится на *нижнее народное образованіе*.

Таблица II указываетъ, что за семьдесятъ лѣтъ расходъ на школу съ 350 р. серебромъ возросъ до 3828 р. т. е. увеличился въ десять разъ, но главное увеличеніе получили только двѣ статьи бюджета—жалованье учителямъ и квартирная плата: остальные статьи бюджета получили или слишкомъ незначительное увеличеніе или, какъ напримѣръ, расходъ на учебныя пособія остался безъ измѣненія.

Жалованіе учителя съ 150 р. въ 1850 году увеличилось до 612 р. т. е. возросло почти въ четыре раза, въ столько же увеличился и штатъ учителей—отъ одного учителя—старшій учитель, младшій и двѣ помощницы.

Вторая статья, получившая значительное увеличеніе—плата за квартиру. *минимум* платы въ настоящее время 600 р. но эта плата имѣетъ тенденцію безконечнаго роста. Неоднократно въ думѣ возбуждался вопросъ о постройкѣ собственныхъ зданій—но у думы не находилось средствъ.

Квартирная плата колеблется для одного ученика съ 12 р. 07 к. до 2 р. 83 к. и для одного окончившаго курсъ школы отъ 65 р. до 14 р. 29 к. изъ этого видно насколько могли уменьшиться расходы, если бы у города были собственные зданія для училищъ.

Таблица III намъ говорить, что за 18 лѣтъ т. е. съ 1885 по 1903 г. черезъ городскія школы прошло 26.190 учениковъ, изъ нихъ 16.383 мальчиковъ и 9.807 дѣвочекъ, за эти же 18 лѣтъ общее количество учениковъ увеличилось въ 2 $\frac{1}{4}$ раза, число мальчиковъ увеличилось почти въ два раза, число дѣвочекъ въ 3 $\frac{1}{4}$ раза. За первое десятилѣтіе (съ 1886—1896 г.)

раасматриваемаго періода число учениковъ увеличилось на 500; затѣмъ за 8 лѣтъ съ 1896 по 1904 г. увеличение учащихся выразилось въ 1000 человекъ, т. е. за этотъ промежутокъ времени величѣніе вдвое, чѣмъ за десятилѣтіе 1896—1896 г.г. Безспорно, на это увеличеніе оказало вліяніе открытіе новыхъ школъ, но въ тоже время въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть возростающей потребности населенія въ начальной школѣ.

Окончило курсъ 2466 человекъ, изъ нихъ 1717 мальчиковъ и 729 дѣвочекъ; въ 1886 г. окончило 81 мальчикъ и 21 дѣвочка, т. е. 102 чел., въ 1903 г. соответственныя числа были 141 и 75, а всего 216 чел. хотя общее число окончившихъ курсъ ученія учениковъ увеличилось вдвое, но такъ какъ и общее число учениковъ возросло вдвое, то въ конечномъ результатѣ отношеніе окончившихъ курсъ къ общему количеству учениковъ остается тоже самое и равняется около 10%, т. е. изъ ста поступающихъ учиться благополучно проходятъ четыре года ученія только 10, остальные уходятъ изъ школы, не докончивъ ученіе. Школа и теперь даетъ полное начальное образованіе такому же количеству какъ 18 лѣтъ тому назадъ.

Первоначально школа въ Оренбургѣ возникла и развивалась олагодаря инициативѣ администраціи и учебнаго начальства, населеніе и его выразительница, дума чуждались школы и первое время считали школу за новую лишнюю повинность, отъ которой и старались избавиться всѣми возможными средствами. Дума стала обращать вниманіе на школу только съ конца 80-хъ годовъ и первоначально лишь съ финансовой точки зрѣнія — выработки школьнаго бюджета; для этого думою избирались особыя школьныя комиссіи, которыя, выработавъ бюджетъ школы, прекращали свою дѣятельность и лишь за послѣднее время дума начинаетъ вникать во внутреннюю жизнь школы.

И сама школа перешла черезъ три стадіи развитія — вплоть до образованія новой думы это была типичная школа добраго стараго времени; съ 1871 до

1882 г. школа хотя и изменилась съ внешней стороны, но по существу была той же дореформенною школою съ преподавательскимъ составомъ ниже критики, многіе изъ учащихся не имѣли право обучать, школа не имѣла никакихъ пособій, тѣлесное наказаніе царило въ школѣ; курсъ обученія продолжался три года. Съ 1882 года начинается реформа школы — улучшается составъ преподавателей, улучшается обстановка школы, увеличивается количество школьных пособій, курсъ школы изъ трехлѣтняго дѣлается четырехлѣтнимъ.

Цифры 15,3% всей городской смѣты и 74,1% школьнаго бюджета на нисшее образованіе говорятъ очень много.

Зданіе городской думы окружено учебными заведеніями: напротивъ помѣщается реальное училище, справа мужская гимназія, позади женская прогимназія и гимназія. Познакомимся въ общихъ чертахъ съ исторіей этихъ учебныхъ заведеній.

На мѣстѣ реального училища послѣдовательно были кадетскій корпусъ, зданіе второго эскадрона Неплюевского училища, учительскій институтъ и наконецъ реальное училище. Послѣ пожара 1879 года зданіе было отремонтировано, воздвигнуты существующія по днесь колонны на подъѣздѣ. Очевидно, эти колонны считались въ Оренбургѣ верхомъ архитектурнаго искусства, по крайней мѣрѣ, дума, разрѣшая перестроить зданіе думы, указала, чтобы подъѣздъ новаго зданія былъ сдѣланъ на подобіе подъѣзда зданія тогда учительскаго института.

Институтъ существовалъ недолго. онъ открытъ 30 августа 1878 года, а въ 1894 году уже существовали приготовительный, первый и второй классъ реального училища.

Мысль о учрежденіи учительскаго института въ Оренбургѣ возникла еще въ началѣ 1876 года.

Генералъ-губернаторъ Крыжановскій исхлопоталъ для института казенное зданіе; попечитель на запросъ министра народнаго просвѣщенія находить ли онъ нужнымъ открыть учительскій институтъ. Чи-

салъ слѣдующее: «Необходимость учительскаго института въ Оренбургѣ не нуждается въ монхъ глазахъ даже и въ доказательствахъ: такъ она справедлива и убѣдительна. Достаточно обратить вниманіе на полное отсутствіе контингента учителей въ Оренбургскомъ округѣ не только для среднихъ учебныхъ заведеній, но и для высшихъ, чтобы считать мысль объ учительскомъ институтѣ самою благодѣтельною для всего восточнаго края»

Но не прошло и 16 лѣтъ, какъ «благъ для народа» учрежденіе нашло ненужнымъ и замѣнилось среднимъ учебнымъ заведеніемъ.

Что изъ себя представлялъ институтъ, каковы результаты его дѣятельности—мы лишь косвенно можемъ дать на это отвѣтъ; архивъ института и въ министерствѣ, въ мѣстной печати мы не нашли никакихъ извѣстій, кромѣ маленькихъ замѣтокъ, да то безъ цифръ, о актахъ института.

Вопросъ о реальномъ училищѣ возникъ въ 1876 году при посѣщеніи гор. Оренбурга генералъ-губернаторомъ и претставителями города министру съ указаніемъ на необходимость для Оренбурга реального училища, могущаго оказать содѣйствіе. Но началась война съ Японіею, было не до устройства реального училища, а лишь подготовлено въ 1879 году 10-ю знаменитыхъ оренбургскихъ бившимъ болѣе 20-ти лѣтъ гор. Оренбурга и нанесшимъ гор. Оренбургъ значные убытки—городъ не въ состояніи былъ возмездовать за закрытіе училища. Но 13 января 1880 года генералъ-губернаторъ Н. А. Крыжановскій напечаталъ время для ходатайства наслѣдующее и такъ какъ Н. А. Крыжановскій очень любилъ торжественности, то вопросъ о устройствѣ реального училища обнародованъ торжественно

Было назначено экстренное засѣданіе думы. На него прибылъ генералъ-губернаторъ Н. А. Крыжановскій и попечитель округа Даль. Генералъ-губернаторъ открылъ засѣданіе, произнесъ рѣчь, въ кою

рой упомянулъ о исторіи вопроса и пригласилъ гласныхъ повторить ходатайство. Попечитель Даль подробно разъяснилъ гласнымъ, что представляетъ изъ себя реальное училище, каковъ его курсъ, каковы права и пр Дума постановила для болѣе подробной разработки вопроса избрать смѣшанную комиссію.

Но комисіи не пришлось собираться, такъ какъ генераль-губернаторство было упразднено и инициаторъ генераль Н. А. Крыжановскій уѣхалъ изъ Оренбурга. Послѣ генераль губернатора инициативу въ дѣлѣ открытія реального училища принялъ попечитель учебнаго округа Даль, который предложилъ думѣ возобновить свое ходатайство о реальномъ училищѣ, такъ какъ въ министерствѣ освободилось стипендія въ 14 500 р и городу, при общемъ содержаніи реального училища въ 23 100 р. пришлось бы доассигновать 8.550 р Дума 10 марта 1883 года возобновила ходатайство принявъ на себя означенный расходъ, и прося уступить городу одно изъ казенныхъ зданій, изъ которыхъ, послѣ упраздненія генераль-губернаторства и военного округа, многія были свободны. Несмотря на то, что городъ принимать на себя гостъ расходовъ по содержанію реального училища, ходатайство его не получило дальнѣйшаго движенія — въ министерствѣ было приступлено къ пересмотру устава реальныхъ училищъ и попечитель—инициаторъ возбужденія вопроса—самъ передалъ ходатайства въ министерство. Но черезъ два года, т.е въ 1885 году, въ Оренбургѣ реального училища снова возникъ и опять въ Оренбургѣ инициативъ попечителя, который извѣщая думу, что можно надѣяться на благопріятныя обстоятельства, что вся остановка за зданіемъ для реального училища. Но въ вопросѣ отысканія зданія для реального училища хотѣлъ придти на помощь городъ. Земельный банкъ, который, имѣя у себя заложенный за 18 т. р. домъ Тетеревникова (теперь помѣщеніе духовной консисторіи) предложилъ думѣ приобрести этотъ домъ для реального училища. Управа же въѣсто того, чтобы доложить думѣ предложеніе банка, отклонила его своею властью,

найдя указанный домъ неудобнымъ для реального училища. Городской банкъ, очевидно, не желая выпускать изъ городскихъ рукъ такой выгодный домъ, предложило приобрести его для Шапошниковской богадѣльни, зданіе которой приспособить для реального училища. И снова управа, послѣ осмотра зданія архитекторомъ, нашла его неподходящимъ и для богадѣльни и не доложила городской думѣ предложенія банка, несмотря на то, что послѣдній настаивалъ категорически на докладѣ. Такъ городъ не приобрѣлъ за дешовую цѣну выгодное земельное имущество и дѣло о реальномъ училищѣ замолкло, но на болѣе продолжительный промежутокъ времени. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о реальномъ училищѣ возникъ въ 1876, 1880, 1883, 1885 и въ послѣдній разъ въ 1893 году—когда дѣло пришло къ благополучному результату—черезъ 16 лѣтъ.

Дума воспользовалась тѣмъ обстоятельствомъ, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенія было рѣшено закрыть учительскій институтъ и слѣдовательно, зданіе для реального училища отыскалось. На свои средства дума хотѣла принять лишь содержаніе городского училища, существовавшего при институтѣ. Въ такомъ духѣ было составлено постановленіе 24 апрѣля 1892 года. Однако думѣ пришлось еще разъ коснуться вопроса о реальномъ училищѣ. Попечитель округа нашелъ недостаточнымъ одного ходатайства съ выраженіемъ готовности принять расходы, а просилъ указать точно на средства. Дума 9 іюля 1892 года опредѣлила, что кромѣ расходовъ на городское училище, указанныхъ въ ходатайствѣ отъ 24 апрѣля 1892 года, она ассигнуетъ 1100 р. на приготовительный классъ. Это свое ходатайство дума повторяетъ 14 января 1893 года—и 30 мая 1894 года было Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о прекращеніи пріема въ первый классъ института и объ открытіи реального училища.

Такимъ образомъ, спустя 18 лѣтъ послѣ своего перваго ходатайства Оренбургская дума достигла желаннаго результата. *)

Съ вопросомъ о реальномъ училищѣ связанъ, какъ мы видѣли выше и вопросъ о принятіи на городскія средства содержанія городского двухкласснаго училища. Городскихъ училищъ въ городъ два--одно, существующее съ незапамятныхъ временъ подъ разными наименованіями **) -- главное народное, затѣмъ уѣздное и наконецъ первое городское трехклассное училище -- и другое извѣстное подъ наименованіемъ «Владимірское» и оставшееся, какъ память существованія учительскаго института. Оренбургская городская дума держалась на первое училище того взгляда, что она является училищемъ «казеннымъ», должны содержаться на счетъ казны и дума можетъ лишь субсидировать его и то незначительно. Дѣйствительно, напримѣръ, въ память столѣтія существованія перваго городского училища, дума установила десять городскихъ стипендій. Оставшееся отъ института второе двухклассное училище ютилось въ неудобной наемной квартирѣ. Училищное начальство не разъ возбуждало вопросъ о необходимости устроить болѣе удобное помѣщеніе, — но у думы не было денегъ, и дума только составляла благопожелательныя постановленія. Между тѣмъ въ память 900 лѣтія со дня крещенія Руси дума рѣшила выстроить образцовую двухклассную городскую школу, наименовавъ ее школою св. Владиміра. Зданіе для школы — какъ и вообще большинство городскихъ сооружений, заты-

*) Смотри журналы думы *указанныя городомъ*.

**) Смотри Хохловъ. Столѣтіе городского училища.

нулось постройкою, которая началась лишь съ 1900 года, т. е. черезъ 12 лѣтъ. Тогда постройка была готова и дума должна была открыть въ немъ свое собственное городское двухклассное училище, учебное начальство снова подняло вопросъ о неудобствѣ помѣщенія для второго городского училища и просило хотя временно помѣстить, до постройки св. сего зданія въ только-что выстроенное помѣщеніе для Владимірскаго училища. Предложеніе это было принято и такимъ образомъ зданіе, выстроенное для одной спеціальной цѣли, выполняетъ теперь иное назначеніе.

Если первое городское училище исключительно содержится на казенныя средства, то второе городское училище получаетъ содержаніе изъ городской казны. Городъ, возбуждая ходатайство о устройствѣ въ г. Оренбургѣ реального училища, обязался: ассигновать 2970 р. 80 к. на предварительное обзаведеніе училища, 3325 р. ежегодно на содержаніе и на наемъ квартиры, сколько потребуется.

Имѣются у насъ статистическія данныя о второмъ городскомъ училищѣ, группируемъ ихъ въ слѣдующую таблицу:

За періодъ 1895—1903 общее количество учениковъ, прошедшихъ черезъ училище равняется 874, при чемъ общее число учениковъ за послѣдніе года хотя увеличивается но незначительно. Съ другой стороны число поступающихъ растетъ съ каждымъ годомъ, въ 1895 году поступило всего лишь 23 человека, въ 1902 году 43, т. е. теперь поступаетъ почти что вдвое больше чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ. Число окончивающихъ курсъ колеблется между 7 и 2), въ среднемъ равняясь 12—14 человекамъ, что составляетъ тѣ же 10% общаго числа учениковъ, какъ и въ приходскихъ училищахъ. Следовательно 10% для окончивающихъ курсъ является какъ будто нормою для Оренбурга. Разсматривая число учениковъ по сословію, увидимъ, что около $\frac{2}{3}$ учениковъ принадлежитъ къ городскимъ сословіямъ: купцамъ мѣщанамъ и крестьянамъ, поселившимся на постоянное мѣстожительство въ г. Оренбургѣ, т. е. училище обслуживаетъ дѣйствительно интересы плательщиковъ города.

Съ 1896—97 учеб. года въ училищѣ была введена предметная система преподаванія; 11 января 1902 г. попечитель учебнаго округа, «озабочиваясь развитіемъ производствъ наиболѣе пригодныхъ для распространенія кустарнаго дѣла въ Россіи и полагая, что въ нашей (Оренбургской), преимущественно степной мѣстности, культура льны и издѣлія изъ нея могли бы имѣть еще болѣе значеніе при обиліи земель, совершенно непригодныхъ ни къ какой другой культурѣ», желалъ ввести корзиночное производство въ курсъ 2-го Оренбургскаго трехкласснаго училища, учредивъ при немъ особый корзиночный классъ. Но такъ какъ при училищѣ не имѣлось ни особой комнаты для этого занятія, ни холодныхъ службъ для склада матеріаловъ, то онъ просилъ возбудить передъ думою ходатайство. Дума отклонила ходатайство попечителя по неимѣнію средствъ. Но если не удалось организовать при училищѣ особый «корзиночный классъ» то все же въ курсъ городского училища введенъ таой предметъ, какъ ручной трудъ.

Позади думы, — по Неплюевской улицѣ, помеща-

ются рядомъ два женскія учебныя заведенія: женская гимназія и прогимназія. Женская прогимназія была первымъ женскимъ учебнымъ заведеніемъ, возникнувшимъ послѣ женскаго института. Открытіе ея произошло 17 марта 1860 года. Позволимъ напомнить читателю, какъ произошло это открытіе, пользуясь описаніемъ того времени: «въ означенный день (т. е. 17 марта 1860 года) въ домъ училища прибыли преосвященный Антоній, епископъ оренбургскій и уральскій, супруга оренбургскаго и саварскаго генералъ-губернатора В. П. Катенина (генералъ-губернаторъ не присутствовалъ по болѣзни), оренбургскій гражданскій губернаторъ Е. И. Барановскій съ женою, начальникъ штаба ген.-майоръ А. А. Давыдовъ, оренбургскій городской голова С. М. Дѣвевъ съ почетнымъ купечествомъ и другія значительныя лица въ городѣ. Здѣсь по совершеніи Господу Богу молебствія преосвященный Антоній окропилъ святой водою все комнаты училищнаго дома и затѣмъ сказавъ присутствующимъ назидательное слово на текстъ св. писанія: «оставьте дѣтей приходить ко мнѣ», благословилъ собравшихся ученицъ св. иконою. Супруга генералъ-губернатора тоже подарила дѣтямъ святую икону. На это торжество дѣвушки (въ числѣ 50) явились въ форменныхъ одинаковыхъ платьяхъ; такая форменность, всегда стѣнительная для бѣдныхъ семействъ (интересное отношеніе къ форменной одеждѣ въ 60 хъ годахъ, не надо забывать, что описаніе взято изъ оффиціального органа) въ некоторомъ образѣ поразила присутствующихъ. Но городской голова объявилъ, что форменная одежда не обязательна для воспитанницъ и на сей разъ приготовлена для нихъ усердіемъ купечества. Источники на содержаніе Оренбургскаго женскаго училища и на составленіе запаснаго училищнаго капитала оренбургскимъ городскимъ обществомъ изысканы слѣдующіе: 1) пожертвованіе купечества впредь на двѣнадцать лѣтъ по 10% съ цѣны торговаго свидѣтельства до 1455 р.; 2) пожертвованія купцовъ также на двѣнадцать лѣтъ по 1 р. 50 к. съ каждой выданной ими своимъ приказчикамъ довѣренности. Этотъ источ-

никъ, по расчету думы, основанному на трехлѣтней сложности, можетъ давать ежегодного дохода до 212 р; 3) пожертвованія мѣщанъ на 12 же лѣтъ по 10 коп. съ ревизской души. что составитъ по числу душъ X переписи, равняющемуся 2821 душѣ, 282 р 10 коп. Такимъ образомъ годовой доходъ на содержаніе училища равняется 1650 руб ».

Изъ перечисленныхъ источниковъ содержанія прогимназіи мы ясно видимъ, что прогимназія была открыта городомъ и содержалась исключительно на городскія средства.

Почти за тридцать пять лѣтъ существованія смѣта прогимназіи возросла съ 1114 р. до 9510 р. Это увеличеніе, конечно, произошло не сразу.

Разсматривая это увеличеніе по статьямъ, мы не можемъ не подчеркнуть того же самого обстоятельства, на которое мы указывали при разсмотрѣніи бюджета народной школы увеличивалось содержаніе педагогическому персоналу. На учебныя пособія, напри- мѣръ, и въ настоящее время тратится бесконечно-малая сумма—200 руб.

Выдающимися событіями изъ жизни прогимназій должно считать, конечно, прежде всего преобразование изъ женскаго училища 2 разряда въ прогимназію, затѣмъ постройка для прогимназіи нынѣ существующаго зданія и наконецъ открытіе особаго профессиональнаго класса въ 1895 году.

Мотивы устройства такого класса—иниціаторомъ его былъ мѣстный попечитель Х. П. Сольскій слѣдующіе, — позволяемъ ихъ привести текстуально: «женскія учебныя заведенія переполнены учащимися, изъ которыхъ большаѧ половина дѣти бѣднѣйшихъ родителей. Такое стремленіе къ женскому образованію вообще говоря есть явленіе въ высшей степени отрадное. Но въ тоже время оно имѣетъ и свою неудобную и жгучую сторону. Наши «ученыя» молодыя женщины, благодаря преобладанію теоретическаго элемента въ образованіи, вступаютъ въ жизнь почти безъ всякой практической подготовки и за исключеніемъ учебно-педагогической службы, очень

ограниченной и не всякому доступной, весьма часто обрекаются на бѣдноту и бездѣлье, къ обременію семьи и къ своему собственному неблагополучію. Зѣсь же кроется корень и тѣхъ опрометчивыхъ поступковъ, которыми разбивается жизнь „ученой“ дѣвушки, равно какъ и той готовности хвататься за чужую помощь, которая иногда бываетъ гибельнѣе нищеты».

Въ настоящее время мы, конечно, не скажемъ, чтобы дѣвушка, пройдя курсъ прогимназіи, могла бы назваться ученой—прогимназія даетъ слишкомъ мало, выпуская въ жизнь недоучекъ, но никакъ не ученыхъ.

Въ мотивѣ, объясняющемъ открытіемъ профессиональнаго класса, ясенъ тотъ взглядъ, который къ сожалѣнію, былъ распространенъ во второй половинѣ 80 хъ годовъ прошлаго столѣтія. Женское образованіе считалось, съ одной стороны, роскошью, а съ другой, пожалуй, и вредомъ, противъ котораго надо было принять мѣры и лучшей считалось недопущеніе женщины до высшаго образованія. Это мнѣніе имѣло отголосокъ и въ Оренбургѣ, гдѣ въ противодѣйствіе тому вредному вліянію, которое будто бы, можетъ оказывать одно «теоретическое» образованіе, придумали «профессиональные классы». Никто, конечно, не можетъ отрицать пользы профессиональнаго образованія, оно необходимо въ общей жизни государства, но считать его «панасеею», не думать, что при помощи его возможно удержать стремленіе къ образованію—значить, впадать въ грубую ошибку. Но эта ошибка привела къ такому умозаключенію: „изложенныя соображенія приводятъ къ необходимости устройства при женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ специальныхъ руководѣльных классовъ, которые, доставляя возможность желающимъ изучить основательно какое либо мастерство, содѣйствовали бы къ улучшенію матеріальнаго положенія обучавшихся въ этихъ заведеніяхъ и приближали бы современную женщину къ тому идеалу, который выражался римскою поговоркою: „сидѣла дома, пряла шерсть“.

Идеаль — средневѣковый, но онъ, казалось, цѣлѣ-

жимъ и въ XIX столѣтіи и для этого полагали достаточнымъ устроить «руководѣльные классы» при прогимназіи—теперь ничего кромѣ улыбки не можетъ вызвать подобное предположеніе. но нельзя забывать, что оно трактовалось серьезно, что оно знаменовало собою цѣлое теченіе въ жизни страны. Люди забывали, что экономическія отношенія совершенно измѣнились, что мужъ пересталъ быть „рыцаремъ“, пересталъ представлять изъ себя единственный источникъ заработка, что на рынкѣ труда требованіе на женскій трудъ, какъ на болѣе дешевый, росло съ каждымъ днемъ. что натуральное хозяйство отходило въ область преданій и смѣнилося торговымъ, и что вслѣдствіе распредѣленія труда „прятать шерсть“ дома стало и дорого и невыгодно. Фабрика доставляла тотъ же продуктъ, но гораздо дешевле и съ нею не могъ конкурировать домашній трудъ..

Весьма понятно, что если бы вмѣсто стремленія при помощи профессиональнаго образованія достигнуть средневѣковаго идеала, просто на просто старались вводить это образованіе, какъ необходимое въ жизни, какъ нужное для извѣстныхъ лицъ, стоящихъ на извѣстной ступени—тогда польза отъ этого образованія была бы велика. Но профессиональное обученіе должно было идти параллельно съ общимъ, а не становиться на его мѣсто, не исполнять какихъ то специальныхъ цѣлей. Этого въ дѣствительности не было и профессиональное образованіе не принесло въ Оренбургъ почти никакой пользы, не оставило почти никакого слѣда.

Программа руководѣльнаго класса, который былъ открытъ при прогимназіи, состояла изъ слѣдующаго: а) шитье бѣлья и платья на рукахъ и на машинѣ, в) снятіе мѣрокъ и кройка по нимъ бѣлья, и верхней дамской одежды при помощи головныхъ фасоновъ и картинокъ модныхъ журналовъ, с) примѣриваніе и улаживаніе выполняемой работы по фигурѣ и росту заказчицы д) развитіе въ воспитанницахъ вкуса и должной сноровки въ изысканіи и болѣе дешевомъ украшеніи дамскихъ и дѣтскихъ костюмовъ е) приготовленіе шлятъ

обягиваіе зонтиковъ, починка и передѣлка по новому фасону бѣлья и всякаго платья ж) вышиваніе разнаго рода, и наконецъ з) чистка и глаженіе бѣлья и платья. Ко всему этому было добавлено слѣдующее характерное примѣчаніе: «въ курсъ класса будутъ вводиться и другія рукодѣлія, имѣющія цѣну на рынкѣ» Самое открытіе этого класса произошло 19 февраля 1885 года на счетъ казны, въ него поступило при началѣ 6 ученицъ, хотя по штату ихъ полагалось 30. Вообще же все время существованіе этого класса комплектъ класса не бывалъ полнымъ и въ то время когда сама прогимназія до жна была расширяться, когда въ ней недоставало мѣстъ для желающихъ поступить; профессиональный классъ почти совѣтъ не развивался и тѣмъ самымъ доказалъ ясно свою непригодность къ жизни.

Оренбургская женская прогимназія носить скромное названіе «Оренбургская женская общественная прогимназія», а между тѣмъ у города было сильное желаніе, чтобы прогимназія носила названіе Екатерининской, въ честь императрицы Екатерины II, положившей начало женскому образованію въ Россіи.

17 октября 1885 года Оренбургская дума получила отказъ на первое свое ходатайство о присвоеніи женской прогимназіи названія «Екатерининской».

Въ этомъ году (1885), какъ извѣстно исполнилось столѣтіе со дня дарованія городамъ грамоты Екатериною II и желая увѣковѣчить это событіе, дума и ходатайствовала о названіи Отказъ мотивировался тѣмъ, что прогимназія содержалась на ежегодныя городскія ассигнованія, а не была обеспечена капиталомъ

Прошло одиннадцать лѣтъ Россія вспомнила столѣтіе со дня смерти Екатерины II и 7 ноября 1896 года дума опять единогласно поставила ходатайствовать о присвоеніи прогимназіи того же названія—Екатерининской. 7 марта 1897 г. былъ полученъ отрицательный отвѣтъ, который мотивировался тѣмъ обстоятельствомъ, что прогимназія, открытая въ

новѣйшее время, не имѣетъ никакого отношенія къ царствованію Екатерины II.

Больше ходатайствъ дума не возбуждала и прогимназія носитъ свое же скромное, прежнее названіе.

XLIII.

Слѣдующимъ зданіемъ за прогимназіей — зданіе женской гимназіи, бывшее Неплюевское училище, приобретенное городомъ, какъ мы указали выше.

Исторія гимназій, какъ и большинства учебныхъ заведеній города Оренбурга, связана съ именемъ Н. А. Крыжановскаго; онъ поднялъ этотъ вопросъ еще въ 1865 г. генераль губернаторъ, указывая, что существовавшее въ городѣ Оренбургѣ училище 2-го разряда (нынѣ прогимназія) не удовлетворяетъ многихъ гражданъ «незначительностью программы», пріемъ же въ Николаевскій институтъ ограниченъ по числу ваканцій, а потому, по мнѣнію губернатора, необходимо открытіе училища 1 разряда съ пансіономъ. Вслѣдствіе мѣстныхъ условій, какъ напримѣръ «частыя болѣе или менѣе продолжительныя командировки въ степь и протекающія при этомъ затрудненія для семейнаго человѣка при оставленіи на это время дѣтей, посѣщающихъ училище». Генераль-губернаторъ предложилъ гражданскому губернатору обратиться за содѣйствіемъ къ предводителю дворянства и къ городскому обществу, дабы они постановили приговоры объ ассигнованіи на содержаніе училища 1 разряда опредѣленныхъ суммъ; съ своей стороны Н. А. Крыжановскій предполагалъ обратить на этотъ предметъ имѣвшіеся въ его распоряженіи остатки денежныхъ суммъ.

8 января 1866 года дворянское собраніе единогласно постановило: назначить на предполагаемое къ открытію женское училище 1 разряда единовременный денежный сборъ по одной копѣйкѣ съ каждаго десяти де-ятинъ, сдѣлавъ его обязательнымъ для всѣхъ помѣщиковъ и землевладѣльцевъ Оренбургской губерніи.

Но впоследствии оказалось, что журналъ собранія былъ редактированъ неправильно и благодаря такому обороту дѣла пожертвованіе дворянъ Оренбургской губерніи выразилось цифрою въ 70 рублей, да и тѣ поступили не скоро и не безъ затрудненій.

Оренбургское городское общество 6 апрѣля 1866 года вмѣсто того, чтобы обсуждать вопросъ объ открытіи новаго училища, постановило преобразовать существующее училище 2 разряда, сдѣлавъ его училищемъ 1 разряда, причемъ общество пожертвовало 10 тыс. руб. — содержание, которое получало училище 2 разряда, дало обязательство на постройку современнѣе дома и желало, чтобы училище носило названіе „Александровское“, при этомъ училище должно было быть главнымъ образомъ для дѣтей купцовъ и мѣщанъ.

Дѣло объ открытіи училища затягивалось и принимало совершенно иной оборотъ. Но за него взялся генералъ Крыжановскій и скоро нашелъ необходимыя средства, а именно:

1) испросилъ разрѣшеніе употребить на гимназію оставшіеся послѣ училища лѣсоводства и земледѣлія 16.627 р. 71 к;

2) собранные урядникомъ Лосевымъ пожертвованія въ суммѣ 6.868 р. 73 к.;

3) отдѣлить изъ 80 тыс. руб., собранныхъ среди киргизъ на открытіе мужской гимназіи 25 тыс. руб.

4) наконецъ, городъ изъявилъ желаніе пожертвовать 10 тыс. руб. и ежегодно отчислять изъ прибылей общественнаго банка по 3 тыс. руб.

Но начинанію Н. А. Крыжановскаго было положено препятствіе со стороны министерства народнаго просвѣщенія, которое находило, что училище не обеспечено средствами, что положеніе, которое выработалъ особый оренбургскій комитетъ, принимая въ особенности мѣстные условія, не пригодно для женскаго учебнаго заведенія и что если Оренбургъ такъ хотѣлъ имѣть училище, то долженъ открыть его по малому образцу.

Въ этой перепискѣ прошло два года, наконецъ генераль Крыжановскій могъ увѣдомить министра, что средствъ достаточно, что помещеніе дается горо- домъ и что такимъ образомъ препятствія къ открытію уничтожены.

Министръ изъяснилъ свое согласіе на открытіе училища, но предложилъ генераль губернатору снестись съ попечителемъ учебнаго округа. Однако, Крыжановскій пренебрегъ этой формальностью—онъ вообще любилъ споситься непосредственно съ выс- шимъ начальствомъ, игнорируя посредственныя звенья.

Торжественное открытіе училища состоялось лишь 3 декабря 1868 года, хотя занятія начались съ осени. Первое время училище помещалось въ частномъ домѣ Худояръ Хана—на Водяной улицѣ.

Затѣмъ гимназія перешла въ городское зданіе, которое послѣ пожара 1879 года было отремонтиро- вано за счетъ города.

XLIV.

Рядомъ съ гимназіей на углу Неплюевской и Троицкой улицъ помещается двухэтажное зданіе от- дѣленія Волжско-Камскаго Банка. Мѣсто это нѣкогда принадлежало Неплюевекому училищу, затѣмъ пере- шло въ вѣдѣніе города и городъ нашелъ, что у него земли и такъ много, и что для поправленія вѣчнаго хроническаго безденежья слѣдуетъ свободныя дворо- выя мѣста продавать—и мѣсто было продано за 3100 руб. 31 августа 1878 года. По тому времени деньги казались громадными, между тѣмъ теперь цѣна на этотъ земельный участокъ, конечно, возросла на очень много,

Нѣсколько наискось отъ дома Волжско камскаго банка на углу Введенской и Орской улицъ, въ част- номъ помещеніи снимаетъ квартиру оренбургскій об- щественный банкъ. На другомъ концѣ базарной пло- щади то же въ частномъ домѣ находится общество взаимнаго кредита, наконецъ въ собственныхъ домъ хъ

по Введенской улицѣ и напротивъ собора помѣщаются отдѣленія русско-торговаго банка и государственнаго банка.

Итакъ городскія и общественныя кредитныя учрежденія помѣщаются въ наемныхъ зданіяхъ, частныя и государственный банки приобрѣли для себя собственныя помѣщенія. Это на первый взглядъ незначительное обстоятельство въ то же время слишкомъ характерно для городского самоуправления. Выгодность собственнаго помѣщенія очевидна, вопросъ о немъ поднимался неоднократно, неоднократно же банкъ могъ приобрѣсти выгодно дома, заложенные въ немъ и назначенные къ продажѣ—но дума думала и дѣло оставалось по старому.

Даты открытія въ городѣ Оренбургѣ кредитныхъ учреждений нижеслѣдующія:

17 іюня 1864 г. открылся общественный банкъ.

15 ноября 1866 г. открылось отдѣленіе государственнаго банка

26 февраля 1876 г. открылось общество взаимнаго кредита.

6 декабря 1884 г. открылось отдѣленіе волжско-камскаго банка.

16 октября 1894 г. открылось отдѣленіе русскаго торгово-промышленнаго банка.

Къ этому надо прибавить, что въ 1885 году было закрыто отдѣленіе московскаго торгово-промышленнаго банка, послѣ того, какъ въ его отдѣленіи было совершено кассиромъ отдѣленія кража пакета съ 348400 р., принадлежащихъ директору отдѣленія А. С. Ключареву, который, потрясенный этою кражею, скоропостижно умеръ.

Такимъ образомъ въ городѣ Оренбургѣ функционируютъ 5 кредитныхъ учреждений—самый старѣйшій изъ нихъ общественный банкъ.

Оренбургскій общ. ственный банкъ *) началъ функционировать съ капиталомъ въ 50 т. р. изъ мѣстныхъ городскихъ средствъ. Первый директоръ банка Н. А.

*) Орен. Листъ 1889 № 46 и 47.

Дюковъ (директоръ съ 1864 по 1872 г.) взялся за дѣло горячо и поставилъ банкъ на твердую почву. Въ первый же годъ банкъ имѣлъ до 135 т. вкладовъ, до 155 т. учтенныхъ торговыхъ векселей и до 46 тысячъ ссудъ подъ разные залоги, къ концу службы г. Дюкова операціи банка возрасли до слѣдующихъ размѣровъ: вкладовъ было 725 т. р., учтенныхъ векселей 629 т. р. и разныхъ ссудъ 175 т. р. Чистыхъ прибылей въ теченіи первыхъ восьми лѣтъ банкъ давалъ до 18 т. руб. въ годъ.

Особенно много поработалъ второй директоръ банка А. Ф. Клюмпъ (съ 1874 г. по 1889 г.). Операціи банка къ 1883 году достигли слѣдующихъ размѣровъ: вкладовъ банкъ имѣлъ 1611000 р., вексельный портфель банка составлялъ 1534000 р. и разныхъ ссудъ было 301000 р. Но въ 1881 году дальнѣйшее развитіе операцій внезапно было приостановлено изданіемъ новаго положенія о городскихъ банкахъ. По этому закону право банка принимать вклады сокращено на половину установленіемъ для обязательствъ его, вмѣсто прежней десятикратной, пятикратной пропорціи къ собственнымъ капиталамъ и неограниченной до того кредитъ въ однѣ руки по учету векселей и всѣмъ другимъ операціямъ ограниченъ одной десятой частью собственныхъ капиталовъ банка. Вслѣдствіе этого въ два года банку пришлось вытѣснить вкладовъ на сумму болѣе 300 т. руб. и на 100 т. р. уменьшить вексельный портфель. То и другое банкъ выполнилъ, ни мало не стѣняясь и пришелъ въ требующую новымъ закономъ норму ранѣе назначеннаго срока, тогда какъ другіе городскіе банки могли выполнить это въ теченіе десяти лѣтъ. Въ 1889 г. къ своему двадцатипятилѣтію банкъ имѣлъ собственныхъ капиталовъ 315 т. р., вкладовъ 950 т. р., вексельный портфель 720 т. р. и разныхъ ссудъ 155 т. р. Чистая прибыль банка дошла до 26 т. р. За послѣдніе годы чистого дохода банкъ получалъ:

въ 1902 г.	24636 р. 21 к.
въ 1903 г.	32606 р. 95 к.
въ 1904 г.	30850 р. 59 к.

Послѣднія цифры ясно показываютъ на положеніе общественнаго банка.

1883 годъ остался надолго памятенъ банку—въ этотъ годъ онъ подвергся усиленнымъ нападкамъ бывшаго бухгалтера банка Никонова и гласнаго думы Ефремова, утверждавшихъ что дѣла банка пошатнулись и въ банкѣ недостаетъ до 50 т. р. безсрочныхъ вкладовъ. Произведенная тщательная ревизія банка не доказала вводимыхъ на банкъ обвиненій.

Указаніе на гласнаго Ефремова заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ въ своемъ родѣ единственнымъ гласнымъ гор. Оренбурга, его специальность было приложеніе къ журналамъ думы особыхъ мнѣній, изъ которыхъ составилаь своеобразная и оригинальная литература. Написанная характернымъ крупнымъ почеркомъ, съ невозможной орфографіей, эти отзывы представляютъ изъ себя безконечное обвиненіе городской управы и всѣхъ служащихъ въ городскомъ общественномъ управленіи въ хищеніи. Ефремовъ не стѣснялся въ выраженіяхъ, допускалъ самыя невѣроятныя предположенія. Свои отзывы онъ мотивировалъ «стремленіемъ къ общественному благу и вѣрноотданнической присягой». Большинство обвиненій были бездоказательны и во всякомъ случаѣ слишкомъ преувеличены. Десятки и сотни рублей въ отзывахъ Ефремова превращались въ сотни тысячъ и милліоны. Но постоянное муссированіе вопросовъ и дѣйствительно, какъ мы и видѣли выше, неослѣбленно удачное веденіе городской управою городского хозяйства одно время создали популярностъ въ массѣ населенія и Ефремовъ избирался гласнымъ отъ 3-го избирательнаго собранія для того, что «нужно пуцать пуку, чтобъ карась не дремалъ» — какъ выразился на одномъ собраніи избиратель татаринъ.

Такъ какъ дума не обращала большого вниманія на отзывы своего гласнаго, то послѣдній направлялся съ жалобами къ губернатору, доходилъ съ ними и до Высочайшихъ особъ. Но вскорѣ къ жалобамъ изъ общественныхъ побужденій присоединился личный мотивъ: банкъ отказалъ Ефремову, положимъ, не вполне

основательно, въ выдачѣ ссуды подѣ его домѣ. Когда банкъ отказалъ Ефремову, *) онъ написалъ, дѣйстви- тельно, рѣзкій протестъ и послалъ его въ думу, ко- торая и посвѣтила этому протесту трехчасовое вни- маніе, причемъ нѣкоторые изъ гласныхъ дошли до не- приличія. «Одинъ кричитъ: такому человѣку, который позорить насъ, обвиняетъ—развѣ можно оказать по- мощь?! другой кричитъ: и какимъ образомъ *такой* че- ловѣки попалъ въ гласные? Третій, четвертый, пятый и т. д. кричатъ: суду его предать. суду! Словомъ—го- ворить „Оренб. Листокъ“,— банковская и управская партія обнаружили такую ненависть къ Ефремову, что сошли съ высоты своего общественнаго положенія, впади въ личное раздраженіе, въ личныя препира- тельства съ Ефремовымъ, въ тонѣ кричавшихъ слы- шалось: ату его, ату, ату! Будто бѣ нападеніе каса- лось звѣря дикаго, а не товарища, гласнаго, избран- наго населеніемъ».

Ефремовъ всетаки въ концѣ концовъ администра- тивнымъ образомъ былъ высланъ изъ Оренбурга

Мы коснулись этого инцидента потому, что намъ казалось, что онъ служить лишней черточкой къ ха- рактеристикѣ нашей тумы стараго добраго времени.

XLV

Возвращаемся снова къ зданію думы, потому что въ немъ помѣщается единственное просвѣтительное начинаніе города Оренбурга—общественная библіо- тека, исторія которой болѣе чѣмъ любопытна.

Графъ Перовскій, прибывъ въ 50 хъ годахъ во второй разъ въ городъ Оренбургъ, окружилъ себя рядомъ царовитыхъ людей, гражданскимъ губернато- ромъ въ это время былъ, напримѣръ, Ханьковъ, из- вѣстный географъ, при канцеляріи генераль губерна- тора находились такіе ученые, какъ Веніаминовъ Зер- новъ, Самаринъ и другіе. По иниціативѣ этихъ лицъ графъ при своей канцеляріи образовалъ богатую биб-

*) Орен. Лист. 1884 № 14.

ліотеку. Въ 60 хъ годахъ на эту бібліотеку обратили вниманіе и чиновникомъ особыхъ порученій при Оренбургскомъ губернаторѣ Рогалли Левицкимъ былъ составленъ докладъ о передачѣ бібліотеки статистическому комитету съ тѣмъ, чтобы послѣдній открылъ нѣчто вродѣ публичной бібліотеки. Но проектъ не получилъ осуществленія.

Часть книгъ бібліотеки Перовскаго поступила въ статистическій комитетъ, а часть въ Оренбургскій отдѣлъ географическаго общества, открытый въ 1868 году—нѣтъ сомнѣнія, что многія книги бібліотеки Перовскаго были утеряны. Судя по сохранившимся экземплярамъ бібліотека была дорогая и въ ней собрано было все, что такъ или иначе касалось Оренбургскаго края, было много иностранныхъ книгъ. И теперь еще въ оренбургской публичной бібліотеки хранится парижское изданіе начала XVIII вѣка путешествій Олеанарія съ чудными гравюрами. Дальнѣйшая исторія Оренбургской бібліотеки заключается въ слѣдующемъ. *)

Осенью 1875 года генераль-губернаторъ Н. А. Крыжановскій получилъ письмо такого содержанія:

Ваше Высокопревосходительство! По слухамъ Оренбургъ скоро скинетъ свою старую личину. Будутъ разныя новыя учрежденія и новый путь. По этому кстати было бы открыть новый путь для движенія мозговъ почтенныхъ гражданъ. Не смѣю развивать мысль, которая ясна прямо. Время требуетъ и случай представляется открыть подписку на Оренбургскую общественную бібліотеку. Помѣщеніе бібліотеки можетъ устроиться при городской уаравѣ. Содержаніе взойти въ городскую смѣту. Примѣромъ устроительства можетъ служить Самарская общественная бібліотека. Не смѣя беспокоить особу Вашего Высокопревосходительства дальнѣйшимъ развитіемъ плана биоліотеки, остаюсь готовый къ исполненію вашихъ приказаній одинъ изъ служащихъ.

*) Орен. Газета № 1836. Орен. Лист. 1883 № 28, 29, 30. 1888 г.
Оренбургской управы 1890 и 1902 г. (печатные).

Н. А. Крыжановскій воспользоваться этимъ предложениемъ и 31 декабря 1875 года предложилъ городскому головѣ открыть библіотеку.

Но, но управа молчала. Наконецъ съ такимъ же предложениемъ къ управѣ обратился губернаторъ Астафьевъ (20 января 1882 г.), Оренбургскій отдѣлъ Русскаго географическаго общества (20 янв. 1882 г.) совместно съ статистическимъ комитетомъ и директоръ училищъ Оренбургской губерніи (28 фев. 1882 г.), предложившій будущей городской библіотеки принять въ свои сокровища образцовую библіотеку для учителей народныхъ училищъ. Наконецъ Оренбургская дума 10 іюня 1882 года опредѣлила: учредить въ Оренбургѣ городскую библіотеку, принявъ предлагаемыя выше упомянутыми учрежденіями въ даръ книги, отвести помѣщеніе библіотеки въ зданіи городской думы и выбрала комисію для выработки устава.

27 Марта 1883 года комиссія представила въ думу проектъ устава городской общественной библіотеки. Дума въ засѣданіи 3 іюня 1883 г. отклонила отъ немедленнаго разсмотрѣнія устава, поручивъ управѣ отпечатать его и разослать по гласнымъ. Комиссія, между прочимъ, полагала необходимымъ открыть библіотеку тотчасъ же въ 1883 г., для чего и внести въ смѣту 4720 рублей на содержаніе библіотеки.

Но библіотекѣ пришлось долго ожидать своего открытія, которое произошло при новомъ городскомъ головѣ С. И. Назаровѣ въ 1888 году.

Послѣ отпечатанія доклада и разсылки его гласнымъ, дума прослушала его въ засѣданіи 20 января 1884 года и не смотря на разрѣшеніе губернскаго начальства отъ 26 марта того же года открытіе библіотеки опять ограничилось избраніемъ библіотечнаго комитета подъ предѣдательствомъ городского головы Н. А. Середы и ассигнованіемъ на первоначальное обзаведеніе библіотеки 2000 рублей. Но съ этихъ поръ дѣло приняло еще болѣе неоптимальный оборотъ. Предѣлитель библіотечнаго комитета

не только не собралъ ни разу комитета, но когда губернаторъ Н. А. Маслаковецъ запросилъ 13 апрѣля 1887 года, почему библиотека, разрѣшенная начальствомъ еще 26 марта 1884 года и получающая отъ думы ежегодное содержаніе, все еще не открыта, то городской голова Середя, вмѣсто отвѣта, далъ лишь члену управы А. В. Иванову предложеніе принять отъ географическаго общества всѣ его книги, словно не желая знать, что книги давались не управѣ, а библиотекѣ! Книгъ, конечно, не дали и библиотечное дѣло замунилось настолько, что дума въ 1886 году о нова рѣшала вопросъ: быть или не быть библиотекѣ, да и то лишь возобновили дѣло по настоянію губернаго и городского головы С. И. Назарова Рѣшили дѣламы библиотеку открыть въ третій разъ—и дѣло пошло наладъ: въ февралѣ 1888 года была открыта пока читальня, а въ 1889 году и самая библиотека, которая такимъ образомъ существуетъ уже 17 лѣтъ. Открытіе библиотеки или вѣрнѣе читальни было приурочено ко дню 19 февраля. Въ первый годъ читальню посѣтило 3692 мужчины и 254 женщины, а всего 3946 человекъ; до 1 июня 1888 года входъ въ библиотеку былъ безплатнымъ, но потомъ думѣ пришлось назначить и плату за чтеніе книгъ и газетъ 3 коп. за разъ такъ какъ иначе библиотека должна была подчиниться правиламъ о безплатныхъ народныхъ читальняхъ—т. е. не имѣть почти никакихъ періодическихъ изданій. а между тѣмъ читальня въ первый годъ выписала 80 названій журналовъ и газетъ. Къ сожалѣнію у насъ не было отчета за первый годъ и мы произведемъ сравненіе отчетовъ за 1890 и 1902 годы.

	1890	1902
Приходъ	3370 р. 63 к.	7693 р. 49 к.
Расходъ	3157 р. 67 к.	5000 р. 21 к.
Посѣтители		
мужчины	4555	8047
женщины	214	638
Итого	4769	8685
Абоненты	206	2513

Разсматривая эту таблицу, мы видимъ, что приходъ библиотеки увеличился болѣе чѣмъ въ два раза, во столько же выросъ и расходъ. Число посѣтителей увеличилось тоже почти въ два раза, причемъ число посѣтительницъ возрасло почти въ три раза, количество абонентовъ возрасло въ 12 разъ.

Эти цифры указываютъ, что библиотека функционируетъ успѣшно — она дѣйствовала бы еще болѣе успѣшно, если бы она была общественной.

Укажемъ еще, что учителя городскихъ училищъ и вообще служащіе въ городскихъ учрежденіяхъ пользуются книгами изъ городской общественной библиотеки бесплатно.

XLVI.

На той же Александровской площади, на правой сторонѣ отъ думы, находится зданіе мужской гимназій, ея фасадъ выходитъ на Николаевскую улицу. На этомъ же мѣстѣ въ бывшее время помѣщался двухъ этажный же домъ для пріѣзжихъ генераловъ, фасадъ этого зданія выходилъ на площадь и былъ украшенъ по фронтону двухглавымъ орломъ. Чынившее зданіе было заложено въ присутствіе великаго князя Владимира Александровича, пріѣзжавшаго въ то время въ Оренбургъ. По инициативѣ генерала Крыжановскаго среди киргизъ собрано 80 тысячъ руб. при помощи подписки на устройство гимназій. Открытіе и освященіе зданія произошло 7 декабря 1869 года. Нѣсколько наискось, напротивъ гимназій, помѣщается двухъэтажное же зданіе пансіона гимназій, выходящее какъ на Николаевскую, такъ и на Перовскую улицы. Пансіонъ законченъ постройкою и открытъ 2 сентября 1877 года. При гимназій существуетъ общество вспоможенія нуждающимся ученикамъ, открыто 26 февраля 1875 года и церковь, сооруженная на подписку, открытой 16 мая 1876 г. (освящена 26 декабря 1876 г.). Статистическія данныя о гимназій

насть имѣются за періодъ 1876 1900 годъ, группирuemъ ихъ въ таблицы *):

Года.	Общее количество учениковъ.	Кончившихъ курсъ.	Выбывшихъ до окончания.	Пансіонеры.	Плата за ученіе.		Стоимость учениковъ.	
					Руб.	К.	Руб.	К.
1876	288	2	33	55	5339	—	—	—
1877	305	6	58	62	5454	—	92	48
1878	361	5	43	67	5970	—	—	—
1879	379	14	66	73	7035	—	81	38
1880	403	13	123	82	7665	—	82	25
1881	415	20	69	73	10435	33	98	—
1882	431	15	69	84	8619	—	132	75
1883	448	19	85	73	8430	—	100	87
1884	420	15	121	82	9314	—	108	4
1885	355	7	68	78	9519	—	119	60
1886	349	18	62	92	9916	33	132	81
1887	327	11	53	93	8275	31	133	39
1888	279	8	34	91	7108	75	92	47
1889	304	23	30	100	7695	—	94	4
1890	308	14	47	95	7740	—	107	90
1891	365	21	29	96	7793	10	103	51
1892	307	23	24	94	7762	50	91	25
1893	315	14	31	101	8151	50	89	13
1894	331	16	33	106	8271	25	92	23
1895	337	19	11	105	8192	50	95	30
1896	330	17	15	102	8574	38	85	79
1897	331	27	33	98	8980	50	82	82
1898	345	20	46	92	9848	—	86	20
1899	350	22	—	78	10141	—	84	51
1900	345	—	—	76	—	—	—	—

Итакъ, за 25 лѣтъ въ стѣнахъ гимназiи перебывало 8551 воспитанникъ изъ нихъ кончило курсъ 379 человекъ, что составить 4,4%, выбыло до окончанiя курса 1293; maximum учениковъ въ гимназiи было 448 человекъ (въ 1883 г.) и minimum 279 учениковъ (въ 1888 г.), maximum выпуска 27 человекъ (въ 1897 г.) и minimum 2—въ 1876 г: стоимость одного ученика колеблется отъ 81 р 88 к. до 133 р. 39 коп.

Любопытную страничку изъ исторiи народнаго образованiя въ г. Оренбургѣ представляетъ собою отношенiе городской думы къ мужской гимназiи.

Въ началѣ 80 годовъ начальство гимназiи рѣшилось обратиться за помощью къ думѣ. Положенiю гимназiи было очень тяжело—вотъ какъ его описываетъ директоръ гимназiи 16 iюня 1881 года: «полы въ коридорѣ, окна, двери, классные столы, все требуютъ исправленiя. Ретирадныя мѣста въ настоящемъ ихъ видѣ должны быть рѣшительно уничтожены и замѣнены ватерклазетами. Нельзя держать дѣтей въ такой атмосферѣ, которая губительно отзывается на ихъ здоровьѣ. Нельзя приучать дѣтей и къ той грязи, которая волей неволей царствуетъ въ гимназическомъ домѣ». Но притокъ учениковъ усиливается, надо открывать новыя параллельныя отдѣленiя—средствъ нѣтъ. Хотя управа въ докладѣ указала по своему обыкновенiю, что ожидается перерасходъ, но дума вняла ходатайству директора гимназiи и опредѣлила: «поручить городскому головѣ убѣдиться лично въ неизбежности ремонта и при неизбежности ремонта и при недостаточности суммъ гимназическихъ отпустить примѣрно отъ тысячи до полутора тысячъ рублей съ представлениемъ думѣ отчета въ израсходованной суммѣ». Деньги предложено ассигновать изъ запаснаго капитала. Послѣ этой просьбы денегъ на ремонтъ ходатайство пошло за ходатайствомъ. 28 iюня 1882 г. директоръ гимназiи Якубовскiй проситъ управу ходатайствовать у думы 3500 рублей на содержанiе параллельныхъ классовъ, не получая во теченiе мѣсяца отвѣта. Якубовскiй повторяетъ свою просьбу, управа входитъ съ докладомъ въ думу и дума 23 iюля 1882 г.

дѣлаеть слѣдующее постановленіе: «1) увѣдомить директора Оренбургской гимназіи, что дума гарантируетъ содержаніе параллельныхъ классовъ при IV классѣ и 2) просить попечителя округа увѣдомить думу, не признаетъ ли онъ полезнымъ и целесообразнымъ образовать смѣшанную комиссію изъ членовъ педагогическаго совѣта гимназіи и изъ особыхъ городскихъ представителей, которыми дума избрала П. И. Евфимовскаго, Мирвицкаго, А. В. Иванова и М. П. Ерыгина, съ тѣмъ, чтобы эта комиссія выработала смѣту содержанія 4 параллельныхъ отдѣленій гимназіи сколько возможно экономнѣе, сообразно съ средствами заведенія и настолько благовременно, чтобы возбужденный гимназическимъ начальствомъ вопросъ могъ быть рѣшенъ къ началу предстоящаго учебнаго года» Это постановленіе думы очень характерно, дума говоритъ, что она можетъ помочь учебному заведенію, но желаетъ, чтобы эта помощь была разумною, чтобы знала, куда тратятся городскія деньги и какъ онѣ тратятся— целесообразно или нѣтъ, поэтому дума и поручаетъ смѣшанной комиссіи выработать смѣту. 5 августа 1882 года попечитель назначилъ председателемъ комиссіи директора гимназіи Якубовскаго, а членами преподавателей Зернова и Данилова, черезъ недѣлю (11 августа) состоялось засѣданіе комиссіи по изысканію средствъ на содержаніе параллельныхъ классовъ при Оренбургской гражданской гимназіи. Тщательно разсмотрѣвъ смѣту на содержаніе параллелей комиссія опредѣлила ее въ 18638 р. 44 к. причемъ гимназія получаетъ за правоученія 13570 р., такимъ образомъ является перерасходъ въ 5068 р. 44 к. что за полгода составитъ 2534 р. 22 к., первоначальное заведеніе 586 р., такимъ образомъ на полугодіе 1882 г. не достаетъ 3120 р. Эту сумму, по мнѣнію комиссіи, долженъ дать городъ. 26 августа 1882 года городская дума, усматривая изъ доклада комиссіи, что параллельныя отдѣленія при здѣшней гимназіи безъ субсидій отъ города существовать не могутъ и по крайнѣйшій два отдѣленія должны быть закрыты и имѣя въ виду, что постановленіемъ думы на 23 іюля сего года

гарантировано было открытіе 4 параллельнаго отдѣленія, опредѣлила: отпустить на первое полугодіе учебнаго 188²/₃ года, т. е. по 1 января 1883 г. исчисленную комиссіею сумму 3120 р. съ тѣмъ, чтобы вопросъ о цифрѣ пособія отъ города на содержаніе параллельныхъ классовъ на будущій 188³/₄ учебный годъ былъ обсужденъ комиссіею вновь, по соображенію всѣхъ расходовъ, которые потребуются въ томъ году, причемъ просить г. попечителя учебного округа принять на себя ходатайство, чтобы въ будущихъ расходахъ по содержанію параллельныхъ отдѣленій приняло участіе Оренбургское казачье войско и земство, ибо въ гимназій обучаются не исключительно дѣти гражда въ Оренбургѣ, но и войскэвого сословія и иногородніе, затѣмъ поручить управѣ отпускъ ассигнованной суммы 3120 р. производить помѣсячно съ отнесеніемъ сего расхода на остатки отъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе богадѣльни и больницы.

Дума ассигновала только на первую половину учебнаго года; такимъ образомъ являлся вопросъ о средствахъ въ будущемъ. Засѣданія комиссіи поэтому продолжались (6 и 12 сентября 1882 г.), причемъ въ комиссіи уже не существовало прежняго единства, мнѣнія членовъ комиссіи раздѣлились: представители отъ города находили возможнымъ пособіе отъ города назначить въ размѣрѣ 3600 р. и условіемъ этого пособія ставили выборъ почетнаго попечителя для гимназій, т. е. хотѣли, чтобы членъ отъ думы могъ всегда контролировать ходъ дѣла въ гимназій; члены отъ министерства настаивали на пособіи въ 5600 рублей. Управа представила означенныя разногласія на разсмотрѣніе думы. Въ засѣданіи 18 ноября 1882 года городская дума постановила: поручить городской управѣ ассигновать въ распоряженіе оренбургской мужской гимназій на содержаніе 2 параллельныхъ классовъ въ 188³/₄ учебномъ годѣ 3600 рублей съ тѣмъ, чтобы этотъ расходъ былъ внесенъ въ смѣту 1883 г. и отпускался и мѣсячно. Объ этомъ ассигнованіи сообщить попечителю округа, предваривъ, что въ случаѣ крайней нужды и особенно, если будетъ отказано

правительствомъ въ отпускъ изъ казны 800 рубъ на содержаніе параллелей, то учебное начальство можетъ рассчитывать на увеличеніе городской сущидіи. Независимо отъ сего уполномочить городского голову возбудить ходатайство о привлеченіи къ содержанію параллельныхъ классовъ оренбургскихъ казаковъ, киргизское управление и земство.

Мы видимъ, что дума выбрала середину между мнѣніями членовъ комиссіи, она опредѣлила цифру пособія въ томъ размѣрѣ, въ какомъ назначили члены комиссіи отъ города, но въ то же время предупредила, что пособіе это можетъ быть въ крайнемъ случаѣ увеличено. Далѣе дума не обратила должнаго вниманія на предложеніе членовъ комиссіи отъ города на необходимость имѣть своего почетнаго блюстителя.

Къ осени 1883 года директоръ гимназіи начинаетъ хлопотать о увеличеніи пособія. Опять собирается комиссія, разсматриваетъ смѣту и назначаетъ цифру пособія большую, уже въ 4200 р. Дума дала и эти деньги, но просила гимназическое начальство, со своей стороны возбудить ходатайство о принятіи параллельныхъ отдѣленій на счетъ казны. Но въ это время (20 іюня 1884 года) педагогическій совѣтъ мужской гимназіи увеличилъ плату въ приготовительномъ классѣ съ 20 руб. на 30 руб., а во всѣхъ остальныхъ съ 30 р. на 45 р. Тогда городская дума, при разсмотрѣніи городской росписи доходовъ и расходовъ, утвердила пособіе гимназіи въ 4200 р., но поставила не премѣннымъ условіемъ, чтобы плата за право ученія не увеличивалась. О такомъ постановленіи думы управа извѣстила директора гимназіи, но послѣдній отвѣчаетъ думѣ (9 іюля 1884 года) слѣдующимъ: 1) дума при назначеніи пособія могла бы ставить гимназіи непремѣннымъ условіемъ не увеличивать плату за право ученія съ городскихъ учениковъ только въ томъ случаѣ, если бы она гарантировала всѣ расходы на гимназію, между тѣмъ она ассигновала сумму, необходимую на содержаніе только двухъ классовъ, 2) плата за право ученія увеличена съ будущаго года на предметъ не содержанія параллельныхъ клас

совѣтъ, а вслѣдствіе недостатка средствъ на расходы по гимназій вообще и по сему была бы увеличена и при отсутствіи параллельныхъ классовъ, какъ это сдѣлано уже во многихъ гимназіяхъ, 3) вслѣдствіе прекращенія субсидіи отъ думы, педагогическій совѣтъ гимназій вынужденъ будетъ ходатайствовать или о закрытіи параллельныхъ классовъ, начиная съ перваго, стало быть о прекращеніи пріема теперь же въ 1-ый параллельный классъ или же вновь о возвышеніи платы до 70 рублей примѣрно.

Весьма понятно, что управа, получивъ такой характерный отвѣтъ, должна была, тѣчасъ перенести дѣло на разсмотрѣніе думы и городской голова Н. А. Середа пишетъ директору гимназій Якубовскому, что вопросъ о субсидіи будетъ доложенъ думѣ 19 іюля и въ виду важности вопроса проситъ его пожаловать въ засѣданіе думы. Директоръ пожаловалъ на засѣданіе и разъяснилъ, что увеличеніе платы есть фактъ *безповоротный* и что прекращеніе субсидіи неизбежно ведетъ къ закрытію параллелей. Не желая разомъ обрывать дѣло, заступающій мѣсто городского головы обратился къ директору гимназій съ вопросомъ — нельзя ли въ такомъ случаѣ уменьшить субсидію. На это послышался отвѣтъ, что за неимѣніемъ статистическихъ данныхъ директоръ не можетъ ничего сказать. Дума поручила выбранной ранѣ комиссіи пересмотрѣть вопросъ о субсидіи.

Но въ отвѣтъ на это постановленіе получается отъ директора гимназій — когда послѣднему было послано думское опредѣленіе отъ 19 іюля 1874 года, — слѣдующій отвѣтъ: «вслѣдствіе письма вашего отъ 28 сего іюля за № 281 — писалъ директоръ гимназій Якубовскій городскому головѣ Н. А. Середѣ — долгомъ считаю выразить вамъ сердечную благодарность за теплое участіе и за желаніе помочь учебному дѣлу, но въ то же время не предвидя, чтобы означенная комиссія могла поручиться разъ навсегда за постоянное обезпеченіе существованія параллельныхъ классовъ и принимая во вниманіе наступившій новый учебный годъ, требующій отъ меня, какъ отъ началь-

ника ввѣреннаго мнѣ заведенія окончательнаго заключенія, то я рѣшилъ представить этотъ вопросъ на окончательное усмотрѣніе и разрѣшеніе педагогическаго совѣта безъ участія комиссіи .

Педагогическій совѣтъ нашелъ, что субсидія отъ города должна быть въ размѣрѣ 4 т. р. и въ засѣданіи 16 августа 1884 года дума дѣлаетъ слѣдующее, дѣйствительно, замѣчательное постановленіе: «по всестороннему обсужденіи настоящаго дѣла и принимая во вниманіе заявленіе педагогическаго совѣта, что, если дума не отпуститъ субсидіи въ четыре тысячи рублей на содержаніе параллельныхъ классовъ, то послѣдніе будутъ постепенно закрываться, начиная съ перваго класса, городская дума, *не желая преграждать путь къ образованію юношества*, опредѣлила: исчисленную педагогическимъ совѣтомъ гимназіи сумму 4 т. р., необходимую на содержаніе 4 параллельныхъ классовъ отпустить изъ городской казны. Но при этомъ дума не могла упустить изъ вида, что субсидія въ 4000 руб. отпускаема была съ 1882 года по ходатайству педагогическаго совѣта гимназіи *единственно съ цѣлью избыгнуть возвышенія платы за право ученія воспитанниковъ дѣтей городскихъ обывателей, а между тѣмъ нынѣ гимназическое начальство, безъ сношенія съ думою, возвысило эту плату на 50% въ явное противорѣчіе съ тѣми мотивами, кот. рые принимались въ соображеніе при назначеніи субсидіи*—вслѣдствіе чего дума постановила: 1) возбудить ходатайство передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія: во первыхъ, о восстановленіи размѣра прежней платы за право ученія, объяснить въ представленіи подробно всѣ обстоятельства, которыя послужили поводомъ къ назначенію отъ города субсидіи на содержаніе параллельныхъ классовъ во вторыхъ противъ министра народнаго просвѣщенія не отказать въ распоряженіи, чтобы на будущее время начальство гимназіи не отказывало допускать уполномоченныхъ отъ города къ документальному разсмотрѣнію того, на что именно расходуется отпускаемая ежегодно городомъ субсидія въ 4000 рублей.

Такимъ образомъ дума вообще надѣялась на возможность уладить конфликтъ между ею и учебнымъ вѣдомствомъ, но 5 августа 1885 года министръ народнаго просвѣщенія отвѣтилъ отрицательно на всѣ ходатайства оренбургской думы и думѣ не оставалось дѣлать ничего, кромѣ прекращенія субсидіи.

Таковъ хронологическій ходъ событій. Что же говоритъ намъ эта исторія съ субсидіей на содержаніе параллельныхъ классовъ? Она указываетъ на то, что оренбургская дума правильно понимала свои задачи—она давала деньги, но ставила непремѣннымъ условіемъ, чтобы она могла черезъ своихъ выборныхъ контролировать, какъ расходовались эти деньги. Министерство же народнаго образованія отвергало даже и мысль о возможности этого контроля. Въ результатѣ, конечно, пострадало населеніе, такъ какъ въ теченіе десяти лѣтъ не было параллельныхъ классовъ и количество отказовъ пріема въ гимназію увеличивалось съ каждымъ годомъ.

Городъ пересталъ давать субсидію. Параллельные классы закрылись. Въ 1890 году попечитель учебнаго округа обратился съ ходатайствомъ ассигновать на содержаніе параллельнаго перваго класса 1375 руб. Дума въ засѣданіи 20 сентября 1890 г. постановила: такъ какъ городъ въ настоящее время не имѣетъ свободныхъ суммъ на ассигнованіе 1375 р. то просить городского голову сообщить г. попечителю, что при всемъ искреннемъ сочувствіи къ такому полезному дѣлу, какъ открытіе параллельнаго класса, дума лишена нынѣ возможности удовлетворить это ходатайство.

Черезъ четыре года, въ 1894 году, съ подобнымъ же ходатайствомъ обратился директоръ гимназіи и дума въ засѣданіи 10 сентября 1894 года опредѣлила: отпустить для открытія параллельнаго класса гимназіи 800 руб. Съ этого времени означенная субсидія ежегодно отпускается гимназіи.

Затѣмъ думою были учреждены въ гимназіи слѣдующія стипендіи: 25 апрѣля 1896 года въ память 25-лѣтія со дня введенія новаго городского положенія

на 5 учениковъ и 13 марта 1874 года—Неплюевская стипендія въ память перваго оренбургскаго губернатора и основателя города Оренбурга *).

XLVII.

Въ Александровскомъ скверѣ, посреди его, возвышается какая то своеобразная бесѣдка, въ которой находится фонтанъ съ амуромъ. Весьма естествененъ вопросъ: почему, на какомъ основаніи и кѣмъ устроена означенная бесѣдка. Оказывается, что эта бесѣдка была построена первоначально на горѣ Суакъ въ 1837 году для встрѣчи наслѣдника цесаревича Александра II. Затѣмъ съ горы Суакъ она была перевезена въ зауральную рощу, гдѣ была украшеніемъ дачи генераль губернатора и наконецъ оттуда попала на свое настоящее мѣсто. При видѣ этой бесѣдки обыватель города можетъ вспоминать одно изъ неисполненныхъ думскихъ постановленій— о постановкѣ въ этомъ скверикѣ бюста Н. В. Гоголя.

Служащій украшеніемъ оренбургскаго бульвара памятникъ прежде помѣщался на этой же Александровской площади рядомъ со зданіемъ думы, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится водоразборная будка. Памятникъ былъ первоначально изъ досокъ, выкрашенныхъ въ бѣлую краску, только при графѣ Перовскомъ дума смогла сдѣлать памятникъ изъ камня.

Слѣдующій за гимназіей домъ общественнаго собранія—является однимъ изъ памятниковъ архитектурнаго искусства, такъ какъ онъ построенъ по проекту нашего извѣстнаго художника Брюлова, съ которымъ графъ Перовскій былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ. Зданіе, дѣйствительно, очень изящное, хотя простое на видъ, но вполне выдержанное въ стилѣ.

Напротивъ общественнаго собранія помѣщается одноэтажное зданіе—квартира полицмейстера—а позади возвышается каланча первой пожарной части го-

*) Арх. Оренб. думы дѣло Л. 13738, 18214, 19490

рода Оренбурга. Теперешняя квартира полиціймейстера была, когда то, помещеніемъ для полицейскаго управленія.

19 апрѣля 1798 года послѣдовало утвержденіе штата оренбургской полиціи. Штатъ этотъ былъ довольно многочисленный и состоялъ изъ 1 полицімейстера, 1 пристава уголовныхъ дѣлъ, 1 гражданскихъ дѣлъ и 2 магистратскихъ рагмановъ—эти лица составляли собственно говоря полицейское управленіе; къ нимъ присоединилась канцелярія изъ секретаря и трехъ писцовъ.

Въ полицейскомъ отношеніи городъ дѣлился на двѣ части и шесть кварталовъ, причѣмъ полицейскій надзоръ за ними слагался изъ 2 частныхъ приставовъ, 1 словеснаго судьи для обѣихъ частей, 2 маклеровъ, 2 огнегасительныхъ мастеровъ и 2 трубачистовъ. Затѣмъ въ каждомъ кварталѣ былъ квартальный надзиратель, сотскій отъ 100 домовъ, десятскій отъ 50 домовъ—а всего сотскихъ и десятскихъ 18 человекъ и по 9 полицейскихъ служителей, всего 54, кромѣ того по 1 почному сторожу. Затѣмъ при полиціи для дежурства полагался сотскій, два десятскихъ и 16 полицейскихъ служителей. Такимъ образомъ штатъ полиціи въ 1798 году былъ изъ 108 человекъ съ жалованьемъ 2660 руб.

Деньги эти должны были поступать отъ сборовъ съ домохозяевъ, но сборы поступали очень не аккуратно и положеніе полиціи было болѣе чѣмъ затруднительно. Вотъ какъ оно характеризуется черезъ пять лѣтъ по утвержденіи штата: «Оренбургская полиція отъ городского магистрата и думы жалованья не получаетъ по неоднократнымъ требованіямъ. Когда служащіе въ полиціи отказывались отъ службы по неполученію денегъ, то военный губернаторъ давалъ въ долгъ изъ имѣющихся у него средствъ, а полиціймейстеръ содержалъ полицію на свои деньги. «Кромѣ того забрано безденежно въ гостинномъ ряду у купцовъ бумаги и сюргуча на 327 р 30 коп.». Въ

1803 году положеніе стало еще плачевнѣе, такъ какъ никто изъ «партикулярныхъ людей» въ долгъ не вѣрить.

Штатъ полиціи былъ выдуманъ оренбургскими военными губернаторами, — и скоро было признано его неудобство и одному изъ слѣдующихъ губернаторовъ было предложено реформировать полицію на основаніи уже утвержденныхъ штатовъ Таганрога и Георгіевска, но еще раньше военный губернаторъ Вахметевъ замѣнилъ полицейскихъ служителей — солдатами изъ губернской роты — и расходъ содержанія на полицію сократился съ 2660 руб. на 1255 руб.

Послѣ различныхъ переписокъ въ г. Оренбургѣ съ 1809 года осталось полицейское управленіе (со штатомъ вышеуказаннымъ) съ штатною ротою губернскаго правленія, причемъ служба по полиціи имѣла военный характеръ.

Такую полицію оставалась вплоть до 26 декабря 1862 года, когда были введены нормальные штаты полиціи

По этому штату оренбургское полицейское управленіе отнесено къ II разряду и потому въ составъ его введены полицмейстеръ, какъ предсѣдатель присутствія, два ратмана городского магистрата или ратуши (послѣ введенія положенія 1870 г. они замѣнены однимъ членомъ, избираемымъ думою на 3 года), секретарь, завѣдующій канцеляріей и одинъ изъ полицейскихъ приставовъ, приглашаемый въ присутствіе по очереди на недѣлю *). Городъ уже дѣлился на 3 части.

Слѣдующую реформу оренбургская полиція получила 13 марта 1884 года, когда ея штатъ былъ опредѣленъ въ 121 человекъ, изъ 1 полицмейстера, 1 помощника, 1 секретаря, 2 столоначальниковъ, 1 регистратора, 4 приставовъ, 5 помощниковъ, 1 писмоводителей, 18 околоточныхъ надзирателей, 76 постоянныхъ городскихъ и 8 городскихъ на 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ содержаніемъ въ 39605 руб.

*) Орен. Газ. № 1704 и 1705.

Наконецъ, въ настоящее время расходъ по полиціи возросъ до 57789 руб. 41 коп.

Состояніе оренбургской полиціи, конечно, не можетъ быть названо удовлетворительнымъ—и городъ неоднократно пытался придти себѣ на помощь въ дѣлѣ охраны своего имущества.

Въ 1871 году дума раздѣлила весь городъ на 23 отдѣла причемъ поручила жителямъ отдѣла выбрать старостъ и помощниковъ, которые имѣли бы наблюденіе за ночными сторожами—но никто изъ обывателей не сталъ выбирать старостъ, а наоборотъ обыватели даже обидились и одинъ изъ нихъ выразилъ эту обиду въ слѣдующемъ характерномъ отзывѣ въ городскую управу: «городское населеніе избрало вмѣсто себя 72 гласныхъ, то нѣтъ надобности беспокоить горожанъ, а все касающееся города должны рѣшать или гласные, или полиція».

Отзывъ категорическій и вполне характеризуетъ точку зрѣнія обывателя.

Хотѣла дума учредить свой ночной караулъ, работала штатъ караульчиковъ, инструкцію имѣ, опреѣлила размѣръ жалованья, все казалось было готово—но остановка въ томъ, что дума не имѣла права устанавливать такого обязательнаго расхода, какъ плату за караулъ, для этого нужно единогласное согласіе всѣхъ гражданъ, такъ какъ караульную повинность гражданъ могутъ исполнять натурою.

Рядомъ съ квартирою полиціймейстера, только фасадомъ на Перовскую улицу, выходитъ первая пожарная часть, построенная въ деревянномъ видѣ съ незапамятныхъ временъ и перестроенная въ каменную 25 февраля 1888 года, когда постройка была сдана съ торговъ купцу Бѣлову за 24999 руб.

Когда городъ Оренбургъ былъ крѣпостью—пожарный обозъ находился въ вѣдѣніи полиціи. хотя деньги на его содержаніе отпускалъ городъ. Пожарный обозъ былъ одинъ, плохо оборудованъ и, конечно, (особенно принимая во вниманіе состояніе водопровода, не могъ оказать большой помощи при сильныхъ

вѣтрахъ, господствующихъ надъ Оренбургомъ. Заботы о пожарномъ обозѣ, особенно, со стороны военнаго губернатора Перовскаго были большія. Постоянный ремонтъ пожарныхъ машинъ требовалъ значительныхъ издержекъ и въ концѣ концовъ пришли къ мысли учредить собственную кузницу, а чтобы не входить въ лишніе расходы по наему кузнеца—обратились къ городскому обществу съ приказаніемъ выбрать изъ своей среды мальчика и послать его на общественный счетъ въ Москву обучаться ремонту пожарныхъ машинъ. Выборъ общества палъ на мѣщанина Бодрова. Въ 1837 году Бодровъ прибылъ изъ Москвы, обучившись всѣмъ премудростямъ Полицеймейстеръ и предложилъ думѣ снабдить мѣщанина Бодрова кузницею, инструментами, матеріаломъ и двумя рабочими. Построить кузницу по мнѣнію полиціймейстера дорого, лучше пріобрѣсти уже устроенную прапорщицей Фомичевой каменную на берегу Урала съ пристроенной къ ней жилой избою. Прапорщица Фомичева просила за кузницу 250 р. ассиг., затѣмъ нужно единовременно затратить на инструменты 1000 руб. и производить ежегодный расходъ по 400 рублей.

Дума постановила—отпустить къ мѣщанину Бодрову одного помощника мѣщанина же Второва, двухъ помощниковъ дать—будетъ для города обременительно; что же касается до покупки кузницы, то такъ какъ въ ней можно будетъ дѣлать только мелкія починки, а крупныя машинъ придется покупать, то «вышеприведенный расходъ на покупку кузницы и другихъ вещей ни къ чему иному не послужить, какъ къ однимъ напраснымъ издержкамъ *).

Въ этомъ вопросѣ дума была очень упорною—она такъ таки не дала денегъ на кузницу.

Администраціей дѣлался еще рядъ попытокъ улучшить положеніе пожарнаго обоза—но всѣ эти попытки по результатамъ походили на первую попытку. Наконецъ 25 іюня 1865 года дума принимаетъ

*) Жур. Оренб. думы 14 февраля 1837 года.

обозъ въ свое вѣдѣніе. Первое время обозъ оставался въ такомъ же печальномъ положеніи, пожаръ 1879 г. заставилъ думу обратить особое вниманіе на обозъ, но вниманіе было временное и обозъ находился даже подъ вѣдомствомъ полиціи. Наконецъ 14 марта 1891 г. обозъ былъ изъятъ изъ вѣдѣнія полиціи и съ этихъ поръ началось улучшеніе обоза, особенно онъ усилился за послѣднее пятилѣтіе.

Состояніе пожарной части въ настоящее время (по даннымъ отчета за 1902 годъ) таково: у города существуетъ три каменные части: 1-я построенная въ 1888 году, вторая—въ 1901 г. и третья—25 іюня 1875 г., кромѣ того лѣтомъ дѣйствуютъ два резерва: одинъ на лѣсномъ базарѣ, другой на маякѣ. Штатъ пожарныхъ состоитъ изъ 1 брантмейстера, 4 помощниковъ, 129 служителей, нанимаемыхъ съ 1 апрѣля по 1 ноябрю и 99 служителей съ 1 ноября по 1 апрѣля, и 1 пожарнаго слесаря. Машины новой конструкции имѣются въ каждой части. Всѣ пожарныя застрахованы. Общій расходъ на пожарную часть въ 1906 году достигъ 40776 р. 73 к.

XLVIII.

На углу Водяной и Николаевской улицъ находятся постройки, принадлежащія Тургайскому областному правленію—первый домъ квартиры военнаго губернатора, второй домъ помѣщеніе киргизской школы.

Въ 1818 году были Высочайше утверждены штаты пограничной комиссіи, учрежденіе которое должно было вѣдать всѣми киргизами. Это учрежденіе существовало до 1868 года, когда изъ всей восточной и небольшого пространства средней части территоріи области оренбургскихъ киргизъ учреждена Тургайская область.

Управленіе пограничной комиссіи помѣщалось въ угловомъ домѣ.

Въ томъ зданіи, въ которомъ нынѣ помѣщается киргизская учительская школа, 22 августа 1850 года была открыта школа для киргизскихъ дѣтей, для этой

школы и было специально выстроено указанное здание. Школа, конечно, должна была просвѣтить киргизъ, сблизить ихъ съ русскою жизнью. Большія надежды возлагались на эту школу, много средствъ потрачено на нее и въ результатѣ 2 декабря 1868 г. послѣдоваго Высочайшее повелѣніе о закрытіи этой школы.

Вмѣсто этой школы была открыта татарская учительская школа, которая существовала до 1 января 1890 года. Киргизская школа возродилась 10 июня 1882 года подъ названіемъ учительской киргизской школы. Она была открыта въ Орскѣ, который былъ ближе къ центру киргизской степи — но случился въ Орскѣ пожаръ 1888 года и киргизская учительская школа была переведена въ Оренбургъ, такъ какъ въ Орскѣ для нея буквально не было помѣщенія. Первый годъ школа помѣшалась въ частной квартирѣ, а съ 1890 года заняла настоящее помѣщеніе. Характерная особенность этой школы состоитъ въ томъ, что половина воспитанниковъ ея русскіе. Школа должна выпускать учителей для аульных русско-киргизскихъ школъ, причемъ курсъ школы довольно обширенъ *).

Слѣдующій по Воляной улицѣ за домомъ Тургайскаго губернатора кварталъ, когда то находился подъ постройками линейнаго баталіона, но въ пожарѣ 1862 года постройки были уничтожены и мѣста постигнули въ собственность города, который продалъ ихъ съ торговъ 2 марта 1863 года за слѣдующія цѣны № 1 де-Гресъ — 250 р., № 2 и 3 Камбулинь — 602 р., № 4 Рудневъ за 160 р. и № 5 — Камбулинь за 290 р. 50 к. — всего было получено 1302 р. 50 к. **).

Идя далѣе по Воляной улицѣ мы видимъ налѣво обширную площадь, на которой помѣщается тюремный замокъ и казармы мѣстнаго баталіона. Казармы построены при Перовскомъ, а тюремный замокъ, если не современникъ Оренбургу, то построенъ во всякомъ случаѣ очень скоро послѣ основанія Оренбурга.

) Васильевъ. Народное образованіе въ Тургайской области

**) Арх. Оренб. думы № 3778.

Въ настоящее время это обыкновенная губернская тюрьма, а когда-то въ его казематы были ссылаемы «неизвѣстные».

Одного такого неизвѣстнаго, сосланнаго по распоряженію Аракчеева, конечно, безъ суда и слѣдствія, освободилъ Александръ I при своемъ посѣщеніи города Оренбурга. Въ стѣнахъ этого замка когда то содержались башкирцы и киргизы, взятые съ оружіемъ въ рукахъ во время возмущенія противъ русскаго владычества, участники пугачевского бунта, черезъ этотъ же замокъ прошли и участники декабрьскаго возмущенія и многочисленные изгнанники изъ Польши.

Если сохранился архивъ тюремнаго замка, то будущій изслѣдователь Оренбургскаго края найдетъ въ этомъ архивѣ много интересныхъ данныхъ.

Напротивъ тюремнаго замка, по такъ называемому тюремному переулку, мѣста въ которомъ продавались городомъ въ 1870 году, возвышается двухъэтажное зданіе духовнаго училища, съ громадной, занимающей почти половину зданія церковью. Старое зданіе духовнаго училища помѣщается нѣсколько ниже по Безаковской улицѣ.

Духовное училище открыто 2 сентября 1860 г. почти тотчасъ по открытіи оренбургской епархіи, которая, какъ извѣстно, была образована 21 марта 1859 г.

Въ судьбахъ духовнаго училища, не смотря на его узко-сословный характеръ, городская дума принимала большое участіе и духовное вѣдомство утруждалоumu не одинъ разъ своими ходатайствами о духовномъ училищѣ.

Ходатайства были всякаго рода — и уступка земли и даже постройка зданій для духовнаго училища. Часть ходатайствъ доходила до думы, а часть ходатайствъ отклоняла и сама управа.

Рядомъ съ старымъ зданіемъ духовнаго училища помѣщаются Александровскія городскія банн — выстроены онѣ генераль-губернаторомъ Безакомъ на казенный счетъ и пожертвованы городу для того, чтобы на доходы, получаемыя отъ банъ, городъ могъ дѣлать р-

личные улучшения своего хозяйства. Первое время бани эксплуатировались хозяйственным образом, а затѣмъ они стали сдаваться городомъ съ торговъ.

Вопросъ о баняхъ былъ когда-то жгучимъ вопросомъ, такъ какъ бани были чуть ли не единственною статью дохода и городское управленіе тщательно наблюдало за тѣмъ, чтобы никто изъ обывателей не имѣлъ при домахъ бань и не пускалъ въ нихъ постороннихъ. Дѣлалось это и какъ предосторожность отъ пожара обычнаго при топкѣ бань, а также во избѣжаніе подрыва доходности арендатора бань. Первоначальныя торговыя бани помѣщались на берегу Урала и состояли изъ двухъ деревянныхъ домовъ— въ одномъ помѣщалась общая баня, въ другой—дворянская.

Возвращаемся снова на Николаевскую улицу. Напротивъ домовъ тургайскаго областного правленія помѣщается домъ перваго городского трехкласснаго училища, построенный въ 1835 году.

Немного дальше по Николаевской улицѣ къ Уралу, на лѣвой же сторонѣ помѣщается кирка, а напротивъ нея ремесленное училище.

Лѣтъ черезъ двадцать по постройкѣ Оренбурга въ немъ уже составилось особое общество лютеранъ. Отсутствие пастора и кирки было весьма чувствительно для лютеранъ и устройство правильнаго прихода представлялось особенною нуждою. Вслѣдствіе этого военный губернаторъ князь А. С. Путятинъ сдѣлалъ въ 1767 году представленіе и Императрица Екатерина II указомъ отъ 16 ноября 1767 года велѣла учредить въ городѣ Оренбургѣ, по примѣру прочихъ крѣпостей должность дивизионнаго проповѣдника для лицъ лютеранскаго исповѣданія. Первый проповѣдникъ Филиппъ Верябюргеръ прибылъ въ Оренбургъ 12 марта 1768 года. Тогда лютеране приобрѣли нынѣшнее дворовое мѣсто и построили деревянную кирку въ 1772 г. Она перестраивалась въ 1811 и въ 1843 годахъ *).

XLIX.

Ремесленное училище*) открыто по приговору городского общества 27 августа 1868 года. Цѣль открытія: а) дать возможность дароваго пріюта, образованія и воспитанія дѣтямъ бѣдѣвшихъ жителей гражданъ города Оренбурга всѣхъ сословій, кои въ противномъ случаѣ пріучаются къ праздности и пріучаются къ нищенству, б) содѣйствовать распространенію ремесленныхъ знаній въ краѣ, чрезвычайно нуждающемся въ предметахъ ремесленной промышленности и отдаленномъ отъ торговыхъ и промышленныхъ «центровъ Россіи»

Такимъ образомъ главною цѣлью при образованіи ремесленного училища была филантропія, забота о низшихъ обездоленныхъ и обиженныхъ судьбою. Эта цѣль напоминаетъ хорошо Н. А. Крыжановскаго, который всегда искренно заботился— конечно, насколько могъ и насколько позволяли обстоятельства—о низшихъ міра сего. Оренбуржцы въ благодарность за заботливое отношеніе Н. А. Крыжановскаго къ городскимъ нуждамъ постановили именовать училище Крыжановскимъ.

Въ началѣ своего существованія училище помѣщалось на нынѣшнемъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь по въ старинныхъ знаніяхъ бывшаго Ордонансъ-гауза, переданныхъ инженернымъ вѣдомствомъ городу по холатайству Н. А. Крыжановскаго.

На содержаніе училища приговоромъ общества было постановлено:

- 1) Отпускать ежегодно 2 т. руб. изъ городскихъ доходовъ.
- 2) Сверхъ того взимать съ лицъ купческаго сословія по 10% съ рубля платимой ими въ казну пошлыны.
- 3) Съ мѣщанъ города Оренбурга по 10 коп. съ каждой ревизской души.

Общее ассигнованіе должно было составить до 4 т. рублей, затѣмъ были стипендіи отъ различныхъ вѣдомствъ, желавшихъ помѣщать учениковъ, такъ на-

*) Арх. гор. думъ № 13475, 13445, 13429, 10191, 7451, 3927, 3958, 2359, 1040 и 599.

примѣръ, отъ оренбургскихъ и уральскихъ казаковъ и т. п., плата за приходящихъ учениковъ, сверхъ того училище имѣло запасный и ученическій капиталы. Образованіе запасному капиталу положилъ Н. А. Кръжановскій, пожертвовавъ лично 1500 руб.; его примѣру, какъ и должно было ожидать, последовали многіе: оренбургское и уральское казачье войско, жители города Уральска, мѣстныя золоторомышленники и частныя лица.

Всего за первыя десять лѣтъ существованія училищемъ было истрачено 93126 р. ³/₄ к., изъ нихъ на содержаніе учащихся 26,6%, на штатъ учителей 5,4%, на обученіе ремесламъ 25%, на содержаніе зданій училища 27% и на остальные расходы 16%.

Общее количество учениковъ за первыя десять лѣтъ было 137, изъ нихъ трое умерло, 39 выбыло до окончанія курса и 55 учениковъ окончило полный курсъ ученія и получило установленныя свидѣтельства; свѣдѣнія о этихъ 55 ученикахъ были собраны и оказалось, что 24 состоятъ учителями въ казачьихъ школахъ или работаютъ въ войсковыхъ мастерскихъ, 6 состоятъ учителями въ сельскихъ школахъ, 3 — мастерами въ башкирскомъ конномъ полку и въ мѣстныхъ линейныхъ баталіонахъ, 15 работаютъ въ различныхъ мастерскихъ.

Теоретическое обученіе воспитанниковъ заключалось въ преподаваніи закона Божія, русскаго языка, арифметики, геометріи, географіи, русскаго и всеобщей исторіи, техническихъ свѣдѣній изъ физики, химіи, механики и технологіи въ связи съ ремеслами, рисованія, чистописанія и техническаго черченія; предметами же практическаго преподаванія были ремесла: кузнечное, слесарное и частію оружейное, съ литейнымъ, столярное, токарное, сапожное и башмачное; кромѣ того была гимнастика, маршировка и церковное пѣніе. На учебныя занятія отлагалось отъ 1 часу дня до 5 часовъ, на ремесленные — отъ 9 до 3 часовъ дня.

Соединеніе филантропическихъ цѣлей съ чисто образовательными, обширность теоретической программы и ея неопредѣленность, недостатокъ средствъ —

все это вмѣстѣ взятое приводило къ тому, что ремесленное училище влачило жалкое существованіе, не оправдывая ни одной цѣли, для которыхъ оно было открыто. На ненормальное положеніе ремесленного училища было скоро обращено вниманіе и началась долгая исторія переработки и измѣненія устава училища. Вопросъ о уставѣ возникъ въ 1872 году.

Думою выбирались неоднократно коммисіи, которыя вырабатывали проекты уставовъ; послѣдніе заслушивались думою и посылались на утвержденіе въ министерство и съ замѣчаніями и поправками шли опять въ думу. Снова начиналось разсматриваніе исправленныхъ уставовъ въ коммисіи, снова гласные думы получали печатные экземпляры «проектовъ», снова тратилось на разсмотрѣніе устава не одно думское засѣданіе, пока, наконецъ, черезъ 21 годъ, 18 декабря 1893 года послѣдовало утвержденіе устава ремесленного училища.

Общіе выводы, къ которымъ можно придти на основаніи изученія многочисленныхъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ оренбургской городской управы, будутъ слѣдующіе:

Ремесленное училище открылось потому, что его открытіе было желательно генераль-губернатору Н. А. Крыжановскому—желаніе генераль-губернатора было закономъ и первые года училище существовало исключительно потому, что такъ хотѣлъ Н. А. Крыжановскій, не имѣя никакого устава, не получивъ утвержденіе ни отъ какого вѣдомства и не состоя ни подъ чѣмъ началомъ. Училище это не принадлежало ни одному вѣдомству, оно просто на просто было училищемъ генераль-губернатора. Но съ теченіемъ времени въ училищу стали предъявляться требованія, училище должно было оформитъ свое существованіе. Такъ какъ генераль-губернаторство было закрыто, покровитель училища сошелъ со сцены дѣйствія, то въ училищѣ долженъ былъ, весьма естественно, принять участіе тотъ, кто давалъ деньги, т. е. городъ. Но въ то же время учебное вѣдомство съ своей стороны хотѣло подчинить училище своему контролю. И начи-

нается борьба между городомъ въ лицѣ его представителя—городского самоуправления и министерствомъ народнаго просвѣщенія. Городъ, давая деньги х тѣмъ наблюдать не только за тѣмъ, на что тратятся деньги, но и какъ онѣ тратятся. плодотворно или нѣтъ. Министерство народнаго просвѣщенія, не имѣя ничего противъ завѣдыванія хозяйствомъ училища со стороны городского управления, ревниво оберегало свою часть «надзоръ за учебно-воспитательною частью училища», не допуская сюда никакого вмѣшательства со стороны города. Исторія составленія устава есть одно изъ отраженій этой борьбы. Въ первоначальномъ проектѣ устава городъ былъ всеѣмъ для училища, учебное начальство только приглашалось на засѣданія комитета училища, который за исключеніемъ одного члена былъ вполне выборный. Но въ каждой изъ слѣдующихъ редакціяхъ устава вліяніе города, въ лицѣ его представителей уменьшается, за то увеличивается власть и значеніе учебного начальства и если всетаки училище имѣетъ уставъ, нѣсколько отличный отъ нормальнаго, если городъ имѣетъ вліяніе на ходъ дѣла въ ремесленномъ училищѣ, то исключительно благодаря тому обстоятельству, что составленіе устава училища поручалось людямъ энергичнымъ и понимающимъ значеніе самоуправления.

Хозяйственное завѣдываніе училищемъ и по первой редакціи и по утвержденному уставу училища принадлежало и принадлежитъ городу, потому что изъ семи членовъ хозяйственнаго комитета пять по выбору города.

Далѣе, по § 36 инспекторъ училища избирается думою и утверждается лишь учебнымъ начальствомъ *).

28 марта 1894 года Оренбургская городская дума произвела въ первый разъ выборы должностныхъ лицъ оренбургскаго ремесленнаго училища.

Инспекторомъ училища былъ выбранъ инженеръ-технологъ М. И. Витковский, председателемъ хозяйственнаго комитета М. П. Ерыгинъ, членами И. А.

*) Арх. Оренб думы дѣло № 16787.

Зарывновъ (22 выборныхъ 0 невыборныхъ), Н. Д. Овсянниковъ (+ 18 — 4), А. В. Соколовъ (+ 17 — 4), Ѳ. Б. Сачковъ (+ 16 — 6) и Е. И. Ивановъ (+ 14 — 8). Въ это же засѣданіе дума рассмотрѣла послѣднее постановленіе прежняго хозяйственнаго комитета, постановленіе, имѣвшее громадное значеніе для всей послѣдующей жизни училища.

Дѣло въ томъ, что училище ютилось въ старомъ неудобномъ во всѣхъ отношеніяхъ зданіи. Это зданіе—когда то ордонансъ-гаузь, было передано изъ военнаго вѣдомства городу и хотя послѣднимъ и ремонтировалось и пристраивались особыя мастерскія, все же вполнѣ не соотвѣтствовало прежнему положенію училища, а тѣмъ болѣе и новому, когда училище должно было жить по новому уставу. Такимъ образомъ главнымъ вопросомъ для училища было преобразовать свое зданіе, расширить, увеличить его, а это возможно было или постройкою вполнѣ новаго зданія, или постройкою второго этажа. Но у города, по обыкновенію, не было средствъ и дума въ засѣданіи 22 марта 1894 года рѣшила возбудить ходатайство передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о безвозвратномъ пособіи въ размѣрѣ 12 т. рублей на надстройку второго этажа училища. Перестройка ремесленнаго училища производилась хозяйственнымъ способомъ, начавшись съ 1 мая 1899 года. Работы закончились въ 1900 году, причемъ оказалось, что по смѣтѣ назначена была сумма въ 39850 руб. 26 коп., а работъ исполнено на 49769 р. 55 к. т. е. болѣе смѣтнаго назначенія на 9919 у. 29 к. Дума въ засѣданіи 25 января 1901 г. нашла возможнымъ принять на городскія средства 4000 р. и выдать ихъ подрядчику въ теченіе 4 лѣтъ по тысячѣ рублей.

Училище перешло въ свое новое помѣщеніе, которое, конечно, не походило на старое зданіе ордонансъ-гауза.

Разсматривая положеніе училища въ настоящее время мы повторимъ всѣмъ извѣстную истину, что число учениковъ растетъ, что потребность въ профессиональномъ образованіи увеличивается. и что учи-

лице не можетъ удовлетворить всѣхъ желающихъ получить это образованіе. Не смотря на то, что расширение училища произошло сравнительно очень недавно, помѣщеніе и особенно мастерскія малы, приходится работать въ двѣ смѣны, одна утромъ до научныхъ занятій, другая днемъ послѣ нихъ. Этотъ распорядокъ отражается крайне неблагоприятно на успѣхахъ тѣхъ учениковъ, которые занимаются въ классахъ послѣ работъ въ мастерскихъ; послѣ 4 часовъ физическаго труда ученики весьма понятно являются на уроки усталыми, утомленными и менѣе воспріимчивыми къ преподаваемому. Составъ учениковъ—дѣти ремесленниковъ и мѣщанъ; по образованію ученики попадаютъ въ ремесленное училище, пройдя приходское училище; главный контингентъ учащихся на слесарномъ отдѣленіи, на столярное почти никто не хочетъ идти. Большинство окончившихъ училище, послѣ реформы его, уже не покидаютъ изученное ими ремесло, не обращаются къ другимъ профессіямъ; но, избѣжавъ того недостатка, который былъ присущъ училищу при прежнемъ его положеніи, училище, конечно, не можетъ повліять на то обстоятельство, что большая половина учениковъ, по окончаніи курса, покидаетъ Оренбургскую губернію.— это обстоятельство объясняется малымъ развитіемъ промышленной жизни города и губерніи. Средній заработокъ окончившаго курсъ ремесленнаго училища 300—500 руб., хотя онъ достигаетъ въ нѣкоторыхъ благопріятныхъ случаяхъ и 1000 руб. въ годъ. На городской службѣ, въ городскихъ промышленныхъ заведеніяхъ, какъ-то: водокачкѣ, электрической станціи, да и въ самомъ училище въ качествѣ помощника слесарнаго мастера служатъ воспитанники ремесленнаго училища. Училище, какъ видимъ, выполняетъ свое назначеніе, но оно по размѣрамъ не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ и это главный недостатокъ училища: число отказовъ въ пріемъ было слѣдующее: въ 1897 г.—44 человека, въ 1898 г.—16, въ 1889 г.—52, въ 1900 г.—20, въ 1901 г.—14, что за пять лѣтъ составитъ внушительную цифру—186 чел.

I.

Наискосокъ ремесленного училища недалеко отъ него, выходя фасадомъ на набережную р. Урала, находится двухъэтажное обширное зданіе, съ башенькой на верху, въ которомъ помѣщается въ нынѣшнее время казенная палата.

Это—бывшій дворецъ генераль-губернаторовъ. Законченъ онъ постройкою при графѣ Перовскомъ, стоилъ, конечно, много денегъ и вызывалъ большія заботы инженернаго вѣдомства — напримѣръ, чугунная рѣшетка на лѣстницѣ вылита по специальному заказу, по рисункамъ петербургскихъ художниковъ.

Съ верхней площадки балкона открывается чудный видъ—прямо впереди течетъ сѣдой Яикъ, зелѣнѣетъ зауральная роща, виднѣются постройки мѣнового двора, а дальше пошла безконечно унылая степь, съ своимъ сѣдѣющимъ ковыломъ, съ своими едва замѣтными въ синѣющей дали курганами; позади и съ боковъ представляется панорама города и нало отдать справедливость съ высоты, съ птичьяго полета, городъ Оренбургъ красивъ, а длинные, тонкіе минареты мечетей придаютъ ему своеобразный характеръ.

Съ этой площадки въ былое время графъ Перовскій, какъ повѣствуетъ преданіе, стрѣлялъ орловъ, возбуждая тѣмъ удивленіе со стороны киргизъ, кочующихъ по другой сторонѣ Урала—площадка балкона была любимымъ мѣстомъ отдохновенія графа.

Считаемъ удобнымъ привести списокъ главныхъ начальниковъ края.

Начальники Оренбургской экспедиціи:

1. Иванъ Ивановичъ Кирилловъ (1734—1737).
2. Василій Николаевичъ Татищевъ (1737—1739).
3. Князь Василій Алексѣевичъ Урусовъ (1739—1741).

Оренбургскіе губернаторы:

4. Иванъ Ивановичъ Неплюевъ (1742—1758).
5. Афанасій Романовичъ Давыдовъ (1758—1762).
6. Дмитрій Васильевичъ Волковъ (1763—1764).

7. Князь Авраамъ Артамоновичъ Пугатинъ
(1764—1768).
8. Иванъ Андреевичъ Рейнсдорпъ (1768—1781).

Омбурскіе и Уфимскіе генералъ-губернаторы:

9. Иванъ Варѣоломеевичъ Якоби (1781—1782).
10. Акимъ Ивановичъ Апухтинъ (1782—1784).
11. Баронъ Осипъ Андреевичъ Игельстромъ
(1784—1792).
12. Александръ Александровъ Неутлингъ (1792—1794).
13. Сергѣй Космичъ Вязмитиновъ (1795—1796).

Оренбургскіе военные губернаторы.

14. Баронъ Осипъ Андреевичъ Игельстромъ
(1796—1798).
15. Николай Николаевичъ Бахметевъ (1798—1803).
16. Князь Григорій Семеновичъ Волконскій
(1803—1817).
17. Графъ Петръ Кирилловичъ Эссенъ (1817—1830).
18. Графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ II
(1830—1833).
19. Василій Алексѣевичъ Перовскій (1833—1842).
20. Владиміръ Аванасьевичъ Обручевъ (1842—1851).

Оренбургскіе и Самарскіе генералъ-губернаторы:

21. Графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій
(1851—1857).
22. Александръ Андреевичъ Катенинъ (1857—1860).
23. Александръ Павловичъ Безакъ (1860—1864).
24. Николай Андреевичъ Крыжановскій (1864—1881).

Оренбургскіе губернаторы:

25. Михаилъ Ивановичъ Астафьевъ (1881—1884).
26. Николай Алексѣевичъ Маслоковецъ (1884—1892).
27. Владиміръ Ивановичъ Ершовъ (1892—1899).
28. Яковъ Ѳедоровичъ Барабашъ (1899—1906).
29. Баронъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Таубе (1906).
30. Владиміръ Ѳедоровичъ Ожаровскій (1907).

Итого 30 лицъ подъ разными именоваіями управляли Оренбургомъ и Оренбургскимъ краемъ. Сперва были начальники оренбургской экспедиціи, затѣмъ появились губернаторы, они смѣнились симбирскими и уфимскими генераль-губернаторами, на мѣсто ихъ военные губернаторы, затѣмъ снова генераль-губернаторы и наконецъ просто губернаторы.

Трое лицъ пребыли всего по году, пятеро лицъ по два года, четверо—по три года, трое—по четыре года, одинъ—пять, одинъ—шесть лѣтъ, двое по семи лѣтъ и двое же по восьми, по девяти и по тринадцати лѣтъ, одинъ—14 лѣтъ, одинъ—16 и одинъ 17 лѣтъ. Двое лицъ управляли краемъ дважды—баронъ Игельстромъ въ теченіи 10 лѣтъ (съ 1784 по 1792 и 1796—1798) и В. А. Перовскій въ теченіе 15 лѣтъ (съ 1833 по 1842 и съ 1851—1857 г.).

Изъ этихъ начальниковъ двое умерло въ самомъ Оренбургѣ—военный губернаторъ графъ Сухтеленъ и просто губернаторъ Астафьевъ.

Первые два начальника оренбургской экспедиціи были учениками великаго преобразователя Россіи Петра I, прежде чѣмъ они были назначены въ оренбургскій край, они уже составили себѣ имя.

Кирилловъ—одинъ изъ талантливѣйшихъ русскихъ самородковъ, достигъ всего своимъ горбомъ,—безъ всякаго систематическаго образованія, научившійся какимъ то путемъ грамотѣ, онъ началъ службу съ самыхъ низкихъ чиновъ при Сенатѣ и постепенно повышался. Конечно, кромѣ непосредственной службы, кромѣ писанія разныхъ указовъ у Кириллова было особенное занятіе—его любимое занятіе, то дѣло души, которое заставляетъ человѣка выдвинуться изъ многомилліонной арміи людей и сохранить свое имя потомству. Это занятіе было географія; Кирилловъ собиралъ и разработывалъ тѣ немногочисленные ландкарты, которыя у насъ существовали въ его время. Познать свою землю—было тогда стремленіемъ большинства и вполне соответствовали видамъ Императора. Ему-то больше чѣмъ кому либо надо было знать Россію и знать точно, чтобы увѣреннѣе дѣйствовать

въ своихъ преобразованіяхъ. Занятіе ландкартами, сочиненіе атласа—выдвинуло Кириллова, а составленный имъ обширный планъ торговли съ индіей, черезъ средне-азіатскія владѣнія доставилъ ему честь быть первымъ начальникомъ тогда еще не существовавшаго оренбургскаго края, быть піонеромъ въ пріобрѣтеніи громаднѣйшей области.

И какъ истинный дѣятель Кирилловъ умеръ на своемъ посту, умеръ среди отдаленной Башкиріи. Его планъ, составленный теоретически, на основаніи однихъ умозаключеній, оказался не такъ то легко осуществимымъ. Пришлось не мечтать о устроеніи флотиліи на Аральскомъ морѣ, пришлось думать не о снаряженіи торговыхъ каравановъ изъ Оренбурга черезъ киргизскую степь въ богатую золотомъ, пряностями, драгоценными камнями и тонкими тканями благодатную Индію—обо всемъ этомъ писалъ въ своемъ проектѣ Кирилловъ. Нѣтъ, пришлось вести упорную, кровавую борьбу за каждый шагъ, за каждый кусочекъ номинально числящейся за ними земли, и вести борьбу на два фронта, съ двумя народностями, тоже номинально состоящими въ нашемъ подданствѣ. Съ боковъ давили башкиры, которыя понимали, что ихъ владычества пришелъ конецъ, а впереди были воинственные номады киргизы, дѣти привольно-безконечныхъ степей, то появлявшіися передъ русскими войсками, внезапно нападавшіе на русскія поселенія и также внезапно пропадавшіе въ своихъ казавшихся безконечными, безграницными степяхъ.

Борьбу началъ Кирилловъ, ее продолжали Татищевъ, Урусовъ и закончилъ Неплюевъ. Такимъ образомъ первые 25 лѣтъ существованія края приходилось думать не о колонизаціи—а о усмиреніи. Планъ этого усмиренія нарисовалъ еще Кирилловъ, остальные его замѣстители только развивали его планъ.

А планъ былъ очень простъ—прежде всего надо было обхватить желѣзнымъ кольцомъ крѣпостей находящуюся въ нашемъ подданствѣ—Башкирію, презрѣвъ ее такимъ образомъ изъ окраины въ болѣе или менѣе центральную провинцію, затѣмъ точно та-

кимъ же способомъ надлежало взяться и за киргизовъ, за степь. Постепенно годъ за годомъ, шагъ за шагомъ, надо было выдвигать въ степь носящіе такое характерное наименованіе «линіи» ряды крѣпостей, удаляясь все дальше и дальше въ необозримую даль степи... А что впереди? А впереди богатые области—оазисы средней Азіи—впереди Мервъ, Ташкентъ, Хива и Бухара, а тамъ такъ долгожданная желанная Индія.

Кирилловъ положилъ лишь начало—тяжелый недугъ—чахотка—сразила талантливаго самородка. Главнѣйшую его ошибку—слишкомъ удаленное положеніе Оренбурга, внутри степи, началъ исправлять Татищевъ и закончилъ Неплюевъ.

Татищевъ—отецъ русской исторіи, опять повторяемъ, ученикъ Петра I былъ также разнообразенъ въ своихъ занятіяхъ, какъ и его учитель. Посоль въ Швеціи, начальникъ горныхъ заводовъ, губернаторъ въ Оренбургѣ и Астрахани, Татищевъ все время служилъ одной идеѣ, его богиней была наука: и гдѣ бы онъ ни былъ, въ какомъ жизненномъ положеніи онъ не находился, онъ не забывалъ своей богини и собиралъ одинъ за другимъ вклады въ сокровищницу русской науки.

Не зная иностранныхъ языковъ въ молодости, онъ выучился нѣмецкому языку въ зрѣлыхъ годахъ, не получивъ даже крохъ отъ европейской науки, онъ своимъ зоркимъ трезвенно-скептическимъ умомъ предвидѣлъ очень далеко, и вмѣсто схоластики, еще царившей въ наукѣ, онъ прокладывалъ натуральные пути.

Не вѣря въ вѣдьмъ, спася отъ костра несчастную крестьянку старуху въ Польшѣ, онъ также не вѣрилъ въ тѣ отвлеченныя формулы, которыми снабдило его отечество, его родной домъ—старыхъ московскихъ бояръ.

Онъ требовалъ и жаждалъ только фактовъ и эти факты онъ собиралъ всю свою жизнь: за границею въ Кенигсгольмѣ онъ отыскиваетъ лѣтопись, въ Швеціи труды Манькова, на Уралѣ и въ Сибири сибир-

скіе первоисточники составляет словари языковъ иноролцевъ. составляет словарь географіи Россіи и наконецъ сочиняетъ свою исторію російскую, которую—такъ какъ она показалась слишкомъ вольнодумною російскому духовенству—мечтаетъ издать за границей.

Въ Оренбургѣ онъ пробылъ не долго, но онъ положилъ начало новымъ дѣйствіямъ русскихъ въ колонизуемомъ краѣ—кромѣ крѣпостей и завоеванія войскомъ есть другой способъ завоеванія—культурнымъ путемъ, путемъ поднятія цивилизаціи, путемъ хорошо дисциплинированной, знающей, административной власти. Для перваго—Татищевъ открылъ въ Самарѣ школу для калмыковъ и татаръ, для второго—онъ возобновилъ коллегіальное управленіе среди властей.

Но, конечно, это были одни попытки, одни намеренія, которыя не могли привиться къ жизни, жизнь была слишкомъ груба, и все болѣе или менѣе гуманныя начинанія, которые проводилъ по отношенію башкиръ и киргизъ Татищевъ, пожалуй, оказали менѣе вліянія, принесли меньше пользы, чѣмъ кровавыя казни, которыми дѣйствовалъ замѣститель Татищевъ—князь Урусовъ.

Потоками лилась кровь, непрерывнымъ заревомъ горящихъ башкирскихъ деревень освѣщались небеса, сотни, тысячи башкиръ уводились въ Сибирь, во внутренность Россіи, поступали въ крѣпостную зависимость, вислицы, колья, отрѣзаніе ушей, носовъ, языка были обычными мѣрами—и они если не усмирили волненій, то хотя нѣсколько утушили его.

Неплюевъ... но о Неплюевѣ существуетъ цѣлыхъ два тома изслѣдованія г. Витковского. Отдавая все должное труду почтеннаго изслѣдователя, мы все же не можемъ не указать на два значительныхъ на нашъ взглядъ недостатка этого обширнаго научнаго труда.

Первый недостатокъ заключается въ томъ, что г. Витковскій рѣшился стать не біографомъ Неплюева, а его панегиристомъ. Все, что ни сдѣлалъ Неплюевъ, великолѣпно, даже болѣе того геніально. Это стремленіе видѣть въ Неплюевѣ лишь одни положитель-

ныя черты безспорно выразилось односторонностью труда г. Витковского. Далѣе, изслѣдователь не оставался объективнымъ историкомъ, онъ не только анализировалъ факты жизни края подъ управленіемъ Неплюева, но онъ ихъ подводилъ подъ извѣстную, слишкомъ одностороннюю—крайне славянофильскую—точку зрѣнія. Отъ этого съ одной стороны въ трудѣ Витковского является нарисованными слишкомъ черными тонами картины распространенія ислама, а съ другой стороны очень радужно различныя миссіонерскія дѣянія.

Историкъ не можетъ принадлежать ни къ одной политической партіи—онъ долженъ быть внѣ партій. Онъ долженъ дать фактическій матеріалъ и указать на тѣ логически необходимыя слѣдствія, которыя вытекаютъ изъ этого матеріала—здѣсь нѣтъ мѣста симпатіямъ и антипатіямъ. Извѣстная эпоха, извѣстное экономическое развитіе страны, соотношеніе производительныхъ силъ вызываютъ тѣ или иные реформы, даютъ ту или иную окраску общественнымъ дѣятелямъ.

Что можетъ быть ужаснѣе, что можетъ больше возмущать человѣка—какъ крѣпостное право, какъ владычество одного человѣка надъ другими. А между тѣмъ въ извѣстныя эпохи развитія рода человѣческаго и «крѣпостное право» было шагомъ впередъ, было прогрессомъ—оно экономически обезпечивало извѣстный классъ людей, оно давало возможность развиваться производительнымъ силамъ—и давало такимъ образомъ толчекъ для дальнѣйшаго прогресса человечества.

Все это забывается г. Витковскимъ и вслѣдствіе этого образъ Неплюева, нарисованный имъ, выходитъ гораздо блѣднѣе, гораздо тусклѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

И прежде всего Неплюевъ явился на аренѣ дѣйствія—въ оренбургскомъ краѣ—черезъ 7 лѣтъ послѣ начала первыхъ дѣйствій русскаго оружія. Много было сдѣлано и главное много было ошибокъ. Нужно было ихъ исправлять. И Неплюевъ началъ свою ра-

боту онъ въ своемъ стремленіи подчинить край русскому большинству не брезгалъ ни какими средствами. Борбу, какъ мы и указали выше, приходилось вести на два фронта съ башкирами и киргизами. Неплюевъ и воспользовался всегда существующей между полуцивилизированными народами племенной распреею. Подложные указы посылались Неплюевымъ къ башкирамъ и киргизамъ, въ которыхъ одна національность изглаживалась на другую. Допустивъ нападеніе киргизъ на башкиръ, Неплюевъ позволялъ и башкирамъ напасть на киргизъ -- и такимъ образомъ ослаблялъ эти національности, не гтая русскихъ силъ.

Дать, Неплюевъ, дѣйствительно, хорошо изучилъ характеръ инородцевъ и играть на ихъ слабыхъ стрункахъ: богатые помарки, почести высшему классу населенія, дарованіе имъ различныхъ привилегій и подчиненіе имъ общественныхъ пизовъ инородцевъ, имѣло громадное значеніе.

А въ случаѣ надобности Неплюевъ проявлялъ военную силу и поступать безпощадно.

Съ эти дѣйствія могутъ показаться на нынѣшній взглядъ непривлекательными -- но, конечно, они не могутъ назваться таковыми.

На аренѣ исторической жизни столкнулись двѣ силы: русская національность въ своемъ колонизаторскомъ движеніи на востокъ -- съ помощью башкирской и киргизской. Это столкновеніе стало фактомъ. Въ дѣлѣ какихъ причинъ, это другой вопросъ, о которомъ отвѣтъ бы насъ слишкомъ далеко отвелъ отъ нашего изслѣдованія. Но съ фактомъ нужно считаться. Мы знаемъ теперь, что для слиянія инородцевъ съ болѣе культурной націей могущественнымъ факторомъ является культурное вліяніе, но это мы знаемъ теперь, въ XX вѣкѣ, когда весь родъ людской начинаетъ переживать новую эволюцію социальную. Неплюевъ же дѣйствовалъ въ XVIII вѣкѣ, когда культура Россіи только по внѣшности отличалась отъ культуры оорющагося съ нами народа -- у насъ былъ перохъ, а у него лукъ и стрѣлы. Следовательно, къ той эпохѣ нельзя предъявлять требо-

ни, выработанных настоящим временем. они были бы в первых, непоняты. а во вторых и не приложимы.

И все эти распоряженія Неплюева, какъ ни безнравственны они на нашъ современный взглядъ, именно, показываютъ административное дарованіе Неплюева, его умѣніе разобратся въ обстоятельствахъ и дѣйствовать наивыгоднѣйшимъ образомъ. Петаромъ же Неплюевъ былъ посломъ въ Константинополь.

Ослабивъ такимъ образомъ нашихъ враговъ— Неплюевъ сталъ на нихъ дѣйствовать страшною силою— силою золота. Онъ завелъ съ ними торговые сношенія, причѣмъ самую торговлю поставилъ подъ бдительный контроль власти, сосредоточивъ ее въ двухъ мѣстахъ Троицкѣ и Оренбургѣ. Торговля съ одной стороны доставляла правительству громадныя средства,— таможенный сборъ а съ другой дѣйствовала умиротворяюще на инородца, дѣлала возможнымъ съ нимъ сношеніе не только при помощи меча и огня.

И такъ, Неплюевъ былъ, прежде всего и главнымъ образомъ, опытный администраторъ. Вся его заслуга заключается въ томъ, что онъ умѣлъ воспользоваться ошибками своихъ предшественниковъ и кромѣ того успѣшно развилъ тѣ начинанія ихъ, которыя имѣли подъ собою фактическое основаніе.

Оренбургъ можетъ гордиться Неплюевымъ, такъ какъ Неплюевъ былъ основателемъ города и сдѣлалъ многое для города: 26 августа 1713 года Орскій торгъ былъ переведенъ въ Оренбургъ, 27 марта 1751 года было дано дозволеніе вымѣнивать на товары золото и серебро, привозимые въ Оренбургъ азіатскими купцами, наконецъ 22 января 1752 года была учреждена отъ Оренбурга почта.

Весьма понятно, что усиленно заботиться о городѣ Оренбургѣ Неплюевъ не могъ, такъ какъ его вниманіе было обращено на умирненія края— забота о городѣ принадлежитъ тремъ начальникамъ края графу Сухтелену (какъ мы указали уже выше), графу Перовскому и генералу Н. А. Крыжановскому.

Изъ слѣдующихъ начальниковъ выдѣлился Дмит-

рій Васильевичъ Волковъ — секретарь Петра III. Назначеніе его Оренбургскимъ губернаторомъ было почетною ссылкою, но изъ этой ссылки Волковъ прислалъ Императрицѣ Екатеринѣ II замѣчательный документъ — записку о состояніи Оренбургскаго края и мы позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что Императрица въ своихъ дальнѣйшихъ предначертаніяхъ и заботахъ о краѣ руководилась этимъ документомъ. Разборъ этого документа дѣло историка Оренбургскаго края.

Изъ дальнѣйшихъ начальниковъ края обратимъ наше вниманіе на двоихъ — на графа В. А. Перовскаго и П. А. Крыжановскаго.

Личность В. А. Перовскаго въ высокой степени интересная и главнымъ образомъ потому, что въ немъ и свѣтъ и тѣни человѣческой души отрожились слишкомъ рельефно.

Воспитанникъ и другъ Жуковскаго, этого незлобиваго поэта, участникъ похода 1812 года, взятый въ плѣнъ въ Москвѣ, личный адъютантъ и другъ Императора Николая I, человѣкъ, происхожденіе котораго было покрыто таинственностью, братъ двухъ выдающихся дѣятелей Россіи — харьковскаго попечителя и литератора Погорьльскаго и министра внутреннихъ дѣлъ Л. Перовскаго — Василій Алексѣевичъ Перовскій былъ въ высокой степени незаурядной личностью — но въ немъ соединилось европейское образованіе съ азіатчиною. Успѣхъ, которымъ онъ пользовался въ жизни, иногда кружилъ ему голову и онъ не могъ удержаться отъ такихъ комбинацій, которыя можетъ быть онъ и не сдѣлалъ бы послѣ долгого размышленія. Примеромъ подобной ошибки служить неудачный Хивинскій походъ. Про неудачу этого похода Перовскаго предупреждали, но онъ, вѣря въ свою звѣзду, пошелъ — и потерпѣлъ рѣшительное пораженіе. Это пораженіе отъ Хивы имѣло громадное значеніе и надолго остановило наступательное движеніе Россіи во внутрь средне-азіатскихъ степей.

Такъ и большинство начинаній Перовскаго — по основной идеѣ они блестящи (мы приводили выше

примѣръ училище дѣсоводства и земледѣлія, но при выполненіи, при проведеніи въ жизнь они были несостоятельны и плоды отъ нихъ слишкомъ ничтожны...

Какой то злой рокъ преслѣдовалъ Перовскаго— слѣдующій начальникъ оренбургскаго края Обручевъ считалъ какъ будто прямою своею обязанностию не продолжать начинанія Перовскаго, а наоборотъ, дѣлать какъ разъ противоположное понятнo, что въ результатѣ страдало населеніе края.

Городъ Оренбургъ обязанъ Перовскому построеніемъ чуть ли не $\frac{3}{4}$ настоящихъ зданій: караванъ-сарай, контрольная палата, общественное собраніе, домъ казенной палаты, казармы—все построено Перовскимъ, при Перовскомъ же было обращено серьезное вниманіе и на благоустройство города.

Николай Андреевичъ Крыжановскій, артиллеристъ по образованію, студентъ берлинскаго университета, сохранилъ по себѣ главнымъ образомъ печальную память—при немъ была ревизія сенатора Ковалевскаго, было установлено хищеніе баткирскихъ земель, послѣдствіемъ чего было упраздненіе оренбургскаго генераль-губернаторства.

Личной корысти Н. А. Крыжановскій не преслѣдовалъ, онъ былъ безусловно честный человѣкъ, но печально сложившіяся семейныя отношенія по работа среди продажныхъ людей, среди продажнаго строя, дали послѣдствія тяжелыя и печальныя для Крыжановскаго, онъ сошелъ въ могилу опозоренный, принявъ на себя, какъ главный начальникъ края, всѣхъ преступленія, которыя дѣлались его подчиненными. Можно вполне убѣжденно утверждать, что Крыжановскій виноватъ только въ одномъ, онъ не вѣдалъ и не зналъ, что дѣлають его подчиненные—если бы онъ могъ даже заподозрить виновность, онъ не пощадилъ бы виноватыхъ...

Мы неоднократно встрѣчали въ предыдущемъ изложеніи имя Крыжановскаго и заслуги его передъ городомъ Оренбургомъ болѣе чѣмъ велики... Но городъ ничемъ не почтилъ память этого генераль-губернатора.

1881 годъ всего 25 годами отдаченъ отъ насъ, многіе дѣятели того времени еще живы и не настало время говорить...

II.

Напротивъ домовъ казенной палаты и второго корпуса помѣщается бульваръ. Свое начало получилъ во времена генераль-губернатора Катенина, который сдѣлалъ распоряженіе о насажденіи бульвара. Бульваръ на одномъ своемъ концѣ имѣетъ Введенскую церковь построенную при Неплюевѣ, и бывшую зимнимъ соборомъ, а на другомъ концѣ бульвара находится когда то генераль-губернаторскія, а теперь общества садоводства оранжереи. Городское управленіе прилагаетъ много заботъ къ внѣшнему благоустройству бульвара и онъ, дѣйствительно, является лучшимъ уголкомъ Оренбурга.

Ниже Введенской церкви у самого Урала помѣщается электрическая станція. Прежде чѣмъ описывать какъ произошла «электрическая эпопея», скажемъ нѣсколько словъ вообще о томъ, какъ освѣщался городъ Оренбургъ во все время своего существованія.

Первая забота о городскомъ освѣщеніи появилась въ 30-хъ годахъ, когда графъ В. А. Перовскій распорядился устройству по главной губернской улицѣ, не носящей еще названія Николаевской, 16 фонарей. Фонари эти были устроены Шербачевымъ, полцимемейстеромъ города Оренбурга, но едва совершился самый фактъ устройства, какъ Перовскій извѣщаетъ оренбургскую шестигласную думу, что по его приказанію штрафная сумма, получаемая съ обывателя города Оренбурга за бродячій по улицамъ скотъ, не будетъ больше оставаться при полиціи, а будетъ пересылаться въ думу и послѣдняя, получивъ, такимъ образомъ, приращеніе доходовъ, должна отпускать необходимые средства на освѣщеніе города. Слѣдовательно «освѣщать городъ» обязанъ былъ полицимейстеръ, а давать деньги дума.

Получила дума эту бумагу и обратилась съ за-

просомъ къ полицмейстеру: «а на какое число уличныхъ фонарей потребно содержаніе, гдѣ именно и сколько ихъ устроено и чего будетъ стоить годовое освѣщеніе».

Дума, которая вѣдала городомъ и городскимъ хозяйствомъ, такимъ образомъ, не знала, гдѣ устроены фонари, какое ихъ число. Отношеніе, какъ видимъ чисто канцелярское, — нѣтъ сомнѣнія, что дума знала, гдѣ и сколько поставлено фонарей, хоили, любовались, дивились на эти фонари, но все это дѣлали какъ обыватели, когда пришла бумага, они поступили по бумажному. На запросъ полицмейстеръ отвѣтилъ не сразу, думѣ пришлось послать вторую бумагу 16 августа 1835 года и только тогда полицмейстеръ извѣстилъ думу, что поставлено 16 фонарей, освѣщающія они конопляннымъ масломъ въ течение семи мѣсяцевъ, октябрь — апрѣль, на освѣщеніе потребно 42 пуда 24 фунта масла, общее количество расхода выразится въ 705 руб. 60 коп. — счетъ, конечно, на ассигнаціи. Означенныя деньги 705 руб. 60 коп. полицмейстеръ и просилъ выслать къ нему въ полицейское управленіе. Но тутъ дума оказалась на высотѣ положенія. Она стала разбирать составленную полицмейстеромъ смѣту и увидѣла, что полицмейстеръ поставилъ цѣну за коноплянное масло огуломъ — 16 рублей за пудъ, такая цѣна, по мнѣнію думы, была непомѣрно велика, коноплянное масло можно было купить и за 12 рублей за пудъ. И вотъ дума запрашиваетъ гражданскаго губернатора, какъ ей дѣлать расчетъ съ полицмейстеромъ, выслать ли всю сумму, которую требуетъ полицмейстеръ, или отсылать по мѣрѣ надобности, справляясь съ дѣйствительно существующею цѣною. Конечно, губернаторъ отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что нужно руководиться справочными цѣнами. Дума такъ и стала поступать.

Въ 1837 году число фонарей было увеличено на два — у дома военнаго губернатора по бокамъ подъѣзда поставлено два фонаря; въ 1841 году число фонарей достигло уже 32, а расходъ увеличился до 367 руб. 94³/₇ коп., но уже не на ассигнаціи, а на серебро,

что на ассигнаціи составляло 1103 р. 40³/₇ к. И эти тридцать два фонаря были разставлены по той же Николаевской улицѣ, отъ нынѣшняго окружнаго суда до набережной рѣки Урала, одинъ фонарь стоялъ между прочимъ, у злANIA думы.

Число фонарей росло такъ успѣшно только первые годы, достигнувъ 32, оно такъ и оставалось вплоть до 1853 года. Освѣщеніемъ, по прежнему, завѣдывалъ полицмейстеръ чрезъ своихъ полицейскихъ служителей, дума лишь отпускала деньги. Но въ 1851 году оренбургскій генераль-губернаторъ нашелъ, что освѣтить городъ Оренбургъ 32 фонарями, конечно, мудро, и рѣшено было увеличить число фонарей до 96. Но пока занялись составленіемъ смѣты предстоящихъ расходовъ, пока собирали справки, бели утомительную переписку, изъ Петербурга на имя генераль-губернатора пришло новое предложеніе ввести спиртокапельное освѣщеніе, при которомъ лампа представляла изъ себя металлическую коробку, въ стѣнку которой ввинчивалась трубка съ свѣтильною, трубка на верхнемъ концѣ имѣла нѣсколько дырочекъ. Въ лампу наливалась смѣсь спирта со скипидаромъ (въ пропорціи на 78 ведеръ спирта 22 ведра скипидара) трубка подогревалась и жидкость, поднимаясь по свѣтильнѣ, обращалась въ газъ и горѣла. Свѣтъ получался, по мнѣнію проекта, восхитительный.

Неизвѣстно, былъ бы проведенъ этотъ проектъ въ жизнь въ Оренбургѣ, если бы не одно случайное обстоятельство. Въ Уфимскомъ уѣздѣ—тогда и городъ **Уфа** съ уѣздомъ входилъ въ Оренбургскую губернію—жилъ богатый помещикъ меценатъ, поощритель всѣхъ нововведеній Иванъ Федоровичъ Базилевскій. Онъ выразилъ желаніе пожертвовать для города Уфы двѣсти такихъ фонарей, а мѣстный откупщикъ, конечно, изъ соревнованія, бесплатно предложилъ и самой жидкости для освѣщенія. Пожертвованіе дѣлалось для города Уфы, но городское управленіе—шестигласная дума—не могла самостоятельно принять этого дара, а должна была за разрѣшеніемъ обратиться по начальству. Губернское начальство и разсудило—доходы **Уфы**

слишкомъ незначительны, «содержать», какъ говорилось въ то время, — 200 фонарей городъ Уфа былъ не въ состояніи и губернское начальство распорядилось даръ Базилевскаго раздѣлить пополамъ — 100 фонарей оставить для города Уфы, а 100 огослать въ Оренбургъ. Конечно, Базилевскій изъявилъ свое согласіе на такое распоряженіе его даромъ и уфимская дума наняла за 21 рубль серебромъ возчика, чтобы перевести его фонарей въ Оренбургъ. Фонари были уложены въ десяти ящикахъ и вѣсили 105 пудовъ, возчикъ получилъ авансомъ 10 рублей, а остальные 11 рублей долженъ былъ получить на мѣстѣ въ Оренбургѣ, куда фонари и отпавились по первопутку — 25 ноября 1853 года. 4 декабря того же года оренбургская дума получила планъ размѣщенія фонарей по городу, — безъ сомнѣнія, планъ прошелъ обычныя мытарства, побывавъ и въ строительномъ комитетѣ и въ губернскомъ правленіи и на утвержденіи генералъ-губернатора. По плану эти фонари надо было размѣстить слѣдующимъ образомъ: 41 фонарь по Николаевской улицѣ, разставивъ другъ отъ друга на 40 сажень, 12 фонарей по Троицкой (на разстояніи 40 сажень), 10 по Гостиннодворской, 10 по Орской, 12 по Неплюевской (на разстояніи 40 сажень) и 15 на Вольной-Уральской (на разстояніи 45 сажень). По табели освѣщенія полагалось каждому фонарю горѣть: въ ноябрѣ, декабрѣ, генварѣ по 7 часовъ, февралѣ и октябрѣ по 6½, мартѣ по 5 часовъ въ ночь, всего потребно было 277 ведеръ 1⁶¹⁶/₂₃₈₈ штофа жидкости. Неизвѣстно, конечно, при помощи какой мѣры отмѣрялось шестьсотъ шестнадцать двѣ тысячи триста восемьдесятъ восьмая доли штофа.

Фонари были получены изъ Уфы, сама же оренбургская дума должна была изготовить для нихъ 68 столбовъ, пять деревянныхъ лѣстницъ, 10 корзинъ съ коромыслами, два табурета, двѣ скамьи, два стола и одинъ стулъ — табуреты, скамьи, столы предназначались для депо. И лишь съ 1 января 1854 года былъ произведенъ опытъ освѣщенія, 1 октября 1854 года загорѣлись и всѣ сто фонарей.

Спирто-скипидарное освѣщеніе существовало вплоть до 1864 года, за это десятилѣтіе число фонарей увеличилось 22 фонарями— двадцать пожертвовалъ купецъ Михаилъ Мякинковъ для того, чтобы освѣтить дорогу на старую слободу, а два на городской счетъ были поставлены у генераль-губернаторскаго дома.

Расходъ на освѣщеніе былъ не одинаковъ и зависилъ главнымъ образомъ отъ цѣны на спиртъ и скипидаръ. Восблице получение спирто-скипидарной жидкости въ городѣ Оренбургѣ было очень затруднительно, жидкость выписывалась изъ Уфы, получалась неаккуратно, отсюда понятно, что и фонари цѣлыми почками не горѣли, генераль-губернаторъ сердился за темноту, взыскивалъ на полицмейстерѣ, послѣдній дѣлалъ запросы въ думу, а дума отвѣчала—она и рада бы освѣщать хорошо, да не можетъ, губернское правленіе не утверждаетъ предположеній думы, но 22 января 1864 года состоялась общая дума, причѣмъ въ протоколѣ ея значится: «общимъ собраніемъ дворянъ, чиновниковъ, почетныхъ гражданъ, купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ—до сихъ поръ общая дума состояла лишь изъ купцовъ и мѣщанъ—рѣшено было увеличить число фонарей на 100, т. е. довести до двухсотъ и вмѣсто спирто-освѣтительной жидкости употреблять стеариновыя свѣчи. Такихъ свѣчей на 200 фонарей въ годъ было потребно всего 140 пудовъ, такъ что освѣщеніе стоило не дороже спирто-скипидарной жидкости, а свѣтъ отъ стеариновыхъ свѣчей, по увѣренію тогдашняго городского головы, ничѣмъ не хуже хваленой спирто-скипидарной жидкости, а можетъ быть даже и лучше.

Такимъ образомъ, въ Оренбургѣ вводился третій способъ освѣщенія города: съ 1834 по 1853 годъ городъ освѣщался конопляннымъ масломъ, съ 1853 по 1864—спирто-скипидарною жидкостью и наконецъ съ 1864 года стеариновыми свѣчами «пятирякомъ на фунтъ»—какъ тогда писалось. Освѣщеніе стеариновыми свѣчами было до 29 іюня 1866 года, когда оно замѣнилось керасиномъ.

Мы не нашли дѣль (надо полагать сторѣли въ пожаръ 1879 года), какъ вводилось въ городѣ керо. и-новое освѣщеніе, но можемъ сказать, что до 1876 года городъ освѣщался тѣми же 300 фонарями, которые были устроены въ началѣ 60-хъ годовъ: съ 1876 года дума увеличила число фонарей еще на 300. Первое время фонари освѣщались подряднымъ способомъ и цѣбы на освѣщеніе были слѣдующія:

съ 1 авг. 1877 г. по 1 авг. 1880 г.	фонарь	оъ	1 р. 98 к.	до 1 р. 38 к.
съ 1 авг. 1880 г. по 1 авг. 1883 г.	..	..	1 р. 34 1/2 к.	.. 99 к.
съ 1 авг. 1883 г. по 1 авг. 1886 г.	..	..	1 р. 30 к.	.. 88 к.
съ 1 авг. 1886 г. по 1 авг. 1889 г.	..	..	1 р. 14 1/4 к.	.. 71 3/4 к.
съ 1 авг. 1889 г. по 1 авг. 1892 г.	..	..	98 1/4 к.	.. 72 1/4 к.
съ 1 авг. 1892 г. по 1 авг. 1895 г.	..	..	95 к.	.. 70 к.

Общій расходъ на освѣщеніе за 15 лѣтъ, съ 1880 по 1895 г. выразился въ 96881 р. 5 к. Въ то же время была сдѣлана попытка ввести въ Оренбургъ газовое освѣщеніе.

6 іюля 1877 года въ городскую управу поступило заявленіе германскаго подданнаго Банцифаціуса Карловича Циммерманъ, инженеръ-техника, члена Императорскихъ большихъ русскихъ экономическихъ обществъ въ Петербургѣ и Москвѣ (sic), получившаго большую серебрянную медаль, члена технического общества въ Бернѣ (Швейцарія) и многихъ другихъ обществъ въ Германіи (такъва подпись подъ заявленіемъ). Этотъ членъ «большихъ русскихъ экономическихъ обществъ» обратился въ городскую управу съ заявленіемъ, въ которомъ, желая облагоденствовать городъ Оренбургъ, просилъ дать ему на сорокъ лѣтъ концессию на освѣщеніе города нефтянымъ газомъ. Освѣщеніе Циммерманъ обязывался устроить въ три года, каждый фонарь долженъ былъ горѣть въ годъ 1500 часовъ плата за фонарь при 600 фонаряхъ 12 р. при 1000 фонаряхъ—11 р. 50 коп., при 2000 фонаряхъ—10 руб., частныя и общественныя и казенныя учрежденія должны были платить за 1000 куб. футъ сожженного газа по 12 руб. Сила фонаря равнялась 9 нормальнымъ авглійскимъ стеариновымъ свѣчамъ. Конечно, Циммерманъ желалъ исключительнаго права на пользованіе освѣщеніемъ города, причемъ, если

пошлина и акцизы на продукты выработки газа будут увеличены, то дума должна повысить плату за освещение. наоборот, если будут изобретены способы удешевляющие производство газа, то Циммерманъ может пущь ввести на своемъ заводу, причемъ плата за освещение не уменьшается. Подъ заводъ должно быть отведено 5 десятинъ земли бесплатно—черезъ сорокъ лѣтъ все сооруженіе поступало въ собственность города. Въ обезпеченіе своей концессіи Циммерманъ представилъ залогъ въ 2 тысячи рублей. Въ концѣ декабря 1878 года Циммерманъ представилъ планъ завода и планъ сѣти газовыхъ трубъ. Газовый заводъ было предположено построить на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится керосиновый складъ Н. П. Савинкова. Отъ завода предполагалось проложить трубу діаметра 200 миллиметровъ къ г. спиталю, гдѣ отъ главной трубы отдѣлялась первая магистраль, постепенно уменьшавшаяся въ своемъ діаметрѣ до 80 миллиметровъ, по Пиликинской улицѣ, причемъ отъ первой магистрали шли вторичныя по Фельдшерской, Телеграфной, Николаевской, Воскресенской и Каргаллинской улицамъ. Главная труба діаметромъ 200 миллиметровъ доходила до Неплюевского кадетскаго корпуса, гдѣ она развѣтвлялась на двѣ трубы, одна шла мимо нынѣшняго собора по Николаевской улицѣ до р. Урала, давая развѣтвленія на поперечныя улицы, другая труба направлялась въ старую слободку. Но произошелъ знаменитый пожаръ 1879 г., болѣе половины города Оренбурга исчезло съ лица земли и проектъ Циммермана такъ и остался проектомъ. Проектъ Циммермана потерпѣлъ фіаско и городъ долженъ былъ удовлетвориться тѣмъ же керосиновымъ освѣщеніемъ. Прежде всего увеличено было число горѣнія, 15 мая 1897 года состоялось думское опредѣленіе, чтобы фонари зажигались въ теченіе 10 мѣсяцевъ, прекращая на время съ 15 мая по 15 іюля. Въ 1890 году была выработана табель числа часовъ освѣщенія, причемъ общее число часовъ горѣнія равнялось 1900 часамъ.

Второй заботой городского управленія за время подряднаго способа освѣщенія была забота о увели-

ченіи числа фонарей. Въ 1883 году поставлено 11 новыхъ фонарей, изъ нихъ 10 на форштадской и конно-сѣнной площади и одинъ у Введенскаго собора; 13 мая 1886 года дума разрѣшила управѣ поставить еще 165 новыхъ фонарей и къ 1890 году число фонарей возрасло до 828, въ этотъ годъ число фонарей увеличилось на 82, которые были поставлены у пожарныхъ крановъ, колодцевъ 3-й и 4-й частяхъ и у водоразборныхъ будокъ.

Плохое освѣщеніе, вѣчныя жалобы и сравнительно значительный расходъ заставляли думу взглянуть посерьезнѣе на этотъ вопросъ, поискать способовъ улучшить освѣщеніе. Первымъ шагомъ въ этомъ отношеніи нужно считать выборъ особой комисіи: изъ гласныхъ Е. М. Вагина, М. П. Ерыгина, Г. Н. Завалишина, О. И. Панкратова и М. И. Рыжкова. Въ дѣлахъ управы не сохранилось документовъ о дѣятельности комисіи, также неизвѣстно сколько времени существовала она. Но, очевидно, выборъ комисіи малымъ помогъ дѣлу, вопросъ объ освѣщеніи оставался безъ движенія, если бы не одно случайное обстоятельство. Въ 1895 году кончался срокъ подряда на освѣщеніе города, конечно, управа заблаговременно стала готовиться къ торгамъ—переписаны были старыя кондиціи, разосланы объявленія, назначены дни торговъ. Но торги не смотря на то, что они производились пять разъ (31 января, 15 мая, 15 іюня, 3 и 17 іюля) были безрезультатны, такъ какъ цѣны запрашивались высокія. Дума постановила слѣлать торги въ шестой разъ и если они не дадутъ пониженія цѣнъ, оставить подрядъ за самарскимъ купцомъ Боберманомъ, какъ выпросившимъ наименьшую цѣну. Но въ дѣло вступилъ оренбургскій вице-губернаторъ П. Н. Соколовскій, исполнявшій въ то время обязанности губернатора. Онъ извѣстилъ управу, что имъ пріостановленъ исполненіемъ журналъ думы и что онъ предлагаетъ управѣ вести дѣло освѣщенія города хозяйственнымъ способомъ... Управа рѣшила послѣдовать совѣту вице-губернатора и доложила объ этомъ думѣ. Дума разрѣшила управѣ освѣщать городъ самой. 24 іюля 1895 года

состоялось управское постановленіе, что звѣдываніе освѣщеніемъ поручается члену управы Скворцову, который знакомъ съ этимъ дѣломъ практически, а въ помощь ему назначается комисаръ Щукінъ. На самыхъ же первыхъ порахъ веденія дѣла хозяйственнымъ способомъ произошелъ слѣдующій курьезъ: какъ только освѣщеніе перешло въ звѣдываніе управы - тотчасъ прекратилось составленіе протоколовъ полиціи о неисправности освѣщенія, хотя освѣщеніе на первыхъ порахъ мало чѣмъ улучшилось. Городской голова запрашиваетъ полицмейстера, отъ котораго получается характерный отвѣтъ: на отношеніе отъ 15 марта за № 60, что освѣщеніе города производится въ настоящее время дурно, но всетаки лучше, чѣмъ оно производилось при бывшемъ контрагентѣ... неудобно составлять протоколы о посвовременномъ зажиганіи и гашеніи фонарей на состоящую подъ вашимъ предсѣдательствомъ управу... но, если угодно, то укажите лицо, на которое можно было составлять протоколы.

Въ заключеніе приводимъ нѣкоторыя статистическія данныя, которыми хотя немного характеризуется вопросъ городского освѣщенія:

Года.	Число фонарей.	Расходъ.		Года.	Число фонарей.	Расходъ.		Года.	Число фонарей.	Расходъ.	
		Р.	К.			Р.	К.			Р.	К.
1835	18	235	20	1885	635	5435	89	1894	—	7702	68
1841	32	367	94 ³	1886	—	5683	26	1895	864	9552	25
1855	100	532	30 ³	1887	—	6282	90	1896	—	8343	55
1857	102	986	34	1888	—	6765	97	1897	—	7647	62
1863	110	1302	96 ¹	1889	828	6573	48	1898	—	9254	70
1881	625	5687	60	1890	—	6306	23	1899	—	—	—
1882	—	5687	60	1891	—	6508	91	1900	—	5560	78
1883	—	6238	35	1892	866	6594	59	1901	—	5224	06
1884	—	6178	—	1893	—	6977	05	1902	1049	10016	78

29 декабря 1894 года начался вопросъ о электрическомъ освѣщеніи. закончился же онъ въ 1903 г. — т. е. тянулся 10 лѣтъ, поднимался и обесуждался на рядѣ думскихъ засѣданій (всего на электрическое освѣщеніе оренбургская дума потратила 40 засѣданій, въ 1896 г.—2, въ 1897—3, въ 1898—9, въ 1899—17 и по три въ 1900, 1901 и 1902 г.). разсматривался чуть ли не безчисленнымъ числомъ разнообразныхъ комисій, возбуждалъ страстные споры и... и породилъ даже цѣлое сказаніе, цѣлую электрическую эпопею... но для разслѣдованія этого вопроса еще не настало время и мы приведемъ только факты.

11 января 1896 года былъ внесенъ управою докладъ о электрическомъ освѣщеніи, 21 іюня 1897 г. было доложено о разрѣшеніи облигаціоннаго займа, 14 іюля 1897 года былъ заключенъ контрактъ съ фирмою Щербакова о устройствѣ электрическаго освѣщенія, выбрана особая комисія для завѣдыванія постройкою станціи, 26 іюля 1900 года былъ произведенъ окончательный расчетъ съ фирмою Щербакова, а въ 1902 году поднялся и разрѣшенъ положительно вопросъ о переустройствѣ станціи...

Постройка электрической станціи одно изъ наиболѣе неудачныхъ начинаній городского управленія.

III.

По другую сторону бульвара помѣщается другое городское сооруженіе—городской водопроводъ. Это тоже долгая и довольно интересная исторія: тянется она съ конца двадцатыхъ годовъ, а имѣнно съ 1827 г., когда графъ Эссенъ обратился къ городскому головѣ прося «всѣхъ и cadaго одушевиться соревнованіемъ на пользу общую, сдѣлать приношенія, соотвѣтственно важности дѣла и составить сумму, сумму, потребную на сооруженіе водопровода».

Для этой цѣли нужно было 20864 р. 65 к.

Сперва думали устроить водопроводъ при помощи лошадей, а потомъ графъ Эссенъ плѣнился планомъ уральскаго механика Меджера и по его совѣту пред-

принять постройку плавающих колесъ, такимъ образомъ, чтобы Ураль самъ снабжалъ жителей своею водою.

Планъ механика Меджера отличался и простотою и удобствомъ, обѣщаль большія выгоды, но не было принято во вниманіе, на первый взглядъ и маленькое обстоятельство—весеннее половодіе.

Въ первую же весну сѣдой Яикъ снесъ всѣ начатыя работы: на глазахъ многихъ жителей сперва покачнулись громадныя, болѣе 30 т. пудовъ вѣса быки, служащіе для поддержки двухъ барокъ, а затѣмъ водою ихъ и опрокинуло *).

Но эта неудача не остановила дальнѣйшихъ попытокъ, хотя одно время рѣшили вмѣсто водопровода воспользоваться артезіанскими колодцами. Денегъ на рытье ихъ (на гостинномъ дворѣ) потрачено было много—а результатовъ не получено вовсе.

Наконецъ, графъ Перовскій устроилъ временный, дѣлшій водопроводъ.

Вотъ въ какомъ видѣ онъ былъ въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ **):

У подошвы крутого каменистаго берега Урала, на искусственномъ уступѣ, возвышенномъ надъ уровнемъ меженныхъ водъ, около 3,5 сажени, въ двухъ отдѣльныхъ каменныхъ строеніяхъ, поставленныхъ рядомъ въ 3 саженьяхъ одно отъ другого, помѣщались двѣ паровыя машины низкаго давленія: одна 8 силъ, другая 20-ти. Машины эти поднимали воду изъ колодца внутри строенія, притекавшую туда изъ рѣки по деревянной трубѣ и изливали ее въ каменный, углубленный въ землю, резервуаръ, устроенный на вершинѣ берега, вмѣстимостью въ 12 тыс. ведеръ, внутри каменнаго строенія, котораго основаніе, равно какъ и другихъ смежныхъ строеній, возвышалось надъ уровнемъ меженныхъ водъ Урала на 15 саженей.

Восьми сильная машина принимала воду по чугунной трубѣ 7 дюймаго діаметра, длиною около

*) Труды арх. ком. вып. XI.

**) Орен. Губ. Вѣд. часть неоф. 1867 г.

425 сажень, вода текла собственною тяжестью по склону въ центрѣ города и наполняло по двѣ тысячи ведеръ въ часъ каменный монументальный бассейнъ, вмѣстимостью въ три тысячи ведеръ (нынѣшній фонтанъ между двумя сквериками). Изъ бассейна этого въ продолженіи нѣскольکو часовъ дня разбирали воду бочками и ведрами посредствомъ семи крановъ.

Отъ этого же бассейна проложена была вѣтвь изъ гончарныхъ трубъ діаметромъ въ 5 дюймовъ по понижающейся мѣстности въ караванъ-сарайскій садъ. Труба эта, снабжавшая садъ водою въ количествѣ не болѣе 5 т. ведеръ въ сутки, проходя черезъ городскую базарную площадь, могла наполнять устроенный тамъ низенькій каменный бассейнъ для зачерпыванія ведрами, вмѣстимостью не болѣе 20-ти сороковыхъ бочекъ, но бассейномъ этимъ никогда не пользовались, потому что продавцы кваса и уличные мальчишки постоянно дѣлали воду негодною для питья, бросая внутрь бассейна разныя нечистоты, отчего вода заражала только воздухъ.

Такое водоснабженіе производилось ежегодно съ весны, когда Уралъ начиналъ входить въ свои берега, а вода освобождалась отъ песку и ила, что наступало не ранѣе половины мая и продолжалось до наступленія первыхъ морозовъ, такъ какъ трубы промерзали -- т. е. до второй половины октября.

Такъ дѣло обстояло въ 1861 году, въ самомъ же концѣ 1864 года 31 декабря происходило освѣщеніе постояннаго водопровода и оренбургское купечество дало по этому поводу обѣдъ покидающему край оренбургскому генераль-губернатору Александру Павловичу Безакъ.

Генераль Безакъ употребилъ большіе усилія, чтобы перестроить водопроводъ. Было высказываемо болыное опасеніе, что вода въ трубахъ, при существовавшихъ сильныхъ морозахъ, будетъ замерзать. Опыты опровергли это описаніе и къ 1865 году были устроены двѣ паровыя машины, резервуаръ на 60 т. ведеръ, заложены водопроводныя магистрали на четыре версты длины.

Такимъ образомъ началъ дѣйствовать первый постоянный водопроводъ въ провинціи.—не надо забывать, что водопроводы въ то время были большою новинкою и что даже въ Петербургѣ производились только опыты для перестройства водопровода, опыты къ тому же неудачные *).

Устроивъ водопроводъ, Безакъ передалъ его въ собственность города. Съ этого времени городъ не жалѣлъ издержекъ на развитие своего водопровода.

Для завѣдыванія имъ нанять былъ инженеръ-технологъ Л. К. Кибиревъ, которому, на коммерческомъ правѣ, поручено было проведеніе вѣтвей въ форштадтъ и старую слободку, а также устройство разборныхъ крановъ и резервуаровъ, на что издержано городомъ 18046 р. 64 к.

Въ 1871 году завѣдываніе водопроводомъ перешло къ Грену, которой завѣдовалъ водопроводомъ долгое время. Въ первые годы своего существованія до 1871 г. городъ отпуская на водопроводъ до 9 т. р., чѣмъ дальше, расходы росли, что видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

	Расходы	Доходы
1873 . . .	14756 р. 38 ³ / ₄ к.	4025 р. 9 к.
1874 . . .	12619 р. 3 к.	3525 р. 21 ¹ / ₂ к.
1879 . . .	11955 р. 27 ¹ / ₂ к.	4590 р. 47 к.

Въ 1875 году завѣдующій водопроводомъ призналъ положеніе водопровода неблагонадежнымъ и потребовалъ отъ города установки новой машины и починки принадлежавшей старой, всего на сумму до 60 тыс. рублей.

И съ 17 февраля 1876 г. вопросъ о переустройствѣ водопровода сталъ разсматриваться въ оренбургской думѣ въ первый разъ. Вообще же перестройка водопровода дѣлалась трижды.

Дума, какъ и обыкновенно бываетъ, выдѣлила особую комисію, которая признала состояніе первой машины высокаго давленія и находящихся при ней

*) Сремб Губ. Вѣд. часть неоф. 1895 № 2.

помпъ псудовлетворительными. а нужду въ исправленіи паровыхъ котловъ и перемѣну кипятильниковъ неотлагательно. кромѣ-того комісія полагала необходимымъ составить проектъ переустройства. Заключение комісії было доложено умъ 2 іюля 1876 года и дума постановила снестись съ механическимъ заводомъ Санъ-Галли въ С.-Петербургѣ, устройшимъ водопроводъ въ оренбургской военной прогимназіи и просить его: не пришлетъ ли онъ своего техника осмотрѣть городской водопроводъ и сказать что будетъ стоить переустройство.

На телеграмму управы заводчикъ Санъ-Галли отвѣтилъ, что главный техникъ его занятъ и что ему необходимо имѣть свѣдѣнія о подробностяхъ, предполагаемыхъ улучшеній въ водопроводѣ.

Опять дѣло затянулось на собираніе свѣдѣній. между тѣмъ чрезвычайно частые пожары въ городѣ и положительно негодные котлы и кипятильники при машинахъ требовали быстрыхъ мѣръ. Въ виду этого городской голова рѣшилъ снестись о стоимости этихъ частей съ заводомъ Шипова, отъ котораго приобрѣтена машина.

Дума 9 августа одобрила это распоряженіе и на покупку котловъ съ кипятильниками постановила употребить часть запаснаго капитала отъ прибылей банка.

Оказалось, что паровая машина въ 30 силъ съ доставкою въ Самару, котлы, кипятильники, насосы обойдутся до 16247 р. и могутъ быть изготовлены не ранѣе весны 1877 года.

Пока шли эти переговоры, въ чуму поступили два заявленія о желаніи эксплуатировать городской водопроводъ.

Первое заявленіе заведующаго водопроводомъ Греномъ, который хотѣлъ взять въ содержаніе городской водопроводъ на 12 лѣтъ съ приплагою ему ежегодно изъ городскихъ суммъ по 20 г. руб. или отдать ему водопроводъ въ аренду на 21 года съ тѣмъ, чтобы въ первомъ случаѣ городъ поставилъ новую машину, провелъ новую вѣтвь къ резервуару и произ-

вель прочія исправленія, а во второмъ выдать бы ему на все это ссуду въ 36 т. рублей съ разсрочкой на 12 лѣтъ и за содержаніе водопровода дозволилъ бы ему вѣзять по 5 коп. съ каждой 40 ведерной бочки или по 12 к. за 100 ведеръ со всѣхъ лицъ, за исключеніемъ пожарныхъ случаевъ, когда вода доставляется бесплатно. Устройство главнаго резервуара Грентъ оставлялъ на обязанности города. По окончаніи аренды водопроводъ въ полной исправности поступалъ бы въ собственность города.

Второе заявленіе было отъ г. Щукина, который предложилъ городу заплатить ему въ первый годъ 20 т. руб., а въ остальные 11 лѣтъ по 15 тыс. руб., т. е. аренда 12 лѣтняя, причемъ за эту плату г. Щукинъ обѣщалъ выстроить водопроводную башню въ городѣ: у самаго водопровода съ трубами туда и обратно къ вѣтви, вмѣстимостью на 30 т. ведеръ, устроить другую башню на 20 т. ведеръ около думы, въ мѣстѣ фонтана, кромѣ того поставить машину въ 30 т. ведеръ. Воды, по исчисленію Щукина, городъ долженъ былъ имѣть въ часъ не менѣе 110 т. ведеръ, кромѣ того Щукинъ хотѣлъ поставить 30 пожарныхъ крановъ.

Обо всемъ этомъ управа доложила думѣ, полагая согласиться на предположенія Щукина. Но дума, выслушавъ докладъ 24 сентября 1876 года, постановила:

а) устроить конкурсъ на составленіе проекта по улучшенію городского водопровода, опредѣливъ три преміи: одна въ 1000 р. и двѣ по 800 р.:

в) провѣзвести починку котловъ на сумму 500 р.;

с) войти въ сношеніе съ заводчиками о немедленной поставкѣ новыхъ котловъ и кипятильниковъ:

д) отпечагать послѣдній докладъ и разослать его гласнымъ *).

Такимъ образомъ въ теченіи цѣлаго 1876 г. шелъ разговоръ о водопроводѣ, а съ 1 января 1877 г. управою былъ нанятъ новый заведующій водопроводомъ, который нашелъ, что у обѣихъ машинъ паровые цилиндры и поршни разбиты и исправлены желѣзными на-

кладками, фундаментъ у машины низкаго давленія полуразрушенъ. паровой котелъ прогорѣлъ, резервуаръ не отапливается. городскіе колодцы поздно закрываются и вода въ оконечностяхъ замерзаетъ*).

Быль сдѣланъ возможный ремонтъ—водопроводъ запыхтѣлъ и все успокоилось.

Между тѣмъ городская управа сдѣлала публикацію составленій проектовъ—на конкурсъ было представлено два проекта завѣдующаго городскимъ водопроводомъ и мѣстнаго заводчика Эверта. Управа почему то направила въ министерство только первый проектъ, министерство одобрило проектъ—объ этомъ было доложено думѣ 19 марта 1880 года и дума постановила выдать своему же завѣдующему премію въ 1000 рублей.

Проектъ переустройства заключался въ слѣдующемъ:

1) возобновленіе и улучшеніе существующаго машиннаго зданія;

2) постановка двухъ новыхъ до 70 силъ паровыхъ машинъ съ 3 паровыми котлами и двумя насосами, способными доставить каждый по 10 т. ведеръ въ часъ;

3) устройство водонапорной башни съ дымовою трубою и съ двумя водонапорными трубами;

4) устройство желѣзнаго уравнительнаго водоема въ зданіи городского резервуара;

5) устройство резервуара въ новой слободкѣ;

6) перемѣна магистральныхъ водопроводныхъ трубъ и развѣтленіе существующей сѣти трубъ.

Всѣ эти работы были исчислены въ 217 т. руб.**)

Пока шло награжденіе за составленіе проекта—водопроводъ разрушался и разрушался.

Такъ въ 1881 году жители подпускались къ водоразборнымъ кранамъ два раза въ годъ, а городскіе садики оставались вовсе безъ воды ***). Въ 1882 году дѣйствіе водопровода приостановилось на четыре дня

*) Орен. Лист. 1878. № 11.

**) Орен. Лист. 1880. № 7.

***) Орен. Лист. 1881. № 28.

съ 10 ноября, такъ какъ труба засорилась иломъ, щепкою и всякимъ мусоромъ *).

Въ заседаніи 19 марта 1880 г. дума между прочимъ постановила образовать акціонерную компанію, которой и слать водопроводъ—но компанія не составлялась. Дума еще нѣсколько разъ возбуждала водопроводный вопросъ, хотѣла сдѣлать даже одно улучшеніе—ввести на водопроводъ нефтяное отопленіе, были назначены торги, но въ это время былъ произведенъ выборъ новаго городского головы (г. Ив. Пазарова, который повелъ дѣло переустройства водопровода энергично, по новому.

Прежде всего въ городъ Оренбургъ былъ приглашенъ для осмотра городского водопровода извѣстный специалистъ Зиминъ, который, осмотрѣвъ водопроводъ, нашелъ что ни машины, ни котлы нигде нетосятся, и что нанимать водопроводъ необходимо перенести въ хоз. въѣздъ въ пожарный. Были выбраны еще комісія, приглашаемы различные техники и т.п. 11 февраля 1888 года переустройство водопровода было сдано за 11500 руб. технику Колману, который обязался поставить: 1) два насоса Валини, два коммун., 2) три котла корновальской системы, 3) подогреватели, 4) два водонапорныхъ резервуара, каждый вместимостью въ 30 тыс. ведеръ, 5) водопроводъ трубы 500 саж., діаметромъ 10 дюймовъ, 6) паровой насосъ, 7) приспособить нефтяное отопленіе.

18 декабря 1888 года произошло освященіе переустроеннаго водопровода—и водопроводъ могъ давать до 550 тысячъ ведеръ въ сутки *). Общій расходъ на это переустройство составилъ въ 72303 руб.

31 марта 1889 г. дума расширила водопроводную сеть на 10 верст, поставила новыхъ девять башенъ и устроила 53 паровыхъ крана—эти работы стоили въ 125 т. руб.)

* Ор. Диск. 1882, № 16.

) Ор. Диск. 1888, № 52.

) Ор. Диск. 1889, № 17.

Такимъ образомъ къ 1890 году водопроводъ былъ переустроенъ, расширенъ.

Прошло 12 лѣтъ и 18 ноября 1903 года былъ снова поднятъ вопросъ о расширеніи водопровода, которое и производится нынѣ.

Какъ видно изъ предыдущаго изложенія городъ при вопросѣ о водопроводѣ задавался лишь двумя вопросами: какъ можно больше воды и какъ можно больше сѣть. Но вопросъ, какая вода, первое время мало интересовалъ городъ, а между тѣмъ этотъ вопросъ и особенно въ весеннее время является вопросомъ первой важности.

Весною городской водопроводъ даетъ воду, непригодную для питья.

Такимъ образомъ возникаетъ новый вопросъ—вопросъ о фильтрахъ: будетъ ли онъ имѣть такую же исторію, какъ вопросъ о расширеніи—конечно, неизвѣстно.

Вотъ нѣкоторыя цифры, характеризующія водопроводъ въ настоящее время:

содержаніе водопровода въ 1906 г. 33858 р. 80 к.
доходъ отъ городского водопровода 43000 р. — к.;
такимъ образомъ чистая прибыль около 10 т. р.

III.

Рядомъ съ городскимъ водопроводомъ помѣщается маленькое мизерненькое старое зданіе, въ которомъ находится музей и архивъ Архивной комисіи. рядомъ же съ этимъ зданіемъ, обширное, своеобразной архитектуры, зданіе восной гаупвахты.

Зданіе, въ которомъ нынѣ помѣщается гаупвахта, при своей постройкѣ предназначалось для генералъ-губернаторскаго архива—но архивъ покоится въ полуразрушающемся зданіи, а новое зданіе отведено подъ гаупвахту.

Какъ это случилось?—Очевидно, для гаупвахты нужно было помѣщеніе, а архивъ могъ подождать съ помѣщеніемъ. Часы на гаупвахтѣ таможнаго вѣдомства и прежде находились на гостинномъ дворѣ.

Историко-рѣчь архивная коммисія возбуждаетъ вопросъ о перенятіи ея зданія тауныхъ по-конечно, безрезультатно.

Архивная коммисія образовалась главнымъ образомъ для разработки богатѣйшаго генераль-губернаторскаго архива.

Съ другой стороны городского волонеровъ, на берегу Урала, находится Марсово поле сать разведенный учениками средне учебныхъ заведеній, здѣсь же находился дѣтская площадка общества содѣйствіи физическому развитію дѣтей.

Всѣ эти учрежденія находятся на берегу рѣки Урала. Въ заключеніе приводимъ имѣющіеся у насъ данныя о вскрытіи рѣки Урала.

1876 г. . марта	26	1891 г. . марта	27
1882 г. . апрѣля	21	1892 г. . апрѣля	12
1884 г. . апрѣля	6	1893 г. . марта	29
1885 г. . апрѣля	5	1894 г. . апрѣля	11
1887 г. . апрѣля	1	1895 г. . марта	23
1889 г. . апрѣля	3	1896 г. . апрѣля	15

Наше описаніе города закончено.

Мы ясно сознаемъ, что наша работа страдаетъ многими недостатками, но мы смотрѣли и смотримъ на нее какъ на первую попытку, какъ на матеріалъ для дальнѣйшихъ работъ.

Главнымъ основаніемъ нашей работы послужить городскій архивъ городской управы, но въ архивахъ городской архивной коммисіи хранится масса дѣтскихъ и юношескихъ богатыхъ данныя. Только послѣ описанія этихъ данныхъ возможно будетъ приступить къ болѣе подробному, точному описанію исторіи города Оренбурга и наконецъ къ исторіи Оренбургскаго края.

Дорогому отцу

Автору.